

СМЕЛНА

српски
00

СОВРЕМЕННОМУ МОТОРУ

МАСЛО
ЛУКОЙЛ

Главный редактор

Михаил Кизилев

Редколлегия:

зам. главного редактора

Борис Данюшевский

Николай Левинев

зам. главного редактора

Сергей Попов

главный художник

Виталий Федоров

Шамара Чинина

Литературно-
Художественный
Иллюстрированный
Журнал

Основан
в январе
1924 года.

'99
январь (1611)

Сдано в набор 4.12.98
Подписано к печати 23.12.98
Бумага офсетная.
Печать офсетная.
Заказ №2
Тираж 50 000 экз.
Цена свободная
101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14.
212-15-07 — для справок.
250-29-39 — отдел реализации.
Факс (095) 250-59-28.
Журнал зарегистрирован
в Комитете Российской
Федерации по печати.
Reg. № 014832

Учредитель —
ООО "Издательский дом
журнала "Смена".

Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.
Набор, верстка и цветоделение
ЗАО "НИИ НИТ"

Отпечатано в типографии
ОАО ПО "Пресса-1"
В случае полиграфического брака
обращаться в типографию
ОАО ПО "Пресса-1"
257-42-29
257-41-03

Журнал выходит
12 раз в год.

© "Смена", 1999.

40 *Алексей Варламов*
**ГЕНТСКИЙ АЛТАРЬ.
 БРЕМЕНСКИЕ
 МУЗЫКАНТЫ**
 Рассказы

170 *Рут Ренделл*
ПОЙМАН ВРАСПЛОХ
 Детектив

16 *Шалва Амонашвили:*
**"СМЕЯТЬСЯ И
 ПЛАКАТЬ ВМЕСТЕ
 С ДЕТЬМИ"**

28 *Феликс Свешников*
**РУССКИЕ СЕЗОНЫ
 В ГИМАЛАЯХ**

68 *Сергей Устинов*
ВЗРЫВНАЯ ВОЛНА

98 *Олег Дзюба*
ЗАКУСОН

130 *Светлана
 Бестужева-Лада*
БОКАЛ ТОСКИ

144 *Майя Орлова*
**"ИВ СЕН-ЛОРАН,
 СШЕЙ МНЕ
 САРАФАН"**

262 *Василий Песков*
С ОРЛОМ В САЯНАХ

274 *Андрей Борзенко*
**О НЕСТРЕЛЯЮЩЕМ
 "ВИНЧЕСТЕРЕ" И
 БЕСХВОСТОЙ
 "МЫШИ"**

В НОМЕРЕ: январь '99

стр. 154

- 8 **"ПУШКИН —
ЭТО НАШЕ ВСЕ"**
Литературная викторина

58 *Феннадий Сухин*
ВСЕНАРОДНЫЙ

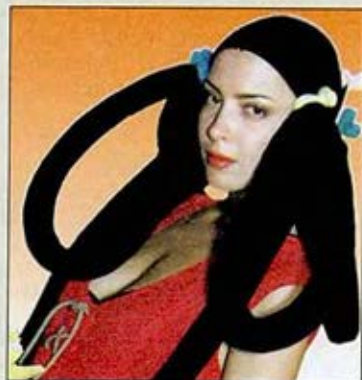
- 84 *Игорь Золотуцкий*
**НА ПЕРЕКРЕСТКЕ
ЭПОХ: ТОЛСТОЙ И
ЧЕХОВ**

- 108 *Лилия Байрамова*
ЭНГР

- 124 *Игорь Николаев*
**"МОЙ МИР
НЕПРИКОСНОВЕНЕН"**

- 154 *Любовь Русева*
**БРАТЬЯ —
НАСЛЕДНИКИ**

- 287 *Людмила Кандалова*
**ЕЛЕНА
ПОНОМАРЕНКО**

стр. 144

- 65 *Сергей Фонтаренко*

*Николай
Леонов*

**"КОЗЫРНЫЕ
ВАЛЕТЫ"**

...В центре Москвы убиты два полковника милиции. Расследованием занялись одновременно уголовный розыск и ФСБ, ведь один из убитых — зять крупного чиновника в администрации Президента. Что это? Политическое или уголовное преступление? Расследование поручено следователю по особо важным делам полковнику Льву Гурову...

*Грегори
Макдональд*
СКАЙЛАР

Современный американский писатель Грегори Макдональд известен нашим читателям как автор детективных романов о полюбившемся всем журналисте Ирвине Флетче. Но серия о Флетче закончена. И появился новый герой — забавный сельский парень Скайлар. С одним из первых романов этой серии мы и хотим вас познакомить.

Февраль '99

АНОНС:

"СМЕНЕ" - три

Номер, который вы, дорогие друзья, держите — по счету 1611-й. А первый вышел ровно 75 лет назад, в январе 1924 года.

Одна из дорогих реликвий в нашей редакции — подшивки "Смены" за все годы существования журнала. Листая старые страницы, всматриваясь в лица на фотографиях, словно в машине времени возвращаешься в прошлое — из фрагментов складывается портрет эпохи. По поводу эпохи — не преувеличение. Великая и драматичная — без четверти весь XX век, — она отразилась в грандиозном kaleidoscope очерков и репортажей корреспондентов "Смены".

Да, журнал — прежде всего летописец, и не было в жизни страны сколько-нибудь значительного события, не нашедшего отражения на наших страницах. Выездные редакции рассказывали о великих стройках и рождении городов, освоении новых месторождений и трансконтинентальных перелетах. Но каждый новый адрес — это прежде всего повод познакомиться читателя с сильными, умными, замечательными людьми. А ведь они, эти люди — наши отцы и деды. Мы не можем относиться к ним без уважения.

В центре внимания журнала — человек. Человек талантливый. Создающий. Мы знаем, что именно такие люди построили и отстаивали великую страну. Мы верим, что именно такие люди, и прежде всего молодые, ее возродят.

В дни юбилея отдаем особую дань уважения нескольким поколениям журналистов, чьим трудом "Смена" стала одним из самых популярных литературно-художественных изданий. Признательны мы и нашим авторам — писателям, публицистам, поэтам. Гордимся, что авторами "Смены" были А. Толстой и Горький, Натаев и Шукшин, Максимов и Нагибин. Именно здесь опубликовал один из своих первых рассказов Шолохов. И именно за наш журнал агитировал в 20-е годы Маяковский:

Еще шагать далеко,
надо взять

не одну стену!

Будь готов

сменить стариков,

читай журнал "Смену".

Мы рады, что среди верных друзей сегодняшней "Смены" немало одаренных молодых литераторов.

А самый глубокий поклон вам, дорогие читатели. Ваша стойкая любовь, ваша симпатия помогают журналу преодолеть трудности, которых — вы это прекрасно знаете — немало было в последние годы.

Юбилей — повод оглянуться назад, добрым словом вспомнить прошлое. Но жизнь неостановима. Вот и мы в "Смене" строим новые планы и стремимся их осуществлять. Начавшийся год — не исключение. Перед вами номер вновь отличный от предыдущих. Надеемся, он не разочарует вас. Впрочем, судить вам, нашим друзьям и доброжелательным критикам.

...Время взятия крепостных стен, кажется, уходит. Надеемся, что навсегда. А вот шагать "Смене" еще далеко. Так пойдемте вместе!

Ваша "Смена"

ЧЕТВЕРТИ ВЕКА...

От имени Правительства Москвы сердечно поздравляю журналистов, авторов и читателей журнала "Смена" с 75-летием со дня выхода в свет первого номера журнала.

На протяжении всей своей истории журнал страстно и убежденно воспевал участие молодежи в строительстве новой жизни, воспитывал у нее стремление к подвигу, к героике, к трудовым свершениям во имя процветания Родины.

Я хорошо помню, как в юношеские годы зачитывался публикуемыми на страницах "Смены" произведениями молодых тогда писателей, ставших впоследствии классиками нашей литературы, и это чтение оставило во мне глубокий нравственный след, помогло войти в высокий мир прекрасного.

В день 75-летия "Смены" желаю вам, дорогие друзья, новых творческих успехов и художественных открытий.

Пусть "Смена" и впредь остается значительным достоянием нашей журналистики и отечественной культуры.

Юрий Лужков,
Мэр Москвы

Сердечно поздравляю всех сотрудников "Смены" со знаменательным юбилеем.

Все эти годы журнал пользуется репутацией серьезного, вдумчивого, интеллигентного, с художественной точки зрения идеального издания. Знаю не понаслышке, с каким интересом читают "Смену" на нефтепромыслах и в вахтовых поселках, черпая из Ваших публикаций и сведения чисто профессионального характера, и ответы на многие вопросы повседневной жизни, получая при этом адровый импульс для работы сердца и души.

Вместе с Вами, дорогие друзья, радуемся Вашему юбилею и жалаем Вам доброго адровья, творческого долголетия и благополучия.

Вагит Алекперов,
Президент АО "ЛУКОЙЛ"

С давних пор я преданно люблю этот журнал. Особенно с того незабвенного дня, когда "Смену" с публикацией моей "Мадонны" мне принесли в больницу, где я переживала свой первый инфаркт. Открыв нужную страницу, я увидела свой рассказ с прекрасной иллюстрацией и душа моя удивилась приятно. И думаю, эта публикация явилась для меня тогда самым лучшим и надежным лекарством — я до сих пор живу, люблюсь белым светом и не устаю благодарить дорогую "Смену" и всегда желаю, чтобы журнал "не угас", был бы интересным и нужным для читателей.

Поздравляю с юбилеем и говорю Спасибо!

Мария Астафьева-Корякина

*Всем вместе нам даже больше,
лет 75!*

Всегда с благодарностью и теплом в сердце вспоминаю старейший русский журнал, который не только напечатал меня первым, но и пригрозил, помогая с устройством в редкие мои приезды в Москву, дал творческую командировку на новостройки Сибири и всегда был для меня гостеприимным домом, в котором искренне радовались мне, поддерживали словом и делом, печатая на своих страницах и откликаясь напутственными отеческими откликами на то, что я печатал в толстых журналах.

Глядя, как сейчас бесприютно живет и может начать начинающим писателям, я с сожалением отмечаю, что добрые традиции "Смены" никак не поддержаны и не продолжены. Волтовни о помощи культуре много, а вот приветить молодого писателя и, тем более, следить за ним, помогать ему встать на ноги — некому.

У нас, в России, сейчас особенно отчетливо проявляется стремление любить человека, культуру вообще, а вот про отдельно-го человека, да еще переживающего свое "творческое детство" литератора нет никому дела, поэтому еще и еще я кланяюсь в год юбилея "Смене" и добрым словом поминую тех, кто меня в ней истинно любил, пестовал и отправлял "в дальнее плавание".

Виктор Астафьев

В. Астафьев

*Конкурс Знакоков
творчества поэта*

1999 год — знаменательный для русской и мировой литературы: мы празднуем 200-летие со дня рождения Александра Сергеевича Пушкина. Будут торжества, на которых пушкинская лира зазвучит во весь голос, и этот голос, мы уверены, услышат миллионы почитателей поэта. Нам очень хочется, чтобы и читатели “Смены” не остались в стороне от пушкинского праздника, поэтому предлагаем всем, кто любит, знает, изучает Пушкина и все, что связано с его жизнью и творчеством, принять участие в литературной викторине. Подводить итоги и определять победителей, которых ожидают ценные призы (подарочные издания и альбомы по искусству), редакционное жюри будет в № 6 “Смены”, а это значит, что ответы на вопросы викторины вам надо прислать не позднее 20 марта с.г.

*Желаем
всем
творческих
успехов!*

“ПУШКИН-
ЭТО

НАШЕ ВСЕ”

1. Кто из современников Пушкина, переживших его, так писал о поэте:

— "...по душе его проходили те образы, изучение которых зарождает в нас мысль, что он один мог бы подарить нас и народной драмой, и народной эпопеей";

— "Несмотря на свое французское воспитание, Пушкин был не только самым талантливым, но и самым русским человеком своего времени";

— "Самая сущность, все свойства его поэзии совпадают со свойствами, сущностью нашего народа" — ?

2. Кому из поэтов XIX века, друзей и соратников Пушкина, принадлежат эти поэтические суждения о нем:

а) "...Байрона гений, иль Гете, Шекспира,
Гений их неба, их нравов, их стран —
Ты же, постигнувший таинства русского духа и мира,
Пой нам по-своему, русский баян!

Небом родным вдохновенный,
Будь на Руси ты певец несравненный". — ?

б) "Пушкин! Он и в лесах не укроется:
Лира выдаст его громким пением.
И от смертных восхитит бессмертного
Аполлон на Олимп торжествующий". — ?

в) Смолк шорох благозвучных крыл,
Твоих волшебных песнопений.
На небо отлетел твой гений...
Гордись! Никто небу не равен,
Никто из сверстников-певцов:
Не меркнешь ты во мгле веков, —
В веках тебе клевет Державин". — ?

3. Кому из поэтов XX века принадлежат эти строки:

а) "К пушкинскому юбилею
Тоже речь произнесем:
Всех румяней и смуглее
До сих пор на свете всем.
Всех живучей и живее!
Пушкин — в роли мавзолея?..
Уши лопнули от вопля:
"Перед Пушкиным во фронт!"
А куда девали пекло
Губ, куда девали бунт
Пушкинский? Уст окаянство?
Пушкин — в меру пушкиньянца!..
Преодоление
Косности русской —
Пушкинский гений? —
Пушкинский мускул". — ?

б) *“Он победил и время и пространство. Говорят: пушкинская эпоха, пушкинский Петербург. И это уже к литературе прямого отношения не имеет, это что-то совсем другое... Про ... великолепные дворцы и особняки говорят: здесь бывал Пушкин — или: здесь не бывал Пушкин. Все остальное никому не интересно...”*

Стихи Пушкина дарили детям русский язык в совершенном его великолепии..., который ... будет при них как вечная драгоценность...”

в) *“Пушкина я по-настоящему открыл для себя поздно, лет в 40 ... в сорок лет почувствовал я Пушкина и стал перечитывать его другими глазами. Как стихи моего близкого, хорошо знакомого, как стихи дорогого мне человека, чья трагедия аукнулась во мне очень сильно. Я вижу в Пушкине для себя идеал. Он недостижим, но важно стремление приблизиться к нему. Среди прочих, у него есть еще одно достоинство, очень мне дорогое, которое заключается в умении смотреть на себя иронически”. — ?*

4. Кто из поэтов XIX века создал вариацию на тему “Песни о вещем Олеге”?

5. Кто удостоен Пушкинской премии за 1998 год? Как жизнь и творчество этого поэта связаны с А.С.Пушкиным?

6. Как известно, эрудиция Пушкина в истории мировой и отечественной литературы была всеобъемлющей:

а) **о чем он писал:** *“Есть книга, коей каждое слово истолковано, объяснено, проповедано во всех концах земли, применено ко всевозможным обстоятельствам жизни и происшествиям мира; из коей нельзя повторить ни единого выражения, которого не знали бы все наизусть, которое не было бы уже пословицею народов; она не заключает уже для нас ничего неизвестного; но... такова ее вечно новая прелесть, что если мы, пресыщенные миром или удрученные унынием, случайно откроем ее, то уже не в силах противиться ее сладостному увлечению и погружаемся духом в ее божественное красноречие” — ?*

б) **о каком явлении русской культуры он высказывался в разное время по-разному:** *“Это злободневно, как свежая газета”, “...не только создание великого писателя, но и подвиг честного человека” — и вместе с тем:*

*“В его “Истории” изящность, простота
Доказывают нам, без всякого пристрастья,
Необходимость самовластья
И прелести кнута”. — ?*

в) **по каким произведениям мировой культуры Пушкин создавал свои “подражания” и “сцены из...”?**

г) кто, по его мнению, "бросил односторонний взгляд на мир и природу человечества, потом отвернулся от них и погрузился в самого себя", и в каких произведениях Пушкин говорит о нем?

7. О ком из своих современников, соратников, старших и младших друзьях Пушкин писал такие строки:

а) "Его стихов пленительная сладость

Пройдет веков завистливую даль,
И, внемля им, вздохнет о славе младость,

Утешится безмолвная печаль
И резвая задумается радость" — ?

б) "Как ты шалишь, и как ты мил,

Какой избыток чувств и сил,
Какое буйство молодое!.." — ?

в) "Судьба свои дары явить желала в нем,
В счастливом баловне соединив ошибкой
Богатство, знатный род — с возвышенным умом
И простодушие с язвительной улыбкой" — ?

г) "С младенчества дух песен в нас горел,

И дивное волненье мы познали;
С младенчества две музы к нам летали,
И сладок был их лаской наш удел:

Но я любил уже рукоплесканья,
Ты, гордый, пел для муз и для души;
Свой дар как жизнь я тратил без вниманья,
Ты гений свой воспитывал в тиши..." — ?

8. Как называется стихотворение, приведенное ниже, каким годом оно датировано (именно год имеет значение) и кому адресовано:

"Бог помочь вам, друзья мои,
В заботах жизни, царской службы,
И на пирах разгульной дружбы,
И в сладких таинствах любви!
Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море,
И в мрачных пропастях земли!" — ?

9. О ком он писал и в каком произведении: "Его меланхолический характер, его озлобленный ум, его добродушие... — все в нем было необыкновенно привлекательно. Рожденный с честолюбием, равным его дарованиям, долго был он опутан сетями мелочных нужд и неизвестности. Способности человека государственного оставались без употребления: талант поэта был не признан; даже его холодная и блестящая храбрость оставалась некоторое время в подозрении... не знаю ничего завиднее последних годов бурной его жизни... Самая смерть, постиг-

шая его посреди смелого неравного боя, не имела ... ничего ужасного... Она была мгновенна и прекрасна... написать его биографию было бы делом его друзей; но замечательные люди исчезают у нас, не оставляя по себе следов. Мы ленивы и нелюбопытны". — ?

10. Из каких это произведений Пушкина:

- а) "Ты не рожден для дикой доли,
Ты для себя лишь хочешь воли!" — ?
б) "Друзья, прекрасен наш союз!
Он, как душа, неразделим и вечен" — ?
в) "К чему стадам дары свободы?
Их должно резать или стричь" — ?
г) "Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья,
Бессмертья, может быть, залог" — ?
д) "Да! Если бы все слезы, кровь и пот,
Пролитые за все, что здесь хранится,
Из недр земных все выступили вдруг,
То был бы вновь потоп —
я захлебнулся б
В моих подвалах верных" — ?
е) "Он верил, что друзья готовы
За честь его принять оковы
И что не дрогнет их рука
Разбить сосуд клеветника" — ?
ж) "Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам" — ?

11. Кто писал о героях его романа "Евгений Онегин" в XIX и XX веках:

а) "В этом объяснении высказалось все, что составляет сущность русской женщины с глубокою натурою, развитою обществом, — все: и пламенная страсть, и задушевность простого, искреннего чувства, и чистота, и святость наивных движений благородной натуры, и резонерство, и оскорбленное самолюбие, и тщеславие добродетелью, под которою замаскирована рабская боязнь общественного мнения... Основная мысль упреков Татьяны состоит в убеждении, что Онегин потому только не полюбил ее тогда, что в этом не было для него очарования соблазна; а теперь его приводит к ее ногам жажда скандальной славы... Во всем так и пробивается страх за свою добродетель... Татьяна не любит света и за счастье пошла бы навсегда оставить его для деревни. Но пока она в свете, его мнение всегда будет ее идеалом". — ?

б) "Нет, это та же Таня, та же прежняя деревенская Таня! Она не испорчена, она, напротив, удручена этою пышною петербургскою жизнью, надломлена и страдает... И вот она твердо говорит Онегину:

Но я другому отдана и буду век ему верна.

Высказала она это именно как русская женщина, в этом ее апофеоза... Потому ли она отказалась идти за ним, что... не способна на смелый шаг, не в силах порвать свои путы, не в силах пожертвовать обаянием почестей, богатства, светского своего значения, условиями добродетели? Нет, русская женщина смела. Русская женщина смело пойдет за тем, во что поверит. Но она "другому отдана и будет век ему верна". Кому же, чему же верна? Каким это обязанностям?.. Пусть она вышла за него с отчаяния, но теперь он ее муж, измена ее покрывает его позором, стыдом и убьет его."

в) "...оба они, Ленский и Онегин, совершенно ошалели от безделья и от мертвящей скуки... . Плоды учености этого господина (Ленского — Ф.Н.) были, по всей вероятности, никуда не годны... Он... помышлял только о том, чтобы поскорее жениться на Ольге Лариной, наплодить побольше детей... . Евгений Онегин не что иное, как Митрофанушка Простаков, причисленный и завитой по моде 20-х годов XIX столетия." — ?

12. Кто из известных артистов, воссоздав на телевидении "Графа Нулина" и "Домик в Коломне" Пушкина, приняв участие в телеспектакле по его "Маленьким трагедиям" и многочисленных учебных передачах, готовится показать к юбилею на телеэкране всего "Евгения Онегина"?

13. Кто автор книги "Пушкин" в серии "Жизнь замечательных людей"? Какие еще книги о Пушкине написаны им и как они называются?

14. Кто почти десятилетие работал над романом о Пушкине, а также написал статьи "Пушкин и его современники", "Мнимый Пушкин", "Пушкин и архаисты", "Пушкин и Тютчев"?

15. Кто начал писать новеллы и книги о Пушкине в возрасте 70 лет?

16. Какой артист имел большой успех, выступая в роли Пушкина в пьесе в стихах до последних лет своей сценической жизни?

17. Какие мастера художественного слова прославились исполнением произведений Пушкина на литературной эстраде?

18. Кому принадлежит эта характеристика Пушкина:

“При имени Пушкина тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте... в нем, как будто в лексиконе, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее раздвинул ему границы и более показал все его пространство. Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа... это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет”. — ?

19. Кому принадлежат знаменитые слова: “Пушкин — это наше все”?

Составил

Феликс НОДЕЛЬ

В оформлении использован рисунок Геннадия Новикова из книги “Бывают странные сближения...”, выходящей в издательстве “Терра-Спорт”.

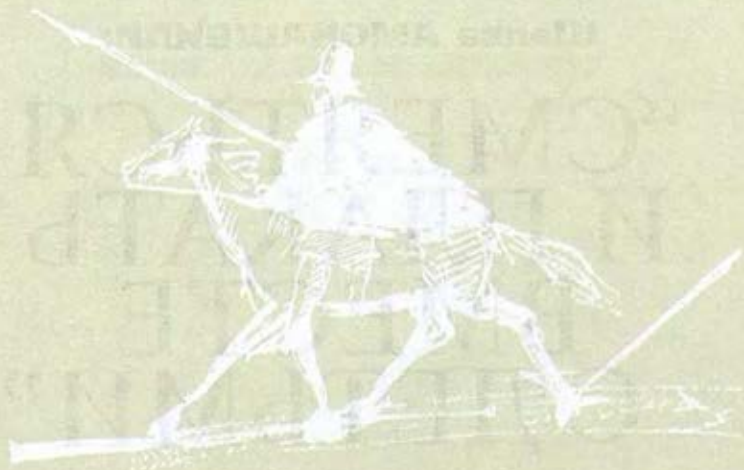

фото Игоря Яковлева

Шалва АМОНАШВИЛИ:

**“СМЕЯТЬСЯ
И ПЛАКАТЬ
ВМЕСТЕ
С ДЕТЬМИ”**

Дмитрий ШЕВАРОВ

В конце семидесятых — начале восьмидесятых имя Шалвы Амонашвили было так же известно, как и имена других педагогических звезд — Шаталова, Ильина, Лысенковой, Щетинина. Но в последние годы интерес к тому, что происходит в педагогике, заметно угас. Педагогов-новаторов, в защиту которых активно выступала пресса, теперь никто не гонит. Их просто забыли. А Шалва Амонашвили работает сейчас больше и плодотворнее, чем двадцать лет назад. Профессор Тбилисского педагогического университета и руководитель лаборатории гуманитарной педагогики при Московском городском университете преподает в Тбилиси и Москве. В Тбилиси живут его сын и внучка, в Москве — дочь и внуки. А ученики — от Калининграда до Владивостока. Классы и школы гуманитарной педагогики созданы в двух десятках городов. Особенно любят Амонашвили в Сибири. Тюменский университет избрал его своим почетным профессором.

Шет пятнадцать назад, когда я еще был студентом, мне попала в руки тоненькая книга "Здравствуйте, дети". Если бы сейчас меня спросили, о чем она, я ничего не смог бы рассказать. Но и от самой книги и даже от имени автора на обложке осталось ощущение белизны, домашнего света. Как будто сидишь на свежесмытом широком подошнике и смотришь в окно на летний двор.

Я вспомнил об этом, когда совсем недавно познакомился с автором той книжки, седым невысоким человеком, чья обаятельная,

мягкая улыбка была мне знакома по фотографиям. Я подумал тогда о том, что есть люди утренние, есть вечерние, а есть полуденные. Амонашвили — человек ясного летнего дня, когда все наполнено светом, теплом, покоем. Когда еще не кончились наникулы.

Шалва Амонашвили, сын погибшего на фронте директора тбилисской типографии, мечтал о карьере журналиста или дипломата, окончил востановочный факультет университета. Еще будучи студентом начинает подрабатывать пионервожатым в школе.

Вместе со старшенклассниками увлекается трудами Манаренно, пытается осуществить некоторые его идеи. В тбилисской школе № 10 открывает в 1964 году первый экспериментальный класс. Впервые в СССР ведет своих учеников до десятого класса без отметок, по разработанным им самим принципам гуманного подхода. Отношение республиканских министров образования меняется от сдержанной поддержки до прямой травли и запретов на преподавание по методике Амонашвили. После выхода постановления о закрытии лаборатории гуманной педагогики Амонашвили находит-ся на грани самоубийства. Ему предлагают уехать работать на Кубу. Он отказывается и продолжает бороться за свою школу и свой метод.

В конце 80-х Шалва Амонашвили — один из самых авторитетных людей в республике. Он становится делегатом I съезда народных депутатов СССР. Его выступление на съезде после трагических событий в Тбилиси слушала вся страна...

— Шалва Александрович, вы прорвались на трибуну, чтобы сказать правду?

— Я не прорывался, я должен был выступать по проблемам образования и знал об этом дня за три-четыре. Писал текст для выступления, а тут события в Тбилиси. Бросил все, улетел туда. Видел погибших детей, молодых людей. Был в семьях на панихидах. Тяжело об этом вспоминать. Вернулся в Москву с убеждением, что выступать не буду, не могу. Как я заберусь на трибуну и буду говорить, что образование нам нужно

такое и такое, а в Грузии ждут, что грузин скажет о случившейся трагедии. Я послал Луньянову записку с отказом от выступления. Но вот недоразумение: мою фамилию все-таки объявили.

Текст, который я пытался бросить, остался в гостинице. Прикинул, что до выступления остается двадцать минут и побегал в гостиницу "Россия". Не помню, как бежал и как вернулся... С трибуны сказал, что единственная возможность сохранить Союз — наша духовная общность. Если будем ругать друг друга, произносить скверные слова, скоро разойдемся. Но грузины останутся грузинами, сказал я. Если к нам приедут гости из России, из других республик, то все равно за нашим столом будет и чача, и много закуски. Мы, грузины, принимаем так всегда.

— А про школу вы совсем не говорили?

— Нет, я сказал, что без воспитания духовности школа теряет свое назначение. Если школа русская, то там должна быть воспитана русская духовность, если грузинская школа, то она должна быть пронизана грузинской культурой... Мне много раз аплодировали, пока я говорил.

— Но политику вас не услышали.

— Да, Союз не убергли, но я верю, что пройдут годы, и нормально будем жить. Не могут народы, которые так долго и мирно жили вместе, просто так расстаться. У нас одна религия и множество духовных связей. После Тбилиси для меня Москва — самый любимый город. Когда-то она меня спасла. Вернее, люди, которые живут в Москве... Куда бы я ни приехал в России, меня принимают как своего.

— Не чувствуете “железного занавеса”?

— Нет, что вы! Может, этот занавес есть между политиками, но между простыми людьми — только доброта, любовь. Как-то в Перми после семинара ко мне подходит старая женщина с дочкой, и дочка уже в летах, она ведет свою маму, а та протягивает мне дрожащими руками что-то завернутое в бумагу. Вам, говорит, сейчас в Грузии плохо, а это икона, которая защищает Грузию. Я раскрываю сверток, а там святой Георгий, покровитель Грузии. Старинная русская эмаль, редность большая. Я говорю, что не могу это взять. “Как же не можете, — огорчается женщина, — я жила в Грузии и люблю ее. Сейчас она страдает очень, берите, я вас прошу, эта икона должна быть у вас...” Еще она подарила мне изумительные открытки с видами старого Тбилиси, выпущенные в начале века. Я опять отказываюсь, снова обе просят: возьмите, не обижайте нас... Вот после этого как я могу не ценить русских?..

— *Сегодня Грузия живет трудно...*

— Особенно тяжело зимой. В самые холодные месяцы школы не работают, потому что нет отопления. Люди, которые живут на земле, бедствуют. Виноград уже не так ценится, не закупается, а если и закупается, то за гроши. А растить виноград — это же труд неимоверный! Вот придет град и уничтожит все. И в таких условиях государство бросило крестьянина. Многие молодые ребята уезжают, бросают землю, ищут счастье на стороне.

— *Как-то наш президент давал задание своим советникам: найдите*

национальную идею. Вот найдем и будем жить хорошо...

— Она есть, зачем искать? Это русская духовность, это православие, которое роднит Россию с Грузией. Вот что надо уберечь и развить. А пересадить идею откуда-нибудь из Австралии — смешно. Это все равно, что пересадить куда-нибудь наш виноград Хванчнара — он не приживется. А если и приживется, это будет не Хванчнара. Что-то другое будет, с другим запахом, с другим цветом, другим вкусом. Может, лучше, но не то... Так же и с педагогикой. Очень опасно, когда Грузия или Россия импортируют школы. Завозят и культивируют, допустим, систему Ховарда или вальдорфскую школу. Пусть эта школа цветет там, где она зародилась, в Германии. Это школа немецкой духовности, и создатель ее, Штайнер — истинный немец. А у России есть Бердяев, философ, чьи мысли для педагогики не менее плодотворны, чем мысли Штайнера. Так бери эти мысли и устраивай русскую школу. А идеи Ивана Ильина, его мудрость, его концепция школы — почему их не востребовать? Я полагаю, что каждая школа должна нести дух народа, его самобытность.

Самое удивительное в доме Амонашвили — ласточки. Пона мы говорили на веранде, они много раз мелькали мимо нас острой тенью. Может быть, это была всего лишь одна ласточка. Она влетала в открытые двери дома и скрывалась в гнезде под потолком. Никогда не видел, чтобы ласточки жили прямо в доме у человека. Под крышей — другое дело, но тут гнездо было слеплено внутри дома.

Шалва Александрович заметно гордится таким соседством. Рассказывает, что нынче зимой оно было нарушено чужими людьми — воры забрались в дом и, не найдя ничего ценного, сорвали со стен репродукции французских импрессионистов и палкой сломали ласточкино гнездо. Амонашвили боялся, что ласточки уже никогда к нему не вернуться, не простят. Им же не станешь рассказывать про воров...

Но ласточки вернулись. Они слепили гнездо на старом месте, вырастили птенцов и вот собирались к отлету в Африку, сновали со двора к гнезду и обратно.

— Мне показалось, что в вашей педагогической системе нет понятия наказания...

— Я избегаю этого понятия, потому что вкладываю в него свое восприятие, которое не совпадает с общепринятым. Наказанием я не могу считать ни крик, ни лишение обеда, ни шлепок, ни пощечину. Это империализм взрослого. Ребенок должен быть наказан за плохой поступок, но только тогда, когда он сам принимает наказание. Я строю высокий духовный образ моего ребенка, ученика, а он своим поступком невольно нарушает нашу постройку. И тогда я говорю ему: ты замечательный, прекрасный, добрый, я люблю тебя, ты не мог такого совершить. Я буду общаться с высоким образом ребенка, а самому ребенку скажу: "Не хочешь с тобой разговаривать в течение дня или недели". Это требует терпеливого исполнения. Зато как радостно мы будем потом общаться, шептаться и восхищаться друг другом...

— Иногда семейные ссоры, драмы и даже трагедии происходят оттого, что эмоции взрослого человека взрываются. Он принимает немедленное решение — наказать, высечь, выгнать...

— Я сейчас вспомнил одну историю. Мой сын как-то сильно нагрубил своей маме, моей жене. Она заплакала. Бабушка вмешалась. Скандал в семье. А я сижу за столом, работаю и думаю: как мне сейчас быть? Выйти и накричать, сказать: "Извинись сейчас же!" Он бы извинился. Но я подумал, что это не решение проблемы. Проходит неделя, сын занят чем-то, я ему говорю: "Что ты сейчас делаешь?" — "Задачи решаю". — "А кому они нужны, твои задачи?" — "Не знаю, учительнице, наверное..." Ну, раз так, пойдем со мной, у меня дело к тебе, мужской разговор. Идем в парк, был март, прохладно, сели там на скамейку и я говорю: "Ты понимаешь, мне помощь твоя нужна... Я, было время, влюбился в девушку и обещал ей, что если она выйдет за меня, то я ее всегда буду беречь и не давать в обиду..." И что дальше, говорит сын, правильно, надо защищать. "И ты бы так сделал?" — "Конечно..." — "Так вот, объясни, что мне делать со своим сыном, который обижает мою любимую женщину? Я не знаю..." Он задумался, потом говорит: "Накажи меня". — "Ну и что из этого получится, что я накажу тебя? Давай иначе договоримся. Раньше был один мужчина в семье, теперь нас двое, давай помоги... У тебя мама, сестренка, бабушка... Они женщины, а мы мужчины, будь мне помощником..."

Вот таких историй много было в нашей жизни. И каждый раз

принцип терпения мне помогал. Если мы в раздражении, мы не в состоянии что-либо положительно решить в воспитании.

— Срываясь, мы оправдываем себя тем, что нервные времена, у многих на работе неприятности, а то и вовсе работа потеряна...

— В таких условиях надо еще больше ценить добрые отношения в семье. Если вам плохо, поделитесь трудностями с детьми, не скрывайте этого. Так будет легче и вам, и детям. Пусть они посмотрят на вас как на больных, которым нужны ласка, ухаживание.

— Иногда нам кажется, что поглядеть, приласкать сына или дочку — это уже баловство, надо сдерживаться...

— Зачем человеку руки? Только чтобы трудиться или ложку брать? Руки должны уметь ласкать. Поэтому я и призываю учителей проводить уроки о руках. Что умеют руки? Давайте думать об этом. Твои руки и ты. Вот вернешься сегодня домой, что они будут делать?.. Руки передают тепло сердца, человек растет в этой теплоте. Детей надо баловать.

— “Балуите своих детей — вы не знаете, что их ждет впереди...” Это из Набокова. Если вспомнить нашу историю, то правота писателя кажется несомненной.

— Нормальная обстановка, достаток — это никогда не испортит ребенка, если отношение к собственности в семье разумное. Если собственность помогает творить, создавать, делать добро, то у нее уже другое, нематериальное назначение, другое название. Так же и с баловством — что мы вкладываем в это понятие? Поощрение капризов или снисходительность к шалостям? Пусть шалют дети. Для

меня шалость — это мудрость ребенка. Сегодня эта мудрость проявляется так, а завтра она проявляется в творчестве. Творческий человек тоже шалун. Чтобы ребенок был жизнерадостным и сообразительным, я должен принимать его как шалуна. Но надо смотреть, чтобы дети своей шалостью не причинили зла ни себе, ни другим.

— Однажды учительница записала мне в дневник: “Смеялся на уроке”. Очевидно, я не к месту засмеялся. Может быть, даже этим урок испортил. А у вас дети смеются на уроках?”

— Если не смеются, их надо смешить. Если надо смеяться, то смейся и ты, учитель, от души. Если надо плакать, плачь. В третьем классе мы читаем “Маленького принца”, потом возвращаемся к нему в пятом, в девятом. Как читать Экзюпери без слез, без огорчения, без сочувствия?! И спрашивать не надо, и заставлять учить не надо, а вот читай, учитель, читай, возвращайся, отложи программный материал и улыбайся, и плачь вместе с детьми. Это так просто...

— Вы сказали, что в детстве вас не наказывали, но...

— Но это не моя заслуга. Я доставлял своим близким немало горьких минут. Однажды, мне было лет двенадцать, я нашел в дедушкином винограднике ствол от охотничьего ружья. Взял дядин порох, засыпал его в ствол, потом туда же камней насыпал до предела. Зашел в курятник, заперся там, положил ствол на камень и поднес горящую палку, которую до того взял из камина. Грохот был невероятный! Нуры на меня посыпались, я вывалился из

нурятника прямо в бабушкины руки. Она прижала меня к себе и все повторяла: "Если бы с тобой что-то случилось, как же я... Если бы... как же я?.." Она могла бы меня ругать, могла прогнать и была бы права. Но она только повторяла: "Если бы с тобой что-то случилось, как бы я могла жить?.." И плачет, плачет. А я, прижавшись к ней, слышу, как сердце у бабушки бьется часто-часто и тепло.

— После ухода отца на фронт вас воспитывала бабушка?

— Мама и бабушка. На каникулах я жил у бабушки с дедушкой. Он был строителем, и я лю-

бил быть с ним, когда он что-то строил. Он был очень разговорчивым, а когда играл на чонгури и пел, то сидеть с ним рядом было просто наслаждением. Если я когда-нибудь напишу учебник по педагогике, там обязательно будет глава о бабушках и дедушках, о воспитателях высшего уровня.

— По-моему, знание того, что у тебя есть дед и бабушка — это какая-то защитная сила для ребенка.

— Огромная! У нас есть такая пословица: "Сын прошел через сердце, а внук через сердце сердца..."

— Это словно о маме дедушке. Я сразу его вспомнил. Он говорил мне: “Сыночка...”

— А я зову своих в н у к о в братьями. Мы договорились, создали братство: я и они. Потом приняли их отца. И чуть что, я им говорю: “Слушай, ты же мне брат, зачем ты так делаешь?” И все, реш а е т с я проблема. О б ы ч н о

они меня зовут дедушкой, но если дело серьезное, они говорят: “Дедушка, ты же мне брат...” Конечно, это пройдет, но чувство братства останется. Как осталось мое чувство к моему деревенскому дедушке.

— Деревенское воспитание сейчас считается слишком консервативным, им почему-то интересуются только этнографы, фольклористы, а ведь это целый педагогический мир...

— Деревня сохранила больше чистоты. И нравственность там более устойчива. Это относится и к грузинской, и к русской деревне. Я был в Сибири, на Урале...

Честность, правдивость, преданность — эти глубинные ценности сохраняются. А город дает внешний этикет — улыбнуться, пожать руку... Очень жаль, что сейчас у сельской школы все меньше возможностей дать качественное образование. Я когда-то хотел открыть институт в своем селе Бушети. Даже назвал его академией педагогической мудрости. Нашел место, получил лицензию. Но потом увидел, что профессора из Тбилиси не могут сюда приезжать, все-таки 160 километров — далеко.

— Ваша педагогика строится на интуиции и сердечном опыте, важнее всех методик здесь оказывается биография учителя до того момента, когда он встретился с ребенком.

— Да-да, очень важно, чтобы я предстал перед детьми вместе со своим детством. И я ходил в коротких штанишках, и со мной бывали такие случаи, и я влюблялся, был счастлив и несчастлив...

— А что такое счастье?

— Вы не задаете мне легких вопросов, Дмитрий. Вот вы приехали ко мне, и мне не важно, будете вы обо мне писать или нет. У меня есть гость, и я счастлив. Буду скучать, когда вы уедете. Вот сейчас дети там шумят — и я счастлив. Будет глухота, тишина — буду беспокоиться. Что такое счастье? Это, наверное, внутреннее общение, одиночество. Если не умею переживать внутри себя радости, большие и маленькие, — как я найду счастье? Я счастлив, когда завершаю книгу, когда мне говорят, что она кому-то помогла. Однажды мне дети написали на доске: “Спасибо, учитель...” Я увидел, и мне плакать захотелось, по-

бениал в пустой кабинет, чтобы не увидели. Счастлив, когда у меня есть трудные проблемы и я их преодолеваю. И еще думаю: счастье наступает все-таки не тогда, когда ты его вроде бы переживаешь, а когда осмысливаешь издалека эти минуты.

— Как вы думаете, ваша педагогика помогает детям стать счастливыми людьми потом, во взрослой жизни?

— Мне хотелось бы в это верить. Без такой веры мне трудно было бы работать... Но здесь нет одного ответа, за всех детей... Один мальчик из нашего класса стал прорабом, женился (это было еще в 70-е годы). При встрече я спросил его: как дела? Он говорит: плохо. Надо в смете мухлевать, а я не могу. Проходит время, его выгоняют с работы. Он находит другую, такую же, на стройке, и там происходит то же самое. И когда он перешел на третью работу, у меня там был знакомый, я спросил его о своем ученике: ну, как он у вас? А знакомый говорит: он какой-то странный, вы же сами знаете, как сейчас нужно жить, раз он ваш ученик, промойте ему мозги... Однажды его обругали при всех на стройплощадке, он не выдержал, скончался от разрыва сердца. Когда вспоминаю об этом, часто ставлю себе вопрос — нужна ли гуманная педагогика, надо ли вообще воспитывать благородных людей?..

— Мне тоже хотелось вас об этом спросить. Всем приходится сейчас нелегко, но вашим выпускникам, мне кажется, труднее всего. Они сами не говорили вам, что вот вы готовили нас к одной жизни, а мы получили совсем другую, где нужны иные качества?

— Да, у них сложная жизнь, но они принимают нравственную позицию как норму. Школа не имеет права воспитывать приспособленцев, в противном случае она просто губит поколение. Разумеется, каждый имеет право жить в достатке, по-человечески, но он не имеет права красть, хамить, брать то, что ему не принадлежит, как сейчас это часто происходит и в Грузии, и в России.

Прошло уже несколько недель после моего возвращения из Грузии, но я все не могу забыть историю про юношу, сердце которого не выдержало обмана, подлости, оскорблений. И мне до сих пор кажется, что ни Шалва Александрович, ни я, никто не нашел ответа на вопрос: стоит ли воспитывать благородного человека, если мир за стенами школы не только не ждет такого человека, а встречает его в штаны, часто с ненавистью?

Помню, лет десять назад, безутешные матери погибших ребят-афганцев говорили мне: "Зачем мы их вырастили честными, добрыми, бескорыстными?... Кто нам их вернет теперь?.." Я отвлекал их разговорами на какие-то посторонние, случайные темы, прощался, обещал позвонить, а когда возвращался домой, то садился за машинку, писал заметки о своих погибших ровесниках — о том, какие они были честные, добрые, бескорыстные... Заметки, хотя и покалеченные военной цензурой, исправно выходили. Матери читали, планали, а потом, слонив газету куда-нибудь за черную рамку с портретом, снова спрашивали меня: "За что их убили?.."

А потом была Чечня. И те же скорбные вопросы звучали над

свежими могилами: зачем, за что...

Можно сказать, что это вопрос к бездарным политикам, а не к талантливым педагогам? При чем здесь вообще педагогика, тем более гуманная? Но ведь Шалва Александрович сам утверждает, что учитель должен отвечать за всю жизнь своего ученика. Значит, нельзя не думать и о трагическом, нельзя забывать о том, что судьба благородного человека в современном мире — это часто именно трагическая судьба.

— Последние годы многие школы переживают бум тестирования — тестируют при поступлении, после третьего класса, после девятого... По итогам тестов детей сортируют, как овощи — "стандарт" и "не-стандарт". Сколько переживаний вокруг этого, сколько униженных самолюбий, сколько нарушенных привязанностей. И во имя чего все это?

— Еще Выготский говорил, что развитие и знание — разные вещи. Ребенок может знать очень многое, но не быть развитым. Другой может быть развитым, но чего-то не знать. Но развитый и незнающий завтра далеко перепрыгнет знающего и пойдет вперед стремительно. Развитость и есть гарант приобретения знаний. Но определить степень развитости ребенка почти невозможно. Сам Выготский строил тесты для этого, но у него не получилось. А сейчас приходят люди после трехмесячных курсов, объявляют себя психологами и говорят, что их методика самая верная и она должна определять судьбу детей.

— Но вот вам скажут: Шалва Александрович, чего же вы отверга-

ете все тесты? Давайте уберем из школ плохие тесты и раздадим хорошие...

— Ну, это еще надо доказать, что они хорошие. Притом доказать через целостный опыт, через жизнь человека. Вспоминаю одного мальчика, который был у меня в классе. Его звали Сосо. У него был жестокий отец, который избивал его чуть ли не с года. А сам он и без того был болезненный. В первом классе Сосо во время урока ходил по рядам в пальто, свистел, брянал. Что мне было делать: накричать на мальчика, сказать матери, чтобы забрала его? Меня спасло терпение. Глядя на выходки мальчика, дети смеялись над ним. Я решил поговорить с классом отдельно, без этого мальчика. Сказал им: мне трудно и Сосо трудно, потому что он родился не очень здоровым, помогите мне. И стали дети так ласково, терпеливо, мягко к мальчику относиться. Тем временем Сосо прошел обследование; врачи сказали, что его лучше отправить во вспомогательную школу, и дали мне заключение, но я эту бумагу не взял. Мальчик закончил первый класс, не освоив ни чтение, ни счет. И так еще два года он не мог ничему научиться. Я приходил к нему в семью и говорил отцу: "Ты знаешь что — я учитель твоего ребенка! Если ты будешь продолжать избивать сына, я это так не оставлю". Тогда были еще партийные органы. Потом я собираю мам этого двора и говорю: "Помогите мне, не зовите моего ученика дебилом, не запрещайте вашим детям играть с ним". Просто уговорил их по-человечески. Собрал старшеклассников и сказал: слушайте, вы идете одной дорогой домой с

моим Сосо, так я вам поручаю опекать его, не давать в обиду, чтобы он чувствовал, что у него есть друзья. Конечно, не все мамы, не все старшенкласники послушались меня, не все учителя в школе мне помогали, но все равно атмосфера изменилась, и на третий год жизни в школе мальчик раскрылся. Ой, как он начал читать! Ребенок прекрасно закончил школу, женился, университет закончил. А ведь я мог его своей рукой послать во вспомогательную школу! И тест отбросил бы его. Психологи бы сказали: сам виноват, чего он такой родился?..

— Когда вы поняли, что отметка не должна определять отношения между учителем и учениками?

— Еще году в шестьдесят первом. Я понял, что отметка не может быть мерилем знания. А потом мне Сухомлинский помог разобраться в этом окончательно.

— Отметке безразличны нравственные качества человека.

— Да, она учитывает лишь внешние качества, а истинные ей не измерить. Это "кнул и пряник", ими десять лет пугают ребенка, и часто все его силы уходят на противостояние страху. Девяносто процентов времени на таких уроках ребенок сидит в ожидании получения отметки. Хоть бы сегодня не вызвали, думает он. Отметка стала страшилищем. Ребенок должен пройти в начальных классах около трех тысяч уроков, я все считаю уроками. Пройдет урок — и пропал кусочек жизни, пропал в тревоге и страхе. Тревога оставляет глубокий след, она вытесняет мое мужество, мою храбрость, мою преданность, открытость. Мои лучшие качества погасили. И вот молодой человек получает ат-

тестат зрелости, но никаких человеческих качеств в этом аттестате не отмечено. О какой зрелости идет речь?

— Наблюдая, как учатся мои дети, я вижу, в каком цейтноте они живут. На уроках их все время подгоняют: "У вас осталось пять минут, дописывайте скорее... у вас осталась минута..." Многие гимназии, чтобы чем-то отличаться от обычных школ, просто гонят программу на год вперед.

— Урок — это драгоценность, он должен укреплять ребенка нравственно и физически. В гониме за чистыми знаниями можно и знания потерять, и растратить силы ребенка. Я считаю, что школа просто должна воспитывать благородного человека, который никогда не сможет сделать плохого. Эти качества никогда не имеют завершения, и сказать, что вместе с вручением аттестата я выполнил задачу, — нет, не могу.

— Результатом может быть только жизнь вашего ученика, весь его взрослый путь?

— Да, только жизнь.

— Кто сейчас для вас высший авторитет в педагогике?

— Корчак и Сухомлинский. Последние слова Корчана я прочитал в одной из книг Соловейчика. Когда фашисты сказали ему: "Ты можешь остаться, ты нам годишься, а дети должны уйти", Корчак сказал: "Не все сволочи". И ушел вместе с детьми в газовую камеру. Сейчас никто не будет загонять меня в камеру, но если бы такое случилось, я принял бы такую судьбу. Все равно жизнь заканчивается, и лучше такая концовка. Или как Сухомлинский — на операционном столе, с мыслью о первом сентября, о том, что де-

ти сейчас идут в школу. Я читаю Норчана и Сухомлинского, и каждая их строчка освещена для меня их судьбой.

Что я понял, побывав в Грузии, из того, что не понимал раньше? Попробую сказать об этом совсем коротко. Я понял, что Грузия — очень близкая нам земля. И живут на ней люди, близкие нам во всех своих душевных движениях. Грузины похожи на стариков и на детей одновременно. У них словно нет среднего возраста. А дети и старики красивы, их хочется рисовать.

Я понял, что Амонашвили в педагогике так же неподражаем, как Пиромани в живописи. Советы и приемы Амонашвили бесхитростны, если не примитивны. Мы все знаем, что ребенку надо вовремя погладить, и что дети очень любят, когда с ними делятся секретами, шепчутся и прячут сюрприз под подушку. Клеенки Пиромани — это тоже всего лишь клеенки и мазки его кисти элементарны. Это так и называется — примитив. Но нельзя выучиться на Пиромани и в Академии художеств. Нельзя выучиться на Амонашвили даже на семинарах самого Амонашвили...

Каждый вечер мы обсуждали с Шалвой Александровичем его мечту. Он рисовал мне проект и даже прикидывал смету. Получалось, что мечта стоит слишком

дорого, осуществление ее призрачно. Но автора это не смущает.

Амонашвили мечтает построить башню, с которой было бы видно все горы вокруг Бушети и все звезды над Бушети. Ему кажется, что в этой башне ему придут в голову такие замечательные идеи, до каких он не может пока додуматься. В эту башню он будет иногда пускать своих внуков и внучек, и там, на высоте, они будут говорить о том, о чем никак не соберутся поговорить внизу, на земле.

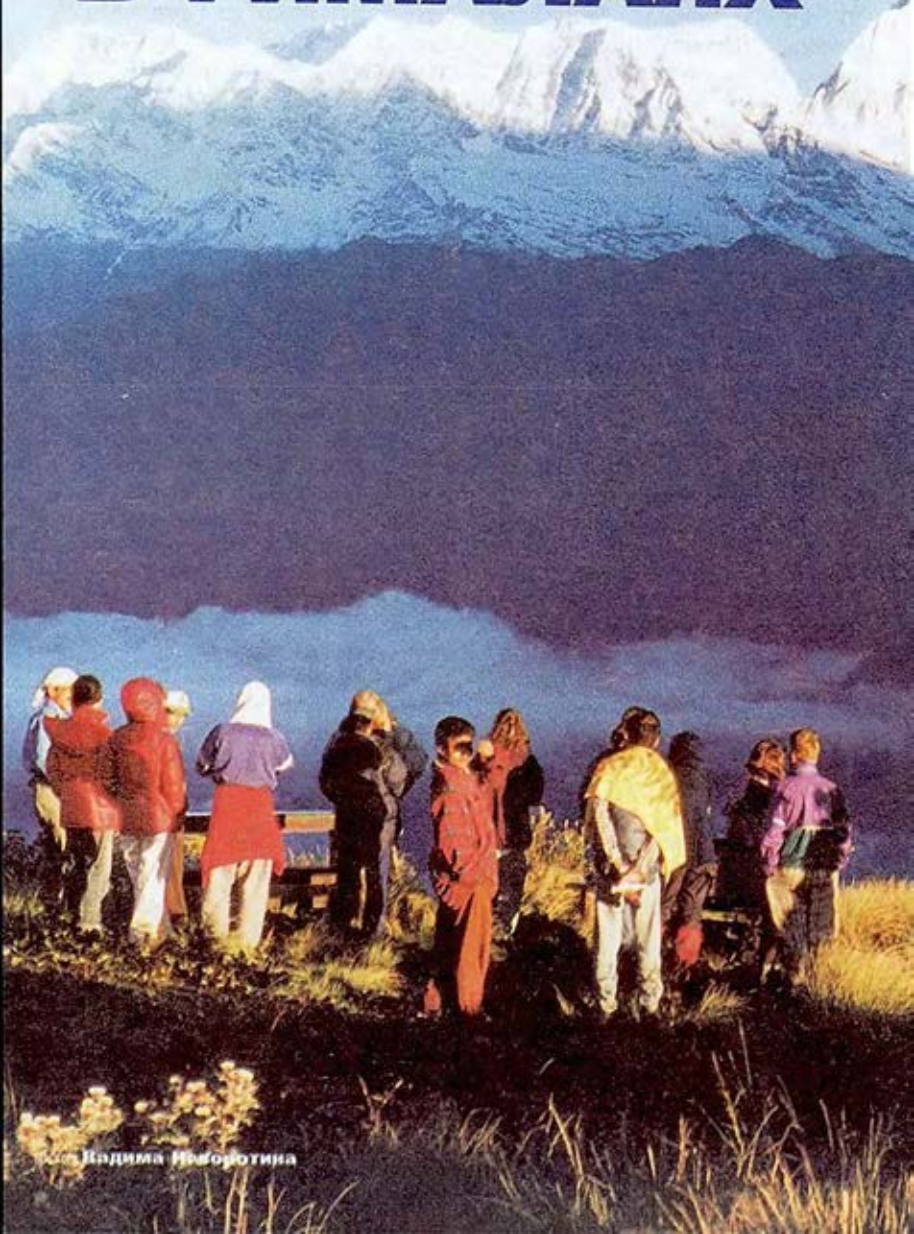
— Не только государству, но и обществу сейчас нет никакого дела до школы. Даже говорить о педагогике при таком обвале экономики кажется несвоевременной роскошью...

— Вы думаете о своих детях?

— Конечно, все время думаю.

— А получится ли у вас думать о них без педагогики?.. Как их порадовать, что им сказать, что им подарить... Это не педагогика разве? Вся ваша озабоченность о том, какие будут дети — разве это на них не влияет? Разве мои думы отгорожены от моих внуков? Нет, они купаются в этом, они защищены этим. То, что мы посылаем от сердца детям, — это защищает их вечно. Вот как воспитываются хорошие дети. Пусть много-много родители думают о детях. И пусть думают хорошо, возвышенно — и вырастут хорошие дети. ■

РУССКИЕ В ГИМАЛАЯХ

© Вадима Ивонютина

СЕЗОНЫ

A group of five people, including men and women of various ages, are standing on a grassy hillside. They are looking towards a large, rugged mountain range in the background. The mountains are covered in snow and partially shrouded in mist. The sky is a clear, bright blue. The overall scene is one of a scenic mountain landscape.

наши
восходители
по-прежнему
в кругу
лидеров
мирового
альпинизма

Феликс СВЕШНИКОВ

"База, база, я седьмой. Как слышите, прием! В третьем лагере кончился кислород, поднимите три баллона!" — Над вершинами Гималаев в эфире все чаще слышится русская речь — это переговариваются наши альпинисты. В последние годы именно они вошли в круг "законодателей моды" в высотном альпинизме, потому что выбирают самые сложные и нехоженые маршруты, часто первыми открывают сезон в Гималаях, предлагают свой темп, тактику, свои образцы снаряжения.

Восходители из России успешно одолели самые большие высоты в Гималаях. Теперь они подбираются к восьмьютысячникам Каракорума.

Невозможное — это, по выражению Андрея Платонова, невеста человечества. Вот и наши спортсмены любят совершать то, что считается невероятным. Альпинизм очень органично сочетается с национальным характером. А людей смелых, выносливых, сменалистых на Руси всегда хватало. Владимир Балыбердин, Анатолий Букреев, Владимир Башкиров, Сергей Ефимов, Иван Душарин, Николай Захаров — международная горная братия хорошо знает эти имена. Вместе со своими товарищами они продолжили дело гималайских лидеров прошлого: Мэллори, Тенцинга, Месснера, Эрцога, Диренфурта. Освоение Гималаев — географическое, спортивное, духовное — дело общее. Первопроходцами здесь были то англичане, то швейцарцы, то французы, то шерпы... теперь наш черед. При-

ятно, что в Гималаях громко заявили о себе спортсмены не только Москвы и Петербурга. В 1996 году красноярцы, например, прошли новый сложный маршрут на Эверест. Недавно команда Сергея Ефимова из Екатеринбурга получила во Франции почетный международный приз "Золотой ледоруб" за прохождение южной стены Маналу. Свою строку в летопись гималайских восхождений вписали спортсмены Саратова, Тольятти, Перми, Кемерово, Северной Осетии. Стало привычным, что российские восходители участвуют во многих международных экспедициях вместе с участниками из стран Европы, США, Китая. Российских охотно приглашают: бойцы!

Но в Гималаях нас ждали не только победы. Как ни горько, появились первые могилы российских альпинистов, пятнадцать наших спортсменов обрели там свой вечный покой.

Альпинисты никогда не торгуются с вершинами, платят сполна, ведь в горах "все мячи крученные". Впрочем, в спортивных категориях голов, очков, секунд достижения восходителей не измеришь, потому что прежде всего это достижения человеческого духа.

Есть у меня друг в Омске Валерий Бабанов. Он предпочитает одиночные восхождения в стиле "соло", прошел много сложных скальных маршрутов в Альпах, стал известен в Европе. Во Франции его приняли в члены элитного клуба сильнейших альпинистов мира. Уверенно справился Валерий и со сложными высотными маршрутами в Гималаях, хотя походы горного одиночки вдвойне

опасны. Это все равно, что выполнять трюки под куполом цирка без страховки.

Недавно я получил от Валерия письмо, которое не могу не процитировать: "Одиночные походы резко изменили само восприятие мира. Такое открылось в себе и в горах, что словами и не выразить... Я думаю, альпинизм — не спорт. Это нечто большее. Меня уже давно не интересуют ни спортивные разряды, ни звания, ни даже чемпионские медали. Альпинизм — это мой образ жизни, в нем вижу смысл своего бытия, с его помощью пытаюсь заглянуть в самого себя. В горах я счастлив, там моя душа в абсолютной гармонии".

Как созвучно это словам одного восточного странника: "...и что бы ни случилось со мной, как бы злая судьба или рок ни пытались заставить врасплох и опрокинуть меня, мои странствия всегда остаются во мне опорой. В конце концов только горные путешествия позволяют мне всегда оставаться самим собой". Странника звали пророк Заратуштра. Если верить древней книге "Авеста", жил он две с половиной тысячи лет тому назад...

Вовсе не миф, что наши лучшие альпинисты сегодня ходят по гималайским высотам без кислорода, без носильщиков-шерпов, в жестком спортивном стиле — с хронометром. В моде сегодня мини-экспедиции. Наши и вправду "распечатали" новые маршруты к таким восьмитысячникам как Эверест, Лхотзе, Аннапурна, Нангапарбат и Н-2. Восходителям из Москвы удалось почти невозможное: они сумели спустить вниз из-под вершины Эве-

реста тело погибшей там первой женщины Непала, поднявшейся на высоту 8848 метров, — национальной героини своего народа. За это они удостоились признания короля Непала, а буддийские ламы объявили русских альпинистов "угодными богам".

Из монологов Владимира Башкирова

Один из "закрытых" специалистов Главкосмоса СССР, для спортивных чиновников он был всего лишь "невыездным спартаконцевцем". Коллеги же в Центре управления полетами уважали Владимира Башкирова как авторитетного знатока бортовых компьютеров. Он был своим на космодроме Байконур, а позже, когда стал "выездным", — в непальском селении Лукла. Умел находить общий язык с членами королевской семьи в Катманду и с космонавтами, играл в футбол с монахами-ламами, переписывался и дружил со звездами горного спорта Крисом Бонингтоном и Карлосом Нарсолио. Альпинист мирового класса, он сам узнал об этом поздно, в возрасте 39 лет, когда попал, наконец, в свою горную "Менку". Всего 6 звездных лет отпустила ему судьба, и он блестяще прошел своей "гималайской орбитой", одолев семь восьмитысячников.

В мае 1997 года Владимир Башкиров погиб на склонах Лхотзе.

Мы часто встречались на разных перепутьях в последние годы. Он много и откровенно рассказывал про свои восхождения,

я все это записывал на диктофон. Кто бы знал, что расшифровать пленки мне придется, когда его уже не будет в живых...

Однажды я спросил Володю, как он сам чувствует себя на высоте.

— Там, выше 7500 метров, другое качество жизни. Люди по-иному двигаются, воспринимают себя и других. Вот, например, ломается "рисунок походки", начисто пропадает аппетит, плохо работает голова. Мозг барахлит, как бортовой компьютер на орбите. Аналогия полная: мозг — это и есть мой "бортовой компьютер". При кислородной недостаточности "напряжение в сети" прыгает, вот и сбои. Все вкусовые ощущения выворачиваются наизнанку. (Кстати, это знакомо и космонавтам.) Уходит напрочь сон. Нет там ни у кого нормального сна, наной-то сплошной тягучий кошмар... все время куда-то лезешь, продираешься, ночью даже страшнее, чем днем. Мозг работает круглые сутки.

Потом зашла у нас речь о сильнейших альпинистах мира. Было интересно узнать, кого Владимир включил бы в число пятерки лидеров. Ответил он не сразу, задумался...

— Лет восемь назад ответ был бы однозначным — Рейнгольд Месснер. Сегодня картина сложнее: есть небольшая группа лидеров, которые явно опережают других по количеству высотных побед в Гималаях и в Нананоруме. Это наш Анатолий Бунреев, это швейцарец Эрхард Лоретан, Карлос Нарсолио из Мексики, поляк Кшиштоф Велички. К великому сожалению, весной 1996 года погиб на Эвересте очень

сильный Роб Хоул из Новой Зеландии. (Добавлю в скобках, что многие эксперты включают в эту элиту и самого Владимира Башнирова. — Ф.С.)

Запомнился прогноз Башнирова по поводу восхождений в Гималаях в XXI веке.

— В Гималаях будут русские сезоны, как у Дягилева были сезоны русского балета в Париже. У российских высотников огромный потенциал, причем более уверенно ходят люди старше 40 лет. Конечно, много сильных восходителей в Германии, США, Австрии, Мексике, Швейцарии, но наши... Во всем горном мире прекрасно понимают их истинную цену, ревниво следят за нами, опасаются... "После русских на Канченджанге делать нечего", — такое можно услышать в горах. Что ж, все правильно, гонка по вершинам идет вовсю. В Европе и в США раньше про наших по-малкивали, перевозносили своих. А теперь просто нельзя не замечать альпинистов России. Весной 1996 года Анатолий Бунреев спас нескольких американцев под вершиной Эвереста, когда там начался ураган. В группе были не спортсмены, а богатые коммерсанты, которые решили пощекотать себе нервы на Эвересте за 80000 долларов. Тогда вся мировая пресса об этом протрубила, включая Интернет. Вот, мол, русские герои, истинные рыцари гор и все такое прочее...

Ну, а если о перспективах говорить, то в Гималаях осталась еще пара-тройка непройденных стен на восьмитысячниках и море альпинистских проблем на семитысячниках. Там потрясающе интересные, не тронутые ледору-

бом стены. А, кроме того, 99 процентов пройденных маршрутов люди одолели с помощью устаревшей тяжелой осадной тактики, с многочисленными промежуточными лагерями, толпой шерпов, кислородом, со многими тоннами снаряжения. Ведь это безнадежно устарело, потому что не спортивно. В XXI веке нужно повторить все пройденные маршруты в легком спортивном стиле, без шерпов, без кислорода, с минимумом снаряжения...

Когда Башкиров погиб на Лхотзе, кремневые шерпы-проводники плакали. "Его забрали боги", — говорили они.

Многое он мог бы еще успеть: 45 лет — золотой возраст для высотника. Так хотелось ему пройти супертраверс пина Лхотзе, решить эту одну из последних нерешенных проблем на "восьмерках". Не судьба... Как никто иной, Владимир Башкиров олицетворял собой братское родство альпинизма и космонавтики. В самом деле, космонавтина добилась блестящих результатов благодаря современной технике в сочетании с высокими качествами самих космонавтов. Новые скорости, условия невесомости, выход в открытый космос — все это потребовало высокого совершенства тела и духа. Вырабатывать эти "сверхчеловеческие параметры" в земных условиях помогает именно альпинизм.

Нынешнее поколение восходителей России подходит к делу с позиций современных авиационно-космических технологий. Горный спорт ныне — это системный, точно просчитанный проект, выполняемый с учетом последних достижений спортивной науки,

авиационно-космической медицины, электроники, спутниковой связи, не говоря о новейшем снаряжении, медунаентах, пищевых рационах, одежде и обуви.

Однако в этой сумме технологий есть уязвимое место. Оказалось, что техника не заменяет таких человеческих свойств, как воля, устойчивость психики, умение собраться и преодолеть себя.

Большие горы и Большой космос — это не только полюса мироздания, но и вершины личности человека, полюса его мужества и совершенства.

Русский сталкер

Пожалуй, больше всего слухов и легенд в мировом альпинизме связано в последнее время с именем Анатолия Букреева. На людях он появлялся редко, славы не искал, она сама его нашла.

В Москве о нем знали немногие. Родом с Урала, долго жил в Казахстане, работал в горах тренером по лыжам. Доходили слухи, будто видели его на Аляске, на горе Мак-Кинли, потом он появился в Гималаях, стал профессиональным горным гидом — признанным и даже модным.

Вот такой вольный стрелок, а может, гималайский сталкер?

Спортивное резюме заслуженного мастера спорта А. Букреева выглядит впечатляюще даже для звезд мирового класса. Двадцать (!) успешных восхождений на восьмитысячники в Гималаях и в Нананоруме, четырежды был на вершине Эвереста. За 8 месяцев в сезоне 1996-1997 годов Анатолий сумел добраться до вершин пяти "восьмерок" под-

ряд. Таких темпов не знал даже его знаменитый предшественник Рейнгольд Месснер. Дальше — больше: до Москвы стали доходить какие-то мифические сведения, будто Букреев ходит от базового лагеря до вершины и обратно без остановок, без ночлега, работая на высоте 8 километров без кислорода по 25-30 часов.

Все это было настолько непостижимо, что Букреева как бы вынесли за скобки в общероссийском рейтинге: он-де — гражданин Казахстана, да и данные непроверенные...

Но фантастика, как выяснилось, оказалась реальностью. Анатолий ходил к вершинам с хронометром, у него что ни гора — рекорд в Книгу Гиннеса. Вот, например, путь к вершине Лхотзе (8501 м) и спуск до базы занял у Букреева 21 час 16 минут. Даже сильнейшие высотники — если повезет — добираются до этой вершины за 3-5 суток. Я представляю этот "путь": под вершиной Лхотзе тянется острый скальный гребень, похожий на зубья пилы вкривь и вносью, к цели надо пробиваться сквозь лабиринт снежно-ледовых надувов, нашлепок, подушек высотой до 15 метров с пустотами внутри...

Тайна сверхвыносливости Анатолия имеет объяснение. Во-первых, он сам долгое время жил в горах под Алма-Атой, бегал на лыжах. К природному здоровью добавил еще и постоянную высотную акклиматизацию. А, во-вторых, очень внимательно изучил опыт шерпов — высотных носильщиков, которые умеют обходиться без баллонов кислорода и ходят по каменистым горным тропам босиком. Шерпы всегда доб-

рожелательны, улыбчивы, готовы помочь. Эти люди тонко чувствуют душу гор, их "силовое поле", принимая некие неведомые нам сигналы — это описывается самым важным для успеха. Шерпы не знают, что такое стресс при нехватке кислорода, при потере рюкзака с теплыми вещами. Их греет нечто иное, у них своя "духовная энергетика".

Однажды мне попалась любопытная характеристика "идеального альпиниста", опубликованная в лондонской энциклопедии альпинизма. "Если человек уверенно и безопасно лазит по скалам, к которым другие не могут подойти, — это выдающийся скалолаз, не больше. Если он может быстро найти верный маршрут к цели в запутанном, перекрученном ледопаде и сделать это так же быстро, уверенно, как опытная швея продевает нитку в игольное ушко, — то это снежный мастер первого класса, но это и все! Сочетание перечисленных качеств, плюс сила, глубинные запасы воли, плюс храбрость, которые только возрастают под стрессом плохой погоды и при нарастании трудностей и страха — вот это делает человека великим альпинистом".

Анатолий Букреев погиб под лавиной 25 декабря 1997 года на склонах Аннапурны. Тело его не найдено.

В одном из последних интервью выдающийся альпинист резко критиковал рекламную легенду о доступности Эвереста: "Самые высокие горы превратились в своеобразный аттракцион "испытай себя вершиной", который якобы доступен любому, купившему билет к вершине личной славы. Миф о доступности Эвере-

Владимир Башкиров (на снимке — слева) в горах за две недели до гибели.

ста — это иллюзия. Здесь деньги вам не помогут. Кислород не гарантирует выживания”.

Баня для Эвереста

В последние годы российский альпинизм получил новое измерение — экологическое. Пора спасать горы от... “человеческого фактора”. На Кавказе, в Альпах, в Гималаях одна и та же проблема: многие популярные маршруты, перевалы, стоянки, седловины завалены тоннами мусора. По склонам Эвереста прошло за последние годы больше сотни экспедиций. Каждая из них оставила

полтонны мусора — изношенное ржавое снаряжение, веревки, ящики, пустые кислородные баллоны, пищевые отходы. Под вершиной чуть не склад видеотехники и фотоаппаратуры из Японии: зачем тащить камеры вниз, проще выбросить.

Альпинисты из России вместе с властями Непала первыми взялись за очистку горных склонов в Гималаях. Наши умельцы разработали свою технологию “санации вершин”. Они стали применять сверхлегкую безмоторную авиацию, парaplаны, дельтапланы для спуска отходов вниз. Разработана система переносных раз-

борных канатных дорог для тех же целей.

Пусть прозвучит здесь мнение великого альпиниста Рейнгольда Месснера. В своей новой книге "Да здравствуют горы — целые и невредимые", изданной в Мюнхене в 1997 году, он пишет: "Всем спортсменам пора покончить с менталитетом завоевания гор, с психологией расстреливающего. Хватит относиться к горам, как к месту, где люди щеночут себе нервы и ставят рекорды. Надо сохранить горные леса как источник своего происхождения, арену одиночества и уединения. Без тишины, покоя и гармонии горы ничего не стоят. В горах не должно быть толпы, ее хватает в метро".

В полемике Месснер даже требует запретить строительство в горах новых подвесных канатных дорог до границы леса. Он хочет видеть заснеженные склоны без горнолыжных трасс, а небо — без парапланов и мотодельтапланов. Вывод достаточно категоричен: "Если мы хотим спасти альпинизм, надо покончить с походом против природы гор".

Живое чувствилище

Мир горных вершин — огромное духовное пространство, в котором человек только учится жить. Там много тайн, неожиданностей, сигналов из иных измерений. Это странно: вдруг начинаешь чувствовать какие-то новые необычные импульсы в себе и вокруг. Обостряются слух, зрение, обоняние, все твое мироощущение. Просыпается почти забытое языческое чувство природы, оживают какие-то древние инстинкты, животное чувство опас-

ности, осторожность травленого волка, чутье оленя, начинаешь кожей ощущать перепады давления, различать сквозь снег ледовые скрытые трещины. Еще совершенней все эти качества развиты у шерпов. Жители гор каким-то чудом воспринимают живую тектонику Земли, всплески магнитных бурь на Солнце, чувствуют пульс циклонов, уверенно читают завтрашнюю погоду.

В высотных районах планеты, как в намоленных храмах, располагается активная зона ноосферы. Дело в том, что на высоте человеческая мысль, волевой импульс приобретают мощную молитвенную сосредоточенность. Воля фокусируется в узкий, лазерно-острый пучок. Импульсы этих интеллектуальных волевых посылов настолько сильны, что воспринимаются любой сколь угодно чуткой душой.

Именно в горах остро ощущаешь, что наша планета окутана не только облачным покровом, но и живым чувствилищем — ноосферой.

Может быть, поэтому в горах часто преследуют видения, призраки, голоса... Вот, вот он идет рядом, оклинает — черный альпинист. А то вдруг зовет тебя прекрасная голубая трещина ледника: вроде там мелькнула фантомная тень погибшего друга...

Сигналит ноосфера?

Случается там и такое: все люди после восхождения спустились со склонов, на горе никого не осталось, но... в эфире кто-то сигналит! Радист опытным ухом воспринял эти сигналы, почувствовал — там кто-то есть... внимает, шуршит, что-то шепчет на дельфиньем языке?

А может быть, все альпинисты немного "чокнутые"? Или, как говорят в Штатах, "крэйзи"? Наверное, у них все-таки мозги на левой резьбе — бывает...

Но они не более чокнутые, чем Сергей Королев, пославший человека в космос.

Но они не более "крэйзи", чем конструкторы NASA, пославшие астронавтов на Луну.

Невозможное — невеста человечества.

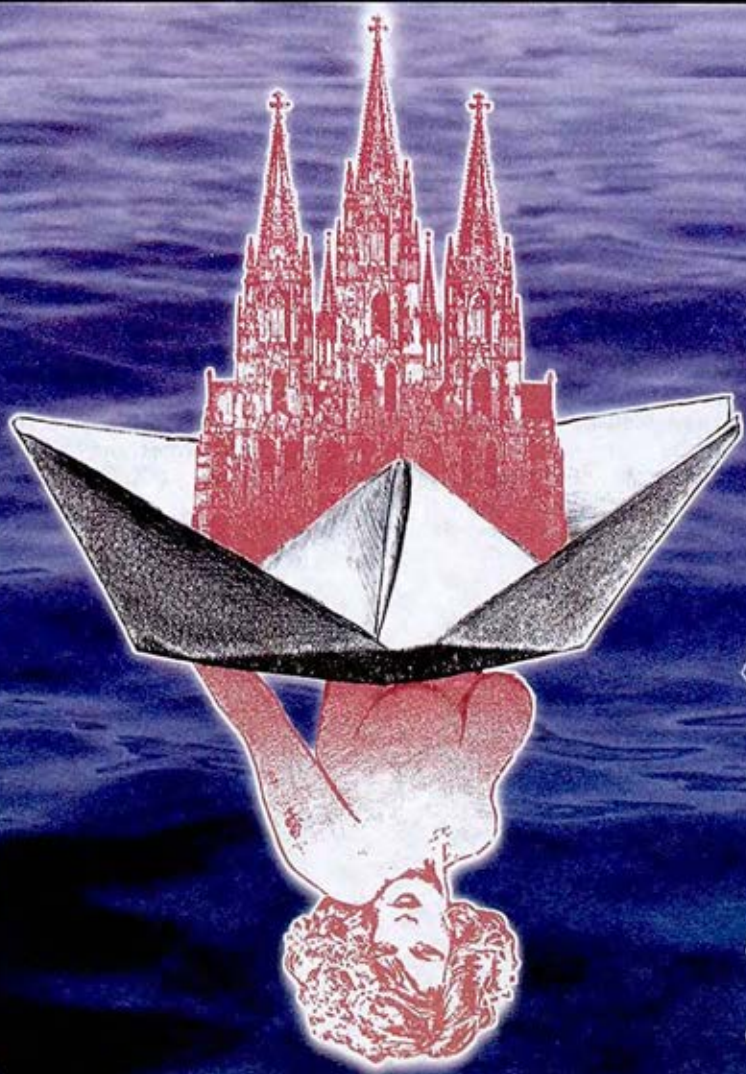
Драматург Алесандро Вампи-

лов однажды выразился так: "Театр вечен, потому что люди никогда не перестанут валять дурака". Альпинизм вечен по тем же причинам.

А ночью над хребтами дышит прямо в лицо Космос, для вас звучат звездные руны Гималаев.

Здесь повсюду храм.

И над этим храмом звучит родная речь. Наши парни вместе с горным братством всего мира ищут свою тропу в XXI век. ■

генТСКИЙ
алтарь

Михаил Петрович Поздоровкин, профессор древнерусской истории и сравнительной медиавистики ленинградского университета, уехал в свою первую зарубежную командировку в самом начале смутного времени.

До той поры по причине не столько политической неблагонадежности, сколько вследствие строптивного характера и дурных отношений с начальством, он числился невъездным. После знаменитой речи Горбачева в Рейкъявике Михаила Петровича выпустили, но у оформлявшего документы университетского чиновника возникло странное предубеждение, что добром эта поездка не кончится, ибо в цивилизованной Европе таким дикарям, как Поздоровкин, делать нечего.

Поначалу все шло, впрочем, очень хорошо. В Брюсселе Михаил Петрович имел большой успех. Он читал студентам лекции по истории русской культуры и вел семинары, руководил несколькими аспирантами и консультировал коллег-славистов, но все же главное, зачем его сюда позвали, были обыкновенные уроки разговорной речи. Эти уроки мог бы давать любой преподаватель без научной степени или даже студент, но администрации университета, видимо, было лестно, что их проводит ученый с известным именем, автор нескольких книг по сравнительной медиавистике. Профессор это чувствовал и злился, но обширная библиотека, удобная квартира, высокая зарплата, возможность повидать мир и, наконец, неопределенные известия с родины примирили его со снижением статуса и видоизменили недовольство в самоиронию и легкое подтрунивание над своей новой специализацией с варварским названием "русский как иностранный".

К тому же Поздоровкин не слишком утруждал себя занятиями. В отличие от Ленинграда, где студенты за глаза звали его "зверем", в Брюсселе Михаил Петрович был либерален, никого не изводил на семинарах бестактными вопросами и не утомлял подробностями из жития русских святых, монахов, летописцев и ученых дьяков, а ограничивался самыми общими сведениями и доброжелательно кивал головой, когда ему говорили, что Пашкин (так одна из юных слависток озвучила фамилию Pushkin) был убит на дуэли с императором Николаем Вторым.

Местные студиозусы казались ему инфантильными созданиями, которых по недоразумению взяли учиться в университет безо всяких экзаменов и спрашивать с которых что-то серьезное просто не имеет смысла. Профессор разбирал с молодежью "Барышню-крестьянку", "Тамань" и "Черного монаха", а на просьбу познакомить с более современной литературой сообщал, что понятия о ней не имеет, ибо по его разумению, на Чехове русская литература окончилась, а с Бунина и Набокова началось ее вырождение. Тем не менее, несмотря на вопиющий консерватизм, студенты были от Михаила Петровича в восторге, приглашали на свои вечера, и он никогда не отказывался, приходил и снисходительно смотрел, как они развлекаются, и милостиво позволял за собой ухаживать.

Со временем безмятежное течение этой жизни странным образом подействовало на впечатлительного преподавателя. Шальной ли воз- дух Европы или возраст, о котором справедливо свидетельствует известная пословица насчет седины и беса, но чем больше профессор здесь находился, тем больше сожаления у него вызывала его собственная жизнь, проведенная за железным занавесом. Это сожаление касалось и не прочитанных вовремя книг, и не увиденных фильмов, и не исхоженных вдоль и поперек городов. Но более всего Михаил Петрович вспоминал застенчивость и плотскую муку юношеских лет, томительные часы в университетской библиотеке, когда он корпел над учебниками, а рядом в футболке, надетой прямо на голое тело, сидела его однокурсница из Вологды. Юный сталинский стипендиат невыносимо страдал от близости и недоступности ее тела, но у него и мысли не было давать ход естественным желаниям.

Это было давно, профессор женился, родил двух дочерей, создал вокруг себя целое научное направление и, вероятно, мог считать жизнь удачной и счастливой, но именно теперь возникло у него отчетливое ощущение, что лишения юности есть совершенно невосполнимая категория, и никакими дальнейшими жизненными достижениями они не могут быть возмещены. Мысли эти были нехорошие и лукавые, профессор гнал их прочь, но все было слишком непривычно вокруг, не было ни жены, ни дочерей, ни учеников, и он чувствовал себя не отцом семейства, не солидным профессором, а пожилым и выдавшим виды эротоманом, знающим толк в женских прелестях.

Справедливости ради надо сказать, что привлекательные девицы встречались в Бельгии нечасто. У Михаила Петровича, чего бы это ни касалось — искусства, пищи или женской красоты, — был отменный вкус, а ни фламандки, ни валлонки женственностью не отличались, были однообразно похожи друг на друга, сдержанны, деловиты и суховаты. Но было у него в группе одно необыкновенное лицо: довольно высокая светловолосая девушка с черными выразительными глазами, на которую он тотчас же обратил внимание. И потому, что у нее была такая эффектная внешность, и из-за ее пастернаковского имени — Лара. Была она чешкой и в Бельгию приехала недавно.

Догадывалась ли Лара о его интересе или нет, Михаил Петрович не знал. Он, во всяком случае, был достаточно благоразумен, ни о каком флирте со студенткой не помышлял и своей симпатии никак не обнаруживал. Но казалось ему иногда, что Лара странно усмехается, когда на уроках разговорной практики в черед очередных вопросов студентам о том, как, например, они провели выходные дни, он обращался к ней. И от этой женской усмешки бедняга медиавист терялся и краснел.

Была у Лары еще одна странность. Обо всех студентах знал Поздоровкин, где и с кем они живут, как подрабатывают и чем увлекаются, только она одна от ответа уходила, хотя больше других нуждалась в деньгах. Загадочно мерцали темные глубокие глаза, вызывающе улыбались и нехотя разжимались чувственные губы, чтобы сказать несколько ничего не значащих слов на хорошем русском языке и сно-

ва умолкнуть. Лара точно себя берегла, и ему казалось, что в их судьбах есть что-то общее — оба они были чужими в этом мире и вынуждены были играть неподходящую роль, чтобы оправдать свое присутствие.

II

В середине туманной и влажной бельгийской зимы Поздоровкина пригласили выступить с лекцией в небольшом фламандском городе Генте. Благополучно посвятив слушателей в последние достижения медиавистики и получив за то гонорар, равный его месячному заработку на родине, профессор отправился на экскурсию по городу. Ему хотели дать провожатого, но Михаил Петрович не любил чувствовать себя стесненным и с путеводителем в руках принялся осматривать достопримечательности сам. Главной целью его путешествия был знаменитый гентский алтарь.

У Поздоровкина было очень личное отношение к этому шедевру фламандского примитивизма. Когда-то в той душевной библиотеке, где изводили его прелести вологжанки, он написал о гентском алтаре свою первую курсовую работу, имея перед глазами слеповатую и невыразительную репродукцию. Теперь алтарь предстал перед ним воочию, и, разглядывая лица святых, шествующих людей, цвета и детали, он поймал себя на странном чувстве нереальности, какое возникает, когда долго чего-то ждешь, и, наконец, это наступает. Он боялся уйти и потерять впечатление от ярких красок, столпотворения лиц, трогательной фигуры Агнца на дальнем плане, испытывая благодарность судьбе за то, что на склоне лет она привела его в это место, но одновременно с тем и не отделяясь от острой обиды, что все это произошло слишком поздно, и в самые дорогие юные годы он был обкраден. Его толкали какие-то люди, то и дело в маленькое помещение, где находились закрытые стеклом картины, заходили туристы, слышалась японская, немецкая, испанская и английская речь. Все это раздражало Поздоровкина, мешало сосредоточиться и до конца отдаться наслаждению созерцания.

В смешанных чувствах профессор вышел на улицу и принялся бродить вдоль канала. Он осмотрел старую крепость и площадь, где сжигали ведьм, самое маленькое в Европе кафе и самую первую в Европе гостиницу, которыми был известен Гент (хотя в душе профессор подозревал, что подобными достопримечательностями может похвастаться любой европейский город, и это есть не что иное, как проявление гордости маленькой нации). Он даже немного пожалел о том, что живет в Брюсселе. Все казалось ему более милым, лучше приспособленным и исполненным недостающего бельгийской столице и вообще валлонской части страны благородства и простоты.

Так он шел, погруженный в свои мысли, и, увлеченный прогулкой, не заметил, как несколько удалился от центра и оказался на площади перед современным зданием, выстроенным из стекла. Вокруг на роликах и скейт-бордах носились и визжали мальчишки, едва не сбивая его с ног. Профессор растерянно огляделся по сторонам и

увидел наискосок от стеклянного здания кварталчик, в котором светились разноцветные фонарики. Он шагнул по направлению к этим фонарикам и свернул в узкий переулок с рядами больших витрин. Только на витринах были разложены не товары с указанием сниженных цен в сезон январской послерождественской распродажи, а сидели на стульях полуголые женщины. За ними были видны комнатки и в глубине широкие кровати. Женщины улыбались профессору и делали приглашающий жест рукой. Поздоровкин понял, куда забрел, и хотел повернуть назад, но присущая ученому потребность обследовать любой объект до конца толкнула его пройти еще немного по уютным улочкам.

Квартал был небольшой и в этот непоздний час довольно пустынный. Его обитательницы, одетые в нарядные цветные купальники, скорее напоминали артисток цирка, нежели проституток. Большинство были негритянки, но встречались и белые. Иные из витрин были закрыты, возможно, женщины еще не начинали работу, а может быть, напротив, принимали клиентов. Но, так или иначе, злачное место не казалось отвратительным, отталкивающим или опасным. Оно скорее производило впечатление своеобразного очага культуры, и Поздоровкин подумал о том, как рационально и тем не менее дико для русского человека все здесь устроено. Гентский алтарь и квартал проституток, расположенный в двух шагах от него, нисколько не мешали друг другу, не противостояли и не отрицали, а мирно уживались. Да и вообще, все было в этом городе буднично и обыкновено: одни люди делали покупки в маленьких дорогих и больших дешевых магазинах, другие сидели в кафе и пабах и пили пиво, третьи шли в церковь, а четвертые — к блудницам. Небо не рушилось, и земля не давала трещину, как это случилось бы, а, вернее говоря, и случилось в его собственной стране, когда той дали свободу. Хорошо это или плохо, и не заключена ли в этой неприспособленности ко греху святость Руси, о которой он так любил порассуждать, додумать Поздоровкин не успел. За одним из широких окон он увидел Лару. В отличие от негритянок, она была одета в черные колготки с красными трусами и в тесную футболку, через которую просвечивали полные груди.

Лара посмотрела так же насмешливо и вызывающе, как на занятии — ни тени смущения не промелькнуло на красивом лице. Михаил Петрович замер, в голове у него зашумело, и, не отдавая себе отчета в том, что делает, как в обкраденную молодость ступая, он толкнул дверь в ее комнату.

Лара удивленно подняла брови.

— Поднимите футболку, — сказал профессор, облизнув пересохшие губы.

На окно упало легкое жалюзи и отделило преподавателя и его ученицу от всего мира.

Когда час спустя Поздоровкин вышел на улицу с покальвающим сердцем, оставив Ларе весь свой гонорар за лекцию, в сумерках сонный фламандский городок с его церквями, башнями, каналами и

знаменитым алтарем показался ему просто декорацией к этой комнате в Розовом квартале. Или, точнее, эта комната и стала, как бы это кощунственно ни звучало, его, профессора Поздоровкина, гентским алтарем, на который он был готов положить свою жизнь.

III

С того дня он стал ездить к Ларе каждую неделю. Чешка довольно быстро почувствовала, что имеет над профессором власть, и раз от раза увеличивала цену за свои услуги, заставляя оплачивать откупоренные, но невыпитые бутылки шампанского, вина и пива, закуски и конфеты. Она была довольно холодным и расчетливым существом, и зарабатывала на жизнь и на учебу так же деловито и сухо, как если бы мыла посуду в соседнем ресторане. Просто здесь ей больше платили.

Но Поздоровкина это не останавливало. Он пил и не мог напиться и утолить тоску по своей почти уже прожитой убогой жизни. Там, в этой комнате, происходила кульминация, к которой он шел целую неделю. Он читал теперь со студентами Бунина и Набокова и спрашивал их о физической любви, они терялись и не знали, что ответить, а профессор смотрел вокруг безумными глазами и, забыв о том, что перед ним сидят иностранцы, отчаянно жестикулируя и выпаливая слова автоматными очередями, рассуждал о том, что такое русский Эрос, зародившийся на завьюженных пространствах Руси и скрещенный со страстью степной орды. Он говорил о женственности русской земли и мужественности его народа, пронзившего великое пространство от Карпат до Тихого океана желанием и волей, о диких сектах скопцов и хлыстов и их сложных ритуалах. В эти минуты он становился прекрасен и юн, и студенты слушали его как замороженные, не понимая смысла, но следуя мелодии его речи.

Одна только Лара была к нему равнодушна. Она все реже стала приходить на занятия, а потом и вовсе перестала их посещать.

— В чем дело, Лара? — спросил он однажды неуместно строгим тоном во время их очередного свидания в Розовом квартале.

Она презрительно молчала.

— Если ты будешь пропускать семинары, я скажу, где ты зарабатываешь деньги, — прибавил он в ярости.

— А я — откуда ты это узнал. Хочешь, чтобы я приходила, плати.

— За что? — изумился он.

— За то, что я не привыкла ничего делать бесплатно.

К весне Поздоровкин отказался от квартиры и переехал в скромное общежитие. Это никак не соответствовало ни его зарплате, ни статусу, но в университете профессор объяснил, что его семья в России нуждается, и объяснение было принято. Безумие нарастало, и постепенно его отношения с Ларой превратились в какой-то сложный ритуал.

Он приезжал в Гент — это бывало всегда по субботам — на одном и том же поезде и через весь город от вокзала шел пешком мимо му-

зая с картинами Босха, мимо старинного университета, громадного собора святого Петра, по торговым улочкам, пересекая каналы и площади, и так приходил в Розовый квартал. По мере приближения возбуждение нарастало, и он не видел вокруг ничего — все лица смешивались, терялись здания и площади, он был одержим лишь одной страстью.

Наконец впереди мелькали огни квартала. Негритянки уже привыкли к нему. Первое время они еще надеялись заманить чудного и щедрого бородача с поблескивающими глазами к себе и даже легонько постукивали пальцами по окнам, когда профессор проходил мимо, но вскоре перестали воспринимать в качестве потенциальной добычи и смотрели равнодушно, как смотрели на шмыгающих по переулкам подростков-турков с черными живыми глазами. Профессор проводил у Лары часа два или три, а потом, умиротворенный, шел гулять по Генту.

Он больше не жалел о том, сколько возможностей упустил в жизни, сколько женщин прошли мимо него, — Лара восполнила ему все без остатка. Его чувство к ней было даже не любовью, оно было сильнее любви — языческое обожание идола. Он боготворил ее тело и служил ему, словно священнодействуя в древнем храме. При этом профессор никогда не задумывался о том, что до него или после него в комнатку к Ларе приходили другие мужчины. Он то ли упускал, то ли гнал эту мысль прочь, во всяком случае, его постоянство предохраняло чешку от случайных столкновений. Она знала время его приходов и в эти часы никого, кроме него, не ждала.

Но однажды он пришел в неуточное время и, приблизившись к заветной комнате, увидел закрытую штору. В животе у профессора тоскливо заняло, он отступил на шаг, и ему почудилось, что негритянки посмотрели на него сочувственно, а одна несмело улыбнулась: дескать, дело житейское, иди ко мне. Поздоровкин покраснел, подскочил к двери и постучал. Но никто не открыл ему. Он отошел в сторону и стал ждать. Сколько так прошло времени, профессор не знал. Мимо проходили люди, проезжали большие красивые машины, едва вписывавшиеся в узкие закоулки квартала, опускались и поднимались шторы в соседних комнатках. Он стоял и не мог понять, в какой стране и в каком времени находится. Все смешалось в его распухшей от знаний голове, русский эрос и радения хлыстов, асексуальный характер русской революции и женственность русской почвы, сильная воля его вождей, но в череде путаных мыслей была одна самая важная, и он очень боялся ее потерять.

Наконец Ларина дверь распахнулась, и оттуда вышел низенький человечек с большими красными губами, на которых блестели остатки жира. Профессор хотел схватить его и ударить по лоснящимся губам, но сдержался. Медленно он подошел к окну и встал перед Ларой. Студентка смотрела из окна на своего преподавателя равнодушно, как манекен, но в тот момент он не видел перед собою женщины. Древний идол восседал перед ним на престоле в своем языческом храме.

Поздоровкин размахнулся и со всей силы ударил рукой по витрине. Стекло треснуло, руки потемнели от крови, но он не почувствовал боли. Кровь лишь разъярила его. Сидевшая на стуле Лара завизжала и выскочила, следом за ней за окнами завизжали негрятки, со всех сторон набежали турецкие мальчишки и, тяжело дыша, уставились на Поздоровкина. Кто-то засвистел, но профессор не мог остановиться. Он бил стекла и зеркала, бутылки шампанского и бокалы, вкладывая в эти удары всю свою ненависть к поверженному идолу своей страсти, к этому чистенькому упорядоченному миру, к урокам разговорной речи и обиженной юности — он мстил за себя и никогда не испытывал столько наслаждения, сколько в эти минуты. Не помня себя, он кружился по комнате, что-то яростно выкрикивал, и все кружилось у него перед глазами, а стоявшие вокруг люди казались ему студентами, которым он показывал на собственном примере, как надо делать.

Но наслаждение было недолгим — вдруг, словно из-под земли, появилась полицейская машина, Михаила Петровича скрутили и отвезли в полицейский участок.

IV

В университете никто не мог поверить, что русский профессор устроил погром в Розовом квартале, и ожидали, что недоразумение прояснится. Администрация была готова принять любое самое фантастическое объяснение, только бы замять скандал и сохранить “красивое лицо”. Однако Поздоровкин ничего не говорил в свое оправдание, и ему было предложено в двадцать четыре часа покинуть территорию страны. Коллеги глядели на него недоуменно, Лара боялась, что он ее выдаст, и смотрела просительно, прочие студенты и студентки ходили тихие и заплаканные. Однако на лице у Михаила Петровича было написано такое чувство собственного достоинства и презрения к окружающим, что даже выразить ему сочувствие никто не решился.

Перед самым отъездом он заехал в Гент. Было жарко, у Поздоровкина тянуло сердце, и он шел с трудом. Экспозиция была закрыта на обед. Профессор подошел к служителю и попросил, чтобы его пустили побыть с картиной наедине, поскольку сегодня он уезжает из Бельгии и никогда больше сюда не вернется. К своей просьбе Михаил Петрович приложил небольшую сумму денег на нужды храма, и служитель разрешил ему пройти.

Поздоровкин оказался с картиной наедине. Он видел ее теперь необыкновенно отчетливо, и никто не мешал ему созерцать этот детский и трогательный мир. Служитель его не беспокоил, он несколько раз заглядывал в помещение и видел одну и ту же картину: стоявшего на коленях человека, который что-то говорил, держась рукою за грудь. Но когда через полчаса экспозиция открылась и в собор вошла туристическая группа, насмерть перепуганные японцы выскочили вон. Перед алтарем, раскинув руки, лежал мертвый мужчина с детской улыбкой на устах. ■

**бременские
музыканты**

В туманном и промозглом саксонском городе Лейпциге, недалеко от кабачка, где сидели Фауст и Мефистофель и торговали бессмертную душу, двести лет спустя играли на улице двое русских музыкантов. Один был постарше, лет сорока, невысокий, пухлый, светловолосый, с неопрятной бородкой и щербатым ртом. Другой, напротив, совсем молоденький, лет двадцати, худощавый и высокий, с темными жесткими волосами и живыми пронзительными глазами южанина. Старший на виолончели, а младший на скрипке, они играли немецкие, французские, русские и еврейские мелодии, и выходило так нежно и жалостливо, так трогало душу, как только и может растрогать две по-настоящему сентиментальные в этом мире души — германскую и славянскую.

Всякий, кто хоть сколько-нибудь разбирался в музыке, несомненно, оценил бы игру уличных музыкантов, особенно скрипача. Он был необыкновенно одаренным юношей, учился у себя на родине в консерватории и играл всегда так, будто перед ним была не многолюдная торговая улица с веселыми магазинчиками, “едушками”, бистро, пивными барами, кабачками, универсамами и крохотными лавочками, а концертный зал, и сам он был одет не в куртку на рыбьем меху, а в не по возрасту строгий смокинг. Старший чувствовал превосходство младшего, но нисколько не ревновал, а наоборот, старался подыгрывать осторожно и бережно, чтобы не нарушить, а выгодно подчеркнуть игру скрипки и украсить ее игрою виолончели, как украшает драгоценный камень оправу.

Однако никто из прохожих не обращал на музыкантов внимания. Время было нехорошее. Рождество уже две недели как прошло, и немцы поскучнели, ходили вялые и хмурые, как небо над их головами. По улицам разъезжали большие машины и увозили отслужившие недолгий срок елки, на рыночной площади доживали последние деньки ободранный Иосиф, нелепый и смешной, как муж-рогоносец, и дева Мария, казавшаяся рядом с ним сварливой и глупой домохозяйкой с вечными немецкими идеалами: киндер, кирхе и кюхе. Коченели пальцы, пронизывал ветер, сверху сыпал дождик вперемешку со снегом, и в такие часы хотелось не мучить ни в чем не повинную скрипку, а засесть в кабачке и пить разливное, не чета баночному, пиво. Но никто не бросал веселые монетки с молодцеватым соколом, ни тем более бумажки с изображением ученого мужа в ночном колпаке Карла Фридриха Гауса, и, следовательно, пить было не на что. Музыканты иногда замолкали, отхлебывали кофе из термоса, а потом снова начинали играть, сами похожие на дождик, припускающий то веселее, то затихающий.

А поначалу у них были куда более далеко идущие планы. Матвей — так звали старшего — еще в Ростове убеждал млад-

шего, Доната, что русских музыкантов, а тем более с его-то талантом, в Европе ценят, и для них это единственный путь к успеху. У них было несколько рекомендательных писем от консерваторских профессоров, адреса местных музыкантов, в том числе и эмигрировавших из Советского Союза, но все оказалось напрасно. Везде, куда они ни обращались, была конкуренция, их даже не хотели прослушивать, где-то отказывали сразу, где-то милостиво разрешали оставить заявление, но все это было бессмысленно. Бывшие соотечественники смотрели на них с превосходством, качали головами и тоже не хотели помогать, в лучшем случае устраивали где-нибудь на ночлег. И очень скоро Матвей и Донат почувствовали себя обманутыми.

У них было совсем немного денег, чтобы оставаться и искать счастья в других местах, но возвращаться домой, после того как столько было приложено сил на получение виз и истрачено денег на билеты, они не хотели. Однажды в порыве безмерного отчаяния в Люксембурге, где они очень надеялись на хороший вкус местной публики, музыканты стали играть прямо на улице. Матвей был убежден, что через полчаса их отведут в ближайший полицейский участок и выкинут вон из этого игрушечного рая за нарушение его неподкупных законов. Однако ничего подобного не произошло. Они играли и играли веселые и печальные незатейливые мелодии, кто-то из прохожих остановился, заслушался, кинул в футляр от скрипки монетку, потом подошли другие, и в тот день они сумели заработать на ужин.

Так началась бродячая жизнь, которая поначалу их даже очаровала. Они почувствовали себя вскоре такой же частью этого города, как старинные, но словно вчера построенные разноцветные дома, фонари, готические соборы, мосты и башни. Потом, когда похожая на праздничный торт столица Великого герцогства им приелась, и они рассудили, что где-нибудь есть места поинтереснее и щедрее, музыканты двинулись дальше. Снова в Амстердам, поразивший их обилием туристов, секс-шопов и невероятной скупостью аборигенов, а оттуда в Гамбург и Бремен.

Германия понравилась им больше Бенилюкса. Она была опрятнее, приветливее и богаче. И они не переставали верить в удачу, предлагали свои услуги в местных оркестриках, кафе и ресторанах, но едва речь заходила о постоянной работе, на приветливых лицах появлялось суровое и даже оскорбленное выражение, как будто они спрашивали о чем-нибудь неприличном. Их местом могла быть только улица, а заработком — милостыня.

Матвей и Донат оба первый раз были за границей, но воспринимали все по-разному. Матвею довольно быстро наскучило то, что обычно поражает воображение человека, проживаю-

щего жизнь в большом провинциальном русском городе. Ему казалось, что здесь, в этих благополучных странах, ничего не происходит, люди не живут, а механически и отстраненно от всего перемещаются во времени и пространстве, не зная сердечных волнений, не цenia и не понимая жизни. Оттого и музыку они воспринимают совершенно иначе. В глубине души, со свойственным русскому человеку и ни на чем не основанном чувстве внутреннего превосходства, он презирал этих прекраснорубых, заботящихся лишь о здоровье и кошельке людей и находил свой народ и самого себя душевно гораздо более глубоким, отзывчивым и чутким.

Донатом же владели иные чувства. Все восхищало и манило его к себе: огоньки витрин, уличные кафе, разноязыкий говор, запахи и цвета. Когда его угрюмый напарник после рабочего дня покупал по дешевке в больших универмагах пиво и пил, отвернувшись к стене по шесть банок кряду, Донат уходил в город и до изнеможения бродил по улицам и бульварам. Он был очень горяч, но еще юн и девственен, и красивые кварталы, где сидели за окнами проститутки, и уютные магазины за темными занавесками, где лежали на столах и полках глянцевые журналы с обнаженными женщинами, — все это невероятно будоражило его. В отличие от родного города, где номера эротических журналов были тщательно упакованы, здесь они продавались на каждом углу, и даже если у тебя не было денег, можно было хоть целый час стоять и листать их. Эта доступность влекла и мучила его, он не мог с собой ничего поделать, ненавидел себя, но ходил в розовые и красные кварталы, и ему казалось, что и эти женщины, и продавцы в магазинах его запомнили, узнают и презирают. Он страдал от этой униженности и забывал о ней лишь тогда, когда играл, ибо музыка утешала и успокаивала его страсти.

Менялись города и страны, провинции и земли, и все они казались на одно лицо — с той же готической архитектурой, площадями, ратушами и булыжными мостовыми. Но вот истекли три месяца, и надо было думать о том, чтобы двигаться в сторону границы. На перекладных выходило дешевле, и в самом конце они очутились в Лейпциге — последнем городе их пребывания в Европе, которая так и осталась для одного несбыточной и дразнящей блудницей, глядящей с обложки глянцевого журнала, а для другого — куклой с холодной и пустой душой.

II

К концу дня, когда они уже собирались уходить, рядом притормозила роскошная машина, и из нее вышел немец в сером пальто и пышными, чуть тронутыми сединой усами. Он улыбнулся им, но глаза у него остались печальными. Они заиграли веселее, он слушал их очень внимательно и как будто думал о своем. Потом кинул в футляр

горсть монет и сделал знак рукой. Музыканты тотчас же умолкли, и старший уступил место младшему, потому что тот гораздо лучше умел понимать и объясняться на европейских наречиях.

— Он зовет нас сегодня придти и поиграть на дне рождения его жены.

— Сколько играть, и сколько он заплатит?

— По сто марок каждому за час работы.

— Идет.

Немец улыбнулся печальными глазами, объяснил, где живет, и сел в машину. Они еще немного поиграли, потом зашли в “едушку”, перекусили и выпили пива и в восьмом часу отправились разыскивать нужный адрес.

Вечером жизнь в городе замирала рано. Улицы были темными, после объединения Германии повсюду ремонтировали дома, и казалось, что они идут не по городу, а по огромной строительной площадке. Только здесь, в отличие от России, здания снаружи были покрыты громадными полотнищами, чтобы пыль и строительный мусор не загрязняли улицы. Такое же полотнище висело и на нужном им доме, разделяя его на две половины, ту, где ремонт уже начался, и ту, где еще не начинался.

По добротной чистой лестнице, уставленной цветами в горшках, музыканты поднялись на четвертый этаж и оказались в большой квартире. Они полагали, что будет много гостей, но кроме знакомого мужчины и невысокой белокурой и очень красивой женщины в темно-синем платье не было никого.

Женщина растерянно переводила взгляд с двух озябших и деловито распаковывающих инструмент русских на улыбающегося мужа.

— Кто это?

— Это мой тебе подарок, Беата. Бременские музыканты из России.

— Зачем ты их привел? Я хочу, чтобы мы были вдвоем, и больше никого.

На красивом лице появилась досада.

— Кажется, она не слишком довольна, — вполголоса заметил Донат.

— Это не наше дело. Поменьше обращай на них внимание.

— Вы знаете мелодии, которые играл оркестр Поля Мориа? — спросил хозяин. — Они были здесь очень популярны во времена ГДР.

— Маленькое ретро. О’кей, — старший кивнул.

— Вы не будете возражать, если я включу микрофон?

Матвей и Донат слегка растерялись. После промозглой улицы, ветра, равнодушных прохожих — все казалось необычным и обманчивым, как в сказке.

— Если надо, я могу дополнительно заплатить.

— Эрик!

— Ладно, начали.

Они заиграли Леграна, потом "Историю любви", какие-то еще мелодии — одна перетекала в другую, они импровизировали и играли по обыкновению хорошо, быть может, даже лучше обычного, потому что тут пальцы не зябли. Потом мужчина пригласил женщину танцевать. Он бережно ее обнял, а она склонила голову ему на плечо, мягко горели свечи, и стояла в углу веселая елка с нарядными розовыми и желтыми огоньками, напоминавшими кварталы проституток в портовых городах, и все это оставляло ощущение неестественной и немного фальшивой красоты. Они играли сентиментальные, щемящие мелодии, и старший вдруг подумал о своей жене и двух маленьких дочках, оставшихся в холодном, безвластном городе, где страшно после семи выйти на улицу, о том, что его там ждут, тоскуют, надеются на то, что он привезет денег. Но денег удалось скопить совсем мало — даже звонить домой чаще, чем раз в две недели, он себе не позволял.

Он снова почувствовал в душе поднимавшееся презрение к этому благополучному и сытому миру, к этой трогательной любви и вниманию, на которое ему не хватило бы фантазии, потому что и он, и жена были заняты не тем, чтобы жить, а тем, чтобы выжить. И ему стало невыносимо обидно за нее, уже столько лет разделяющую жизнь с непризнанным полупрофессиональным музыкантом, стыдно перед дочерьми. Он подумал, что через несколько лет они захотят красиво одеваться, а он к тому времени совсем опустится и будет никому не нужен.

Матвей резко оборвал мелодию.

— Все, мы свой час отыграли. Пойдем!

Мужчина протянул каждому по конверту. В его глазах чувствовалась искренняя благодарность, но раздражение не позволяло в эту благодарность поверить.

Он что-то сказал вполголоса жене — та неопределенно кивнула.

— Мы с Беатой просим вас остаться и поужинать.

На удивление себе, Матвей не стал возражать.

Сперва они как будто стеснялись друг друга и не знали, о чем и на каком языке говорить, и просто ели, тем более что за три месяца от домашней снеди отвыкли и теперь не могли остановиться, но Донат вдруг почувствовал странную вещь. Это был настойчивый и пугавший его взгляд женщины. Он чувствовал этот взгляд и раньше, но во время игры был так увлечен, что не обращал внимания, теперь же ему сделалось неловко. От сытости и тяжести в животе напала сонливость, он боролся со сном, но и проваливаясь, в полудреме ощущал присутствие женских глаз.

— Мне кажется, будет лучше, если мальчик отдохнет, — сказала Беата.

— Что они говорят, Донат?

Младший поднял голову.

— По-моему, предлагают нам остаться.

Старший заколебался.

— Что им от нас надо?

— Ничего, просто хорошие люди.

— Сомневаюсь.

— Что вы желаете пить? — спросил Эрик. — Пиво? Вино?

— Водку, — отрезал старший.

— Водка? — немец на секунду задумался. — Водки у меня нет, но я приглашаю вас, Маттеус, в бар, и там мы выпьем водки.

Женщина посмотрела на мужа каким-то странным взглядом.

— Может быть, ты все-таки останешься?

— Не волнуйся, — сказал он и нежно поцеловал ее в щеку. — Я хочу показать Маттеусу ирландский паб.

— Ты не сердись на меня, Эрик? — проговорила она, опустив глаза.

— Ты же знаешь, что нет.

Женщина проводила мужа и гостя до двери, и с Доната сон как рукой сняло.

— Можешь принять ванну, если хочешь, — сказала Беата безразличным тоном. — Я положу полотенце и халат.

Большое зеркало отразило его худощавую фигуру с торчавшими по-мальчишески лопатками и острыми локтями. Он быстро юркнул в ванную, боясь что-нибудь задеть, испачкать или уронить, и почувствовал себя не расслабленным, а возбужденным.

Это возбуждение не прошло и в кровати, хотя полчаса назад ему казалось, что стоит только приклонить голову, как он сразу же уснет. Он слышал, как женщина ходит по квартире, как полилась в ванной вода, и подумал о том, что она разделась, в зеркале отразилось ее тело и стало похожим на фотографию в журнале. Ему было и жутко, и радостно, он догадывался, но боялся поверить в то, что сейчас произойдет, тем более что после этих свечей, музыки, танца, этой необыкновенной любви такое произойти не должно было, не могло.

Но Беата вышла из ванной, скрипнула дверь, и легко, естественно, как будто не первый раз, она подошла к нему, скинула халат и легла рядом. Донат не шевелился, все это казалось ему ошибкой, недоразумением, которое вот-вот должно рассеяться. Он боялся, что станет делать что-то не так. Тогда она сама привстала на локте и начала медленно целовать его лицо, шею, грудь и направлять его руки, и он ощутил не стыд, не восхищение, а грустную, как глаза Эрика, благодарность к этой женщине, точно снявшей с него проклятие.

В небольшом прокуренном пабе стоял страшный шум, грохотала музыка, перекрикивая ее, разговаривали люди, и Матвей чувствовал себя очень неуютно, сидя на высокой табуретке перед стойкой бара. Он терялся в догадках, зачем этот странный человек его сюда позвал и почему оставил любимую жену одну в день рождения. Эрик заказал себе и ему водки и теперь понемногу ее потягивал, Матвей же опрокинул рюмку одним разом, выкурил сигарету и теперь не знал, что делать дальше. Говорили они на плохом английском, и оба очень напрягались, вспоминая давно выученные и изрядно позабытые слова.

— Ты ведь должен был изучать русский. Или ты не хочешь на нем говорить? — спросил Матвей враждебно.

— Я был плохим учеником, — усмехнулся Эрик.

— У вас был социализм, настоящий социализм — не то, что у нас. Мы жили плохо, как нищие, но мы знали, что есть Германия — страна настоящего социализма. Вы его предали, а теперь просите, чтобы вам играли ретро времен ГДР.

— Что ты знаешь о нашем социализме? Мы были разделены — а народ не может быть разделен. Это было страшно обидно.

— А у нас не было даже масла. А сейчас нет денег, чтобы его купить. И все это из-за того, что мы помогали вам.

Сидевшие рядом с ними синеглазые бородатые парни с усмешкой прислушивались к разговору, а потом весело и быстро сказали что-то по-английски, но ни русский, ни немец ничего не поняли.

— Это ирландские рабочие, — пояснил Эрик.

— Что они тут делают?

— Ремонтируют дома.

— А что же немцы?

— Немцы на такую тяжелую работу за не очень большую зарплату не идут. Еще выпьем?

Матвей полез в карман, решив, что теперь пришла его пора угощать, но Эрик перехватил его руку.

— Ты гость, и платить буду я.

— Ты и так заплатил достаточно денег.

— Все равно. Ты очень хорошо играл, и я хочу тебя отблагодарить.

— Мне не нужно от тебя благодарности.

— Послушай, Маттеус. Пять лет назад в Западном Берлине, где я был без единого пфеннига, меня тоже угощали друзья, а часто и вовсе незнакомые люди. Они говорили мне: "Пей, Эрик, заказывай все, что хочешь. Когда у нас будет не хватать, мы тебе скажем".

— Как ты попал в Западный Берлин? Ведь у вас там, кажется, была какая-то стена, — встрял в разговор один из ирландцев.

— Они выпускали тех, кто им был больше не нужен. Стариков, безнадежных больных, инвалидов.

Ирландец вопросительно посмотрел на дюжего германца.

— У меня был лейкоз, — объяснил Эрик. — Мне сделали химиотерапию и сказали, что жить осталось меньше года. Тогда я попросил выездную визу в Западный Берлин.

В бар вошли новые люди, Эрик приветственно поднял руку, к нему протиснулась девица с разбитными глазами, прижалась всем телом и потерлась о щеку. Подошли еще несколько мужчин, они радостно загорланили, и немец стал знакомить со всеми своего русского друга, отличнейшего музыканта. На Матвея глядели с любопытством, и от этого любопытства снова зашевелилась в душе надежда, что, быть может, удастся зацепиться здесь и найти работу, выписать жену и детей и хоть сколько-то пожить нормальной жизнью. Но к надежде тотчас же примешивалось горькое чувство, что все это поздно и несбыточно.

— А что было потом? — он повернулся к немцу и спросил только из вежливости — в сущности ему было глубоко на это наплевать.

— Я вернулся через год в Лейпциг. Меня снова обследовали, и оказалось, что, если не считать некоторых последствий лечения, я здоров. Показывали студентам, гордились. Потом выписали, но когда я хотел поступить в университет, припомнили, что я был в Западном Берлине, и не приняли документы. С тех пор у меня нет ни образования, ни постоянной работы. Я живу на маленькое пособие и деньги Беаты. И это моя первая проблема.

— Хорошее же, должно быть, пособие, — проворчал музыкант. — У тебя все проблемы такие?

Иронии немец не почувствовал — или же ему хотелось выговориться и рассказать русскому то, что он не рассказывал никому.

— Наш дом вернули прежнему хозяину. Он делает там ремонт, а когда окончит его, то повысит плату за аренду, и мы вынуждены будем переехать. Только не знаю куда.

Матвей подавил в себе сочувствие простой мыслью: если бы у него не было работы, он бы не угощал в баре водкой незнакомого человека, не звал бы уличных музыкантов и, наконец, не ездил бы в такой хорошей машине. И потом, если у тебя нет работы, но ты не соглашаешься отремонтировать дома, значит, твои дела идут не так худо.

Немец молчал и продолжал прихлебывать водку мелкими глотками. Грохотала музыка, перекрикивая ее, разговаривали люди, бармены продавали дивное разливное пиво. Эрик уронил голову на руки, и Матвей увидел, что он совершенно пьян.

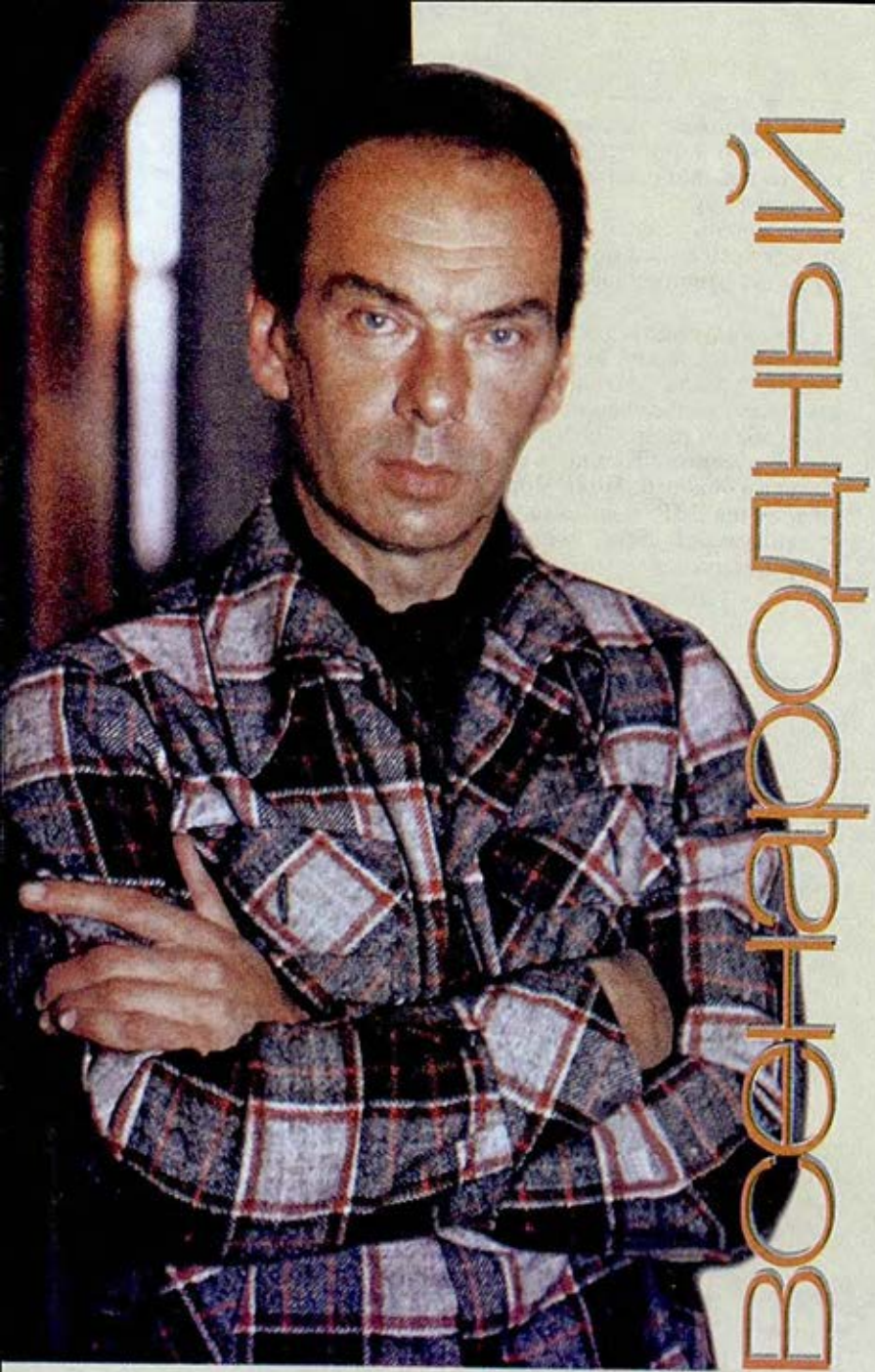
— Пойдем домой? — предложил музыкант.

— Нет, — ответил немец хрипло, — пей еще. Я обещал Беате, что мы вернемся нескоро. Ей понравился твой друг.

— Ты специально оставил их одних? — проговорил русский изумленно и окинул взглядом бар, целующиеся парочки и каких-то девок с распущенными волосами. — Да как же вы все живете-то тут?

— После... после той операции, — сказал Эрик протрезвевшим голосом, — я не могу с женщинами. И это есть моя третья и самая главная проблема.

На следующий день музыканты уехали, и улица опустела. В городе стало как будто чего-то не хватать. Увезли Иосифа и Марию, увезли последнюю елку, торопливые люди шли по своим делам, волосатые ирландцы чинили дома, а вечерами сидели в пабах и громко разговаривали, и никто уже не помнил про двоих русских. Только в старинной квартире иногда звучали мелодии оркестра Поля Мориа, которые были популярны здесь во времена ГДР, и из дома напротив можно было увидеть силуэт танцующей пары, пока, наконец, гигантское полотнище не накрыло и их. ■

БОЕНАРОДЫЙ

Он сыграл главные роли в пятнадцати фильмах, сам снял для экрана "Шинель", "Игрок", "Три толстяка", уже много лет ведет актерскую кафедру во ВГИКе. Актер и режиссер, педагог и общественный деятель, народный артист, профессор, Герой труда, лауреат самых высоких премий, умный, интеллигентный, обаятельный человек и доброжелательный собеседник — все это
Алексей БАТАЛОВ.

— Алексей Владимирович, давайте попытаемся "спроецировать" ваших экранных героев на день сегодняшний...

— Классику тоже берем? Ну, тогда Гуров из "Дамы с собачкой": он домовладелец, и ему-то как раз нынче хорошо должно быть. Современники? Саша Румянцев постарел, конечно... И остался без работы, сейчас ведь только молодых везде берут. Ну, может, он машины пошел бы ремонтировать. Причем не в большой мастерской, а так, во дворе своем: масло меняет, снажем... На пенсию ведь нынче не проживешь. Жаль, что иногда приходится заниматься не своим любимым делом, а просто зарабатывать на пропитание.

— Как вы считаете, ваши герои всегда делали правильный выбор в жизни?

— Да, безусловно. К примеру, Гоша из "Москва слезам не верит". Там даже драматургически именно так вопрос поставлен. А Устименко из "Дорогой

мой человек"? Он вообще "идейный врач": поехал в провинцию, сам себе лишения создавал. Да вся жизнь его — целеустремленный, выстраданный, разумный выбор собственной жизненной стези.

— А вы лично как относитесь к Гоше, которым вместе с Меньшовым обманули одиноких советских женщин?

— Я прекрасно понимал, что весь этот "Гоша" нужен был Меньшову с Черныхом (сценаристом) только для того, чтобы хоть как-то завершить двухсерийные страдания несчастной женщины. Другое дело, что в других бы сериях, если б они были, конечно, он вполне мог ударить ее бутылкой по голове... А почему нет?! Он же от первой жены ушел, пристаёт к электричке и одинокой женщине, пьет вусмерть, дерется... Это только "одинокие советские женщины" не рассмотрели как следует.

— Тогда скажите, как сегодня, по мнению нашего совре-

менника Алеся Владимировича Баталова, но отталкиваясь от героев артиста Баталова, остаться мужчиной?..

— Ну, сколь возможно, надо просто делать свое дело. Ведь если ты что-то делаешь лучше других, это, по-моему, и есть самое важное — как для ощущения себя просто человеком, так и мужчиной соответственно. Подковывай лошадь лучше всех — и люди придут именно к тебе. Так ведь?

— А, к примеру, не "свалил" бы сегодня за бугор ваш экраный герой — физик Гусев?

— Тут уже другой счет. Ведь для тех, кто "свалил" (а среди них много и друзей моих, и просто хороших людей), речь идет о деле собственной жизни. Есть ли реальность, при которой физик Гусев мог сделать здесь все, что оправдывает его жизнь? Нет такой реальности. Смог бы он здесь выяснить, куда все-таки деваются с орбиты два электрона гелия? Ведь речь идет о том, что все, чем он сорок лет занимался, здесь никому не нужно. Ну, а если человек уезжает, чтобы стать просто богатым, этого я не понимаю.

— Почти крылатыми стали слова: "Россия возродится провинцией". Что вы об этом думаете?

— Думаю, талант рождается независимо от географии, политического или экономического "благополучия" общества. Талант — он от Бога, раздающего его независимо от каких-то дурацких условий и условностей...

Так вот, если за Россию принимать Москву, по численности

съехавшихся сюда отовсюду людей, равную двум европейским государствам, — то сегодня это просто огромная гостиничная площадка для заезжих. В которой кому-то, может, и повезет. Но это место, где тяжело пробиться, тем более — удержаться. А возрождаться по-настоящему Россия будет людьми и талантами, которые живут везде. Но поскольку все-таки провинция больше, чем Москва, то и окажется, что "возрождают" Россию именно приезжие или не жившие в столице люди.

— Не просматривается у ребят вашей мастерской некий "комплекс провинциала", ведь они себя в столице должны утвердить, доказать?

— Мне кажется, такой "комплекс" у них больше в личной жизни: говор там, уклад жизни, который их сформировал, все это, безусловно, чрезвычайно важно. Но только до выхода на сцену. На сцене-то все равно видно, как ты играешь, откуда бы ни приехал. Сцена, кстати, очень сильное средство реабилитации, очень сильное.

Я в основном работаю во ВГИКе с ребятами приезжими, с "республиканскими" курсами, как их в свое время называли. Замечательная была мастерская киргизская, ребята с Украины, из Белоруссии. В быту ребята из провинции менее устроены, они в общении живут. К ним у меня заранее некое внутреннее расположение: ехали издалека, значит, собирались, готовились. Может, и не с кем особенно было "готовиться", но они оказываются если и

не лучше москвичей, то тщательнее, добросовестнее подготовленными. Я видел многие курсы, и, как ни странно, по-настоящему они оказываются сцементированы именно такими людьми. Естественно, есть из столицы прекрасные ребята. Так что все эти деления: "провинция"- "глубинка" — не гарантия конечного результата. Во всяком случае, я с радостью готов им отдать все, что сам умею. Сегодня я весь во власти собственных студентов.

— А когда юный уроженец провинциального города Владимира Леша Баталов начинал покорять столицу, его не преследовал "комплекс"?

— Нет, комплекса у меня не было. Меня только родили во Владимире, потом туда регулярно к бабушке с дедушкой, пона их не порасстреляли, возили. Мы с папой-мамой жили бунвально у самого МХАТа, там есть такой переулочек. На одной лестничной клетке с дядей Васей Началовым. И меня очень трогало, что соседи со мной всегда так здоровались: "Здравствуй, Алешенька...". Было уютно и не страшно ни во двор ночью выходить, ни в сарае во время игры прятаться. Да я сроду не знал, что такое "песочница". Гулял между декорациями, которые позднее сам же и раскрашивал; для меня дома было привычнее видеть разукрашенную загримированную рожу, чем обычное лицо человеческое. Я ведь на сцену Художественного театра "выходить" начал едва ли не со дня первого моего шага. Мы там болтались постоянно, и нас,

как кошек, выметали оттуда всеми возможными способами. А поскольку я родился в семье актеров, то и профессию себе не выбирал, как ее выбирают молодые. Вроде, уже на роду написано стать актером. Ведь был момент, когда актерами одного театра служили девять прямых моих родственников: Ольга Андровская, Николай и Владимир Баталовы, Станицын Виктор — это семья моя. Я, правда, куда позже понял, каких людей мне судьба рядом поставила. Как-то один человек сказал: "Ты — человек НЕАН-ДЕРСталинской эпохи".

А насчет "комплекса", то тут другой был — тоже гадость, между нами говоря. То я "сын" чей-то, то "племянник". Я ведь даже в классе-мастерской в школе МХАТа у собственного дяди — Станицына — учился. И если какое-то мое достижение: "Ну, конечно, это его Андровская там научила!.." Или: "Разумеется, это ОНИ там позвонили, и его взяли..." И у меня возникало постоянное желание доказать, что я и сам, несмотря на многочисленных столично-академических родственников, чего-то стою.

Во время работы над дипломным спектаклем по рассказам Чехова бывал я, например, у Ольги Леонардовны Книппер — вдовы писателя. Отыграли мы спектакль, следом за ней вышли в вестибюль, а она меня от вешалки поманила, улыбается лукаво: "Ну, артист, теперь уж ты забудешь меня. Давай диплом тебе подпишу". Я растерялся, отнекиваться начал: неудобно, мол,

получается, что выставляюсь — пусть уж будет все, как полагается. Она так пристально на меня посмотрела, и по мере того, как я говорил, веселое выражение ее лица менялось задумчивой грустью: "Неси, дурак, потом поймешь!" Так что хоть я и не обольщался никогда судьбой актера, аплодисментами, никогда и не сомневался: ни в том, что буду актером, и что во МХАТе — тоже. Правда, кино оторвало меня от сцены, но своих ребят во ВГИКе я все равно всегда ориентирую на работу в театре.

— Вы и на съемочной площадке, и на сцене лет с пятнадцати?

— Кино могло начаться и в тринадцать: меня просто родители не пустили сниматься в фильм "Тимур и его команда". Зато позже, когда режиссер Арнштам снимал картину о Зое Космодемьянской, весь наш класс забрали изображать ее одноклассников. А когда потребовалось какую-то фразу произнести, он меня выбрал. Руки ноги мои окаменели, голос "провалился" куда-то, выражение лица стало — я это прекрасно чувствовал — абсолютно идиотским. Может, я потому после "Зои" для кино много лет не "годился".

А на сцену в самом деле лет в пятнадцать вышел. Мама, я и братья по отчиму, писателю Виктору Ардову, Миша и Боря (мне четырнадцать, а они — четырехлетний и двухлетний) скитались по эвакуации в теплушках — искали, где хлеб подешевле, картошка: Бугульма, Свердловск, Чисто-

поль, Казань... Там мама — актриса Нина Антоновна Ольшевская — в театринах малюсеньких работала, в которых и я начал декорации таскать, потом мне доверили "кушать подано". Но дело не в этом; главным, конечно, в тыловых городах были госпитали, в столовых и фойе которых перед тремя-четырьмя койками актеры что-то читали, пели. И вот стоишь перед этими койками, чего-то рассказываешь, а на тебя из бинтов так с одобрением смотрит глаз... Или два... Смотрел я на этих молодых ребят, у которых рук-ног не было, иногда половины лица, и для меня они становились совершенно конкретным олицетворением: вот кто тебя защитит, чтобы сейчас ты перед ними стоял невредимым и что-то говорил, чтобы ты мог жить.

— Однажды вы довольно категорически заявили: "Все равно я остаюсь мальчишкой с войны"!

— А куда от этого денешься? Отец, дядя, брат двоюродный, отчим — все воевали. И ничего более чистого, искреннего, ничего лучшего в жизни уже не было. И слава Богу... Может, поэтому у меня с фильмом "Летят журавли", со сценой победы и возвращения фронтовиков, связаны какие-то очень важные человеческие ощущения, надежды. И вообще, какая радость, что из множества картин о войне люди сердцем выбрали именно "Журавлей" — вот уже сорок лет они остаются живой картиной. Война — это не нынешний базар, куда тяжелей...

— Ваш отец Владимир писался в титрах фильмов как "Аталов", хотя дядя — Николай — всегда "Баталов". Вы не интересовались, почему? Да и фамилия...

— Думаю, от "ботало" — вешали такое приспособление коровам на шею. Правда, дядя уверял, что мы пошли от "Баталини" — был такой причесывальщик при дворе Екатерины II. Но во МХАТе и не такое придумывалось. Потому за что купил, за то и продаю. Знаю, правда, что есть целая деревня Баталовых. А по поводу "Аталова" я вот что скажу: ехидный Станиславский запрещал актерам-родственникам иметь одну и ту же фамилию.

— Анна Ахматова уверяла, что всех великих мужчин сделали женщины. Кто "сделал" вас?

— Семья. И женщины, конечно. В том числе и Анна Андреевна, которая появилась в нашем доме на Ордынке, когда мне было лет семь. Я это хорошо помню потому, что болел в то время скарлатиной, затем сердце болело и все такое. Но появилась тетя из Ленинграда, и меня, больного, на другой диван переложили, а она, такая тетя с челкой, на мой диван прилегла. И потом, когда приезжала из Ленинграда, всегда на моем диване лежала; я ее стал считать своей бабушкой. И еще Ахматова, хоть и сама всегда нуждалась, дала мне денег, чтобы я после армии с головы до ног оделся: у меня же ничего, кроме военной формы, не было. А я взял и купил по-

держанный "Москвич" — первый в своей жизни.

— У вас какие-то армейские воспоминания-впечатления остались?

— Впечатления такие: два года пребывания в команде Театра Советской армии, мотался по гарнизонам от Мурманска до Дальнего Востока. Это ведь была театральная "команда обслуживания". И репертуар у меня был соответствующий: я же из мхатовской школы выпускался как актер характерный, смешной, попросту говоря. А уж в "героя современности" меня кино переделало. Ведь первые кинороли — Журбин и Саша Румянцев — вовсе не моего амплуа по школе-то. На Лешку Журбина в "Большую семью" человек двенадцать пробовалось. Хейфиц "семью" подбирал: чтоб мальчик с голубыми глазами был, как у Бориса Андреева, чтоб и курносый был чточку, где-то и на "деда" — Сергея Лукьянова — походил. Они в том фильме главные роли играли. Ниты! А кто меня тогда знал?! Да и вообще, "мой образ", "моя тема" — актерские байки. Вот не позвали тебя на роль "героя современности", так и сиди дома, ничего не сыграешь. А Хейфиц Иосиф Ефимович из мальчика "запаса" МХАТа сделал актера кино, к которому и приклеили образ "положительного героя современности". Так что все претензии по поводу "классика современности" — к Иосифу Ефимовичу.

— А можно "под занавес" вопрос интимный?

— Давайте.

— Ваши студенты влюбляются в вас?

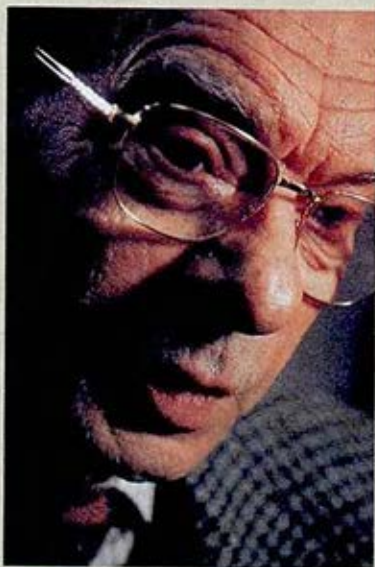
— У нас с ребятами очень теплые отношения, но, думаю все-таки, они слишком молодые, чтобы числить меня в своих "кумирах". У них герои другие должны быть. А влюбляются ли они в меня,

ну, конечно, как в педагога... Об этом надо их самих спросить.

— Что помогает вам оставаться самим собой? Быть с собой в ладу?

— Любимое дело. И собственная совесть.

Беседу вел **Геннадий СУХИН.**

"Роман"
Для Мюллер издается
75 не самая южная!
Но какие 75!
Поздравляю, что родили
и родили Вьюжить!
Тугатар
Ан. Дар. Диня
98.

Сергей ГОНЧАРЕНКО

* * *

*И всего-то сто шагов до Храма,
до свечей и до святых икон,
но вросла всем корневищем драма
в эту землю веку испокон.
В тех корнях не сок, а кровь сочится
не по воле недр или небес.
На луну ночами здесь волчица
воет, словно видится ей бес.
Из какого же замешан теста
этой драмы злой чертополох?
То ли кто-то сглазил это место,
то ли проклял это место Бог.
Может быть, уже не за горами
день, который снимет этот глаз,
чтобы смог священник в ближнем Храме
помянуть в своей молитве нас.*

* * *

*Легко так летали едва ли
пернатые и мотыльки,
как полночью в полуподвале
взмывали, судьбе вопреки,
ушам недоступные звуки,
родясь у него в голове,
роясь над разломом разлуки
в написанной жизнью главе.*

* * *

*Аж до завтрашнего дня
выпросил у Бога
жизнь я. Что же у меня
на сердце тревога?
Что трепещешь так, трава,
что дрожите, листья?
Клином сходится ль, молва,
свет на фаталисте?*

*Он сойдется им, слепя,
лишь у обелиска.
Знать, боюсь не за себя,
а за тех, кто близко.*

* * *

*Плод запретного таланта без обложки фолианта
он листал, а у порога заскрипели тормоза.
По-хозяйски, а не вором полночь лязгнула затвором:
это значит — черный ворон и скрипучая кирза,
кобура поверх кожанки и — коварней, чем гюрза,
револьвер глядит в глаза.*

*Долго с недобитым “белым” маузер ли, парабеллум,
революционным делом одержимый до конца
встречи ждал — и вот Паллада пала на пол от приклада:
так, наверно, ей и надо, раз подпольного чтеца,
мистика и либерала, но и стойкого борца
не спасает от свинца.*

*Головой сперва в темнице будет в стенку долго биться
он, в душе цареубийца, а по облику — Сократ.
Улялюм, да и Ленора с красноезвездного линкора
или с крейсера “Аврора” в память красных баррикад
в реввоенсовете скоро предадут его стократ,
ибо он — аристократ.*

*Но какой аристократ он? Книжник, дышащий на ладан,
мелкий барин, вместе с братом мост мостивший в никуда.
Из имения родового, не любя городского,
слал по молодости слово в честь свободного труда,
чтоб ударил пролетарий, не оставив ни следа
от дворянского гнезда.*

*Потому-то он недаром стал народным комиссаром,
интеллектуалом ярым — алый бант и красный флаг, —
но круговорот Природа в честь тридцать седьмого года
завершила — враг народа он среди прочих бедолаг,
за которым с приговором в ночь прибудет черный ворон
и прокаркает: ГУЛАГ!*

* * *

*Что ж не слышать на крыше
голоса голубей?
Мудрость с годами ближе,
только я сам глупей.
Мне ли не бить поклоны
и отрицать вину,
если в тени колонны
тень моя — как в плену.
Словно на пароходе,
плавание начнем.*

*Прошлое не проходит
вместе с прошедшим днем.
Всё, что ты, Божья милость,
плавил на огне,
болью укоренилось
Бог весть зачем, во мне.
Всё, что пчелиный улей
носит на алтари,
неизвлеченной пулей
кровоточит внутри.*

* * *

*Пусть правда — как ложь, но, право,
и в соиме неразберих
у Мастера нету права
на в чем-то фальшивый штрих.
Вес капель совсем ничтожен
в сравненье со всей рекой,
но он их исполнить должен
уверенною рукой.*

*Пусть в картах нет нужной масти,
пусть вырублена лоза,
но он ведь на то и Мастер,
чтоб зрячей быть, чем глаза.*

* * *

*Что же все же судьба у России?
Буревал, буерак, бурелом.
Вместо мыслей о месте мессии,
может быть, это — месть поделом?
Может, эта душа нараспашку —
вызов космосу: мыслимо ль ведь
снять последнюю с тела рубашку,
чтобы на незнакомца надеть?
Может быть, этот быт без расчета
хуже, чем без царя в голове?
Может, заняли место мы чье-то,
чья судьба — в предыдущей главе?
Все космические перегрузки
сам себе невзначай навязав,
всякий, в мире живущий по-русски,
может быть, изначально не прав?
Только все-таки в мареве мифов
мы, с сумой вместо полной мошны,
подхватив эстафету у скифов,
и в безбожии Богу нужны.*

ВЗРЫВНАЯ ВОЛНА

Сергей УСТИНОВ

накрыла
одну из
самых
МОЩНЫХ
преступных
группировок

Человек предполагает, а кто-то там располагает. Может, Бог. А может, черт. Во всяком случае, стоя ранним январским утром возле взорванного перед рассветом дома на Новогиреевской улице, начальник отдела по борьбе с организованной

преступностью Восточного округа Москвы Иван Матвеев даже близко не мог представить, с чем столкнется еще до истечения дня. Это при его-то работе — когда в принципе надо быть постоянно готовым столкнуться с чем угодно...

Дом пылал. Эксперты уже на глаз принюхивали: мощность взрыва была эквивалентна никак не меньше, чем килограмму тротила. Убийцы заложили заряд у порога квартиры на первом этаже, но, видно, действовали без достаточного профессионализма в саперном деле: основная взрывная волна пошла в другую сторону. Правда, стальную дверь, на которую покусались, тоже вывернуло с корнем, а оконные решетки во всех комнатах отбросило вместе с рамами аж на несколько десятков метров, но по счастью именно в этой квартире никто серьезно не пострадал: хозяйку, женщину лет тридцати пяти, вместе с десятилетним ребенком уже усадили в "скорую", по дороге в больницу обрабатывая им ссадины и ожоги. Но врач успел перед их отправкой сообщить: непосредственной угрозы для жизни нет. И значит, через час-другой, отметил для себя Матвеев, уже будет возможность допросить жертву покушения.

В принципе, можно было бы поехать сразу вслед за ними — благо на месте происшествия начальства хватало и без него: от уголовного розыска и ФСБ до районного прокурора и супрефекта. Всех их, как и Матвеева, подняли с постели затемно. Но Иван Петрович просто не мог заставить себя покинуть пожар, пока не станут окончательно ясны все последствия: это был не просто район, где он работал. Это было место, где он жил уже много лет. Где росли и учились трое его сыновей. И где большинство окружающих он воспринимал не просто как не-

кое подопечное ему "население". Как соседей.

Ситуация, между тем, усугублялась: пожарники потребовали начать срочную эвакуацию жильцов других подъездов. Пламя все не сбивалось, горели две соседние квартиры, рухнули перегородки, и казалось, что пятиэтажка держится буквально на честном слове. С огромным трудом удалось освободить и вынести наружу чудом уцелевшую восьмидесятилетнюю старуху: обрушившаяся балка уперлась в спинки кровати и послужила щитом от летящих со всех сторон горящих кусков перекрытий и мебели. "Скорые" одна за другой увозили покалеченных и обожженных, наступала очередь угоревших, наглотававшихся дыма. Возникла опасность, что будут и обмороженные: люди покидали горящие квартиры, выпрыгивая прямо из постелей — без обуви и одежды...

На войне, как на войне: человек привыкает ко всему. На войне с организованной преступностью кровь, смерть, растерзанные трупы и прочие результаты криминальных разборок быстро становятся частью обыденного. Но даже здесь существуют какие-то пределы, неписанные правила убийственной игры. Что это за люди, которые с такой тупой и бессмысленной жестокостью сводят свои счеты с противником — даже не думая о возможных невинных жертвах? Да и люди ли они?..

Подожел потный, перепачканный копотью майор из ФСБ, эксперт взрывного отдела, сказал устало:

— Письменное заключение будет позже, но я тебе уже сейчас могу сказать: почерк тот же. И

тип взрывного устройства. И материал — похоже на пластид.

Матвеев молча кивнул: он и без эксперта предполагал то же самое. Ровно неделю назад они вот так же стояли на морозном рассвете у дома на Первомайской. Там тоже рухнули перекрытия и загорелась квартира, соседняя с той, под дверь которой был заложен заряд. Но этаж тогда был высокий, и жильцы, две женщины и мужчина, пытаясь выбраться из пылающего жилища, повисли на раме окна, которая, не выдержав, рухнула. Мужчина погиб на месте, женщин отправили в больницу со множеством переломов.

Сыщики, конечно, пытались сделать что-то по горячим следам, но безуспешно. Отработали даже версию, что объектом покушения был именно разбившийся насмерть мужчина — как оназало, военный разведчик. И ничего не нашли: по всему выходило, что прошедший чуть не все горячие точки последнего десятилетия полковник погиб нелепой, совсем не ему предназначенной смертью.

Гораздо более перспективным выглядел хозяин квартиры, к двери которой и была прикреплена бомба. Некто Прокопьев, коммерсант, совладелец средних размеров посреднической фирмы "Феникс", занимающейся торговлей нефтью. А где нефть — там кровь. Но торговец отказывался даже обсуждать возможность того, что кто-то мог покушаться на его жизнь.

— Что-вы, Иван Петрович, — широко улыбаясь, убеждал он Матвеева, — это какое-то недоразумение! Поверьте: ни одного вра-

га ни у меня, ни у моей фирмы нет! У нас со всеми партнерами абсолютно нормальные отношения, никаких конфликтов!

— Может, вы кому-то должны? — настаивал Матвеев. — Или, наоборот, вам?

— Абсолютно ничего! Если желаете, можете изучить нашу бухгалтерию!

Но начальник отдела, хоть и поручил порядна ради посмотреть финансовые документы "Феникса", особых надежд на это не возлагал: уж ему-то было хорошо известно, что корни кровавых разборок чаще всего растут отнюдь не из предназначенных для глаз ревизоров бумаг. Нет, не они, и даже и не гладкие слова, произносимые собеседником, сообщали истину. Правду говорили глаза на украшенном доброжелательной улыбкой лице Прокопьева: пустые, как у приговоренного к смерти. Глаза человека, который внутри уже умер, и только внешне, как зомби, продолжает двигаться, произносить какие-то слова.

Матвеев не удивился, когда узнал, что уже к вечеру дня покушения коммерсант вместе с семьей исчез из города в неизвестном направлении. И лишь с горечью констатировал: еще один висян с нулевой перспективой на шее РУОПа и угрозысна...

— Взгляни-ка, Петрович. — Один из сотрудников протягивал ему раскрытую сумочку, взрывом вместе с другими вещами выкинутую на снег. — Это из той квартиры, где дамочка с ребенком. Тут документы и визитки.

"Соболева Ирина Николаевна, коммерческий директор", прочитал Матвеев. А сверху крупными

буквами название фирмы: "ООО "ФЕНИКС". Вот теперь следовало ехать в больницу не откладывая.

81-Я ГОРБОЛЬНИЦА
6 ЧАСОВ 48 МИНУТ

Едва войдя в приемный покой, Матвеев слегка обалдел: в перевязочной на кушетке сидела и всю материлась известная в округе Ирка Чумка, которую он еще пару-тройку лет назад помнил спившейся алкоголичкой, опустившейся шлюхой, "овцой", готовой за станок красного обслужить любого желающего. Фамилия ее действительно была вроде бы Соболева, но представить себе, что она и обладательница лаковой сумочки с визитками коммерческого директора "Феникса" — одно и то же лицо, было совершенно невозможно. Однако пришлось.

— Чего пасть раззявил, ментяра? — ласково приветствовала Чумка старого знакомого. — Сейчас опять мораль толкать начнешь? Мне с вами тереть нечего, ничего я не знаю, врагов не имею, а вас и вовсе в гробу видала!

Но Матвеев не собирался так легко сдаваться. Присел на стул рядом с Соболевой, обратив по ходу дела внимание, что на ней хоть и обгоревшее местами, но действительно дорогое белье, а ногти ухоженных пальцев хорошо намазаны. Похоже, кто-то и впрямь помог Чумке подняться по социальной лестнице. Что ж, это не новость: коммерческие фирмы, работающие под бандитской крышей, берут, случается, посторонних людей на официальные должности с правом финансовой подписи — что называется, "за набанчина". Таких, которых потом легко отдать на съедение. И луч-

ше всего на эту роль годятся личности, уже утратившие адекватную оценку действительности, но такие, что еще могут выполнять минимальную представительскую роль. Ирка Чумка, отмытая и одетая, еще не потерявшая окончательно былой статности и остатков красоты, вполне подходила для этой цели. Значит, надо попытаться для начала вытрясти из нее, кто действительный хозяин "Феникса". Однако это оказалось не так просто.

— Кровососы! Смерти моей хотите? Пошли на ..! Говном подавитесь! — легко вернувшись к своему недавнему подзаборному лексикону, орала, захлебываясь слюнями и соплями, Чумка, и Матвеев с ужасом начал понимать, что она уже абсолютно пьяна: сердобольные медработники слишком живо откликнулись на ее просьбу дать "антишоковые" сто граммов спирта.

— Ну все, разошлась, как дерьмо по лопате, — констатировал подъехавший в больницу вслед за сыщиками участковый. — Теперь, пока не проспится, толку не жди. А мы тут, Иван Петрович, задержали одного молодца, может, побеседуете с ним?

— Кто такой?

— Да не знаем пока. На пожаре в толпе стоял, все высматривал чего-то, выноживал. Я смотрю, не из наших, не из местных. Ну и прихватил его. По документам — охранник из частной фирмы.

Вот с этого момента время и понеслось вскачь.

87 ОТДЕЛЕНИЕ МИЛИЦИИ
7 ЧАСОВ 49 МИНУТ

С самого начала беседы — да нет, с самого первого взгляда

Матвеев определил, что перед ним профессионал. Маленький, но очень широкий и крепкий в плечах, с расплюснутым носом и перебитыми ушными хрящами, Игорь Грымов действительно оказался бывшим капитаном спецназа ГРУ. Конечно, он тоже боялся, да еще как! Но, в отличие от дилетанта Пронопьева и совсем уж бессмысленной Чумки, хорошо отдавал себе отчет в том, что происходит.

— Поводился кувшин по воду ходить... — с тоской произнес он в разговоре. — Только и радости, что у этих кретинов руни из одного места растут — не умеют толком с взрывчаткой обращаться. Я в этом ср...м "Фениксе" за службу безопасности отвечаю, и могу ответственно заявить: на нас такая бригада наехала, от которой на Луне не спрячешься. Мне-то точно известно: меня тоже заказали, я на очереди следующий. А у меня семья, дети... Так что выбор маленький: либо я их сдаю вам, либо...

Именно тогда впервые прозвучала фамилия Нартаева. И Матвеев сразу понял: дело серьезное, надо подключать городское управление. Тем более, что из рассказов Грымова следовало сделать вывод: новых взрывов можно ожидать практически в любую минуту.

Ф.И.О.: Нартаев Артур Хамзатович

Дата рождения: 13.07.1966.

Уроженец: Казахская ССР, Уральская область, г.Ансай

Национальность: чеченец

Кличка: "Атлант"

Категория: Лидер организованной преступной группировки

Информация по адресу: в адресе не проживает

Нартаев Артур Хамзатович в г.Москве проживает на нелегальном положении, часто меняя адреса жительства. В криминальной среде известен под кличкой "Атлант". Является неординарной личностью с выраженными лидерскими криминальными качествами. Обладает дерзким и целеустремленным характером, жесток, настойчив в достижении поставленной цели. Физически развит, имеет дан по одному из видов восточных единоборств. Отлично владеет огнестрельным и холодным оружием, мастер спорта СССР по автогонкам.

С конца восьмидесятых появился в г.Москве, занимаясь вымогательством и "ниданием" в комиссионном магазине "Автомобили", а также Кунцевском автоцентре. Следственным отделом ОВД Одинцовского района Московской области в отношении Нартаева было возбуждено уголовное дело по ст. 148 УК РФ (вымогательство). Однако затем прерращено в связи с тем, что ни один из потерпевших в суд не явился.

Вновь Нартаев появился в Москве в 1993 году, где с помощью угроз и физического воздействия на директоров некоторых СП добился ввода себя в состав учредителей этих фирм. После чего, имея легальный доход и определенные позиции в госструктурах Чечни, сделался весьма влиятельным членом общины. Сферы интересов: поставка нефти из регионов Северного Кавказа, незаконный оборот оружия, финансовые операции. Согласно агентурным данным, в последнее время отме-

чен его интерес к российским авиационным агентствам. Имеется информация о намерении в перспективе прибрать к рукам какую-нибудь крупную авиакомпанию, например, "Аэрофлот" или "Трансаэро".

Грымов рассказал, что конфликт с "Фениксом" возник именно из-за самолетов. Собственно говоря, вся эта фирма по сути была чем-то вроде своего коммерческого директора Чумки — только на поводке у крупной преступной группировки. Вот о ней Грымов не хотел распространяться ни в канюю, но Матвеев и не спешил педалировать эту тему: ему для начала хватало и того, на что бывший спецназовец был готов "расколоться" прямо сейчас.

На "Феникс" были оформлены несколько арендованных самолетов, которые весьма успешно отдали в субаренду куда-то на Ближний Восток и в Африку, где они приносили отличный доход. В счет каких-то нефтяных расчетов Нартаяев, придравшись к финансовым неувязкам, потребовал перевести право аренды на него. Но руководство "Феникса", не имеющее для этого реальных полномочий, отказалось. Как часто бывает, в войне группировок первыми начали гибнуть "шестерки". Однако имелось все основания предполагать, что вот-вот могут начаться и полномасштабные военные действия. Для имеющих богатый опыт такого рода руковцев на практике это означало: где-то в городе тайно копится огромное количество оружия и живой силы — боевиков. Но где?

Ф.И.О.: Покровский Мансим
Анатольевич

Дата рождения: 14.12.1961.

Уроженец: г.Москва

Национальность: русский

Кличка: "Манс"

Категория: активный член организованной преступной группировки

Место работы: ТОО "ПОНАРО".

Адрес: г.Москва, Мичуринский проспект, д.31.

Коммерческая структура ТОО "ПОНАРО" в соответствии со списком Управления Департамента налоговой полиции РФ по г.Москве и Московской области контролируется чеченскими организованными преступными группировками.

Покровский М.А., уголовная кличка "Манс", является активным членом организованного преступного сообщества с 1988 года. В 1993 году совместно с Нартаяевым А.Х. и Рондаревым Б.В. организовал ТОО "ПОНАРО" (названную по первым слогам фамилий совладельцев), по оперативным данным являющуюся одним из легальных представительств чеченской ОПГ. РУОП г.Москвы располагает оперативной информацией об участии Покровского М.А. в крупных вымогательствах с угрозами физического уничтожения. Так, после того, как Утапсинскому нефтеперерабатывающему заводу было дано Минтопом разрешение на дополнительную переработку 100 тысяч тонн нефти в месяц, к руководству завода пришли лица чеченской национальности, требуя либо заключить договор на переработку этой нефти с указанной ими фирмой, либо платить по два доллара США с нан-

дой тонны, т.е. 200 тысяч долларов ежемесячно. Директор завода отказался. Тогда ему стали угрожать убийством и заложили в его кабинете взрывное устройство большой мощности, которое не взорвалось по чистой случайности. Вскоре после этого на контакт с руководителями московских фирм, занимающихся бизнесом на Туапсинском заводе, вышел Покровский М.А. и предупредил их, что они должны согласиться на условия чеченцев, прямо угрожая в случае отказа убийством руководителей данных фирм и их близких.

Покровский М.А. ("Макс") чрезвычайно опасен. В Москве появляется только под охраной лиц, вооруженных огнестрельным оружием.

МИЧУРИНСКИЙ ПРОСПЕКТ.

9 ЧАСОВ 15 МИНУТ.

Оперативная проверка офиса "ПОНАРО" ничего, к сожалению, не дала. Все данные говорили за то, что никто из учредителей фирмы на протяжении довольно длительного времени там не появлялся и даже на связь не выходил. Местонахождение их неизвестно.

Но как бы разбуженная утренней взрывной волной машина руповского поиска начала активный сбор информации: задействовались все возможные источники, анализировалась компьютерная база фантов, назначались встречи с агентами. И вскоре появились первые плоды. По сведениям одного из информаторов в криминальной среде вчера на Макса было совершено покушение: его "вольво" была обстреляна из гранатомета, водитель и охранник ранены, сам Покровский не по-

страдал. Ходят упорные слухи о большой войне между чеченскими и несколькими славянскими группировками....

РООП ВОСТОЧНОГО ОКРУГА. 10 ЧАСОВ 2 МИНУТЫ.

— Вот здесь, вроде... — Грыммов неуверенно ткнул пальцем в висающую на стене карту. — Эстандаду мы переезжали, это точно. Значит, здесь.

— А как дом выглядит? Описать можешь? — спросил Матвеев.

— Дом... — Грыммов тяжело задумался. — Давно это было, я же не запомнил специально-то... Дом как дом, трехэтажный. А может, четырех. Серый. Или желтый. Старый таной. В смысле, старой постройки, но фасад недавно крашенный, точно помню. Да я увижу — сразу узнаю, у меня зрительная память отличная!

Бывший спецназовец рассказал, что примерно полгода назад, когда между "Фенинсом" и "ПОНАРО" еще не было никаких конфликтов, он, едучи на машине с одним из нартаевских боевиков, остановившись возле здания где-то в районе Рижской эстандады.

— Заскочу на минуту к нашим ребятам, — пояснил боевик.

Но когда Грыммов попросился зайти вместе с ним, чтобы заодно справить малую нужду, тот отреагировал довольно резко:

— Нечего тебе там делать. Вон, в кустах отлей.

Нигде, ни в каких источниках или агентурных донесениях сведений об этом офисе "ПОНАРО" не значилось. А реакция чеченского боевика могла свидетельствовать о том, что это отсутствие информации не случайно. Короче, по

всему выходило, что таинственный дом надо иснать. Причем, как можно скорее.

По оперативным данным Нартаев А.Х. причастен к организации ряда заказных убийств, в том числе известного банкира, председателя правления "Россельхозбанка" Лихачева, нефтяного магната Бубнова и "вора в законе" Глобуса. Он поддерживает как открытые деловые, так и скрытые контакты с подразделениями МВД, ФСБ и ГРУ генштаба министерства обороны. В интересах обеспечения собственной безопасности имеет свою сеть агентов, сотрудничающих с правоохранительными органами.

Нартаев А.Х. осведомлен о ведении в отношении него оперативной разработки РУОП ГУВД Москвы и УБТ ФСБ РФ, знает отдельные установочные данные оперативных сотрудников-разработчиков и их руководителей. После получения указанной информации принял дополнительные меры конспирации и противодействия: сократил численность группировки, убрал из своей группы всех ранее судимых и задерживавшихся РУОПом, мансимально законспирировал преступную деятельность. Отказался от ношения огнестрельного оружия, тщательно контролирует содержание своих телефонных разговоров, постоянно меняет места пребывания, готовит запасные убежища для себя и своих хорошо законспирированных групп вооруженной охраны, которую в случае необходимости задействует решительно и с большой жесткостью.

Хотя времени терять не хотелось, решили действовать по воз-

можности обстоятельно. Матвеев вместе с начальником отдела из городского РУОПА лично расчертили фломастерами карту региона на квадраты.

Значит, вот она, Рижская эстакада. Грымов уверяет, что двинулись от вонзала и переехали ее. На той стороне по левую руку начинаются фактически Сокольники: многочисленные Рыбинские улицы и переулки под порядковыми номерами, а за ними Сокольнический вал, за которым, слава Богу, больше ничего: парк. Но зато дальше вдоль него Старослободские, Лобачика, Маленковская... Дворы, проулки, дома старой застройки — сам черт в них ногу сломит. И кабы на этом все! Головоломка в том, что дорога, продолжающая эстакаду, нырнув в небольшой тоннель, выснакивает уже к пересечению Краснопродной и Русановской улиц, а там... В одних Красносельских можно заблудиться. И это при том, что надо твердо исходить из того, что эстакаду проехали.

А ну как, если нет? И эстакада только запомнилась как ориентир, а на самом деле от Рижского рынка взяли правее нее, на Переяславку, что тогда? Тогда хана. Все улицы и переулки от Каланчевки до проспекта Мира.

— Ладно, — сказал Матвеев, — глаза боятся — руни делают. Поехали.

РАЙОН РИЖСКОЙ ЭСТАКАДЫ

11 ЧАСОВ 14 МИНУТ

Всего экипажей на поиски мобилизовали более десятка, но, к сожалению, Грымов был лишь один. Да и тот, как все больше становилось ясно с каждой минутой, путался и готов был невпопад

тыкать пальцем едва ли не в каждое свежепокрашенное здание. Остальным следопытам оставалось полагаться только на чутье и везение.

Что может быть более увлекательным, чем поиски черной кошки в темной комнате?.. То, что кошка не дается в руки, виделось все определеннее. По нынешней моде все сколько-нибудь солидные фирмы отгородились от улицы надежными дверями с глазками, а то и видеодфонами. Охранник с той стороны ни за что не откроет замок до тех пор, пока не убедится, что перед ним свои. А козырять руповскими удостоверениями по понятным причинам могло оказаться, мягко говоря, не полезно.

— Здрасте, вы мебель бэ-у не продаете? Купим, если дешево... Не продаете? А вообще чем торгуете?

— Из пожнадзора. Нет, просто проверить огнетушители...

— Привет, мужики! Извините за беспокойство, друга ищу, Асланом кличут. Одни Иваны у вас? Ха-ха, шутники!

Язык заплетался, мозги отназывались больше выдумывать всякие дурацкие вопросы, с помощью которых завязывались бы беседы, открывались бы двери. Примерно через два часа после начала поисков из главка пришла по радиации информация: в городе отмечена концентрация приезжих боевинов. По сведениям источника, причина — в готовящихся разборках между группировками. Для поддержки поисковых групп отправлен автобус с собровцами в полной боевой амуниции.

Да, поиск кошки в темноте — занятнейшая штука. Особенно,

если кошки там нет. Теперь Матвеев уже не может вспомнить, чей это был голос по радиации, кого-то из сотрудников его отдела или, может, главного управления. Зато смысл сказанного помнит отлично:

— Японский бог, а ведь сразу за Рижской эстанадой еще одна идет, Русаковская! Выходит к Бакунинской улице!

В спешном порядке допрошенный тут же рядом находящийся Грымов был вынужден признать, что, черт его знает, может, то была и не Рижская. От Рижского рынка ехали — это точно. И эстанادا каная-то была. А Русаковская или другая — откуда ему знать, он в Москве-то без году неделя...

РАЙОН ШОССЕ ЭРТУЗИАСТОВ.

12 ЧАСОВ 2 МИНУТЫ.

Додин Покровский, владелец расположенной здесь автостоянки, не стал задавать лишних вопросов, когда его племянник позвонил накануне и приказал дать завтрашней смене сторожей отгул. Во-первых, на самом деле именно Макс был действительным хозяином предприятия, а во-вторых, дядюшка слишком хорошо знал, что представляет собой этот родственничек, и давно привык в подобных случаях держать язык за зубами. Уне по собственной инициативе он отправил по домам и слесарей из расположенной на отшибе автомастерской: объяснил, что ждет, якобы, налоговую инспекцию, и нечего посторонним, не числящимся в штатном расписании, здесь толкаться.

Посторонним тут, действительно, делать было нечего. Судя по всему, готовилась "стрелка". Ав-

тостоянку уже не один раз использовали для серьезных переговоров между лидерами различных группировок: местоположение ее достаточно уединенное, кругом пустыри да склады, до ближайших домов довольно далеко. До сих пор Бог миловал — все заканчивалось мирно. Но сегодня с утра серьезность приготовлений насторожила даже видавшего виды старого Додина.

Приехавшие еще засветло на двух машинах незнакомые мало-разговорчивые люди вытащили из багажников автоматы Калашникова и начали занимать на автостоянке позиции по всем правилам военного искусства. Один залег на крыше металлического бокса, где хранился разный инвентарь. Другой пристроился между колесами припаркованного в углу трейлера. Третий засел на ящиках позади мусорных контейнеров. Еще двое уселись в будке сторожей. Теперь площадна, на которой в тот день было пусто, не больше двух десятков автомобилей, простреливалась практически со всех четырех сторон.

Из небольшой пристройки у забора, где располагалась его конторка, Додин следил за развитием событий. По опыту он знал, что переговоры будут протекать практически одновременно: "по понятиям" на "стрелку" не принято опаздывать, но и приезжать раньше — унижительно для достоинства. Он очень надеялся, что и на этот раз все обойдется по-тихому — и Макс, и, главное, стоящие за ним люди пользовались слишком серьезной репутацией, чтобы кто-то вздумал с ними шутить. На всякий случай, правда, Додин давно оборудовал себе неприметную калит-

ну, прямо сквозь забор выводящую из конторы на соседнюю улицу, так что он был уверен, что в случае чего успеет ретироваться. Но в какой-то момент все начало развиваться так стремительно, что старик в ужасе буквально застыл на месте и опомнился только тогда, когда на вверенном его автотранспорту уже шел настоящий бой.

Ровно в 12.00 первыми через ворота с предусмотрительно поднятым шлагбаумом въехали джип "гранд-чероки", темно-вишневая BMW и "Жигули" девятой модели. Описав круг по двору, они весьма грамотно заняли нечто вроде круговой обороны. Из машин никто не вышел, только медленно приспустились несколько боковых стекол. В 12.01 на автостоянку, скрипя покрышками, влетела черная "Волга" с государственным номером МОЛ и синим проблесковым маячком на крыше. Из нее вылезли трое, в одном из которых Додин сразу узнал Хож-Ахмета — родного брата Артура Нартаева. Они остались стоять возле автомобиля. Хож-Ахмет протянул вперед руки, показывая, что они пусты. То же сделали его сопровождающие.

Только после этого, чуть помедлив в последнем раздумье, щелкнули дверцы машин приезжих, и на землю ступили сразу четверо. Крепкие, плечистые, внешность явно славянская. Но разглядеть их подробнее Додин уже не успел: он только увидел, как упал, откатываясь в сторону, Хож-Ахмет, и сразу же с четырех сторон ударили автоматные очереди...

Милицию вызвал совершенно случайный человек — пенсионер,

пришедший за своим стареньким "Москвичом". Собственно, он бы так и уехал, ничего не заметив, но его сперва насторожило полное отсутствие на стоянке обслуживающего персонала, а потом привлекла внимание стоящая в глубине черная "Волга" со все еще работающим проблесковым маячком, осевшая на два пробитых ската. Активный пенсионер не поленился пойти посмотреть, что там такое, и его любопытство было должным образом вознаграждено: в распахнутом багажнике лежал изрешеченный пулями человек, похожий на хорошо отбитый, готовый к приготовлению бифштекс. Но приехавшие почти одновременно с сыщиками врачи "скорой" быстро установили, что этот пациент в их помощи уже больше не нуждается. Так что главным образом им пришлось заниматься сердечным приступом пенсионера.

РАЙОН ВАКУНИНСКОЙ УЛИЦЫ 13 ЧАСОВ 28 МИНУТ.

Сообщение о стрельбе на автостоянке Матвеев получил по радию в начале второго. Оно было связано с тем, что по документам труп, найденный в багажнике "Волги", принадлежал Хож-Ахмету Нартаеву: в РУОПе немедленно связали бойню возле шоссе Энтузиастов с поисками тайного офиса группировки его брата. Даже поверхностный осмотр места происшествия говорил, что с обеих сторон должны быть еще раненые и убитые: на асфальте имелись обильные лужи крови, а количество стреляных гильз свидетельствовало об очень высокой плотности огня, который велся сразу с нескольких позиций.

Вскоре поступила новая информация: где-то около Симоновского монастыря вооруженные люди на "джипе" остановили проезжающую мимо машину "скорой помощи" и под угрозой автоматов загрузили в нее тяжелораненого мужчину в камуфляжной форме, после чего скрылись в неизвестном направлении. Введенный общегородской план "Перехват" результатов не дал, а раненого довести до больницы не удалось: он скончался прямо в "скорой". Еще через десять минут неизвестный позвонил в милицию и сообщил, что на запасных путях у Нурского вокзала лежит труп. Выехавшая на место следственная бригада действительно обнаружила тело со следами множественных огнестрельных ранений. На убитом также была камуфляжная форма, а в кармане нашлось удостоверение лейтенанта военной спецслужбы, приписанного к расположенной в Подмоскovie части. Оперативно связавшись с военными, сотрудники РУОПа выяснили, что в списках личного состава указанный офицер не значится.

В это время машина, в которой находились Матвеев и Грымов, переехала Русановскую эстакаду и оказалась на Спартакoвской площади. Прямо перед собой Иван Петрович увидел прославившуюся за несколько дней до этого огромную надпись на окружающем стройку заборе: "ПРИЦЕПЫ "АЛИСА". Ее фотографию опубликовали едва ли не все городские газеты после того, как по звонку анонима саперы из контрразведки обнаружили припаркованный возле нее "КамАЗ", набитый взрывчаткой. Вдруг что-то словно щелкнуло в сознании, и

разрозненные факты начали сопоставляться в единую цепочку. Неужто "горячо"? Неужто еще чуть-чуть — и повезет?

Повезло — но не им. Впрочем, это потом, при разборе полетов, принялись, как говорится, считать славой. А в тот момент двум сотрудникам из 57-го отделения и водителю старенькой оперативной "шестерки" без милицейской символики было не до восторгов от собственной удачливости. Особняк в Переведеновском переулке, петляющем на запад Спартаковской, привлек их внимание даже не столько тем, что был недавно отремонтирован, сколько парой праздно слоняющихся перед ним угрюмых типов с засунутыми в карманы курток руками.

— Эй, мужики, — привычно (в который за этот день раз!) произнес один из одетых в штатское сыщиков, — сникерсами не интересуетесь? Можем предложить большую партию со скидкой!

— Сникерсами? Может, и интересуемся, — промямлил один из охранников. — Зайдите в помещение, поговорим.

Вероятно, в условиях уже начавшейся криминальной войны боевики получили самые жесткие инструкции по проверке любых посторонних, болтающихся вокруг их штаб-квартиры. Но "торговцы шоколадами" этого не знали и все еще продолжали по инерции дружески улыбаться, когда в подтверждение коммерческого интереса увидели наставленные на себя дула пистолетов ТТ.

Как потом было признано, решение оперативники приняли единственно правильное. Хотя, возможно, руководствовались

они в тот момент соображениями не столько стратегическими, сколько сиюминутными. Вступать в бой — бессмысленно, не успеешь вытащить оружие. Подчиняться — самоубийственно, при них удостоверение, пистолеты, рации. Милиционеры просто повернулись и побегали, рассчитывая, что имеют дело не с такими сумасшедшими, которые начнут палить в них белым днем посреди города. Но это были именно такие сумасшедшие.

Слава Богу, водитель по зимнему времени не выключил двигатель, и сыщики успели прыгнуть в свою машину буквально на ходу. Но вслед им прозвучали выстрелы, одна из пуль пробила заднее стекло, другая угодила в колесо. И уже на последнем издыхании, скрежеща по асфальту диском спущенного сната, милицейская "шестерка" свернула за угол...

ПЕРЕВЕДЕНОВСКИЙ ПЕРЕУЛОК. 14 ЧАСОВ 59 МИНУТ.

По всей видимости, бандиты приняли этот инцидент за вылазку противоборствующей криминальной группировки. Потому что проведенная разведка показала, что они лишь усилили охрану вокруг особняка.

Чтобы попасть в дом, следовало войти под кирпичную арку с низким сводом. Там, в стене длинной трубы, соединяющей переулок с внутренним двором, имелась хорошо укрепленная стальная дверь, оборудованная с обеих сторон видеонамерами. Объективы были замечены также на фасаде здания и с тыла, где на оголенной стоянке теснилось не меньше трех десятков автомобилей, среди которых наблюдающие

в бинокли оперативники узнали два принадлежащих Нартаеву "линкольна" и развороченную взрывом противотанковой гранаты "вольво" Покровского. Надо было начинать готовиться к штурму.

В обороне особняка были несомненные плюсы: крепкие стены и двери, узкие высокие сплошь зарешеченные окна, отлично просматриваемое со всех сторон окружающее пространство. Но были и минусы. Трое охранников, один из которых стоял в подворотне при выходе на улицу, и двое за его спиной ближе к двери офиса, были явно сориентированы на отражение атаки с фронта — в их тылу автомобильную площадку стерегла еще парочка сторожей. Наблюдение показало, что у двух стоящих возле самого выезда автомобилей приоткрыты багажники, и был сделан вывод, что там, под рукой, незаметное для окружающих, но быстродоступное, хранится оружие посерьезней, чем пистолеты. Следовательно, здесь проходит вторая линия обороны. И значит, первой начинать надо с нее.

Поэтому решили действовать поэтапно, с разрывом примерно секунд в пятнадцать. По команде руководившего операцией по рации Матвеева собровцы перепрыгнули забор автостоянки и с ходу положили боевиков носом в снег. В багажниках действительно были автоматы и даже один гранатомет — но воспользоваться ими никто не успел.

Как только в наушниках прошел сигнал, что тыл захвачен, бредущий мимо подворотни ослабленный алкаш в расхристанном пальтишке с волочащимся по

грязной земле шарфом, поровнявшись с боевиком, вдруг подобрался и, резко развернувшись, ударил его ногой в живот, одновременно крепко хватая за руки. Двое других охранников успели выхватить пистолеты, но выстрелить им не дали: навалились и сзади, и спереди, сбили с ног, вырвали оружие, щелкнули на запястьях наручниками.

В мгновение ока двор, арка, улица перед особняком наполнились людьми в собровской форме и оперативниками в штатском. Теперь скрывать стало нечего: смотрите в свои мониторы, смотрите. Смотрите и думайте: стоит ли дожидаться штурма по всем правилам осадной науки...

ОСОБНЯК ФИРМЫ "ПОНАРО".
18 ЧАСОВ 40 МИНУТ.

Дождаться не стали. Когда возле входной двери только появились собровцы с ломami и кувалдами, она открылась сама, и руповцы вошли внутрь.

Иван Петрович Матвеев клянется, что ни до, ни после того не доводилось ему видеть ничего подобного. Здание было приспособлено под проживание не меньше чем 100-150 человек одновременно. Во всех помещениях стояли двухэтажные нары с матрасами, холодильники забиты едой и питьем. Из всего этого явствовало, что здесь готовились к длительной и упорной войне. Оружие тоже иснасть долго не пришлось: оно в огромных количествах валялось прямо на полу: автоматы, пистолеты разных марок, гранаты и коробки с патронами. Хозяева находились тут же: в длинных коридорах собровцы уложили на полу лицом вниз с руками за головой

более сорока боевинов. Но владельцами конкретных стволов никто из них признавать себя не спешил — чего-чего, а кодекс они изучили. Согласно документам, большинство из них были приезжими, проживающими в столице без регистрации: часть прибыли из Казахстана, часть с Северного Кавказа. Впрочем, их дальнейшей судьбой должны были озаботиться следственные органы, а пока Матвеева огорчало одно: ни Нартаева, ни Покровского в здании не обнаружилось. Впрочем, был еще не вечер — в прямом и переносном смысле слова.

ПЕРЕДЕДЕНОВСКИЙ ПЕРЕУЛОК. 17 ЧАСОВ 38 МИНУТ.

На полу в особняке уже не хватало свободной площади, пришлось срочно послать машину в управление за дополнительной партией наручников, а "клиенты" все прибывали и прибывали.

С двух сторон переуллка Матвеев поставил наблюдателей в машинах, которые исправно "семафорили" обо всех приближающихся к арке автомобилях и пешеходах. Бандитов брали еще на подходе к двери, обезоруживали, тут же составляли протокол изъятия и препровождали внутрь, к их приятелям, которые вынуждены были подвинуться, чтобы освободить место новеньким.

За весь вечер было всего два неприятных момента. Первый — когда собровцы сгоряча скрутили и отдубасили живущего по соседству семнадцатилетнего мальчишку, на свою беду решившего двором срезать путь по дороге в булочную. Иван Петрович потом лично извинялся перед ним и его родителями. Те сперва возмуще-

лись, но когда увидели длинную череду выходящих из дома бандитов в наручниках, замолчали. Жалоб в вышестоящие инстанции от них впоследствии не поступило. А второй...

Во втором моменту слово "неприятный" подходит лишь с некоторой натяжкой. В сущности, это были единственные по-настоящему смертельно опасные мгновения за всю операцию, которые пришлось почти на самый ее конец. Один из пришедших под вечер бандитов успел-таки выхватить пистолет и, хотя оперативник уже выкрутил ему руку, выстрелить. До конца своих дней не забудет Матвеев, как в узком и темном проходе щелкала рикошетом по кирпичным стенам эта пуля...

— Все целы? — севшим голосом спросил он, когда в морозном воздухе растаял дым.

— Вроде все... — выдохнули из полутьмы.

Без сомнения, это была одна из самых удачных операций РУО-Па той зимы. Более шестидесяти задержанных бандитов, многие из которых находились в федеральном розыске, около двухсот единиц боевого оружия, десятки килограммов взрывчатки. В личном сейфе Нартаева, тоже объявленного после этого в федеральный розыск, были обнаружены в огромном количестве валюта, золото, поддельные паспорта, липовые государственные автомобильные номерные знаки, а также удостоверения на его имя, согласно которым он являлся не только генеральным директором многих фирм, но и председателем разнообразных "фондов защиты правопорядка". Там же обнаружился и весьма любопытный фотодоку-

мент: пачка карточек, на которых члены банды запечатлены во время учебных стрельб — с пулеметами и гранатометами в руках. Огорчало лишь одно: в тот день Нартаев и Покровский в особняке так и не появились.

В процессе следственно-оперативных мероприятий, проводимых сотрудниками УУР ГУВД г. Москвы, осужденный в 1996 году по ст. 218 УК РФ (незаконное хранение оружия) Артюшкин В.Б. изобличен в совершении совместно с Поляновым С.Е. и Щебенниным О.П. (оба погибли при взрыве в гараже на Нижегородской улице в результате неосторожного обращения с взрывным устройством) убийства учредителей фирмы "ПОНАРО" Нартаева А.Х. и Рондарева Б.В., а также неработающего Бродина С.Г., которых вывезли на дачу в Одинцовском районе, где на почве раздела сфер преступного влияния задушили Нартаева, после чего, погрузив его труп в багажник автомашины и насильно посадив в нее Рондарева и Бродина, вывезли их в Переславль-Залесский, район Ярославской области, где выстрелами в затылок убили, а трупы всех троих занесли в дренажной канаве.

В ходе проверки показаний на месте трупы Рондарева, Бродина и Нартаева были обнаружены и извлечены из земли.

По имеющимся оперативным данным Покровский Максим Анатольевич ("Манс"), отбыв наказание в виде одного года лишения свободы за хранение огнестрельного оружия, заявил знакомым, что якобы "завязал". В настоящее время он исчез из поля зрения правоохранительных органов, но есть сведения, что его видели за границей: в США и Швейцарии, где у него опять возобновляются старые контакты с представителями чеченской преступной группировки.

...Когда черед автобусов с занавешенными шторками окнами выезжала из Переведеновского переулка в сторону Русановской эстакады, Матвееву вдруг пришла в голову мысль: о чем сейчас думают идущие мимо по улицам прохожие? Возможно, завидуют, глядя, как большую группу сотрудников наного-то солидного и, видимо, богатого учреждения с комфортом вывозят на природу, в загородный, наверное, дом отдыха. Что еще может тихим вечером в пятницу собрать вместе таную массу народа?.. ■

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ЭПОХ: ТОЛСТОЙ И ЧЕХОВ

"В своей жизни я ни одного человека не уважал так глубоко, можно сказать беззаветно, как Льва Николаевича".

Чехов о Толстом

"Я его очень люблю... Большой художник... Но все-таки это мозаика, тут нет руководящей идеи".

Толстой о Чехове

Игорь ЗОЛУТУССКИЙ

На этой фотографии, сделанной в 1901 году, Толстой и Чехов сняты на террасе дачи графини Паниной в Гаспре, в Крыму. Толстой что-то говорит Чехову. Чехов, склонив голову, молчит, как бы обдумывая свой ответ Толстому. То, что говорит только Толстой, видно по жестикуляции Толстого и неподвижности Чехова. В руке Льва Николаевича, направленной прямо на Чехова, чайная ложечка. Он что-то чертит ею перед лицом Антона Павловича. Так учитель, объясняя предмет, держит для убедительности в руках указку.

Конечно, Толстой не учитель, а Чехов не ученик. Хотя кто в те годы в России не был учеником Толстого? Даже те, кто не желал учиться у него, зависели от его мнения, от его присутствия в мире. Нельзя было найти свое место среди людей, не зная, что по этому поводу говорит, пишет и думает Толстой.

Чехов не был в этом смысле исключением. "Если Толстой умрет, — признавался он, — все полетит к черту" и в январе 1900 года писал: "когда в литературе есть Толстой, то легко и приятно быть литератором; даже сознавать, что ничего не сделал и не делаешь, не так страшно, так как Толстой делает за

всех". Толстой был опорой не только для Чехова-литератора, он был теми часами, по которым, как по Гринвичу, определяют время. Часы можно было сверять по Толстому. И жизнь свою — тоже.

В первый раз Толстой и Чехов встретились в Ясной Поляне в 1895 году. В семье Толстого уже знали и любили Чехова. Не раз через общих знакомых Толстые передавали ему приглашение приехать, погостить у них. Но Антон Павлович робел. Однажды он нарядился, готов был ехать, но потом буквально сбежал, упросив приехавшего за ним приятеля отложить визит.

И, наконец, в августе 1895 года Чехов приехал в Ясную Поляну. Он приехал утром и встретил Толстого возле дома с полотенцем через плечо. Толстой шел купаться. Он тут же пригласил Чехова пройти на речку. И их разговор, как свидетельствуют очевидцы, проходил "по горло в воде".

После завтрака Толстой ушел к себе работать. А Чехов остался на попечении семейства Льва Николаевича. Большую часть времени этого первого дня ему пришлось провести в обществе дам — Софьи Андреевны, Марии Львовны и Татьяны Львовны Толстых. Помню, как в 1975 году любимая внучка Толстого Таня Сухотина (а в замужестве Татьяна Михайловна

Альбертини) рассказывала московским писателям о некоем чувстве ее матери Татьяны Львовны к Чехову, зародившемся в тот памятный август 1895 года.

Чувство, правда, не нашло ответа. Но факт особого интереса дочери Толстого к Чехову имел место. Это подтверждают письма Татьяны Львовны к Антону Павловичу, ее записи в дневнике и воспоминания тех, кто хорошо знал семью Толстого. “Скажите, он очень избалован? Женщинами?” — спрашивала она критика М.О. Меньшикова вскоре после посещения Чеховым Ясной Поляны. “Да, к сожалению, избалован. — Ну вот, мы говорили об этом с Машей (сестра Татьяны Львовны — И.З.) и советовались, как держать себя при нем...”

Мы с Машей решили его не баловать, — прибавила Таня с прелестной очаровательностью”.

В тот же день, когда происходил этот разговор, Татьяна Львовна написала Чехову: “Мы будем Вас ожидать в Ясную Поляну с нетерпением”.

Чехов на это письмо — и содержащееся в нем приглашение — не ответил. Лишь через год, в декабре 1896 года он написал Татьяне Львовне, извинившись, что не смог приехать, и поблагодарив за “доброе отношение, которое, верите, я ценю выше, чем могу выразить это на словах”.

Ответ учтивый, но отстраненный, типичный, видимо, для переписки Чехова с его поклонницами.

Спустя еще год Меньшиков сообщает Чехову о замужестве Марии Львовны Толстой и добавляет: “Остается Татьяна непристроенной, по-моему, самая талантливая и милая из всего потомства Льва Николаевича”. Вскоре Меньшиков вновь пишет о семье Толстых: “Вся их семья на верху горы, все их видят, и не находится ни одного мужчины, чтоб дать счастье этой милой девушке.

Не подумайте, что я сватаю Вам ее — хотя она не перестает отзываться о Вас с самой искренней симпатией”.

Вот строки из дневника Татьяны Львовны от 10 апреля 1896 года: “На выставке встретила Касаткина и Левитана. С последним была очень любезна *из-за Чехова*”. 19 апреля того же года: “Папа сегодня читал новый рассказ Чехова “Дом с мезонином”. И мне было неприятно, что я чуяла в нем действительность (т.е. личный опыт Чехова — И.З.) и что героиня его 17-летняя девочка (самой Татьяне Львовне 32 года — И.З.). Вот Чехов — это человек, к которому я могла бы дико привязаться. Мне с первой встречи никто никогда так в душу не проникал. Я ходила в воскресенье к Перовским, чтобы видеть его портрет. А его видела только два раза в жизни”.

Еще одно письмо написано дочерью Толстого в марте 1899 года. В нем она рассказывает Чехову, как Толстой читает вслух “Душечку” и какая “Душечка” — “прелесть”. Она хранит экземпляры журнала “Семья”, где напечатан этот рассказ, специально для раздачи желающим. “Меня всегда удивляет, — пи-

шет Татьяна Львовна, — что писатели-мужчины так хорошо знают женскую душу... А в "Душечке" я так узнаю себя, что даже стыдно, как было стыдно узнать себя в "Ариадне".

Признание чрезвычайно смелое. Узнать себя в Душечке еще куда ни шло и, может быть, похвала для женщины (по крайней мере, так считал Толстой), но Ариадна — существо, в котором воплотился эгоизм присвоения. Эксплуатируя любовь других, она сама остается холодной.

Чехов не поддержал этой откровенности и содержащихся в ней намеков.

Как же отнесся к увлечению дочери Толстой? По словам Т.М. Альбертини, он сказал Татьяне Львовне: "Помилуй, но ведь он (Чехов) наверняка спит на красной подушке". Такова была реплика графа, никогда не забывавшего, что он граф. Спать на красной подушке, т.е. без белой наволочки, мог только человек не их круга. Собственно, и графиня Толстая сказала Тане то же самое: "Это не партия для тебя!"

И хотя Толстой, быть может, потом осудил себя за этот отзыв о Чехове (такие приговоры он выносил себе на каждом шагу), слово было сказано и, как бы ни отнеслась к нему Татьяна Львовна, услышано.

"...когда отношения Антона Павловича с Толстым были уже достаточно близкими, в нашем кругу стали поговаривать о том, — вспоминает сестра Чехова Мария Павловна, — не подумать ли Антону Павловичу о женитьбе на Татьяне Львовне, которая проявляла к нему довольно заметный интерес... Он-то к ней совершенно безразличен был и от всех этих разговоров только морщился и отмахивался".

Последний раз Чехов и Т.Л. Сухотина-Толстая встретились в Севастополе на вокзале в мае 1902 г. Чехов был не один, а с женой. Больше дочь Толстого и он не виделись.

В 1916 году, собираясь писать очерк о Чехове, Татьяна Львовна просила сестру Чехова прислать ей письмо Д. Григоровича к ее брату. Мария Павловна ее просьбу выполнила. В ответ Татьяна Львовна писала: "Всегда жалею о том, что мало его знала. И (простите за самомнение) всегда жалею о том, что и он мало знал нас. Наша семья — не говоря отдельно о моем отце — могла ему дать кое-что такого, что он оценил бы".

Но вернемся к 8 августа 1895 года — дню первого знакомства Толстого и Чехова. Толстой в то время писал роман "Воскресение". И, несмотря на недомогание, не изменил распорядка дня. Лишь по окончании работы Толстой пригласил в кабинет Чехова, где они остались с глазу на глаз. О чем они говорили, неизвестно. Известно только, что, выйдя от Толстого, Чехов возбужденный и, как показалось писателю Т. Семенову, тоже гостившему в Ясной Поляне, все еще не оправившийся от смущения, сказал: "Ну, человек!"

Косвенно впечатление Чехова можно прочесть в его отзыве о разговорах с Толстым, который записал литератор Б. Щетинин: "Какой же это интересный человек: если попробовать его изучать, то можно в нем провалиться, как в бездонном колодеце... А какая силища духовная! Когда говоришь с ним, чувствуешь себя в полной его власти..."

В тот день в Ясной Поляне читали вслух главы из "Воскресения". Толстой при чтении не присутствовал, но позже, позвав гостей к себе, попросил их высказаться.

Чехов, отозвавшись высоко о многих сценах и особенно о сцене суда, сказал, что Маслову, как он считает, за ее преступление не могли осудить к двум годам каторги. Да и два года каторги просто не дают. После поездки на Сахалин и отбывания обязанности присяжного заседателя он знал это точно.

Толстой согласился, и Маслова в романе была приговорена к четырем годам каторги.

Правда, и Толстой не остался в долгу у Чехова. Обратившись к его книге "Остров Сахалин", которая только что вышла в свет, он спросил Чехова, почему тот обошел вниманием красоту и мощь сибирской (тогда и Дальний Восток считался Сибирью) природы и должного захватить воображение писателя очарования тех мест.

Чехов пробыл в гостях у Толстого два дня. По возвращении в Москву, скорей всего из-за сильного нервного напряжения во время визита, у него начались невралгические боли, и он слег на две недели.

Поразительно, что каждый раз, встречаясь с Толстым, Чехов переживает эти встречи как испытание. Точно такие же последствия имело посещение Толстым Чехова в 1897 году, когда тот по причине открывшегося кровохарканья вынужден был лечь в клинику профессора Остроумова на Девичьем Поле.

Лев Николаевич посетил его здесь 28 марта. Об этой встрече Чехов писал А. Суворину: "После того вечера, когда был Толстой (мы долго разговаривали), в 4 часа утра у меня опять шибко пошла кровь".

Появление Толстого в клинике вызвало переполох. "Ну, батенька мой, как там все забегали, — рассказывал потом Чехов, — когда увидали Толстого, как заметались!"

О чем говорили Толстой и Чехов? По свидетельству самого Чехова, "говорили о бессмертии". При этом, добавляет Чехов, "я больше слушал, чем говорил".

Толстой, пишет Чехов в письме М. Меншикову, "признает бессмертие в кантовском вкусе; полагает, что все мы (люди и животные) будем жить в начале (разум, любовь), сущности и цели которого для нас составляют тайну. Мне же это начало или сила представляется в виде бесформенно студенистой массы; мое я — моя индивидуальность, мое сознание сольются с

этой массой, — такое бессмертие мне не нужно, я не понимаю его, и Лев Николаевич удивляется, что я не понимаю”.

Вскоре после этого свидания Толстой сказал о Чехове: “Я вот... говорил с ним, у него нет ничего твердого и совершенно нет окна в религиозное”.

Вот пункт, где расходятся Толстой и Чехов. И это не личные их расхождения, расхождения воспитания, опыта и таланта, а историческая развилка, где на самом пороге XX века определяются разные пути русского сознания и русской литературы. В лице Толстого и Чехова вступают в диалог две эпохи — эпоха христианского романтизма (XIX век, “отцы”) и эпоха утраты или пересмотра религиозного идеала (“дети”). Строго говоря, “пересмотр” этот производит и сам Толстой: отлучает церковь от Христа, не признает его божественного происхождения и воскрешения. Но это не пересмотр идеала, а, если можно так выразиться, идеализация его. Толстой, говоря словами Достоевского, остается с Христом при всей критике официального христианства.

Чехов не верит в бессмертие, он верует в будущее. Это будущее поэтизируется, на него возлагаются надежды, ради него стоит жить. Недаром почти все герои Чехова (особенно в пьесах) задают один и тот же вопрос: что будет через сто, двести, тысячу лет?

Эта апология будущего сближает Чехова с Ницше, в чем его, кстати сказать, уличал Толстой. Прочитав “Даму с собачкой”, он сказал: “Это все Ницше”.

Но — при явной близости в ориентации на будущее — между Чеховым и Ницше есть разница. Прав был Набоков, когда писал, что Чехов любит “дальнего”. Понятие “дальний” — полемическое понятие Ницше, противопоставляющего его евангельскому понятию “ближний”. Полюби ближнего, как самого себя, — говорит Христос. Полюби дальнего, как самого себя, — отвечает ему Ницше.

Для Толстого понятие “дальний” не существует. Есть “ближний” и только “ближний”. И все, что будет дальше, зависит от того, как мы относимся к ближнему.

И здесь, пожалуй, Чехов стоит очень близко к Толстому. Чехов любит и “ближнего” — о том говорит вся его жизнь. Почему Толстой так нежно относится к Чехову? “Милый”, “приятный”, “умный” — вот эпитеты, которыми он награждал Чехова. Он относится к нему так, потому что чувствует в самом Чехове эту нежность. Потому что читал чеховский “Остров Сахалин”, потому что знает, как Чехов спасал голодающих, участвовал во всероссийской переписи, лечил холерных больных, строил школы, посылал книги в таганрогскую библиотеку. Потому что чувствует эту прикрытую юмором нежность в его сочинениях, которые не только привык читать вслух в своей семье, но и переплел лучшие из них в особый переплет.

“Жаль только, что атеист, — сокрушался Толстой. — Хотя я с ним часто о Боге разговариваю. О Боге-то по-настоящему можно говорить только с атеистами”.

Для Ницше “Бог умер”, а Чехов оставляет надежду на то, что через “десятки тысяч лет” “человечество познает истину настоящего Бога, ... познает ясно, как познало, что дважды два — четыре”.

Таков математический подход Чехова к теме Бога. Достоевский помянут тут неслучайно: именно он утверждал, что истина не поверяется арифметикой, что по религиозному чувству дважды два — это пять. Здесь не ум на первом месте, а “безумие”, не очевидность, а тайна.

Бердяев говорил, что история это миф, подлинная история делается на небесах. Он опирался в этом суждении, в частности, на опыт Толстого.

Герои Чехова, по существу, веруют в календарь. Их срок отмерен *здесь* и ничего *по ту сторону* они не признают. Это безбожие, но не то безбожие, которое тщится уничтожить Бога, а то, что страдает от отсутствия его, мучается, ищет Бога и не может найти.

Толстой не ошибался, когда говорил, что трагедия героев пьес Чехова — это трагедия Чехова.

Для Толстого смерть — переход в иное, высшее состояние, в тот мир, где душа — благодаря тому, что в ней обитает Бог — бессмертна. Для Чехова смерть — “жестокость, отвратительная казнь”. В “Палате № 6” доктор Рагин размышляет: “Если вообразить, что через миллион лет мимо земного шара пролетит в пространстве какой-нибудь дух, то он увидит только глину и голые утесы. Все — культура и нравственный закон — пропадет и *даже допухом не прорастет*”. Это — прямой намек на тургеневского Базарова, который говорит: “Я умру, а из меня допух расти будет”. Чеховский Рагин убежден, что мы уйдем, “не оставив в природе никакого отпечатка”.

Тридцать лет отделяют Рагина от Базарова, но какой прогресс нигилизма! И какое отчаяние!

Признаваясь А. Суворину в том, что в начале жизни находился под влиянием “толстовской морали”, Чехов уже в 1894 году корректирует свой взгляд: “Толстовская философия сильно трогала меня, владела мною лет 6-7... Теперь же во мне что-то протестует, расчетливость и справедливость говорят мне, что в электричестве и паре любви к человеку больше, чем в целомудрии и воздержании от мяса... дело... не в “за” и “против”, а в том, что, так или иначе, для меня Толстой уже уплыл, его в душе моей нет, и он вышел из меня, сказав: се оставляю дом ваш пуст. Я свободен от постоя”.

Чехов нарочно снижает тему “пустого дома”, сводя вместе несводимое: слова Христа, сказанные им при оставлении Иерусалима, где пророков побивают камнями, и слова объявления,

которое вывешивалось на воротах дома, хозяин которого был свободен от постоя — т.е. от предоставления временного жилья для солдат. Постой — это повинность, и Чехов не хочет повиноваться Толстому.

Но, забегая вперед, можно сказать, что Чехов никуда не уйдет от Толстого, точнее, не оставит тот берег, на котором навсегда закрепится Лев Толстой и великая русская литература.

Что же касается расхождений с Толстым, то Чехов поясняет свою мысль так: "Рассуждения мне надоели... хочется чего-нибудь кисленького. И это не случайно, так как точно такое же настроение я замечаю кругом. Похоже, будто все были влюблены, разлюбили теперь и ищут новых увлечений. Очень возможно и очень похоже на то, что русские люди опять переживут увлечение естественными науками и опять материалистическое движение будет модным".

Толстой, не зная этих слов, откликнется репликой по адресу Чехова: "слепое рабство перед наукой".

Да, Чехов отчасти дитя науки, он посмеивается над верой "отцов", но на деле поступает согласно их вере. Врачуя больного, работая в холерных палатах, он идет на риск заражения и смерти. "Безбожник, но добрый", — признает Толстой, ворча по поводу того, что у Чехова "нет содержания", "нет мировоззрения" и т.п.

Безбожие Чехова и его героев — состояние страдательное, не торжествующее. Драма Чехова, трагедия Чехова — не трагедия отдельно взятой личности или отдельного писателя, а драма и трагедия народа, разуверившегося в Боге, и драма и трагедия интеллигенции, не знающей, куда этот народ вести. Это драма и трагедия обезбоживания, приведшая, как и предвидел Чехов, к торжеству "материалистического движения".

Ее чувствовал и переживал не один Чехов, ее чувствовал и от нее страдал и Толстой. Но Толстой, как ему кажется, твердо держит в руке длинный шест с фонарем на конце, который далеко вперед освещает дорогу. Чеховская же свеча то и дело гаснет, он жжет спички, зажигая ее, но она гаснет снова, и дорога теряется во тьме.

"У меня вдали нет огонька", — говорит доктор Астров.

Отсюда ирония Чехова, беспокойство и непоседливость его героев, которые все время куда-то спешат — спешат уехать, переехать, сменить город, пространство, пейзаж. Бегут учителя, врачи, офицеры, отчаявшиеся любовники и несостоявшиеся поэты. Эта жажда обновления — *обновления внешнего* — терзает их, как болезнь. Чехов знает, что бегут они все не от надоевших стен и не от приевшихся лиц и даже не от себя, а от увядания, старения и маячащей в конце пути смерти.

Можно ли сказать, что уход Толстого из дома в ночь на 28 октября 1910 года — такое же бегство? Что это попытка пересилить закон природы и спастись?

Но Толстой бежит не в Москву и не в Петербург, не за границу, а садится в первый попавшийся товарно-пассажирский поезд и направляется к своей сестре, монахине Шамординского монастыря, находящегося вблизи Оптиной пустыни. По дороге он останавливается на ночь в Оптиной. В этом коренном центре русского старчества он бывал не раз, как бывали здесь до него — и с той же целью — Гоголь и Достоевский. Но сейчас, уже несколько лет как отлученный Священным Синодом от церкви, он робко стучит в ворота обители и в ответ на вопрос: “кто там?”, говорит: “Скажите, что я Лев Толстой, может, нельзя?”

Монах открывает ворота и принимает Толстого в объятия. “Брат! Брат Мой!” — восклицает он, и на глазах Толстого показываются слезы.

Но не монастырь — последняя остановка на пути Толстого. Ею оказывается железнодорожная станция Астапово. Куда ехал Толстой, проезжая через нее? Куда-то на юг, чтоб поселиться в крестьянской избе, но только, добавлял он, “не у толстовцев”.

Толстой уходит, чтоб спасти душу, до последнего часа сомневаясь, что достоин этого спасения. Его предсмертные слова: “Истина... люблю много... все они”.

“Я еду подыхать”, — скажет Чехов, отправляясь в Баденвейлер. И предсмертные слова Чехова: “Ich sterbe” (Я умираю). Умирает то “я”, растворения которого “в студенистой массе” он не понимал и не принимал. “Ich sterbe” — это признание того, что “я” исчезает, и исчезает навсегда. Чехов констатирует свою смерть как врач, поворачивается к стене и умирает. И его в вагоне из-под устриц привозят на родину.

Почему устрицы? Почему эти “двустворчатые моллюски”, которые то открывают, то закрывают створки, но никогда не сбрасывают их? Что это? — символ одиночества Чехова, обособленности его “я”? “Футляр”, в котором он прятал свою душу?

Толстой весь на миру, Толстой кается в своих грехах прилюдно, не стыдясь выставлять на свет не литературного героя, а Льва Николаевича Толстого, живущего в Ясной Поляне и живущего дурно, как он полагает. Он беспрестанно пишет в своих дневниках (да и объявляет публично), что он “плох, плох”. В Чехове внутренняя работа скрыта, незаметна для глаз, потаенна, стыдлива и застенчива. Недаром Толстой говорил, что Чехов застенчив, как девушка. И это относилось прежде всего к внутреннему Чехову (которого Толстой, конечно же, чувствовал), а не к Чехову внешнему.

Толстой просит прощения у Бога, переносит свои нравственные императивы на всех, почти *требуя* от читателя самоочищения, Чехов уходит в иронию, в иносказание, он, вероятно, более художник, чем Толстой. Хотя уступает ему по мощи таланта. Но и у Чехова есть, что называется, отступления и пассажи, которые Толстой за их неясность, неопределенный язык

называл "риторикой". Кажется, Чехов защищается от проникновения в его святая святых. Он "боялся, — поясняет Толстой, — что христианство расторгнет его спокойствие, которое он себе устроил".

В "Списке выбранных рассказов Чехова", который составил Толстой и где эти рассказы поделены на два сорта: сорт первый и сорт второй, есть "Душечка" и нет не менее знаменитого "В овраге", которым Чехов ознаменовал свое вступление в новый, двадцатый век.

Оба этих рассказа были любимы и цитируемы Толстым, а "Душечку" он включил в свой "Круг чтения", где собирал высказывания великих людей и беллетристические сочинения, способные, по его мнению, помочь читателю научиться жить.

В 1899 году Чехов печатает "Даму с собачкой", резко осужденную Толстым ("Чехов учит, как соблазнять женщин"), а Толстой — роман "Воскресение". И там запретная любовь, и здесь. У Чехова — уверенность, что она и есть жизнь, у Толстого, что она — преступление. Преступление, за которым следует наказание.

Роман Толстого завершается цитатами из Евангелия. Чехов пишет по поводу этого финала: "Писать, писать, а потом взять и свалить все на текст из Евангелия — это уж очень по-богословски".

По словам Чехова, точно так же можно было сослаться на авторитет Будды или Магомета.

Но сам он в то же время пишет рассказ "В овраге", взлет которого сопрячен высоте Толстого.

В этом рассказе столько зла, что, кажется, оно должно все перевесить в жизни, но есть и чувство, что "кто-то смотрит с высоты неба... видит все, что происходит, сторожит". "И как ни велико зло, — пишет Чехов, — все же ночь тиха и прекрасна, и все же в Божьем мире есть правда, есть и будет такая же тихая и прекрасная, и все на земле только ждет, чтоб слиться с правдой, как лунный свет сливается с небом".

Может, поэтому в конце жизни Чехов сказал, что из всех вер предпочитает веру Толстого?

А в 1886 году, составляя шуточную "Литературную табель о рангах", Чехов отдал Толстому лишь *второе* место. "Если всех живых русских литераторов, — писал он в предуведомлении, — соответственно их талантам и заслугам, произвести в чины, то:

Действительные тайные советники (вакансия).

Тайные советники: Лев Толстой, Гончаров".

И все же к началу XX века Толстой был для Чехова *первый*. Что значит в этой иерархии "действительный тайный"? То, что Толстой — *действительный* гений и притом он остается "тайным", так как сочинения его — "бездонный колодезь". И в них,

и в Толстом заключена высшая *тайна*, которая вбирает в себя тайну человека. И, наконец, он *советник*, так как советует читателю, как жить.

В 1899 году Чехов скажет о Толстом: "Я не встречал людей более обаятельных и более, так сказать, гармонически созданных. Он весь гармония и красота... *Это человек почти совершенный*".

Такой оценки в устах требовательного Чехова, кроме Толстого, не удаивался никто.

Оба они, как два небесных тела, то сходятся на короткое расстояние — и при этом возникает вспышка, — то расходятся. И не только Чехов находится в зоне притяжения Толстого, но и Толстой попадает под действие чеховского магнита.

Для Толстого Чехов — *молодой* писатель (разница в годах три с лишним десятка лет), *новый*, а новое искусство и новые формы Толстой приемлет с трудом. Они *стилисты*, говорит Толстой о молодых, они набили руку, они двинули форму (конкретный отзыв о Чехове), но "не разрабатывают сколько-нибудь значительных тем". Чехов в языке, по его мнению, превзошел Тургенева и Гончарова, и его, Толстого, но все же это — "беспринципное искусство". "Перл красоты", — отзываясь он не об одной вещи Чехова, — "все чудесно, но не глубоко, не глубоко".

Побывав на выставке импрессионистов, Толстой находит определение, которое, как ему кажется, точнее других характеризует Чехова: "Чехов пишет, как декадент, как импрессионист в широком смысле слова... Смотришь, смотришь — и никакой идеи, просто воплощение в красках того, что в голову придет".

Чехов боится идей, бежит от идей, как бежал он всю жизнь от женщин, страшась, что они посягнут на его свободу. Толстой огорчается, что у Чехова нет мировоззрения, и негодует на критиков, которые именно это отсутствие ставят Чехову в заслугу, более того — считают поэтическим очарованием его пьес.

Осенью 1901 года Толстой был болен и, хотя кризис уже миновал, лежал в постели. Чехов сидел у его изголовья. "Наконец, встаю, прощаюсь, — рассказывает Чехов. — Он задерживает мою руку, говорит: "Поцелуйте меня", и поцеловав, вдруг быстро суется к моему уху и этаким энергичной старческой скороговоркой: "А все-таки пьес ваших я терпеть не могу. Шекспир скверно писал, а вы еще хуже!"

Чехов смеялся и говорил, что гордится этой оценкой — все-таки Толстой поставил его вторым *после Шекспира*.

Что же не устраивало Толстого в театре Чехова? Толстой веселился до слез, глядя "Медведя", "Свадьбу" — короткие юмористические пьесы Чехова, — и скучал на "Дяде Ване", скучал на "Трех сестрах". Он не видел в них действия, движе-

ния мысли, а одни только разговоры, разговоры и разговоры. Толстой считал, что зрителя “надо брать за шиворот” и куда-то вести (как, кстати, делал Шекспир), а у Чехова герои передвигаются от дивана до чулана и ничего не происходит. “Но зачем ему понадобилось, — сердился Лев Николаевич, — изображать на сцене, как скучают барышни? И что он изобразил, кроме скуки?” Или: “Если пьяный лекарь будет лежать на диване, а за окном идти дождь, то это, по мнению Чехова, будет пьеса...”

Чехов отвечал на эти упреки: какое действие, какие захватывающие сюжеты? Сюжет — сама жизнь, а она течет медленно, как река, и если вторгаются в нее особые события, то только на минуту, на час, а потом все опять течет куда-то...

Когда Петя Трофимов в “Вишневом саде” произносит свой знаменитый монолог про то, как он идет “неудержимо к яркой звезде”, Лопахин (тоже часть Чехова) спрашивает его:

— Дойдешь?

Трофимов отвечает, конечно, “дойду”, но в вопросе скептика Лопахина гораздо больше Чехова, чем в ответе оптимиста Трофимова.

Толстой прав: пьесы Чехова громоздки, тягучи и необыкновенно скучны, но они таковы только в том случае, если воспринимать их всерьез. Если их играть как трагедии. Но Чехов, хоть и давал им подзаголовки “драма” или “сцены из деревенской жизни”, безоговорочно относил их к веселому жанру, а “Лешего”, “Чайку”, “Вишневый сад” — где люди стреляются, где жизнь гибнет — называл комедиями.

То были не комедии обстоятельств, где человек попадает в смешное положение из-за того, что его “среда заела”. Это комедии жизни, это комедии, в каких играем все мы, так как рождаемся, надеемся, любим, познаем мир и себя, а потом сходим в могилу.

Кто смеется над нами при этом? Природа или Бог?

Кто-то смеется, считает Чехов.

Анна Каренина бросается под поезд — тут действует шоковая терапия Толстого. Толстой — терапевт, в иные минуты становящийся хирургом, сторонником немедленного вмешательства в ход болезни (толстовская проповедь), Чехов если и лечит, то лечит смехом, лечит юмором (Толстой признавал, что после Гоголя у нас такого юмора не было). Он, может быть, гогеопат, несмотря на то что в споре с Толстым по поводу “непротивления злу насилием” становится на сторону противления, по крайней мере именно так передает мысли Чехова его собеседник Лоэнгрин (П.Т. Герцо-Виноградский).

“Толстой — это, может быть, высшая философия, это величайший альтруизм, но к жизни — это неприменимо. Есть миллионы случаев, когда на оскорбления люди должны отвечать оскорблениями, не могут не ответить. Борьба за святые права

личности должна быть везде, и безнравственно, если бы ее не было.

— Но борьба — ведь это потоки крови, — ответил я...

— Но, позвольте, где же не было этой крови? Возьмите всю историю, разве вы не видите, что вся она залита кровью? Эти войны, движения... И через эту кровь человечество идет к лучшему. Есть в этом фатальная необходимость. Воюющие стороны не так-то легко отдают свои права..."

Чехов в этом разговоре настаивает, как пишет Лознгрин, на "противлении злу злом". И далее собеседник Чехова замечает: "Чувствовался полнейший контраст между его героями, даже столь возвышенно мечтающими, как... Вершинин в "Трех сестрах", и этой его речью, полной глубокой убежденности. И веры, и стремления на *подвиг*".

Слово "подвиг" здесь употреблено точно. Но я не знаю ни одного примера, говорящего о том, что сам Чехов на какое-либо зло ответил злом. Для него подвиг — не поджоги, не конспирация и убийства, а то, о чем почти криком кричат в его пьесах почти все: работать! работать! Они кричат именно потому, что не работают или считают свои занятия низкими (как Ирина в "Трех сестрах", которая трудится на телеграфе). Чехов в их резонерстве не участвует, ибо работает и довольствуется работой.

Чехов знает, что революция — это мясорубка и кипящий адов котел (и тут он согласен с Толстым), но слабеющей рукой все же отправляет героиню своего последнего рассказа "Невеста" куда-то в город, для какого-то неизвестного служения обществу. Что ж, "невеста" в русском языке и означает "неведанная", "неизвестная". И пусть иные толкователи Чехова считают этот рассказ апофеозом его продвинувшегося мировоззрения, это не что иное, как публицистика Чехова, хотя, в отличие от Толстого, автор "Невесты" не писал публицистических статей.

Толстой гремел, Толстой не мог молчать, Толстой писал письма царю, требуя прекращения смертных казней, Толстой защищал духоборов, которых преследовали власти. Чехов если и заявил однажды свой протест — то в связи с неизбранием Горького в Академию, где и Чехов, и Толстой были почетными членами.

Их приняли в Академию в 1900 году. Когда в 1902-м Горькому было отказано в академическом звании, Чехов и Короленко решили выйти из ее состава. Короленко просил Чехова привлечь в их союз и Толстого.

Но Толстой, выслушав Чехова (дело происходило в Гаспре), сказал, что он никакой не академик и, как пишет Чехов, "уткнулся в книгу".

Уже после смерти Чехова Толстой запишет в своем дневнике: "Горький — недоразумение". И скажет Маковицкому: "У Горького нет ни одного доброго лица, у Чехова их пропасть..."

IV

Живя осенью 1901 — весной 1902 года в Крыму бок о бок, Толстой и Чехов все время думают друг о друге. Чехов ездит к больному Толстому в Гаспру, Толстой, приезжая в Ялту к дочери М.Л. Оболенской, звонит по телефону Чехову. Когда Толстому в начале 1902 года становится совсем плохо (воспаление легких), Чехов едет к нему вместе со своим лечащим врачом Альтшуллером. Пять раз за эти месяцы Чехов навещает Толстого, и, как и в былые годы, эти встречи выводят его из рабочего равновесия. А однажды переживания за Толстого оплачиваются кровохарканьем.

Да, Чехов любил Толстого. И, я думаю, любил Толстого гораздо сильнее, чем Толстой его. Толстой любил Чехова как литератора, как собеседника и милого человека. Чехов же, наверное, любил Толстого так, как можно любить отца, тем более, с любовью к отцу ему не повезло в детстве. Он всегда был ближе к матери, чем к отцу.

Это такая кровная связь, такое невидимое родство, в котором приязнь, печаль, расхождение и сходство навечно сведены в близость.

Вспомним “отцовские” укоры Толстого в адрес Чехова: за чем он осмелел Душечку (но “бог поэзии” заставил написать ее так, что мы полюбили эту женщину), зачем пишет, как декадент (Чехов сам не любил декадентов), зачем в пьесах не берет зрителя за шиворот, почему не верит в Бога, — вспомним и примем их как укоры старшего, жалеющего, что младший пошел не в него. Вспомним и замечания Чехова по поводу финала романа “Воскресение” — это стрелы из лагеря “детей”, не пошедших в своих отцов.

Взглянем еще раз на гаспринскую фотографию. Спорят Толстой и Чехов, спорят. Но обратите внимание на выражение лиц. Толстой смотрит как Зевс-громовержец, Чехов — как младший бог, вызванный властителем Олимпа для выволочки. Но у Толстого в уголках глаз светится что-то совсем нестрашное.

И улыбка чуть трогает губы Чехова. ■

Заку

Олег ДЗЮБА

Закуска отличается от прочего съестного единственной особенностью, которую рискну отчленить в афоризме: под хорошую закуску грех не выпить, а скверную еду без полстакана во век не одолеть.

Непререкаемость этого постулата я проверял на разных материках, в разных странах и всегда без осечек. Отсюда и вторая аксиома: чем приятней поедается нами на глаз и язык, не говоря уж про желудок, тем меньше будет в родной стороне трясущихся рук и похмельных мешков под глазами.

Коллега мой по аспирантуре угодил как-то по линии народной дипломатии в Австралию и оказался гостем семьи вегетарианцев. Двухдневное общение с радетелями натурального рациона превратило дотоле непьющего в большого поклонника стаканчика перед трапезой. Водну, прихваченную для подарков обитателям неггуриной части света, он за время общения с противниками мясоедения выпил сам. По возвращении же клялся, что немую редибочную ботву, которую хозяева дома уписывали нуда энергичнее,

СОН

*Путевые
наблюдения
пристрастного
дегустатора*

**О том,
что пьют
в российских
городах и весях,
шла речь
в предыдущем
номере "Смены".
А теперь о том,
чем эти бесчисленные
напитки
закусывают...**

чем прославленный баснописец Крылов поглощал страсбургские паштеты, иначе в желудок было не протолкнуть. Подобные закуски, пусть и не под Южным Крестом, без труда припомнит каждый, кто хоть изредка отрывается от прелестей домашней кухни, и подробней на них останавливаться не стоит.

Бывают, конечно, обстоятельства, что и корка хлеба из дорожной пыли в лакомство, но формажорные эпохи, когда лепешки из лебеды — росношь, я живописать не берусь. Господь меня от

жизни в подобные годы спас, так что речь пойдет о временах и ситуациях обыкновенных.

В "водочной" части повествования я уже прогулялся на колесах по бывшей Владимирке, рассматривая этикетки и даже пригубливая. Закуски на том славном пути тоже хватало, но кое-чего из увиденного на попутных тарелках мне никогда прежде встречать не приходилось.

На берегу Ангары поднесли что-то неведомое, напоминающее с виду тончайшие чуть желтоватые стружки. Лебяное, под стать

содержимому заиндевелых рюмок, угощение плавно растаяло на языке и свершило положенный путь по организму, напроць заглүшив грубоватый сивүшный дүх не самой изысанной из водок. Хозяева от моих восторженных расспросов уклонялись, посмеиваясь и приговаривая, что лучше бы ограничиться двумя-тремя люкками, дабы не взбунтовался не привычный к неведомому деликатесу желудок.

Совету я внял, но любопытство все же утопил. Загадочные лепестки оказались замороженным и мелко наструганным нутряным жиром молодой лошади. Что ж, детство мое прошло в Наззахстане, где сухое поднопоченое конское мяско один из первейших деликатесов. Иркутяне, узрев во мне гостя без предрассудков, порывались предложить еще и кумыса, но тут уж сработал инстинкт самосохранения. Перебродившее лошадиное молоко прекрасно само по себе, но в смеси с "казенными" напитками грозит бедой, это я зарубил на носу после тридцатилетней давности пирушек в общенитии алма-атинского университета, где однокурсники после наникул нередкю выставляли на стол всю экзотику национальной кухни, привезенную из родных аулов.

...Близ славного моря — священного Байкала можно забыть про все, кроме... омуля. Знаменитая рыба, которая скатывается из верховий Селенги на нерест к великому озеру, уже давно овеяна мифами. Одно время ее исчезновение сибиряки почему-то валили на чехов. Те якобы воспользовались дуростью властей, заключивших сомнительный контракт, и на-

чисто выловили восточносибирскую гордость, оставив всю Байкалию без надежной подмоги при накрывании стола.

Впервые попав в Бурятию еще в семидесятых, я поинтересовался у сведущих людеи "чешским следом", но дождался лишь досадливых улыбок в ответ. Чехи, в общем-то, имели место, но весьма скромное и никакого отношения к нашим собственным грехам не имеющее. В пору заядлой дружбы между народами из единой тогда Чехословакии прислали в байкальскую рыболовецкую артель несколько бочек пльзеньского пива. Символический и вполне чистосердечный дар в воображении людском превратился в нечто вроде подачи за якобы изведенного зарубежными друзьями омуля. Такие "мелочи", как безудержно подтравливающий воды Байкальский целлюлозный комбинат, собственное неразумное рыболовство и браконьерство к слухам почему-то не подверстывались.

С тех пор много воды в Селенге утекло. Об исчезновении омуля с лица планеты говорить уже перестали, так что удачливому или почетному гостю отведать его иной раз дозволяется. Он и малосольным чуден, и в ухе, но по мне ничего не отыскать лучше той же самой рыбки, приготовленной поселенегски на костре и на рожне. Омуля, помню, натирали солью, надрезали три-четыре раза поперек и, насадив на ветку, втыкали ее наклонно у пылающего огня.

При первом же взгляде на капли омулевого жира, стелавшие по рожну, бывший в нашей компании америнанец Дэн зашевелил усами, потом ноздрями и изрек долгоиграющую английскую фра-

зу, из которой я уловил, что ради предстоящего наслаждения можно поступиться некоторыми принципами. Первую часть пути до Владивостока Дэн истово выдавал себя за адепта растительной пищи, но под натиском собственного любопытства и сибирского гостеприимства рухнул с вегетарианских безалкогольных высот в бездну всеядности и сорокаградусности.

Но омуль — праздник не на каждый день. А дорога выдалась дальней и, подобно любому долгому пути, пробуждала хронический аппетит, заставляя путников уподобляться Буратино, который расстался со всем своим достоянием не без помощи хозяина харчевни "Три пескаря".

...Восточнее столицы и далеко за Уральский хребет трассу держат шашлычники, не допуская иных вариаций на кулинарные темы. Одиноким блинные и случайные пирожковые погоды не делают. Похоже, что конкуренты из представителей вездесущих шашлычных народов терпят их на дороге из милости, пусть, мол, разнообразят пейзаж наподобие васильков в овсах.

Ближе к Новосибирску кавказский кулинарный темперамент постепенно выдыхается и на первое место в дорожном рационе вырываются пельмени. Пельменное засилье царит до самой Бурятии, когда в конкуренцию за место в пролетающих мимо желудках вступают позы. Поза — это тот же пельмень, но с кулак величиной и сваренный не в кипящей воде, а на пару. Ареал распространения этого чисто бурятского блюда велик, и на подступах к Читинской области позы с дороги исче-

зают. Да и что им там делать, если после Читы пропадает и сама дорога. Частная кулинарная инициатива пробуждается только за Биробиджаном, и до самого Владивостока путника сопровождает устойчивый кавказский акцент.

Интернациональный друг желудна повстречался мне лишь в сибирском городке Боготол. Местный предприниматель Валерий Борутенко затеял там целый motelный городок с бассейном, гостиницей и стоматологической клиникой.

Боготол миновать никому не под силу. Хоть с запада на восток пересекать Сибирь, хоть наоборот. Заморский гость попадаетея и сейчас, а если не поссоримся снова со всей планетой, то за постояльцами из многих стран дело и подавно не станет. Так что Борутенко наострил своих поваров на любые прихоти проезжего люда. Шутки ради я спросил про филиппинскую кухню. Владелец "Снежны", как именуется ресторан в честь младшей дочери хозяина, не промедлил с ответом: "Задержитесь на часок — приготовим!".

Придется когда-нибудь вернуться в Боготол, зубы полечить, а попутно кухни филиппинского острова Лусон отведать. Лет пятнадцать назад мне посчастливилось мимо него проплывать, но ступить на землю да испробовать прелести чужой земли на цвет, вкус и запах, увы, нет. Глядишь, в Боготоле давнее любопытство наконец-то заглушу.

Другое дело, что медлить нельзя. Что в восемнадцать соблазн, то за семьдесят в пытку. На любимой моей Камчатке оказался я как-то гостем военных моряков, чествовавших знаменитого

некогда маршала. Прославленный военачальник в ту пору пребывал на почетной инспекторской должности, но сам уже ничего за пренклонностью лет не проверял, предоставляя это хлопотное занятие молодой и цепкой свите. По случаю его приезда все, что следует, из-под воды в небо выпустили, куда надо — туда и попали, так что кое-кому из хозяев реально светили новые звезды на погонах. Ну, а поскольку в дальних округах нет большей радости для командования, чем выпроводить с почетом и угощением очередную комиссию, то и настроение царило отнюдь не печальное.

Дневальный деликатно поставил перед маршалом тарелку пышущего термоядерным жаром флотского борща. Любой, кто не угодил еще по возрасту в завсегдашние клубы "для тех, кому за...", от единой ложки такого варева смог бы взлететь на самый клотик, чтобы хоть как-то растратить энергию исконного морского блюда.

Маршал печально поразглядывал густобордовую борщевую поверхность, перевел взгляд на запотевшую хрустальную рюмку и с грустью сказал главному из хозяев: "Голубчик, пусть уж ваши молодцы не суетятся. Мне бы сырников или творожку"...

Так что не упускайте на потом желанное сегодня. Сам я уже не рискну без оглядки поглощать чимчу — адской остроты корейскую капусту, которую на Сахалине выходцы из Страны Утренней Свежести превратили как бы в фирменную закуску острова. Особую длиннолиственную капусту там засаливают, пересыпая каждый пласт красным перцем и толче-

ным чесноком, в те же надки закладывают редьку, иногда и красную рыбу целином... Водка под чимчу пилась, как вода, а потому ни одна из частых тогда поездок на Сахалин не обходилась для меня без походов на рынок за чимчой для камчатских друзей. Посадка в самолет иной раз сопровождалась скандалами, поскольку своеобразный этот деликатес обладает и довольно резким запахом. Специфическое его амбре почему-то раздражало стюардесс, которые постоянно сулили то одному, то другому пассажиру "Ил-18" высадить его вместе с тревожащим обоняние грузом. Что же поделаешь, бортпроводницы — девушки при исполнении, а чимчовый аромат почему-то всегда сбивал мысли с любого курса, не совпадающего с сорокаградусным.

...Мудрый отшельник Генри Торо обронил полтора вена тому назад изящную фразу, что не стоит ехать вокруг света, чтобы пересчитать кошек в Занзибаре. Это я к тому, что и в краю печальных осин народ не лыком шит, толк не в одной выпивке, но и в закуске знает. Другое дело, что нам самим все родное и близкое преизрядно примелькалось. Однажды мне довелось выгуливать по вологодским улицам итальянского коллегу, захавшего на север в чайники передохнуть от московской суеты. Блуждание среди старинных особнячков быстро спровоцировало аппетит, но гость напрочь отверг мои попытки подбить его на легкий ланч в кавказско-азиатском заведении с деликатной оговоркой, что китайских и тайландских ресторанов ему и в Риме хватает. "Что бы такое ему придум-

мать, — размышлял я в легком отчаянии от привередливого визитера, — не в пирожковую же его вести, хотя...

Итальянец оглядел витрину, заставленную подносами со всевозможными пирогами, и повернулся ко мне:

— Пицца? — спросил он, явно намекая, что чем-чем, а подобной кулинарией он вполне пресытился и в родной Апеннинщине.

— Рогулька, — гордо ответил я, отмечая попытку переименовать традиционный вологодский пирог. И впрямь, при чем тут итальянская ватрушка с сыром и кусочками колбасы, если всевозможные виды открытых пирогов почитались и поедались на Севере Руси с времен полной незапамятности. Впрочем, о давности лет чуть позднее, а пока что о самих пирогах.

Самым почитаемым у северян слывет пирог-рыбник. Начинкой для него в богатых домах служили нельмы и стерляди, а в избах попроще благородные породы благополучно заменяли суданом или другой речной рыбкой, кроме, пожалуй, слишком суховатой для пирогов щуки. Из морских рыб предпочтением отдавалось палтусу. По зимнему тракту в Вологду постоянно прискальзывали рыбные караваны саней с Белого моря, так что нехватки палтуса не ощущалось.

Вологодскую рыбную "пиццу" готовят в русской печке или духовке, причем пирог помещают на сковородке начинкой вниз, чтобы тесто хорошенько пропеклось и не раскисло от влажной рыбы. Бывают рыбники и закрытыми, палтуса или стерлядку в них помещают целиком, а разрезают гото-

вый пирог не сверху, а сбону, перво-наперво отделяя верхнюю корку. Считается, что нижняя часть пирога, пропитавшегося рыбным соком и ароматом, вкуснее верхней, и поэтому подают ее отдельно. Рыбину из пирога тоже разделяют на чуть суховатые "вершки" и более сочные "норешки", причем начинка рассматривается, по сути дела, как отдельное кушанье и выкладывается на отдельную тарелку.

Русский Север безбрежен, и вариаций на темы пирогов едва ли не столько же, сколько на нем еще сохранилось деревень. В Блуднове, как зовется родное село поэта Александра Яшина, меня угощали как-то местными "тегерями". Квадратные открытые пироги готовят из ржаного теста и заполняют картофельным пюре...

Так что хороша итальянская пицца под кьянти, но северный рыбник под лафитничек белой горькой (а можно и без нее) ничуть не хуже. Не исключено, что северные пироги и подревнее апеннинских, и можно только вздыхать, что исторический приоритет утерян, и не россияне, а итальянцы заполнили мир своими пиццериями. Увы, кто проворней, тот и в барышах! А мы их очень даже часто упускаем. И у себя дома, и даже... в Танзании, в которую ныне входит Занзибар с его никем по сию пору не пересчитанными кошками.

Камчатский геолог Валентин вместе с женой обогатил танзанийский общепит невиданными в Африке яствами, но не получил за это ни гроша и не потому, что не предлагали, а потому, что запрети-

В просторы с видом на Нилиманджаро его в компании других камчадалов забросило прежнее министерство геологии, рьяно помогавшее покинутым колонизаторами странам разобраться с богатством недр.

Пришельцы поселились в захолустном городке Чунья и скоро набрались необходимого для выживания в этих местах ума-разума. Оказалось, например, что без фонарика ночами и шагу не ступить, так как под ноги того и гляди может попасться змея, от укуса которой не спасают даже сыворотки. Были открытия и приятней, вроде того, что антрекот из бегемотины ничуть не уступает говяжьему, а вырезка из мяса зебры, как и антилопы-гну, очень хороша и сама по себе и в начинке домашней выпечки.

Потом подоспел день рождения супруги, и на семейное торжество случайно угодил индийский коммерсант из соседнего городка. Торговец, содержавший вместе с братьями магазин всякой необходимой для жизни всячины, привез геологам заказанную провизию и сразу был усажан за стол.

"Белая лошадь" ладно проснальзывала в индийскую глотку, смазанную соком беляшей с зебрятиной. Торговец без усталости выпивал, закусывал, похваливал, но и сетовал, что его жена и жены братьев и сами братья не смогут отведать столь славное кушанье.

Недели через две, когда Валентин сам оказался в магазине индийца, тот пригласил гостя в кабинет и с ходу предложил открыть на паях нечто вроде фирмы "Беляш Лимитед". Поначалу предполагалось приучить к новинке

близлежащие земли, а со временем завоевать и столицу Дар-эс-Салам. На себя индиец брал организацию дела, жене Валентина предстояло взять в подчинение дюжину негров, которых коммерсант собирался нанять.

В ту неблизкую уже пору ни Гайдар, ни его рыночная команда не подозревали еще, что развитой социализм запросто сменится на одной шестой суши диким капитализмом, так что Валентин от подобного предложения несколько обалдел. Двойной виски без содовой, но со льдом, любезно поднесенный индийцем, все же вернул дар речи, и он отбыл в свою Чунью, пообещав торговцу обдумать идею.

Долго думать не пришлось, так как вскорости на базу геологов заехали гости из консульства, направлявшиеся на сафари. Валентин изложил им суть бизнес-плана предприимчивого индийца и тут же был с пристрастием опрошен на тему занятий предков до октября 1917 года. Выслушав его правдивый рассказ о сугубо крестьянской родословной, собеседники объяснили бедолаге, что затея индийца является откровенной попыткой эксплуатации человека человеком, а для геолога интерес к ней может обернуться только досрочным возвращением на родину.

Индиец от Валентина в конце концов отступился, но предварительно выспросил все, что полагалось о приготовлении теста и фарша. Месяца через два Валентин снова оказался в индийской торговой точке и торжествующий хозяин гордо поназал ему витрину с беляшами собственного производства, от которых камчадалу

могло многое перепасть, но не перепало и уже никогда не перепадет. Виски ему уже не подносили. Мавр сделал свое дело и мог катить восвояси в гордой трезвости.

...Хорошую закуску ценят не только пьющие. Наливающие дорожат ею ничуть не меньше. Любый современный бармен, как и целовальник в старину, жаждет, чтобы клиент дозрел и скопытился не раньше, чем пополнит кассу заведения. За плотной трапезой в рюмочную никто не забредает, потому что в подобных заведениях в чести бутербродики из ржаного хлеба с салом или ветчиной. Они и от водочной горечи язык избавят, и силы для повторения дозы придадут.

По этому же пути идут поклонники охотничьих и рыболовных пикников. В Новочернасске мне доводилось как-то закусывать "шолоховскими пыжами", как именовали там бутерброды с ломтиком шпика, долькой крутого яйца и колечком лука. Угощавший уверял, что "пыж" изобретен лично автором "Тихого Дона". Так это или нет — судить не берусь, но цели своей изобретатель вполне достиг. Нечто подобное я встречал и на Дальнем Востоке, только вместо наперченного шпика в тамошнем варианте "пыжа" использовались кусочки красной рыбы.

А вот грецкие орехи в качестве закуски впору посоветовать секретным агентам и частным детективам. В желтоватых хрустящих ядрах немало эфирных масел, которые то ли алкоголь нейтрализуют, то ли сопротивляемости организму прибавляют. Другое дело, что не всякий из пьющих рад долго не пьянеть, и очень даже мно-

гие мечтают переход в горизонтальное состояние поторопиться. Они и придумали алкогольную тюрьму — страшноватую последствиями похлебку из водки и мелко крошеного хлеба. Тут уж речь о каких-то парадонсах физиологии. Объединение еды и питья вроде бы должно затягивать развязку, а на самом деле валит с ног на манер нонаута. Подобная тюрьма в соблазн для совсем забубенных головушек, которых ничем уже в жизни не испугать и ничем не заинтересовать.

Питухи, еще ведающие, что творят, предпочитают неизбежные финалы возлияния как-нибудь смягчить. Отсюда и вологодская манера закусывать пригоршнями клюквы. Нислющая ягода и витаминами пьяницу поддержит, и от сивушных масел, которых в сагогоне и фальшивой водке всегда хватает, спасет. Мункини, запивавшие горькую долю напитками собственного разлива, о существовании зловредных масел не догадывались, но все же подметили, что от клюквенной закуски меньше голова поутру болит. Молва гласит, что адсорбирующие свойства клюквенной конжурь первым доказал в сугубо научных целях академик Несмеянов. В его честь домашнюю клюквенку теперь нередко именуют "несмеяновкой", увековечив практическое применение высокой химической теории.

...Всему хорошему приходит конец, говаривал Ярослав Гашек в "Похождениях бравого солдата Швейка". Речь вообще-то шла о потасовке с участием главного героя и сапера Водични, но сентенцию великого юмориста впору отнести и к неразрывности застолья

и похмелья. Деловитей всего борются с утренним синдромом грузины. В любом городке ни свет ни заря открывается харчевня, повара которой всю ночь варят хаши. Этот бульон из костей, сдобренный перцем и чесноком, прояснит

взор любому из перебравших накануне что вина, что чачи, что обыкновенной водки. Нечто похожее — не по ингредиентам, а по действию — я повстречал на Белом озере, где в большой чести вяленый снеток, ласково именуе-

мый сушиком. Крепкая уха из сушкина с головкой местного красного луна прекрасна и сама по себе, а для страждущих и по давню незаменима.

Есть, правда, и другой взгляд на последствия возлияний. Дире-

ктор Эрмитажа и президент Всемирного клуба друзей Петербурга Михаил Пиотровский полагает, что борьба с похмельем вообще бессмысленна, так как его надо воспринимать как данность. "Похмелье, — говорит он, — это такое особое состояние души и тела, которое само по себе ценно и является неотъемлемой частью питания. Это нормальное раскаяние, боль, которая следует в качестве расплаты за удовольствие". С мэтром не поспоришь, потому что одно из достоинств алкоголя, если за ним вообще признавать достоинства, в том и таится, что оглушенному водной предстоит потом тяжкое преобразование из утратившего разум создания в страдающего муками духовными и телесными грешника. В этом смысле любому дается шанс ощутить себя этаным подобием птицы Феникс, доводящим себя до распада, но все же восстающим из руин проспиртованного сознания.

Почему-то нам очень уж надо от праздника к празднику доназывать себе, что человек и впрямь звучит гордо. Но все же лучше с пристойной закуской, чем с засохшим плавленым сырком. Спокойней за дружеским столом, а не в чужом подъезде на троих. Но каждому свое — и от этого своего чаще всего не убежать.

А, может, все же попытаться?

ЭНТР

Лилия БАЙРАМОВА

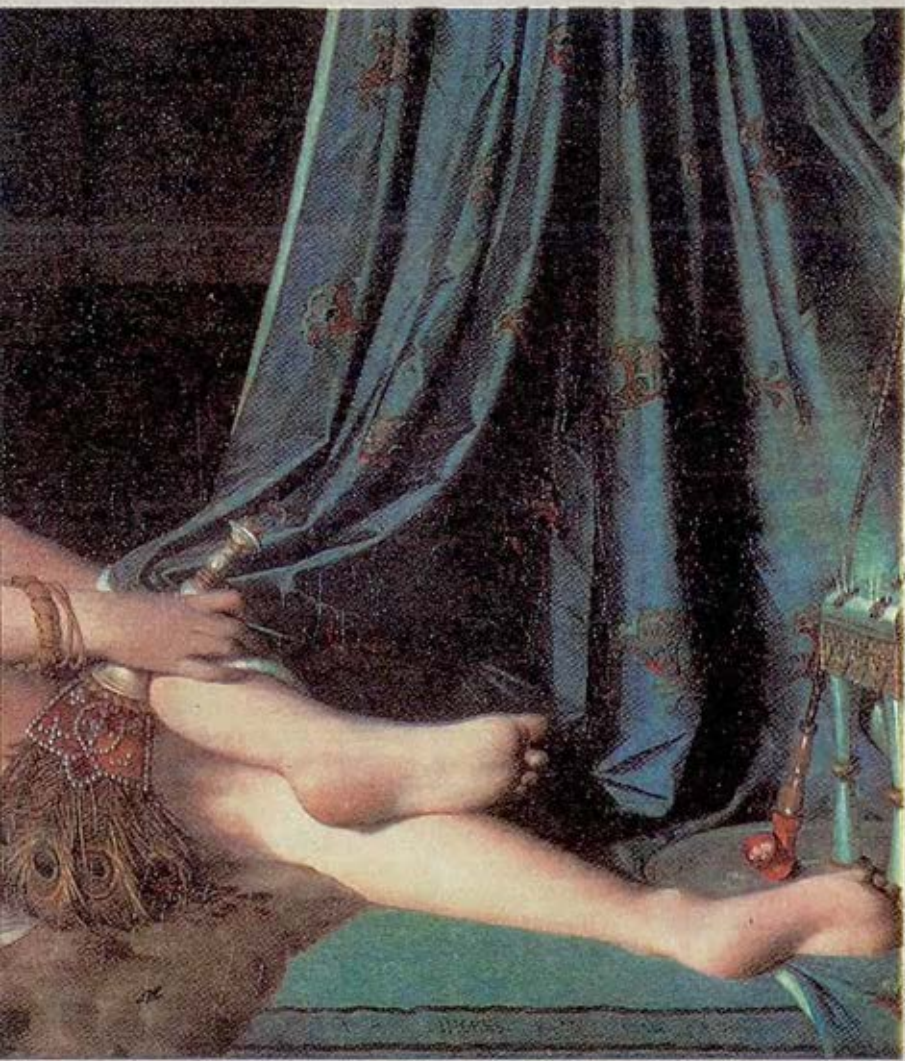
Большая одалиска. 1814.

X

олодное
совер-
шенство. Россыпи алмазов, блеск
которых не способен согреть, —
именно так хочется говорить об
Энгре, этом удивительном фран-

цузе, умевшем создавать восхитительные по красоте произведения — без всякого участия сердца и чувства. Честолюбец, снедаемый жаждой славы, мечтавший занять место рядом с боготворимым им Рафаэлем, художник, обладавший громадным дарованием и фанатически преданный искусству, — он был почти смешон в своих потугах на бессмертие, когда писал огромные и скучные программные произведения, и непревзойден в своих непритязательных рисунках, делаемых для заработка. Это противоречие между колоссальными возможностями и той неверной целью, которую он ставил себе сам, эта слепота большого мастера, не сумевшего понять ни себя, ни своего времени, и делает фигуру Энгра по-настоящему трагической.

Родился Жан-Огюст-Доменик Энгр в 1780 году в маленьком городке Монтобан в семье живописца. Отец его Жан-Жозеф-Мари Энгр был не только первым учителем рисования, научившим сына правильно держать карандаш в руке, но и тем человеком, кто первый внушил ему самые строгие и серьезные представления о жизни и живописи. Редкая дисциплинированность, собранность и усидчивость Энгра — все его знаменитые добродетели привиты отцом, так же, как и любовь к музыке. В восемь лет маленький Энгр уже пел перед публикой в епископском дворце в Монтобане, в том самом, в котором десятилетия спустя устроили музей его имени. Поколебавшись между игрой на скрипке, к которой до конца жизни чувствовал самую нежную и глубокую привязанность, и рисованием, он в конце концов предпочел второе и стал живописцем. В 1791 году отец отправил Энгра в Тулузу учиться в тамошней Академии живописи, скульптуры и архитектуры. И здесь успехи следуют один за другим: почти каждый год он получает какую-нибудь из академических наград. Его недетская серьезность и основательность, редкая одаренность приводят в восторг учителей, и ему сулят блестящее будущее.

После окончания Академии Энгр отправился в Париж к знаменитому маэстро Давиду, другу Марата и Робеспьера, автору “Клятвы Горациев”. У мастера его ждал все тот же кропотливый и упорный труд. От 1800 года сохранились три ученических студии мужской обнаженной натуры, по которым видно, что у двадцатилетнего Энгра были все основания для самых смелых и далекоидущих честолюбивых желаний.

Однако, когда в том же, 1800 году, Энгр выставил на конкурс уже не этюд, а большую программную работу, он проиграл. Его учитель Давид настоял, чтобы Большую римскую премию с правом поездки на четыре года в Рим присудили его товарищу Гранже. Эта кажущаяся несправедливость так оскорбила и задела Энгра, что он навсегда покинул Давида. Правда, уже в следующем году Энгр взял реванш: его картина “Послы Агамемнона у Ахилла” получила-таки первую премию, но радость победы омрачилась неприятным известием: поездку в Италию, которая и была самой лакомой наградой для победителя, приходилось отложить из-за финансовых трудностей. Энгр остался в Париже. Чтобы подсластить пилюлю, Академия по льготной цене сдала ему мастерскую в бывшем монастыре капуцинов рядом с мастерскими художников Гро, Жироде и приятеля Энгра скульптора Лоренцо Бартоллини.

Портрет девушки. Рубьера. 1805.

Не теряя времени, Энгр погрузился в работу. Частным образом он посещает академию Сюисса, где оттачивает свое живописное мастерство на постановках моделей, одновременно изучая любимые антики в залах Лувра. Чтобы заработать, принимает заказы на выполнение живописных портретов. Но с какой неохотой и тайным сожалением о напрасно потраченном времени он берется за них: как будто и не эти портреты составят его прижизненную и посмертную славу. Самым важным и ответственным из официальных заказов того времени был портрет Первого консула — Наполеона для бельгийского города Льежа. Сугубо казенный заказ, и Энгр так и отнесся к нему — казенно. Фигура Наполеона выглядит деревянной, жест правой руки — дежурно-условный, а лицо будущего властелина мира — кукольно-пустое и ничего не выражающее, кроме важности. Зато каким сильным и освежающим контрастом этому бездушному портрету служит отличный автопортрет самого Энгра, выполненный им в 1804 году. Ах, каким молодцом, каким львом, готовым к прыжку, выглядит двадцатичетырехлетний художник. Вся поза его коренастого тела — как натянутая тетива, а скуластое смуглое лицо с упрямо сжатыми губами и сине-вороньими волосами словно у бойца, готового к бою. Нет, этот молодой человек согласен только на первые роли в искусстве, амплуа середнячка не для него.

И словно для того, чтобы показать львиные когти, Энгр пишет в 1805 году три великолепных портрета семейства Ривьер: отца, его жены и их молоденькой дочери. Но что за странные портреты вышли у Энгра! Каким холодом, бездушием и пустотою светских гостиных веет от людей-манекенов, разодетых словно куклы по последнему слову тогдашней моды. Ни одной живой и трепетной человеческой черточки, ни одного хотя бы слабого намека, выдающего тайную, внутреннюю жизнь, присутствие мысли, чувства, страстей... Все закрыто и заперто наглухо, словно в могильном склепе. Да и волновала ли и самого Энгра тайная суть сидящих перед ним светских людей, пытался ли он заглянуть к ним в душу, угадать их тайные помыслы и скрытую от постороннего взгляда жизнь? Нет, и еще раз нет! С редким для портретиста бесстрашием он отделяет их холеные, гладкие лица с пустыми глазами.

Но зато сколько таланта, вкуса, ювелирного мастерства и старания он тратит на отделку какой-нибудь эффектной шали, или ослепительно белой, молочной кожи, или синего бархата подушки, на которую облокачивается нежной ручкой госпожа Ривьер. Сколько блеска, подлинного артистизма, самоуверенной грации и красоты! Особенно же хорош и классичен портрет молоденькой мадемуазель Ривьер, которую кто-то из критиков назвал французской Джокондой. И действительно: в повороте ее тела, в поднятой руке, в полуулыбке и главное — в чистом и каком-то отрешенном сельском пейзаже, на фоне которого и дана ее фигурка, есть что-то от леонардовской Джоконды. Правда, этим близость, пожалуй, и ограничивается. Во всем же остальном — непреодолимая пропасть между канувшей в прошлое классикой и новым временем, между классическим пониманием человека и его совре-

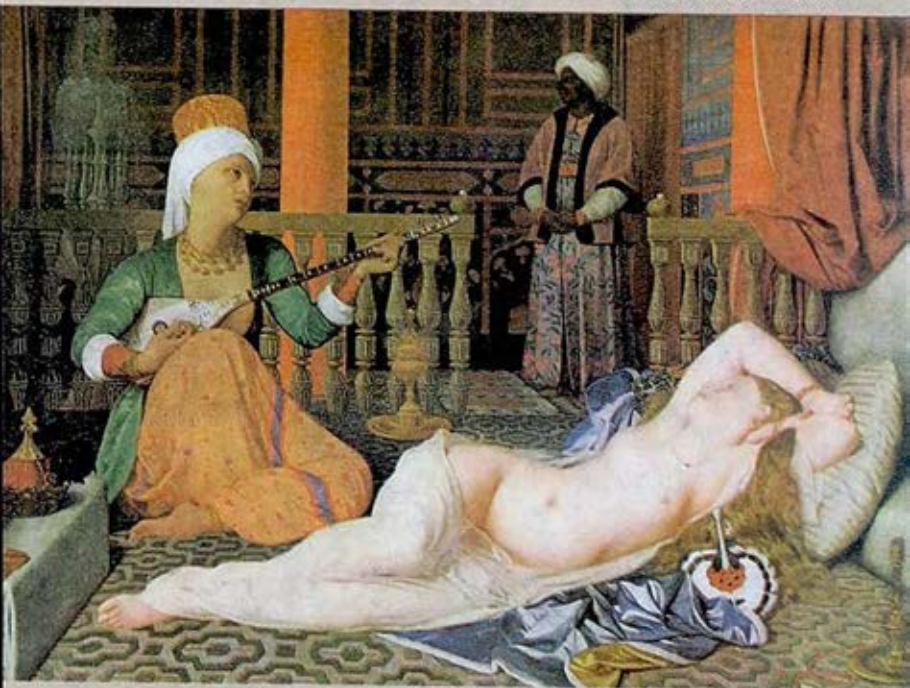

Портрет М. Мерквата. 1810.

Merkvatt 1810

менной интерпретацией. И если леонардовская Джоконда обнимает собой весь мир, то мадемуазель Ривьер Энгра — просто мадемуазель Ривьер, пятнадцатилетняя француженка с большими, неуклюжими руками и некрасивым, но все же прелестным личиком.

1806 год отмечен в жизни Энгра двумя приятными для него событиями, одно из которых — чисто личного свойства. Он влюблен. Его избранница — Анн-Мари-Жюли Форестье, дочь помощника судьи, девица не чуждая искусства. Как и жених, она занималась живописью и

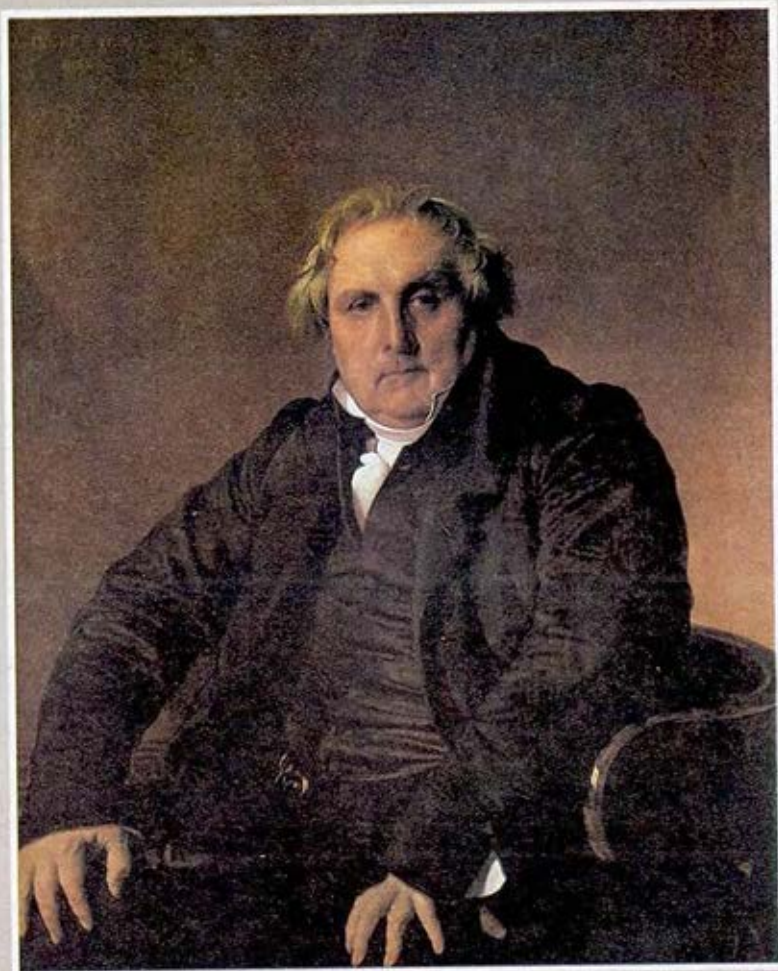
Одалиска с рабыней. 1839 — 1840.

музыцированием. Мы видим ее на чудесном рисунке семейства Форестье, оставшемся после Энгра. Сразу видно, что, создавая его, двадцатипятилетний Энгр, как все влюбленные, душевно размягчен и расслаблен: в его рисунке появляется недостающая ему теплота и человечность. Его невеста, еле скрывая радость и гордость, стоит в центре семьи и счастливо улыбается ему, близкие же ласково глядят на девушку и радуются ее молодому счастью. Казалось бы, что запечатленная в тонком рисунке идиллия должна стать прелюдией к долгому семейному счастью. Но вышло иначе: финансовые затруднения, мешавшие Энгру отправиться в свое время в Рим, наконец разрешились, и началась новая, затянувшаяся на долгие восемнадцать лет, история его жизни, в которой, увы, счастливой Анн-Мари не нашлось места.

Принцесса де Брогли. 1853.

Портрет Луиса-Франциса Бертина. 1832.

Перед отъездом Энгр оставил несколько своих последних полотен: автопортрет, портрет Наполеона на троне и портреты семейства Ривьер для Салона — в надежде прозвучать или, как знать, прославиться. Уже в Риме до него доползли недобрые слухи о том, что он “прозвучал”, но совсем не так, как ему бы хотелось. Критика не поняла и не одобрила его. И, как странно, тот, кто спустя пятидесятилетие станет во Франции символом реакционного и косного в искусстве, в те дни казался настоящим революционером и отступником от строгих норм классицизма. Его красивые холодные портреты оказались слишком своеобразны и отмечены печатью чего-то очень личного, чтобы сразу и безусловно быть принятыми публикой. Понадобились годы, чтобы

приручить публику к себе и научить ее глядеть на мир собственными глазами.

Как ни велики были мучения разобиженного самолюбия, как ни грызла ненависть к судьям, Рим все-таки брал свое, и его обожаемая старина, боготворимые классики, если и не примиряли с действительностью, то хотя бы успокаивали и настраивали на миролюбивый рабочий лад. В 1807 году он пишет три маленьких тондо маслом на дереве, и среди них чудесный тонкий пейзаж “Дом Рафаэля” — несмотря на размер, вещь очень монументальная и масштабная, близкая по передаче воздуха и света Коро, который приедет сюда же, в Рим, спустя двадцать лет.

Тогда же он исполняет два отличных портрета — своего приятеля, живописца Гране, и один из шедевров — портрет госпожи Девосэ. Вот уж где энгровский холодок пригодился и пришелся как раз в пору неприступной красавице-модели! Как непроницаемо холодны и злы ее красивые карие глаза, как великолепны темные длинные брови, какая тонкая ядовитая насмешка змеится по ее маленькому безгубому рту. Ах, сколько юных сердец загубило это бездушное, ледяное создание, сколько разорила и закружила она, и кто бы мог подумать и предугадать, что через много-много лет госпожа Девосэ явится к господину Энгру, но уже не неприступной красавицей, а немолодой, бедно одетой женщиной, и попросит художника купить ее же собственный портрет, где запечатлена и ее былая молодость, и все когда-то обольстительные прелести.

Почти в то же самое время, приблизительно через год, Энгр пишет, быть может, лучшую свою работу, так называемую “Большую купальщицу”. Вещь удивительную и завораживающую своей красотой. Здесь нет ни восторгов, ни умиления, ни даже эротики, — изображена просто заурядная голая женщина, сидящая к нам спиной, на смятых белых простынях. Но поди ж ты, от этой голой и вовсе не красивой спины, от белых простыней с их беспорядочными складками, от рассеянного дневного света, ровно падающего из окна, нельзя оторваться. И в этом неизъяснимый секрет Энгра и его особая неповторимость. Подобно ремесленнику-мастеровому, Энгр проходит по всем выпуклостям и округлостям своей натуры, шлифуя и ошкуривая ее, зачищая неровности, шероховатости или случайные отметины и добиваясь предельной, безупречной отточенности формы и линии тела. Недаром же он говорил своим ученикам, показывая им на позирующего натурщика: “Если вы хотите видеть эту ногу безобразной — я знаю, для этого есть основания. Но я вам говорю, возьмите мои глаза, и вы найдете ее прекрасной!”

Жаль, что Энгр не понял и недооценил себя. Его натурные работы и портреты без преувеличения прекрасны, именно в них он поднялся на ту высоту, которую всегда ставил себе, именно здесь был значителен, интересен и становился вровень с обожаемыми им классиками. Только при работе с натурой его талант наполнялся кровью и оживал, приобретал необходимую силу и мощь. К несчастью, художник этого не видел и не понимал. Честолюбие, железная воля, способная справиться с

любимыми задачами, его великий дар давали ему основания рассчитывать, что так же блестяще и виртуозно, как справлялся с портретами и натурными этюдами, он справится и с любой монументальной работой, стоит только решиться и захотеть. Но он ошибался. Как ни значителен его талант, у него были свои пределы и рамки, за границами которых он, как Самсон без волос, терял силу. У Энгра не хватило понимания, широты и смелости, чтобы увидеть правду. Время этюдов, пейзажей, просто живописи, как таковой, еще не пришло, оно придет вместе с Курбе, Коро и импрессионистами. А его время, время уходящего и отмирающего классицизма, требовало совсем иного — создания больших, тяжеловесных полотен, обязательно с высокой гражданской идеей и величественной и скучной греко-римской красотой. И Энгр охотно исполнял то, что требовало от него время.

В начале 1810-х годов Энгр пишет серию самых разнородных полотен на античные темы: "Эдип и Сфинкс", "Юпитер и Фетида", "Ромул, победивший Акрона", "Сон Оссиана" — вещи разные и по размерам, и по сюжетам, и по своему предназначению. Скажем, "Эдип и Сфинкс" и "Юпитер и Фетида" — просто отчетные работы, обязательные для римских пенсионеров французской Академии, а "Сон Оссиана" готовился для потолка спальни во дворце Наполеона. Но все они, как, впрочем, и многие последующие работы Энгра подобного рода, объединены одним качеством — они скучны и не интересны. Вместо подлинного духа античной Греции и древнего Рима — ходульные театральные жесты, пафосные позы и картинный, выдуманный героизм, который никого не заражает.

В 1813 году Энгр женится. История женитьбы по-своему примечательна и дает представление о характере этого основательного и рассудительного человека. Как-то раз его римская приятельница, любившая зазывать к себе французских художников, вероятно, наскучившись глядеть на его холостяцкое житье-бытье, стала настойчиво сватать Энгру свою кузину — мадемуазель Шапель, скромную модистку из французского городка Гере. Наслушавшись о несравненных добродетелях девицы, Энгр загорелся желанием ее увидеть. Мадемуазель Шапель срочно выписали в Рим, и — о, чудо! — два взрослых человека, которым было уже за тридцать, влюбились друг в друга с первого взгляда, и уже через два месяца сыграли свадьбу. Мы можем видеть счастливую модисточку на рисунке Энгра. Она стоит в скромном платье и высоком чепце с какой-то кошелкой в руках, у нее простое доброе лицо и милая застенчивая улыбка. Энгр прожил с ней тридцать шесть лет, был очень счастлив и страшно переживал ее кончину в 1849 году.

В 1814 году Энгр выдает сразу несколько блестящих работ. Это — знаменитая "Большая одалиска", "Папа Пий VII в Сикстинской капелле" и портрет Мари Маркоз или иначе г-жи де Сенонн. Начиная с 1814 года благосостояние Энгра значительно ухудшается: империя Наполеона рушится, богатые французы бегут из Рима, и он остается без своих постоянных заказчиков. Чтобы как-то выкрутиться из положения, он делает за небольшую плату карандашные портретики, нечто вроде современной фотографии на память. Именно временной бедности Энгра

и вынужденному простому мы и обязаны появлению его чудесных рисунков. И действительно, если о его живописи можно судить и так и эдак, если о ней можно говорить, что она холодна, то в рисунках Энгр — безупречен. Забывая на время о высоких задачах искусства, не насилуя себя, не пытаясь создать нечто эпохальное, а просто рисуя быстрые портреты с натуры, он наконец-то становится самим собой. И это "самим собой" приносило удивительные результаты. У него есть чудесные семейные портреты, тонко нарисованные, словно старинное французское кружево: сколько там живых человеческих деталей, сколько изящества и бесхитростного реализма...

В 1824 году, после почти двадцатилетнего отсутствия, Энгр возвращается на родину. Он едет в Париж несколько настороженно и с опаской, парижская критика никогда не баловала его, и он не ждал от нее ничего хорошего. Но Париж встретил Энгра как героя. За его скучного "Людовика" заплатили сумму, вдвое больше обещанной, Карл X лично наградил художника орденом Почетного легиона, а в 1825 году его избрали академиком. Это был триумф. Рядом с поднимающими голову романтиками, рядом с пылким и нервным Делакруа, которого Энгр ненавидел всю жизнь, рядом со всякого рода новациями и брожением, опасным в глазах официальной общественности, Энгр с его почтенной любовью к традиции и старине, с обращенностью к Рафаэлю выглядел таким надежным, основательным и необходимым, что все его прежние молодые грехи казались просто забавой по сравнению с новой угрозой модернизации. Отныне и до конца жизни Энгр становится знаменем, оплотом и идеологом консерватизма. Все новое и молодое, все дерзкое и смелое, любая попытка освежить и осовременить искусство, вбрызнуть в него молодую кровь вызывают в нем ненависть и раздражение. Он пишет чудовищные для большого художника слова: "Что хотят сказать мнимые художники, проповедующие открытие "нового"? А есть ли что-либо новое? Все уже сделано, все уже найдено. Наша цель не изобретать, а продолжать, и нам много есть что сделать..." "Пусть мне не говорят о следующем нелепом изречении: "Надо новое, надо следовать за своим веком, все меняется, все изменилось". Это не что иное, как софизм... Разве природа меняется, разве свет и воздух меняются, разве страсти человеческого сердца изменились со времен Гомера?" — и т.д. и т.п.

Тогда же Энгр открыл свою собственную школу и стал обучать молодежь. Ни один человек в мире не смог бы обвинить его в том, что он растлеивает или, не дай Бог, внушает пагубные идеи молодым. Послушная покорность, помноженная на консерватизм и уважение к авторитетам, — его главные принципы. Он уже давно позабыл о своем призыве быть революционером в искусстве, а упрямо гнул свою линию и вдалбливал в послушные головы учеников постулаты о примате рисунка над колоритом, о культе прекрасного идеала, об обязательном изучении античности и Рафаэля. Нужно ли удивляться, что из его мастерской выходили скучнейшие, мертворожденные произведения.

Весь 1827 год Энгр работал над большим официальным заказом — "Апофеоз Гомера", предназначенным для будущего Музея Карла X в

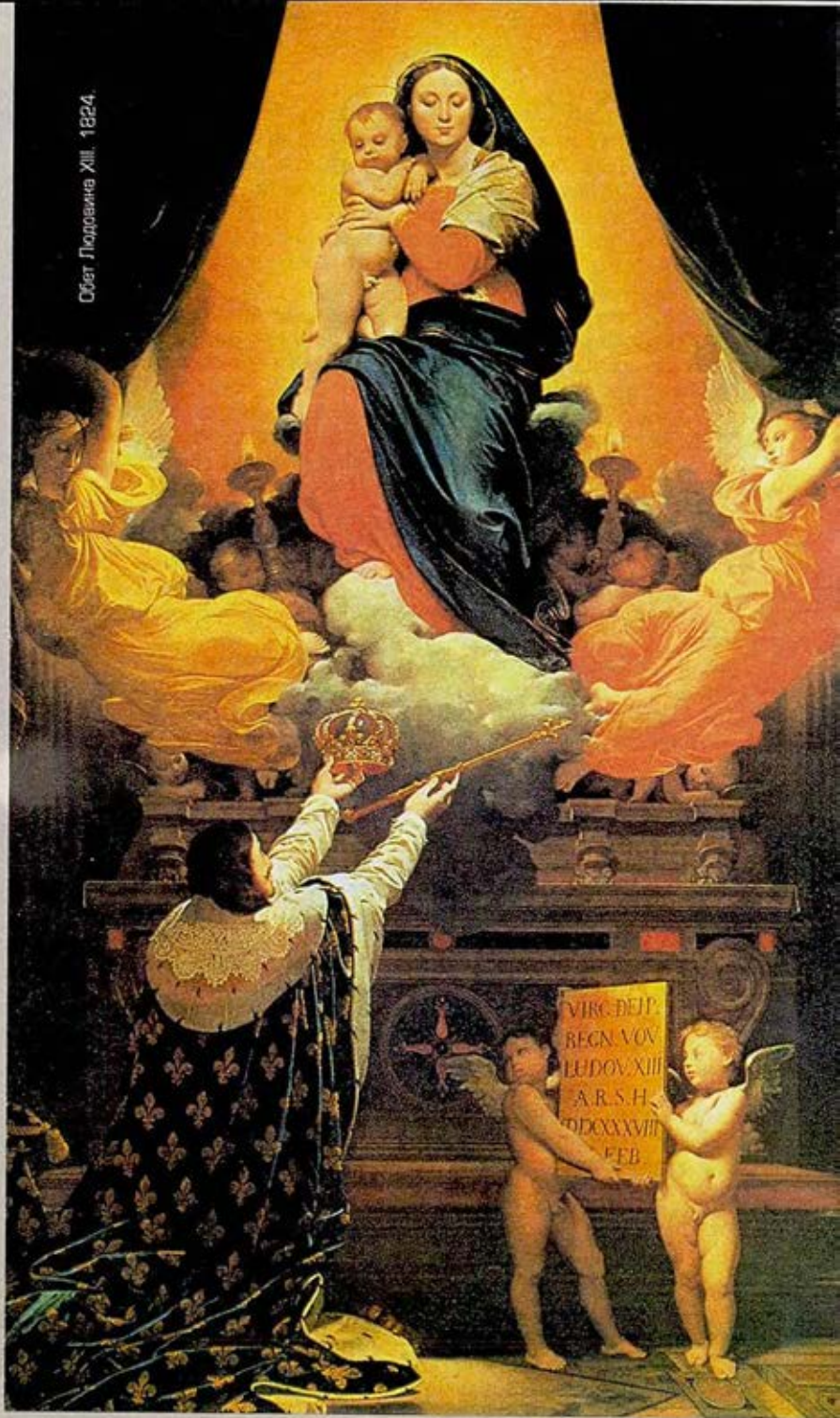
Лувре. Его не отпугнул ложный пафос названия, и он с усердием трудился над сложной многофигурной композицией, призванной увековечить бессмертный гений древнего грека и стать "самым прекрасным и самым главным произведением" всей его жизни. Но именно этого ему не удалось. Весь набор набивших оскомину академических штампов — Гомер на троне, крылатая богиня славы, венчающая его венком, бряцание на лире и дежурно-вдохновенные позы героев — совершенно не способствуют живому восприятию картины.

И тем не менее сразу же после ее окончания он принимается за новую капитальную работу "Мучение святого Симфорiona". И снова с беспримерным усердием и терпением в течение долгих шести лет мучается над тяжеловесным и, кажется, с самого начала обреченным на неудачу созданием, в который раз мечтая, чтобы оно стало его главной песней. Страшно подумать, сколько драгоценного времени, героических усилий и титанического труда было положено на очередную химеру: сотни этюдов, изготовление макетов — и все впустую! Не стоило бы даже упоминать об этой неудавшейся работе, если б не удивительные, потрясающие этюды Энгра к ней. Они как будто написаны другим человеком: столько в них жизни и правды. Они поражают громадным мастерством и, прежде всего, необычайно живым чувством истории — это действительно живые люди из мускулов и костей, а не гипсовые манекены.

Картина не имела успеха, публика отнеслась к ней равнодушно, и Энгр, носившийся с ней столько лет, оскорбился. Теперь он пожелал покинуть Париж, где его не поняли и не оценили, и попросил назначить его директором Французской академии в Риме. Его просьбу удовлетворили, и осенью 1834 года вместе с женой и любимым учеником он отправляется в свой обожаемый Рим.

В Риме Энгр хворает, жалуется на плохое самочувствие и с похвальным рвением печется о своих подопечных и о вверенной ему Академии. Он действительно был по-своему идеальный директор: честный, очень добросовестный и педантичный, но только когда через шесть лет расстроенные стипендиаты провожали, наконец, маэстро обратно во Францию, один из них записал: "...странное чувство овладело нами: мы дышали более легко, мы чувствовали, как воздух свободы распространяется вокруг нас, и казалось, что невидимая тяжесть не давила больше ни на наши мысли, ни на наши действия; мы могли броситься в бесконечность будущего в погоне за миражами, сверкающими свежестью и красотой! Мы были свободны!"

После возвращения из Италии Париж встретил Энгра как победителя. Римские картины "Одалиска и рабыня" и "Стратоника", посланные незадолго до того во Францию, были восторженно приняты и совершенно загладили неприятное впечатление от его последних работ. На роскошном банкете, устроенном в честь художника, его поклонник, маркиз де Пасторе, сказал: "Вы были не признаны... Теперь вам воздали должное, и должно оказалось славой..." Итак, слава — то, чего он так жаждал всю свою жизнь, — пришла к нему в 61 год и больше никогда не покидала. Отныне до конца дней своих он стал признанным

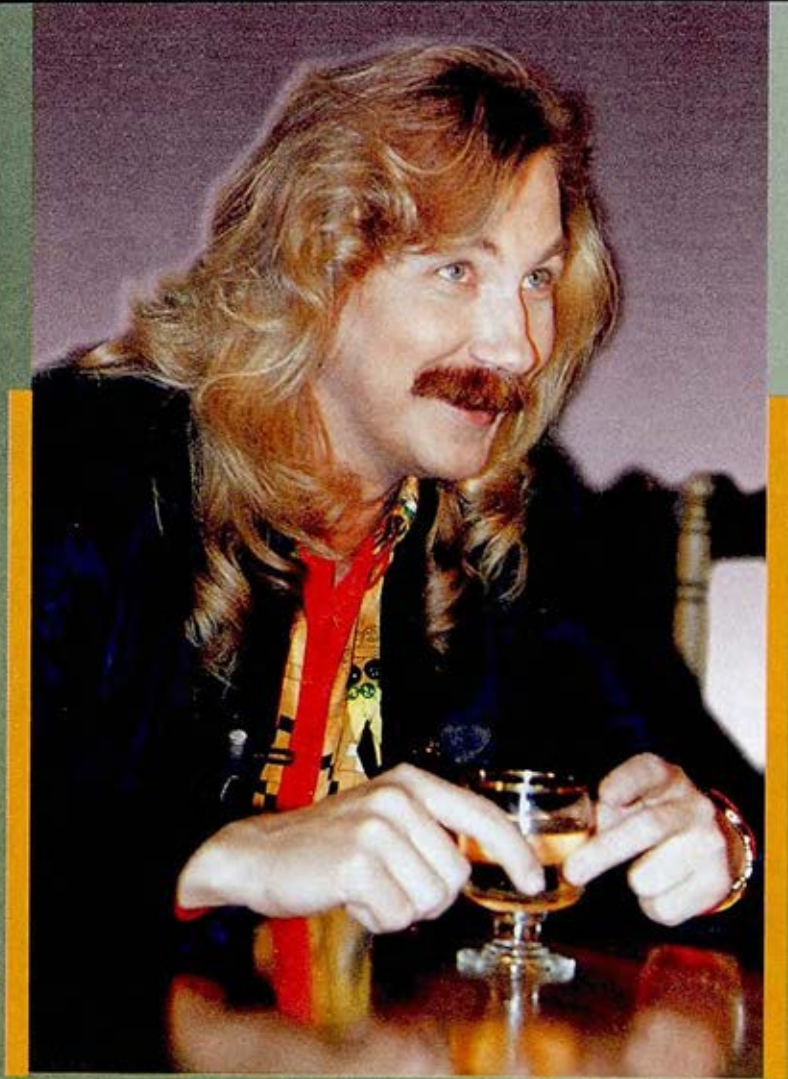

мэтром французской живописи, и авторитет его не могли поколебать ни строгая критика, ни нападки идейных противников. И он по-прежнему рвется в бой, мечтает о великих свершениях на почве исторической живописи и по-прежнему уклоняется от портретов.

Все последующие годы, несмотря на надвигающуюся старость, Энгр методично пишет исторические картины: громадную фреску "Золотой век" для замка Дампьер, "Апофеоз Наполеона I" для Парижской ратуши, "Жанна д'Арк на коронации Карла VII". В промежутках между ними, как всегда нехотя, выполняет заказные портреты: пользовавшийся большим успехом портрет герцога Орлеанского — рано умершего сына Луи-Филиппа, портрет изящной аристократки Луизы д'Оссонвиль, про который сам Тьер, приезжавший смотреть на него, сказал: "Нужно, чтобы г-н Энгр был в вас влюблен, чтобы так вас написать", и знаменитые портреты баронессы Ротшильд и Инес Муатессье. Бетти Ротшильд в течение двух лет уговаривала несговорчивого Энгра писать с нее портрет, но ни ее имя, ни богатство, ни подарки, ни умоляющие письма не могли сломить упрямого старика, и только ее красота наконец смягчила его и заставила согласиться. Да и то он мучился и тяготился этой работой шесть лет, пока не довел ее до нужного ему совершенства. Портрет, и впрямь, получился великолепным. Холодная и бесстрастная живопись Энгра как нельзя лучше подходила для изображения подавляющего богатства и роскоши, окружающей баронессу. Из одного ее, блестящего шелками, платья он сотворил целое роскошное пиршество, от которого нельзя оторвать глаза.

В 1849 году у Энгра умирает его семидесятилетняя жена, когда-то счастливая модисточка Мадлен. Энгр плачет, тоскует, переживает и считает свою жизнь погибшей, но ему остается жить еще целых семнадцать лет. В 1852 году он женился вторично — на Дельфине Рамель, которая моложе его почти на тридцать лет, и этот брак оказался таким же счастливым, как и первый. Годы шли. Но он, кажется, и не собирался стареть, оставался бодрым, крепким стариком, "с порядочным брюшком и простоватого вида", которым его знал весь Париж. И по-прежнему методично и упорно работал. В семьдесят шесть лет он пишет роскошный портрет Инес Муатессье, в семьдесят девять портрет своей жены Дельфины, в восемьдесят два — знаменитую "Турецкую баню" с беспорядочным нагромождением обнаженных женских тел.

В начале 1866 года он составляет завещание, согласно которому после смерти все его художественные коллекции отходили родному городу Монтобану, где уже существовала улица, названная его именем, и где в городской ратуше с 1854 года открыли комнату Энгра. Свалило этого упорного, железного старика, как ни странно, молодое легкомыслие и неосторожность: как-то раз, провожая после музыкального вечера дам до их экипажей, он постеснялся накинуть на себя что-нибудь теплое, а на их вежливое участие и вопреки кокетливо произнес: "Энгр будет жить и умерт слугой дам". Последнее произошло буквально. Через пять дней он скончался от воспаления легких на восемьдесят седьмом году жизни. ■

Игорь НИКОЛАЕВ:

“МОЙ МИР
НЕПРИКО

Поздравляю Хруста «Сиско» с 75-летием!
Сиско — ты настоящий кавказец,
Сиско — ты любовь к чужой стране
и к своей стране!
Твоя любовь!
И. Резник

Игоря Николаева можно назвать долгожителем нашей эстрады. Из своих 38 лет — 20 он на сцене. За прошедшие два десятилетия эстрада из просто легкого жанра превратилась в шоу-бизнес, в конвейер, где перемалывают в прах наркотически-опьяняющие мечты наивных мальчиков и девочек, заболевших звездной болезнью.

Игорь Николаев один из тех, кто сумел обойти рифы соблазнов и сохранил, насколько это возможно в рамках его профессии, интеллигентность и гибкость интеллекта.

— Игорь, совсем недавно вы вернулись из Америки, с чем была связана поездка?

— Я довольно часто посещаю эту страну. Во-первых, обожаю там отдыхать. Во-вторых, интересно что-то сделать для других людей, поскольку музыка интернациональна и не имеет какого-то опре-

деленного языка. Хотя, без сомнения, русское начало в творчестве того или иного композитора, который является представителем русской культуры, все равно есть. Но мне всегда интересно делать новое для себя в жизни, чтобы самому себе не наскутить. В-третьих, здесь замечательные студии звукозаписи, дающие возможность осуществить задуманное на оптимальном уровне, с максимальным комфортом, нигуда не торопясь, где тебя не отвлекают дела сиюминутные...

— В последнее время из благополучной Америки вернулись очень многие представители вашей профессии — Илья Резник, Михаил Шуфутинский, Любовь Успенская и другие. С чем, на ваш взгляд, связано, что они вдруг вспомнили "бедную и нищую" Россию?

— Я думаю, что человек, занимающийся творчеством, существо

СНОВЕНЕН”

достаточно космополитичное по своей сути, а храм находится в нашем сердце, а не в каком-то географическом пункте. Если Мадона живет в Италии, это не значит, что она уехала из Америки. Поэтому даже сам ваш вопрос — пережиток: почему они уехали? Просто захотели пожить в Америке, потом захотели вернуться в Россию.

— Ваше возвращение из поездки совпало с днем рождения вашей дочери Юли. Сколько ей исполнилось лет и чем она занимается?

— У нее была круглая дата — двадцать лет. Но для меня она пока не взрослая, инфантильное такое существо... Что очень хорошо. Она и наивная девочка, и довольно умная, пишет стихи, песни, музыку...

— Выходит, ваши профессии пересекаются?

— Ну, профессия это то, за что получаешь деньги, пока она еще этим не страдает, хочет заниматься творческой работой...

— А как складывалось ваше детство?

— По моим наблюдениям, детство у всех моих ровесников более или менее одинаковое. Советское, овеянное ореолом дворовой романтики, хулиганов, шпаны, первой любви. Мое прошло на очень Дальнем Востоке, на Сахалине, в маленьком городке Холмске, там я окончил музыкальную школу по классу скрипки. Отец был поэтом, у него вышло при жизни пять книжек. В моих детских впечатлениях это связано с большим количеством водки, бессонными разговорами, преферансом, рыбалкой и гордой книжкой в доме. И тогда же произошло горькое открытие, что многих наших интеллигентов сгубила вод-

на, ибо служила переводчиком в разговоре, напитком, отрывающим какие-то отсеки в головном мозге, которые янобы помогают общаться... Но это — иллюзия, наоборот, она их закрывает, а не открывает. И мне кажется, все поколение 70-х, которое жило в последнее десятилетие правления Брежнева, несет на себе водочную печать. Они, между прочим, были чистые и открытые сердцем люди, ранимые, подверженные очень сильным обидам, интригам, тяжело переносили неудачи, конечно же, местного значения, но для них-то они назвали глобальными...

— Судя по всему, отец рано ушел из жизни, и именно по тем самым причинам, о которых вы сейчас говорили?

— Да, он мало прожил. У меня есть несколько песен на его стихи, одна из них "Будь здоров, дружок" даже звучала на моем творческом вечере в исполнении Александра Кальянова...

— Почему, кстати, сегодняшние композиторы так редко обращаются к поэзии Блока, Цветаевой, Ахматовой? Ведь это уже заведомо гарантия успеха. Нас же все время потчуют убогими текстами, набором из десяти-пятнадцати слов...

— Песню на стихи классика написать нельзя. Можно написать музыкальное произведение, назвать его как угодно: романс, кантата, оратория, мелодрамма, но не песня. Потому что песенный текст и стихи — совершенно два разных несоприкасаемых жанра, два разных мира, если хотите.

— Но Григорий Пономаренко писал песни на стихи Сергея Есенина, ставшие еще при жизни

композитора фантически народными...

— Надо иметь в виду, что Есенин по природе своей очень песенный поэт, его стихи изначально певучи, в них много гласных, совершенно ясные четверостишия, ясные формы... Но я бы не стал писать на стихи Есенина, потому что поэзия — самодостаточная вещь, она не нуждается в музыкальном иллюстрировании.

— *Так что же тогда песня?*

— Если текст не несет на себе очень сильной нагрузки, то музыка должна быть на первом плане. Если песенный текст является сильной частью, как, скажем, у Высоцкого, тогда музыка уходит на второй план, превращается в речитатив, в денламацию. Вот в песнях Владимира Высоцкого 80 процентов — текст, 20 — музыка и сама личность. А романсы Чайковского, понятно, 90 процентов музыка и только десять — песенный текст.

— *Но Чайковский использовал и стихи Алексея Константиновича Толстого, и Пушкина...*

— Да, но кто такие были в большинстве своем эти классики? Его современники. А что такое его романсы? Это песни 19 века, салонная музыка: "Средь шумного бала" и так далее. У каждого времени свои песни...

— *В таком случае, у вас синтетическое искусство: вы пишете музыку, тексты и сами являетесь исполнителем. Если брать всю эту триаду, вы себя в чем больше чувствуете профессионалом? С нами из трех "составов" вам легче работать?*

— Все происходит спонтанно. Если бы знать рецепт, то можно было бы не ошибаться и писать только хорошие песни. Но так не

всегда бывает, хотя я не сажусь специально писать слабую песню, просто она иногда так пишется... И это нормально — ведь не может же быть всегда стопроцентное попадание... Ведь каждый из нас проживает жизнь, состоящую из ошибок. И таким образом человек проходит свой тянущий путь познания мира. Если бы он летел над землей на крыльях, то это уже существование ангела, а не человека.

— *Согласитесь, что вы не всегда были таким суровым реалистом?*

— Естественно, я рассуждал иначе лет пять назад и наверняка буду рассуждать иначе еще через пять лет. Но это мое сегодняшнее восприятие мира, восприятие человека, который в шоу-бизнесе с 18 лет. Признаюсь, что немножечко от него устал. Но более интересной жизни я не знаю. Все остальное вообще жуткая скука и однообразие. В этой жизни, в этой профессии хоть что-то происходит, хоть какие-то откровения, хоть какие-то открытия можно совершить, не научные, конечно, а внутри себя. Поэтому я очень благодарен судьбе, Богу, что занимаюсь именно этим делом.

— *Ваша профессия достаточно настовая, она не терпит новых, посторонних людей. Как удалось вам, человеку из глухомани, из далекой провинции, пробить этот замкнутый на себя круг?*

— Все зависит от того, что делаешь, что можешь сделать. Я не проходил через какие-то секретные ворота, чтобы попасть в Москву. Мне было 15 лет, я перевелся из сахалинского музыкального училища в училище при Московской консерватории. И началась обыкновенная студенческая жизнь в

общенитии на сорок рублей в месяц. Существование абсолютно бесперспективное, да и какие могут быть перспективы у подростка, который просто живет, учится. И, кстати, я встречал очень многих людей, которые появились в шоу-бизнесе без всякой протенции. Потому что умели работать, сочинять, петь, жить в этом бизнесе. Не спились, не скурвились, а нашли свою нишу. Зрителей ведь не интересуется, кто кого поддерживал и протезировал, они смотрят на артиста и на то, что он может делать на сцене.

— Но ведь сами-то вы помогли в свое время Наташе Королевой...

— Да, случается, на гастролях в каком-нибудь городе приходят за кулисы и говорят: "Мы читали, что вы помогли Королевой... Вот я тоже хочу петь, я тоже сочиняю песни, помогите теперь и мне..." Сама по себе постановка вопроса ставит человека в положение пассивного участника событий. То есть, я должен быть активным, тянуть человека, а он, так уж и быть, согласится, чтобы его тянули. Но ведь все получается только у того, кто сам активный.

— Стало быть, и вы были активны изначально?

— Нет, я вообще не собирался песнями заниматься. И не писал их. Получал классическое образование.

— Снажите, Игорь, когда вы попали в московскую среду, у вас не было комплекса провинциала, как это нередко случается с приезжими: дескать, москвичи и больше знают, и поглядывают на нас сверху вниз?

— Напротив. Я вижу на примере многих моих знакомых, что провинциалы — победители в этом го-

роде. У них жизненная энергия направлена на выживание. У них нет квартиры, нет денег, они борются за свое существование, поэтому достигают результатов. У москвичей, как правило, нет таких побудительных мотивов, чтобы пробить головной стену. А вообще в шоу-бизнесе 90 процентов провинциалы...

— Первые ваши песни, громко заявившие о вас, исполнила Алла Пугачева?

— Самую первую мою песню спела Людмила Гурченко, романс "Как жаль, что вас здесь нет", в новогоднем аттракционе, в том самом, где Пугачева пела "Миллион алых роз" Паулса. А уже в следующем аттракционе, через год, Пугачева исполнила мои песни "Айсберг" и "Расскажите, птицы". И, конечно, вся "волна" пошла именно с них...

— Публичная жизнь артиста неизбежно обрекает на пристальное внимание со стороны чужих людей, а также на, быть может, ненормативные вопросы. Но порой артисты и сами дают для этого повод. Имею в виду интервью Наташи Королевой, в которых она достаточно подробно рассказывает о своих любовных похождениях и приключениях. Возникает вопрос, как относится к таким "откровениям" муж Наташи, Игорь Николаев: как к безобидной игре "на имидж", невинным шалостям или как к современным нравам сегодняшней жизни? Но если вам не по душе такой вопрос, можете не отвечать...

— Я не могу прокомментировать те высказывания, о которых вы говорите, так как не читал их. Но хочу сказать, что мы потому и живем вместе, потому и любим друг друга, что совершенно раз-

ные люди и по характеру, и по образу жизни, и по отношению к жизни. Но, тем не менее, мы вместе... Я люблю оставлять свой мир в неприкосновенности. А Наташа наоборот — разукрасить, любит эпатаж...

— Следующий мой вопрос из разряда гипотетических, и, не дай Бог, конечно, чтобы такое могло случиться, но все-таки: если бы сейчас вы оказались среди того населения нашей страны, которое живет за чертой бедности? Исчезли бы ваши уютные интерьеры, роскошные туалеты, ваш серебристо-кофейного цвета "линкольн", — вы бы смогли, уже вписав этого "изобилия", приспособиться к трудностям жизни, к изнурительной бедности?

— Что значит "приспособиться к трудностям"? Я продолжаю жить в России, что, я на Марс уехал, что ли? Я не бедный человек, но богатым меня назвать нельзя. А в тех городах, куда я постоянно приезжаю на гастроли, как раз и протекает та самая жизнь. Я в ней и нахожусь... Или вы имеете в виду, чтобы я поселился в баране, вы туда меня направляет? Но дело в том, что я жил в таких условиях, весь вопрос в том, как воспринимать этот мир. Вас туда послали в ссылку, или наоборот, вы счастливы тем, что живете с любимым человеком под одной крышей, у вас дети, работа. Можно на одно и то же посмотреть совершенно разными глазами. Мне хочется все-таки видеть больше положительного даже в нашей жизни. То, что не бросает человека в пропасть отчаяния, уныния. И в Америке существуют трагедии. Можно иметь кучу денег и покончить жизнь самоубийством

от неразделенной любви или от наркотиков. Материальная сторона вопроса здесь абсолютно ни при чем. Вы живете в баране в Красноярске или на вилле в Санта-Барбаре, но если вы счастливы, то — счастливы везде, если несчастливы, то несчастны, где бы ни находились.

— Боитесь ли вы старости, смерти?

— У нас профессия, которая толкает в самолеты ежедневно. Через неделю я улетаю в Австралию — сутки полета. А когда летаю в Америку, во Флориду, постоянно пролетаю над Бермудским треугольником, такой маршрут у самолета. Я над этим Бермудским треугольником летал уже, наверно, раз двести. Ну и что же, мне теперь нужно каждый раз перед полетом напиваться виски или снотворного и дрожать? Тогда уж не будем ездить в автомобилях, летать самолетами...

— То есть, вы хотите сказать, что от судьбы не уйдешь.

— Ному суждено утонуть, может и в ванной захлебнуться, не обязательно в море заплывать... Помните Сирябина, который писал великие поэмы о величии человеческого духа, "Поэму экстаза", а умер от обыкновенного прыщца. Так что нет смысла об этом думать: из-за чего, когда, в какой момент прекратится твое существование. Нужно только одно: не опоздать с покаянием, с раскаянием в грехах и не успеть набрать новых.

— Можете представить себя вне русской культуры, вне русской традиции, ее языка, несмотря на то, что, как сказали, ваша профессия по своей сути космополитична?

— Человек привязан не к географическому месту, а к сердцу, в котором его храм. Но разве можно быть вне своего сердца?

— *Удастся ли вам хотя бы иногда выйти из толпы, любите ли вы одиночество?*

— Я недавно написал новую песню — "Одиночка", как раз о том, о чем вы спросили. Каждый человек одинок, каждый, без исключения. Когда он засыпает, когда просыпается, он одинок. Одинок со своими мыслями, даже когда с кем-то общается. Поэтому человек должен находить для себя время, место, где может уединиться. И вообще очень полезно молчать. Я люблю за границу, потому что там могу молчать целыми днями. Вспоминается мудрость, что грех не то, что входит в рот, а то, что из него выходит. А выходит из него все то, что порождает зло в мире. Когда рот закрыт, то мозги начинают работать намного яснее...

— *Юрий Олеша говорил, что у каждого человека должна быть в доме своя золотая книжная полка, где стояли бы самые лучшие, самые необходимые книги. Есть ли у вас такая "золотая полка"?*

— Книг с годами должно становиться все меньше, я говорю об их количестве. И уменьшаться настолько, чтобы в итоге осталась лишь одна. Должна остаться Библия. И все. Потому что из нее выросли все остальные книги. Так же и с музыкой. Остается в конце концов Чайковский, Шопен, остается классика, первоисточник, из которого вышло все, чем мы занимаемся.

Беседу вел **Геннадий КРАСНИКОВ.**

Бок

Светлана БЕСТУЖЕВА-ЛАДА

ал ТОСКИ

“Все женщины неизлечимо больны одиночеством”, — обронил как-то Оноре де Бальзак, даже не представляя себе, насколько он прав. При этом великий писатель имел в виду, конечно, не только францушек... Три мои героини — совер-

шенно разные люди, объединяет их только одно: женская невостремленность. И как справиться с этой напастью, они себе не очень-то представляют. Не спасают ни материальный достаток, ни супер-благополучные жилищные условия, ни красота, ни интеллект. А поскольку в подобной ситуации, как и во многих других, спасение утопающих — дело рук самих утопающих... Вот вам три истории.

История первая. Леди и бомж

Тамаре на вид лет тридцать пять. Ничем, кроме имени, она на знаменитую грузинскую красавицу-царицу не похожа: среднего роста блондинка, склонная к полноте, с васильково-синими глазами. Глаза, правда, очень красивые, как говорят, с поволокой. А в остальном скорее простушка-хохлушка, и уж ни в коем случае — не “роковая женщина”.

Тамара уже несколько лет не работает — то есть не ходит на службу за вознаграждение. Она — жена. Правда, гражданская, как раньше говорили — невенчанная. Но со всеми обязанностями, которые возлагает на женщину законный брак, плюс и многие другие обязанности. Минус — права. Потому что при малейших разногласиях ее господин и повелитель цедит сквозь зубы одну-единственную фразу:

— Можешь отправляться обратно в свой Усть-Клопинск.

Такого города на карте, естественно, нет, но столь изысканное название скрывает подлинный родной городок Тамары, жуткий медвежий угол, где ее ждет комната в бараке (если барак от ветхости еще не завалился) и место библиотекаря в единственной городской библиотеке (если оно еще вакантно). Ни родных, ни близких там уже не осталось. Детей у Тамары не было, нет и, скорее всего, уже не будет. Хотя бы потому, что у ее гражданского мужа двое детей от первого брака и других он не желает.

Муж — Владимир Андреевич — видная фигура в киношных и телевизионных кругах. Его фамилия украшает несколько десятков кино- и телефильмов, к которым он написал сценарии. При этом, заметьте, фильмы по его сценариям никогда не клали “на полку”, а наоборот, всегда до небес превозносили во всевозможных рецензиях и отзывах. Соответственно, и материальный достаток мэтра находится на достаточно высоком уровне. У сына — квартира и машина, у дочери — машина и квартира, их мать, все еще формальная жена, ни в чем не испытывает недостатка, а Владимир Андреевич заканчивает отделку шикарного особняка в Подмосковье, где, собственно, постоянно и живет. Вместе с Тамарой, которая готовит, стирает, убирает, следит за рабочими, ведет телефонные переговоры, ездит за покупками, перепечатывает рукописи мэтра и ездит в Москву по его многочисленным поручениям...

— Мне нетрудно, — вымученно улыбается она, — ведь мне больше и делать-то нечего. Работы я не боюсь. Но хоть бы спасибо сказал, что ли... А то руки опускаются. Если все хорошо — молчит. Если что-то не так, сразу в крик. Самое мягкое определение при этом

“иждивенка”. А уж “тунеядка”, “лимита” — это даже и не в счет. Это у нас как бы обращение. Вместо имени. Так и живем...

Так и живут — почти шесть лет. Тамара прекрасно одета, курит дорогие сигареты, часто посещает салоны красоты и парикмахерские. И... плачет, плачет, плачет. Если Владимир Андреевич дома — плачет от частых и злых обид. Если он уезжает надолго по делам или в командировку — плачет от тоски, потому что не знает, куда себя девать. В такие дни она не может ни работать, ни читать, ни смотреть телевизор, ни даже нормально разговаривать с кем-то по телефону. Если муж оставляет ей достаточно денег, покупает спиртного покрепче и с его помощью дотягивает до вечера. Если денег нет — часами сидит за компьютером и играет в одну и ту же игру, хотя в умной машине их заложено несколько десятков. Но Тамаре совершенно ни к чему разнообразие, ей просто нужно чем-то себя занять и одурманить. До приезда Владимира Андреевича. Только после этого она оживает и перестает быть похожей на робота с севшими элементами питания.

А между тем девять из десяти наших с вами соотечественниц, замученных прозябанием в одно-двух комнатных “хрущобах”, где до потолка можно достать рукой, пол то и дело встает дыбом из-за бесчисленных протечек, а сквозь щели в стенах прекрасно видно соседние дома на другой стороне улицы, отдала бы все, что угодно, за такой дом, в котором живет Тамара. За холл с мраморным полом, размером в стандартную квартиру, за величественно-прекрасную лестницу, уходящую на второй этаж, за гостиную с камином, за кухню, где собрано все, что изобретено человечеством для облегчения труда домохозяйки... О спальне, в окна которой заглядывают яблоневые ветви, а за одной из створок гардероба прячется ванная, о которой можно только мечтать. Нечего зря душу травить. Особенно потому, что все это великолепие Тамару только раздражает:

— Зачем мне это? Я сто раз просила Владимира Андреевича купить мне — нет, не квартиру, хотя бы комнату в Подмосковье. Что бы было куда уехать, спрятаться, отдохнуть. Я бы приезжала к нему хоть каждый день, как домработница, а ночевала бы у себя. Работу бы нашла. Но он меня не отпускает. И жениться не хочет. Говорит, что не может оставить жену, с которой прожил четверть века. Это он теперь так говорит. А когда звал в Москву, обещал, что тут же разведется и мы распишемся. Размечталась...

Естественно, не женится. Что он, дурак, что ли? Превратить бесправную домработницу-секретаршу-любовницу в законную супругу, которая, по его представлению, тут же начнет “качать права”, претендовать на свою долю наследства и вообще... Да и дети могут не понять, а их отношением к себе мэтр очень даже дорожит. И не желает замечать того, что детки к Тамаре обращаются исключительно “Эй, ты!”, а между собой нежно называют “папина подстилка”, не обращая внимания на то, слышит их Тамара или нет. Или — замечает, но не считает нужным реагировать?

Естественно, он ее не отпустит. Кем он сможет заменить Тамару? Новой любовницей? Неизвестно, какая попадется, да и вообще лучшее — враг хорошего. Домработницей? Ей платить надо, как, впрочем, и секретарю. Да и боязно: кто сможет спокойно выносить перепады настроения гения, его капризы или капризы гостей, время от времени заполняющих дом? Только Тамара, которая все еще на что-то надеется, хотя умом понимает, что надеяться, в общем-то, не на что.

— Найду работу, — все еще мечтает она, — скоплю денег на комнату и на прописку... Может, еще встречу нормального человека, распишемся, буду варить ему борщ, штопать носки, а по вечерам вместе смотреть телевизор. Бывают же счастливые женщины...

Бывают. Я лично знаю не менее полутора десятков таких "счастливиц", которые почему-то такого своего "счастья" не замечают и мечтают о просторном, красивом доме, о незаурядном человеке рядом, о дорогих туалетах и украшениях, о светских развлечениях. О многочисленных гостях, которым можно со сдержанной гордостью показывать дом. О незадымленном, чистом воздухе пригорода. Словом, о том, чем Тамара сыта по самое горло.

— Да, он мне покупает дорогие шмотки. А потом ими же и попрекает. Кольцо подарил — два месяца пилил за жадность и корыстность. А я, между прочим, не просила. Мне гораздо важнее, чтобы он мне добрые слова говорил, так разве от него дождешься? Сижу тут одна, как сыч, выбраться куда-то по своим собственным делам или просто отдохнуть — проблема. Конечно, он очень талантлив. Но какая же это мука — жить бок о бок с таким человеком! У него же настроение меняется каждые три минуты, и если не угадаешь — беда. Может и оплеуху отвесить, у него не задержится. Сначала извинялся, подарки приносил, а теперь уже считает, что так и должно быть. Сама виновата, все спускала, все прощала. Ну, а не простила бы? Деваться-то все равно некуда. Вот и сижу тут...

Тамара разводит руки, демонстрируя, где именно сидит. Я и так вижу: в верхнем холле, в зркере, перед низким столиком, уставленным всякими вкусными вещами и красивыми банками-бутылками. Владимир Андреевич отбыл в очередную заграничную командировку, и Тамара, по ее собственному выражению, "словила момент". Впрочем, она охарактеризовала ситуацию еще более занятно:

— Помнишь, был такой мультик, где домашний пес пригласил в гости дворового приятеля? Пока хозяина дома не было. Вот и я так. Осталось только показать коврик, на котором хозяин спит, и плетку, которой я его наказываю, если не слушается. Смешно!

До слез смешно. Но почему бы не плюнуть на все это великолепие, коль скоро за него приходится так дорого платить, не уехать обратно, пусть и в барак, не попытаться устроить свою жизнь как-то по-другому, во всяком случае, без унижений, слез и оплеух? Почему?

— А потому, что я не хочу возвращаться туда, откуда улетала, как на крыльях. С какими глазами я там покажусь? Уезжала королевой, вернулась — побитой собачонкой?

А как все красиво начиналось!.. Как в сказке про Золушку. В захолустный городок приехал мэтр — чуть ли не живая легенда — и увез скромную библиотекаршу Томочку в Москву. Замуж! Коллеги от зависти зеленели: колечко, заблестевшее на пальце счастливой, тянуло чуть ли не на годовое жалование работника культуры. А что же будет дальше?

— Ничего хорошего, — горько усмехается Тамара. — Законная жена его так заматюгала, что к моменту нашей встречи он и не мужчина уже был. Пока успокоила, пока в норму привела, пока пить каждый божий день отучила... Пришел в себя — разговоры о женитьбе как отрезало. Стал поговаривать, что из-за меня у него отношения с детьми испортились, хотя они какими были, такими и остались: папочка у них только банк, откуда деньги лопатой грести можно. Потом начал упрекать, что я с ним только ради денег живу. И вообще, ему, оказывается, перед друзьями стыдно за то, что у него подруга — дремучая провинциалка. Так зачем было провинциалку в Москву тащить, у себя селить? Чтобы за строительством этих хором присматривала? Так получается? А я, дура, его люблю, все равно люблю...

Риторические вопросы хороши тем, что на них можно не отвечать. Да Тамара и не ждала ответов, она, похоже, их сама знала, и вопросы задавала как бы сама себе, чтобы выговориться.

— Один раз даже смешно было, — встряхнула она головой. — Еду зимой в электричке, возвращаюсь, значит, домой после того, как весь день по Москве бегала, дела Владимира Андреевича улаживала. Утром, естественно, поцалались, вечером, стало быть, намечается продолжение. Сажу в вагоне и плачу. Причесанная, накрашенная, шуба на мне соболиная — до пола, а я реву. И тут подсаживается ко мне мужичонка. Знаешь, есть бомжи более или менее приличные, а этот — ну типичный помойный бомж. И молча, ничего совершенно не говоря, кладет мою голову к себе на плечо, а меня начинает по волосам гладить. Успокаивает. И слезы со щек пальцем вытирает. Народ в вагоне обалдел. Леди и бомж... Рассказать бы моему сожителю, тут же бы использовал в каком-нибудь своем сценарии. А, может, мне самой начать сценарии писать? Я ведь многому уже научилась, некоторые сцены просто за него пишу, он только канву намечает. Надо же мне что-то делать!

Наверное, надо. Но, боюсь, процесс зашел слишком далеко. Тамара уже не может без привычной порции оскорблений и унижений. Она скорее расстанется с особняком и соболиной шубой, чем со своими страданиями. Потому что без них не останется вообще ничего. Только тоска, жуткая, изматывающая тоска, от которой не помогают ни транквилизаторы, ни самовнушение, ни алкоголь.

Тоска — это ведь тоже своего рода наркотик. И совершенно не случайно, как утверждают психологи, психика расшатывается

прежде всего у тех, кому не приходится бороться за чисто физическое выживание. А больше и делать-то нечего. Только страдать.

История вторая. "Я умру без него"

Людмиле — в зависимости от ее настроения — можно дать и тридцать лет, и сорок. Она из тех брюнеток с резкими чертами лица, которые способны творить чудеса со своей внешностью: захотят — глаз не оторвешь, не захотят — без слез не взглянешь. Категоричная, уверенная в себе, всегда спокойная и собранная. И вдруг — искаженное горем лицо, голос, то и дело прерываемый рыданиями, совершенно безжизненные глаза. Другая, совершенно не знакомая мне женщина...

— Нет, — покачала она головой на мой немой вопрос, — я здорова, дети тоже в порядке. Просто мне не хочется жить.

Проще, конечно, не придумашь. Жила-была женщина, пребывала в относительно стабильном браке, родила двоих детей. Муж, правда, из тех, кто любит заглядывать в рюмочку, так кто из современных мужчин этого не любит? Ну, зарабатывать мог бы побольше, так Людмила и сама вполне может прокормить и себя, и детей: музыкантша, что называется, от Бога, она и в школе работает на полторы, а то и на две ставки, и частными уроками не пренебрегает, и аккомпанировать на концертах не отказывается. Новую квартиру успели получить до того, как страна закувыркалась в финансово-банковском кризисе. Суррогат дачи — дом в деревне — имелся. В общем, все, как у всех, а по сравнению с некоторыми — так и получше. И вот, здарсьте: ей просто не хочется жить.

А ведь еще совсем недавно Людмила не ходила — летала с блестящими счастливыми глазами, успевала не только работать и вести дом, но еще и бывать на концертах, выставках, просто в гостях. Выглядела лет на двадцать пять, не больше. А главное, по секрету призналась как-то, она влюблена. Нет, не влюблена — любит. И это взаимно, и через какое-то время они соединятся навсегда. Потому что Саша...

Саша, как легко догадаться, был любимым человеком. Правда, женатым, но этот недостаток он собирался исправить в самом ближайшем будущем. Его собственному сыну уже исполнилось восемнадцать, отношения с женой — хуже некуда, она его и за человека-то не считала, чуть ли не полы им мыла и вообще третировала, как могла. В результате Саша, естественно, пил и губил талант скрипача. Пока не встретил Людмилу. После чего, как она говорила, резко изменился к лучшему, увидел смысл и цель в собственной жизни, нашел общий язык с детьми Людмилы, а ее носил на руках в прямом и переносном смысле слова. Что могло произойти теперь между ними — оставалось только догадываться.

— Да ничего хорошего, — всхлипывала Люда, сидя у меня на кухне и нервно прикуривая одну сигарету от другой. — Просто он сказал мне, что мы больше не будем встречаться. Что он не может оставить жену, с которой прожил двадцать лет: сын его не поймет.

И вообще, его мама категорически против того, чтобы он связывался со мной...

Ну, это понятно. Сорокапятилетний мужик, естественно, не может самостоятельно решать свою судьбу и строить собственную жизнь, если мама этого не одобряет. А говорят, дети пошли непочтительные. Правда, лично мне не доводилось видеть мужчину (настоящего, разумеется), который, встав на ноги и бросив соску, продолжал бы во всем беспрекословно слушаться маменьку. Конечно, бывают исключения...

— Он заставил меня развестись с мужем. Он такой волевой, знаешь, если он что-то решил, то ни за что не уступит. Чуть ли не силой повел меня в суд, чтобы я подала заявление. У меня самой смелости бы не хватило, хотя я и понимала, что в моей семейной жизни не все нормально, надо многое менять, чтобы быть с Сашей... И потом — он не просто заставил меня сделать этот шаг, но еще и поддерживал, помогал... Если бы не он, я бы ни за что не решилась развестись. Тем более, что живем-то мы с бывшим мужем все равно по-прежнему в одной квартире. Только после развода муж больше пить стал. И скандалить. В общем, ничего хорошего.

Я сидела, слушала и удивлялась: и это говорила Людмила! Женщина, у которой плохого настроения, кажется, никогда не бывало, а неприятностей в жизни — тем более. У нее все всегда было хорошо, в самом крайнем случае — нормально. Загулы супруга она воспринимала, как неизбежные перемены погоды, которые нужно просто переждать. Дети росли послушными и милыми, несмотря на то, что Людмила над ними не кудахтала и не облизывала, а при всяком удобном случае сбегала на концерт или садилась за рояль и сочиняла какие-то очень милые и мелодичные песенки. Иногда я ей завидовала: такой характер плюс несомненный талант — любой позавидует. И вот — на тебе. И у нее ничего хорошего, оказывается.

И замечательный Саша мне в этой ситуации не показался таким уж замечательным. Увести женщину из семьи, а потом сказать, что передумал. Мол, мама против и вообще... К тому же, я отчетливо помнила восторги Людмилы относительно прекрасных человеческих качеств ее избранника: и умный, и добрый, и благородный, и свет белый на нем просто-таки клином сошелся. Что же случилось с суперменом?

— Как мне его вернуть? Я жить без него не могу. Я просто умру без него. Он... он... он меня сотворил. Я до него только существовала. И он со мной стал совсем другим: почти не пьет, получает приглашения на концерты. Он мужчиной со мной стал! И теперь меня бросает. Как же так?

Господи помилуй, да не был он никогда мужчиной! И его, если называть вещи своими именами, отмыли, обласкали, вернули веру в себя. И этот ну никак не может расстаться с законной супругой, хотя еще вчера поливал ее на каждом углу и проклинал свою горькую долю и юношескую глупость. А как только ощутил под ногами

твердую почву — тут же бросил спасательный круг, читай — любимую женщину, как ненужный балласт. И то сказать — кому нужно это резиновое изделие на безопасном берегу? Грех один.

— Забудь, — посоветовала я Людмиле. — Стисни зубы, плюнь и забудь. Ты красивая, талантливая женщина, у тебя еще все впереди. А мужиков, если хочешь знать, вообще надо держать в ежовых рукавицах, тогда они становятся паиньками...

— Только не Сашу! — вскинулась Людмила. — Он не такой! Он... необыкновенный. Даже его жена теперь к нему по-другому стала относиться. Она его теперь... уважает. Никаких скандалов, ничего такого. Он даже домой стал с удовольствием возвращаться. Потому что даже его жена поняла, какой он необыкновенный, ни на кого не похожий, удивительный...

Ничего необыкновенного, а тем более удивительного лично я в Саше не усматривала. Правда, близко с ним никогда не общалась, видела пару раз в сугубо светской обстановке, обменялись несколькими дежурными фразами. Так что, возможно, какие-то глубинные достоинства этого героя-любownika остались для меня тайной за семью печатями. Но, судя по рассказу Людмилы, ничего из ряда вон выходящего не происходило: сценарий был достаточно стандартным: непонятый в собственной семье мужчина ищет самоутверждения на стороне. Это косвенно подтвердила и Людмила:

— Он меня все время спрашивал: ну, что ты во мне нашла? Я тебя недостойна. Я только испорчу твою жизнь.

“Хоть в этом не обманул”, — подумала я, но вслух сказала совсем другое:

— А ты, конечно, убеждала его, что он — само совершенство и это, наоборот, ты его по большому счету недостойна?

В утвердительном ответе я не сомневалась. Все было еще хуже, чем представлялось вначале: помимо стандартного “джентльменского набора” Людмила получила еще и любителя самоутверждаться через самоунижение. Любимой женщине при этом просто-таки вменяется в обязанность убеждать избранника, что лучше него и на свете-то никого нет, даже если специально искать. А когда убедила — он спокойненько вернулся к жене, которая, естественно, в новом качестве супруга восприняла положительно и до поры до времени третировать не собиралась. Не дай Бог, опять налево соберется!

— Но он действительно лучше всех! — всхлипнула Людмила.

— Чем? — задала риторический вопрос уже я. Потому что ответ просился тот же, что и в предыдущем случае, с Тamarой. “Но смогу ль твоей быть дамой сердца, если сердца нет в тебе, мой друг?”

Словом, жила-была женщина, можно сказать, счастливая, потому что имела любимую работу, любимых детей и относительно налаженный дом. И вдруг во все это врывается некто, пожелавший осчастливить ее еще больше. Ломает семью, внушает к себе какие-то совершенно запредельные чувства, возносит на немыслимую высоту и после этого преспокойно заявляет: “Я тебя отпускаю”.

Почти как в старом анекдоте, только — увы! — совершенно не смешно. Впрочем, я бы, может, и посмеялась, но передо мной сидела женщина с мертвыми глазами, которая, как автомат, повторяла одно и то же:

— Как мне его вернуть?

И можно сколько угодно повторять избитые истины, что дважды в одну и ту же реку войти невозможно, что тоскует и убивается она не по данному конкретному Саше, а по тем счастливым минутам, часам и дням, которые у нее с ним были, легче ей от этого не становилось. И от историй, которые произошли с другими женщинами, облегчение тоже не наступало. К сожалению, через эту боль, через это отчаяние и — как следствие — абсолютную внутреннюю пустоту необходимо пройти самостоятельно. Чужой опыт тут бесполезен. И хуже всего было то, что Людмиле предстояло жить не только с этой болью, но еще и с бывшим мужем, поскольку их квартира если и разменивалась, то с большим трудом и на такие варианты, которые никому не подходили. А денег на покупку какого-то еще жилья, естественно, не было. Замкнутый круг.

— Боже, какая тоска! — вырвалось у Людмилы уже почти в самом конце нашей нелегкой беседы. — За что мне все это? Почему он меня предал?

— Потому что подонок! — не сдержалась я. — Озлись, наконец. Ожесточись. Забудь. Найди себе другого, черт побери!

На меня глянули все те же самые пустые и неживые глаза:

— Как мне его вернуть? Мне не нужен никто другой. У меня ничего не осталось в жизни, кроме тоски.

Похоже, что умным, порядочным и талантливым женщинам жизнь действительно ничего не преподносит на блюдечке, кроме этой самой тоски. Причем полной чашей. Похоже, что стервам и иже с ними счастье достается куда чаще, чем по идее должно было бы быть. Но ведь стервами не становятся, а рождаются, так что остальным рассчитывать практически не на что.

Кроме той же тоски...

История третья. Не раскрашивай живые цветы

Алену знакомые и близкие иногда называют одинокой женщиной, чего она на дух не переносит и всегда огрызается:

— Я не одинокая, я свободная.

По большому счету, наверное, так и есть. Телефон в ее квартире звонит достаточно часто, подруги откровенно предпочитают ее обществу другим развлечениям, друзья-мужчины тоже имеются: с кем-то — в театр, с кем-то — просто посидеть, поговорить “за жизнь”, с кем-то поехать погулять за город. Наверное, есть и другие мужчины, не просто друзья, но о них Алена не очень любит распространяться и только иногда произносит туманную фразу типа:

— Мужчин должно быть много, и каждый должен выполнять свою функцию...

Теория, конечно, интересная, только как-то я застала Алёну с молотком в руке, когда она пыталась вбить гвоздь в кухню, и при этом сквозь зубы шипела что-то невоспроизводимое. Когда я оторвала ее от этого увлекательного занятия, она с обычной своей усмешкой спросила:

— Интересно, сколько мужчин нужно иметь в своем окружении, чтобы нужный гвоздь был забит в нужное время?

Аленины риторические вопросы я обожаю. Они никогда не окрашены ни трагизмом, ни жертвенностью и всегда звучат так, как если бы Алёна только что рассказала очередной анекдот или собирается рассказывать новый. Клара Новикова, да и только. Хотя — это ведь тоже талант: рассказывать о своих неудачах и злоключениях так, чтобы слушатели катались по полу от смеха, а не всхлипывали от жалости к рассказчице.

Муж — первый и последний — ушел от Алёны, когда их сыну было двенадцать лет. Потом, правда, попросился обратно, но Алёна уже вкусила сладкий и доселе запретный плод свободы и наотрез отказалась от семейного счастья. Несмотря на то, что большинство подруг и знакомых считало ее откровенно чокнутой — бабе под сорок, а она ломается, как копеечный пряник! — она от своего не отступила, а особо настырным объясняла свою позицию так:

— Я провела в непрестанных супружеских радостях тринадцать лет. Больше дают только за убийство с заранее обдуманной намерениями. И вообще хорошую вещь браком не назовут.

Самое интересное, что поскольку Алёна категорически не желает еще раз переступить порог загса, женихов вокруг нее вертится видимо-невидимо. Она, правда, на этот счет не слишком обольщается, и когда речь заходит о нежных чувствах к ней ее воздыхателей, только фыркает:

— Подождем до первого гвоздя.

Действительно, при малейшей попытке использовать воздыхателя по назначению, то есть приспособить его к каким-нибудь общественно-полезным работам, кавалер исчезает как сон или как утренний туман. Некоторые исчезают до выполнения этой работы, особо порядочные — после. Алёна в таких случаях философски пожимает плечами и изрекает:

— Еще один безвременно ушел...

Впрочем, лет пять тому назад мне показалось, что один из мужчин все-таки произвел на Алёну более чем глубокое впечатление. Она стала мягче, женственнее, на настырные вопросы о новом друге сердца отделялась не острыми словечками и скептическими усмешками, а молчанием и какой-то смутной улыбкой, причем скорее нежной, нежели насмешливой. Словом, женщина расцвела, не дожидаясь заветного рубежа в сорок пять лет, когда, по народной примете, "баба ягодка опять". Потом начались туманные намеки на то, что свобода, конечно, штука хорошая, но на хлеб ее не намажешь и вместо скатерти не постелишь. Словом, дело явно шло к свадьбе, но... так никуда и не пришло. На полгода Алёна исчезла

из поля зрения своих друзей и знакомых, а когда вновь появилась — это была прежняя язвительная насмешница и непримиримая сторонница личной свободы с коронной фразой:

— Ничто так не разделяет любящие сердца, как общий ночной горшок.

О том, что произошло между ней и ее избранником, никто так никогда толком и не узнал. Даже я, всегда претендовавшая на роль ближайшей и доверенной подруги, услышала от Алены в качестве объяснения только хитроумный, не без изящества “закольцованный” пассаж:

— Все бабы — дуры. Но на самом деле дуры не все бабы, а только те, кто думает, что все мужики — козлы. Но на самом деле козлы не все мужики, а только те, кто думает, что все бабы — дуры.

— Переведи, — попросила я.

— Это непереводаемо, — отмахнулась она. — Это нужно пережить и прочувствовать или понять верхним чутьем. Как анекдот.

— Тебе плохо? — попыталась поддаться я с другой стороны.

— Хорошо тому живется, у кого одна нога: и подошва меньше трется, и не надо сапога, — ответила Алена. — Не бери в голову, все нормально. Просто не надо раскрашивать живые цветы...

— Что-что? — обалдела я.

— Песенка такая есть. Целиком не помню, но смысл в том, что нужно вести себя хорошо, не рисовать на карте развивающиеся страны и не раскрашивать живые цветы. Там еще много чего интересного было, но я записать не успела....

Странно, что она не запомнила всю песню целиком. Память у Алены феноменальная, особенно на то, что ее так или иначе касается, а уж на стихи — тем более. Впрочем, это, кажется, была нерифмованная песня. С рифмованными проблем не возникало.

Телепатия, безусловно, существует, потому что Алена вдруг задушевно произнесла:

— Знаешь, никак не могу отделаться от одной песни. Привязалась — и все тут. Даже не песня, а один куплет. Глупость, конечно...

Куплет явно не тянул на шедевр поэтического творчества, но кое-что прояснил в истории Алены. Во всяком случае, для меня.

“Я не буду одинока, так и знай,

Что еще мне жизнь моя преподнесет...

Но ты помнишь тот безумный месяц май?

Знаю — помнишь. Остальное все не в счет”.

После этого Алену вдруг прорвало. В первый раз на моей памяти она говорила о своей личной жизни почти серьезно. Впрочем, если бы серьезность была стопроцентной, это уже была бы не Алена.

— Никогда, ну просто никогда не нужно переводить мужчин из одной категории в другую! Дружья не должны становиться любовниками, это противоестественно, это — почти кровосмешение. Сначала все прекрасно и изумительно, а потом... Потом начинаешь

жалеть о тех днях, когда никто ни в кого не был влюблен и уж тем более — не любил. Впрочем, он меня и не любил, это я на старости лет из ума выжила. Слава Богу, справилась. Врагу не пожелаю того кошмара, который пережила. Если еще раз почувствую хоть малейшие признаки чего-либо подобного — отравлюсь. Или попрошу кого-нибудь меня пристрелить, чтобы долго не мучилась. Любовь — это душевная болезнь. Сумасшествие, если угодно. Ни один мало-мальски разумный человек добровольно никого не полюбит. Я выздоровела. Но только потому, что хватило чувства юмора. По-другому с этой заразой справиться невозможно. Мир уцелел потому, что смеялся, так ведь? Вот и я тоже...

Не знаю, как насчет мира, но Алене действительно удалось выскользнуть практически невредимой из ситуации, в которой девять из десяти женщин обречены на беспомощное барахтанье в отрицательных эмоциях и, в конечном итоге, на саморазрушение. Большинство женщин при этом задает вопрос: "Как мне вернуть его любовь?". А также не менее "оригинальным" вопросом: "Мой милый, что тебе я сделала?". То есть заведомо считает себя виноватой в том, что не сложилось, не утряслось, не сохранилось, не развилось во что-то еще более большое и прекрасное, чем первые мгновения взаимной любви. И тем самым подписывает себе смертный приговор, поскольку, если верить французской поговорке: "Кто оправдывается, тот и виноват". Но насколько легко справиться с собой и своими эмоциями, чтобы вновь обрести вкус к нормальной жизни, без страстей и заламывания рук? Или это настолько тяжело, что практически мало кому удается?

— Тяжело в лечении — легко в гробу, — хмыкнула Алена в ответ на мой вопрос. — От любой дурной привычки трудно избавиться. Алкоголизм, к примеру, вообще не излечим, особенно женский. Но в один прекрасный день я поняла, что мне нравится быть несчастной. Что я упиваюсь этим своим состоянием, мне просто в кайф себя жалеть и подбирать к своему состоянию самые трогательные рифмы. Стихов-то про женскую несчастную любовь — не меренно. Как грязи. Когда стало ясно, что любовь ушла, помидоры увяли и вообще — спасибо за внимание, извините за беспокойство, простите, что без скандала обошлось, — я гордо повернулась и ушла, хотя через десять минут об этом пожалела. Как я потом с собой сражалась! Буквально оттаскивала себя от телефона, заставляла заниматься любимыми делами, лишь бы ни о чем не думать. К тому же, мне работать надо. Никто меня на содержание брать не собирается. А моя работа, сама знаешь, рассеянности не прощает.

Работа у Алены действительно уникальная. Она переводит скучнейшие научно-медицинские тексты с русского на английский язык, который знает в совершенстве. Таких специалистов в нашей стране осталось всего ничего, но расслабляться нельзя, потому что молодые конкуренты дышат в затылок и только и ждут, когда "Акела промахнется". В смысле, когда Алена по каким-то причинам не справится с очередным заданием и потеряет доверие

работодателей. Такой роскоши она себе позволить не может даже теперь, когда благодаря ее связям сына удалось отправить учиться во Францию. Потому что деньги нужны всегда и не только на жизнь, а и на будущее — мало ли что может случиться? А рассчитывать на чью-то поддержку не приходится. Так что любовь любовью, но первым делом все-таки работа.

— А любимый, пока я пыталась справиться со своими эмоциями и одновременно не потерять работу, время от времени мне звонил и спрашивал, как я поживаю. Ему это было интересно, хотя я прекрасно знала, что он вот-вот женится на другой. Такая вот забота о бывшей любимой женщине... А в один прекрасный вечер я не сдержалась и, вместо того, чтобы бодрым голосом рапортовать, что все прекрасно и где-то даже удивительно, повела себя просто позорно. Стала лепетать о том, что не могу без него, что он меня околдовал, ну и прочую дребедень. Просила отпустить меня, не мучить... В общем, доставила мужику максимум удовольствия, которого он, право же, не заслуживал. А на следующее утро проснулась и поняла, что все кончено. Что мне не интересен человек, который с удовольствием слушает такие женские причитания. Что он просто дурак, наконец. И я выздоровела. Чего и всем остальным желаю. Особенно тем, которые как пригубили свой бокал тоски, так и тянут из него горечь, оторваться не могут. Между прочим, закусывать надо, а то и спиться недолго...

Три короткие истории, три судьбы. Диагноз, в принципе, один и тот же: несчастная любовь. Симптомы одинаковые — тоска смертная. Но ведь излечение, в принципе, возможно.

Только каждый должен найти свой собственный рецепт. Панацеи нет, ибо, перефразируя классика, все счастливые женщины похожи друг на друга. Но каждая — несчастна по-своему.

P.S. Если кто-то
из наших
дорогих
читатель-
ниц думает
по-другому,
напишите.
Потолкуем
дальше.

“IV^B”

Сен-лоран, сшей мне Сарафан”

Майя ОРЛОВА

Когда на экранах телевизоров или на страницах периодических изданий видишь манекенщиц в немыслимых одеяниях — разрезы до талии, абсолютно прозрачные вставки, в полном смысле слова пух и перья и так далее и тому подобное, — поневоле задаешься вопросом: кто это будет

носить? И вообще, ко-

му нужны эти безумства, эти супердорогие и суперэкстравагантные туалеты, ко-

торые нормальный человек никогда не наденет, причем не только из-за их стоимости? Неужели так называемая “высокая мода” существует

лишь для того, чтобы пара десятков ее произведений пополнила гардеробы кинозвезд, эксцентричных миллионеров и жен “новых русских”?

фото Александра Басалаева

Ведь невозможно запустить в серийное производство платье стоимостью в несколько десятков тысяч долларов...

Да и само мероприятие — “Неделя Высокой Моды”, — которое дважды в год происходит в Париже, стоит безумных денег ее участникам — великим портным, имена которых стоят в первом ряду законодателей моды. Неизменно представляющие свои коллекции Ив Сен-Лоран, Карл Лагерфельд (дом моды Шанель), Джако Ферре (дом моды Кристиана Диора), Кристиан Лакруа, Армани, Пако Рабани, каждый раз опасаются — и не зря! — что шоу может оказаться последним. Некоторым знаменитым модельерам пришлось отказаться от услуг живых манекенщиц и демонстрировать свои модели просто на манекенах. Фактически прекратил работу знаменитый Пьер Карден, до сих пор не может выйти из кризиса фирма

Баленсиага. Но... на их место пришли новые мастера. Потому что высокая мода — это искусство, это почти как театр, которому тоже пророчат близкий конец, но который все еще жив. К счастью для всех нас.

Итак, мода — это искусство, а показы “Высокой Моды” устраивают главным образом для того, чтобы продемонстрировать новые направления, задать тон одежде, предназначенной для массового потребления, так называемой “прет-а-порте”, что дословно переводится как “готовое для ношения”. Естественно, и эти коллекции “массовыми” можно назвать только условно, но они порождают действительно массовое, серийное производство одежды, которая и считается модной. Крохотный драгоценный камешек показа “Высокой Моды” порождает огромные круги на воде общественного сознания по отношению к моде и стилю вообще.

Принято считать, что история “Высокой Моды” началась в 1858 году, когда Чарльз Фредерик Уорт создал в Париже первый Дом моды в современном понимании. С тех пор вот уже полтора века основой любой коллекции “Высокой Моды” является ручная работа, и абсолютно исключается применение более современных, а, следовательно, гораздо более дешевых технологий. В

результате простенький жакет “от Шанель” обходится “всего-навсего” в 15 тысяч долларов, потому что на его изготовление ушло каких-то 150 часов работы мастеров высочайшего класса. “Высокомодную” юбку шьют не менее 40 часов. А на создание последнего свадебного платья Элизабет Тейлор знаменитый модельер Валентино и его сотрудники затратили 500 часов непрерывной работы, так что и цена наряда была соответствующей. Нам с вами это надо?

Оказывается — надо. Постоянные подписчики “Смены” знают, что в шестом номере журнала “Смена” был опубликован материал о рождении в послевоенном Париже нового Дома Высокой Моды — Кристиана Диора. В результате произошла настоящая революция во внешнем облике женщин: вместо аскетичного силуэта с широкими плечами и короткой прямой юбкой появился невероятный обольстительный облик суперэлегантной женщины: покатые плечи, тонкая талия, длинная пышная юбка. В считанные месяцы е в -

наваемости, хотя лишь единицы могли позволить себе приобрести оригинальную модель. Остальные же — самостоятельно или с помощью портних — использовали идеи модельера.

Собственно, то же самое происходит и сейчас, если идеи великих кутюрье можно сравнительно просто воплотить в массовое производство одежды. “Задается” силуэт, ткани и цвета, штучные

произведения высокой моды приобретаются звездами и миллионершами, богатые люди освежают свой гардероб одеждой “прет-а-порте” престижных Домов моды, остальные довольствуются копиями фабричного массового производства. Зародившись на недоступном простом смертным Олимпе, мода постепенно доходит до всех, кто готов ей следовать.

Забавно, но оказывается, и очень богатые женщины, одевающиеся только в “Домах Высокой моды”, предпочитают в последнее время подгонять не платье под фигуру, а фигуру — под платье, потому что обходится это на несколько тысяч долларов дешевле. Из двух вариантов: приблизить свои параметры к

вождем 90-60-90 или выдержать от семи до десяти сложнейших примерок, потому что эксклюзивная модель должна стать как бы "второй кожей", — все чаще и чаще выбирают первый вариант. Искусство, как известно, требует жертв, и высокая мода в этом плане не является исключением. Впрочем, как и мода вообще.

Чуть дешевле, но все равно абсолютно недоступно для нормальных людей приобретение свадебного платья или, например, "оперного туалета", который тоже надевают только один раз — к открытию оперного сезона крупнейших театров Европы и Америки. Что ж, у богатых свои причуды. Но все же даже очень богатые, но деловые женщины, которым есть чем заняться помимо туалетов, не станут приобретать новое вечернее платье на каждый светский прием. Как справедливо заметила в свое время Коко Шанель, законодательница высокой моды 20-30-х годов нашего века: "Чем вычурнее туалет, тем примитивнее его обладатель".

Вполне естественно, что за престижную марку одежды, пусть даже и массового фабричного производства, приходится платить в несколько (иногда в десятки) раз дороже, чем за брюки или жакет "мейд ин неизвестно где". Но если внимательнее присмотреться к фотографиям в модных журналах, то становится ясно, что совершенно не обязательно отдавать полугодовую зарплату обычного человека за юбку с блузкой "от Версаке". Прекрасно помню, например, собственное изумление, когда в изображении модной блузы с "леопардовым" рисунком, оцененной ее создателями в пятьсот долларов, опознала вещь из собственного гардероба, за которую заплатила в двадцать (!) раз дешевле на ближайшем вещевом рынке. Изумление, кстати, было очень приятным.

К чему это я? А к тому, что от высокой моды намерена перейти просто к моде, от которой никуда не денешься, если не хочешь выглядеть огородным пугалом. Причем, касается это не только одежды, но и белья, обуви, сумок, украшений и даже макияжа. Любая женщина знает: чтобы не отстать от моды, достаточно только внимательно следить за ее основными направлениями: короткий подол или до щиколоток, приталенный силуэт или свободный, "шпильки" или "платформы", "сумка почтальона" или "мини-портфельчик", изумрудные веки над "глазами Клеопатры" или естественные, с минимумом краски, глаза. Ну и, конечно, объективно оценивать достоинства и недостатки собственной фигуры. Помните, в фильме "Служебный роман" модница-секретарша наставляет свою начальницу: "Неудачные ноги надо прятать". Но в любом случае, даже если ноги — эталонные, неплохо помнить о том, что мини-юбка на зрелой женщине выглядит нелепо, потому что отнюдь не молодит, а наоборот, безжалостно подчеркивает возраст. Воистину, не к лицу такой наряд, хотя, казалось бы, где это самое лицо, а где — юбка...

Мода — это еще и некое обозначение социального статуса. Вошедшие в фольклор малиновые пиджаки “новых русских” являются не столько стилем одежды, сколько знаком принадлежности к определенному слою, хотя человек со вкусом никогда такой пиджак не наденет, какими бы деньгами он ни располагал. В нашем “Зазеркалье” пока еще не слишком разбираются в тонкостях

“языка одежды”: “крутизна” человека определяется наличием у него вышеупомянутого

пиджака (зимой — пальто до пят такой же “веселенькой” расцветки), золотой цепи на шее и прочих отличительных признаков. Это у нас генетическое: ондатровая шапка — значит, номенклатурщик, кримпленовое платье — значит, трудится в торговле, “фирма” — значит, близок к дипломатическим кругам или фарцовщикам.

Ничего нового, впрочем, в этом нет. Картузы с лакированными козырьками, сапоги “со скрипом”, кашемировая шаль, плюшевая жакетка — все это и еще многое, многое другое испокон веков были символами принадлежности человека к определенному социальному слою, достижения им определенного уровня благосостояния. “На

брюхе шелк, а в брюхе щелк” — презрительно отзывались купцы и мещане о захудалых дворянах, которым сословные предрассудки мешали носить что-то более практичное и дешевое. Наоборот, купца, надевшего, скажем, костюм придворного щеголя, ожидали, в лучшем случае, насмешки со стороны собратьев по сословию, а в худшем — полный остракизм. “Ишь, вырядился, деньги девать некуда”. Теперь вот новые ценностные ориентиры...

Но в нормальном, достаточно развитом обществе никто с таким “навороченным” человеком дела иметь не захочет, потому что там совсем другая деловая мода, иные отличительные признаки преуспевания: дорогой, но неброский костюм, галстук ручной работы, рубашка престижной фирмы. “Скромное обаяние богатства” действует на окружающих гораздо эффективнее, чем бьющая в глаза роскошь нуворишей, которая, к тому же, действует на менее обеспеченных окружающих как красная тряпка на быка — и в прямом, и в переносном смысле слова.

Не будем забывать, что мода — это еще и элемент культуры. Чем цивилизованнее общество, тем менее его члены склонны к эксцентричности и эпатажу окружающих, предпочитая и в одежде, и в мебели, и во всем, что их окружает, простоту и практичность. В скандинавских странах, например, на моду, похоже, вообще наплевали и поголовно облачились в просторные брюки, удобные свитера, куртки и спортивную обувь — все нейтральных, немарких тонов. Стиль безусловно имеющий право на существование, но... нестерпимо скучный, исключаящий из жизни

элемент праздничности, карнавала, театра, если угодно. Но так-вы уж сдержанные скандинавы, зато представить себе в подобном “прикиде” темпераментных латиноамериканцев просто невозможно. Там все — наоборот: яркие краски, море оборок, буйство фантазии. Поэтому там и главное событие года — карнавал.

К сожалению, унификация моды — явление всепланетное. Но Россию это поветрие затронуло, пожалуй, больше, чем остальные страны. К сожалению, потому что в русских национальных костюмах и других предметах быта много красивого, изящного, элегантного, наконец. Но если в европейских селениях праздники предпочитают проводить в национальных костюмах, то наши, похоже, сегодня можно увидеть только на сцене или в кино. А жаль...

Вернемся к моде, как к неотъемлемому атрибуту нашей повседневной жизни. Не стоит испытывать комплекс неполноценности из-за того, что приглянувшаяся модель какого-нибудь известного кутюрье вам не по карману. Во-первых, куда вы можете надеть, к примеру, ярко-алое вечернее платье, пять пышных оборок которого, щедро отороченные натуральным мехом, ниспадают до самого пола, а бретели — даже чисто символические — отсутствуют? Ах, есть куда надеть. Тогда вырезайте картинку из журнала и идите в ближайшее ателье. Потом можете небрежно заметить, что приобрели этот шедевр прямо на показе в Париже, разницы все равно никто не заметит. Во-вторых, практически любую модель сейчас можно купить, причем подобрать бутик, магазин и даже вещевой рынок в зависимости от собственных финансовых возможностей. К тому же многое, если не все, зависит от личного вкуса.

Изысканная француженка “бальзаковского возраста”, например, решительно предпочитает консервативную элегантность Шанель экстравагантности Баленсиаги: “Тратишь тысячи франков, а выглядишь так, будто одеваешься на барахолке”. Так что при наличии хорошего вкуса и чувства моды можно одеваться — вот именно что на барахолке, — а выглядеть так, будто делаешь покупки исключительно у Кристиана Диора или Валентина Юдашкина. Тем же, кто умеет и любит шить, вообще можно только позавидовать, потому что они сами себе и дом моделей, и кутюрье. Причем, не за те же деньги, а практически даром.

Главное, не забывать золотое правило, выведенное польским сатириком Станиславом Ежи Лецем: “В погоне за модой рискуешь оказаться позади нее”. Помните об этом — и флаг вам в руки. Если не нравятся оптовые рынки или завелись лишние деньги, то присмотритесь к продукции отечественных фабрик, которые, впрочем же, значительно перестроились по сравнению с прежними временами и выпускают вполне приличные, а главное, модные вещи. Московский “Салют”, например, шьет замечательные дамские пальто по вполне божеским ценам. Если попадаются изделия фабрики “Красный Октябрь”, то, честное слово, от них не ша-

рахаешься. Другое дело, что у этих производителей просто нет лишних денег на рекламу, а столетиями — да-да! — вырабатывавшееся у россиян снисходительно-пренебрежительное отношение к отечественным товарам сейчас получило мощную информационную подпитку со страниц буквально всех средств массовой информации и с экранов телевизоров.

Мало кто задумывается над этим, но мода касается не только верхней одежды. При нынешнем разнообразии ассортимента можно вспомнить и о модном нижнем белье. Не может быть модного и элегантного человека, оставляющего без внимания эту часть своего туалета: невозможно представить себе что-то “от Шанель” или “от Юдашкина”, надетые на трикотажные панталоны до колен и бюстгалтеры типа “баян”, которыми еще тридцать лет тому назад вынуждены были довольствоваться российские женщины, причем иногда даже шили их сами по выкройкам, любезно представленным журналами “Работница” и “Крестьянка”. О моде и говорить-то было неприлично. Блистательный Жерар Филипп в свое время вывез из России целую коллекцию этих “секс-символов” и при их демонстрации, говорят, неизменно восклицал: “И ведь при всем этом рождаемость не падает!”

Рождаемость в России, к сожалению, упала одновременно с появлением на прилавках модного и изысканного исподнего, но одно с другим, разумеется, никак не связано. Правда, стоит помнить об особенностях российского климата: кружевные трусики и тонкие колготки, какими бы изысканно-модными они ни были, совершенно не предназначены для ношения их в русские морозы, и тут страдания ради красоты просто неуместны, более того — вредны для здоровья.

Моду нельзя отрицать, но и делать ее смыслом и целью жизни вряд ли стоит. Лучше воспринимать ее именно как искусство: любоваться творениями великих портных на подиумах и фотографиях, а для повседневной жизни выбирать что-то попроще и подешевле.

Надеюсь, что наши читатели и сами знают, что единственное, что никогда не выходит из моды — это хороший вкус, поэтому его следует хранить как можно бережнее и стараться передать детям по наследству.

БРАТЬЯ— НАСЛЕДНИКИ

Любовь РУСЕВА

русская православная церковь в Киссингене была пуста, в храме находился только псаломщик Горчаков, который готовил нужные книги к предстоящей спевке. Вдруг тишину нарушили шаги. Горчаков оглянулся и увидел молодого человека, направлявшегося к нему. Юноша щелкнул каблуками и, коротко поклонившись, вежливо произнес:

— Честь имею представиться: Наследник Всероссийского Престола.

— Ваше Высочество, — произнес псаломщик взволнованно, — безмерно счастлив видеть Вас в полном здравии в Киссингене.

— Из какой вы семинарии? — поинтересовался Николай Александрович.

— Из Академии, Ваше Высочество.

— Даже из Академии! — воскликнул удовлетворенно цесаревич. — Я надеюсь быть знакомым с вами.

На следующий день Великий Князь явился на спевку, после которой шутил и шалил. Николай Александрович пригласил Горчакова к себе, где они долго беседовали. Наследник с псаломщиком был в высшей степени милостив.

Старший сын Александра II Николай Александрович родился 8 сентября 1843 года в Царском Селе. По российским законам он был объявлен Наследником Цесаревичем, и его готовили на царствование.

Великих Князей старались тщательно воспитать и дать хорошее образование. Особое внимание уделялось первенцу как наследнику престола. Первоначальное воспитание Великих Князей было поручено Вере Николаевне Скрипицыной. По достижении семилетнего возраста их одного за другим поручали воспитателям. При Николае и Александре Александровиче состоял генерал-лейтенант Зиновьев, а помощником его был генерал-майор Гогель, который оказался прекрасной нянькой великих князей. Он распоряжался их гардеробом, устройством помещений для них как в Зимнем дворце, так и в летних резиденциях, особенную изобретательность проявлял при устройстве праздников и увеселений. Кроме того, он был отличным офицером и блестяще подготавливал своих воспитанников к военным парадом и разводам.

Первым законоучителем Великих Князей был В.Б.Бажанов, чистописанию их обучал Лагузен; русский и немецкий языки, а также историю и географию преподавали Я.К.Грот и швейцарец Куриар. Последнего Великие Князья очень любили, что вызывало зависть воспитателей, так как одно его слово часто имело большее значение, чем длинные проповеди воспитателей. Однажды Куриар остался очень недоволен уроком Наследника.

— Ваше Высочество, — сказал старик Цесаревичу Николаю, — я так огорчен Вашим невниманием, что отказываюсь от обеда с Вами.

Зиновьев согласился с этой “мерой наказания”, но Гогель не мог этого перенести и сообщил другому воспитателю Оому:

— Объясните Куриару, что он не имеет никакого права употреблять такого рода наказания, что он, швейцарец, не понимает чести, которую ему делают, приглашая к великокняжескому столу. Его обязанности начинаются и кончаются уроком, и он никакого нравственного влияния на Великих Князей иметь не может и не должен.

— Простите, генерал, но я ни за что на свете не исполню этого поручения, которое противно моему убеждению. Что касается нравственного влияния преподавателей на учеников, то оно, по моему разумению, необходимо, ибо без такового немислим успех.

Меняя несколько раз заведующих учебной частью Великих Князей, император, наконец, остановился на кандидатуре бывшего попечителя Московского учебного округа, а затем московского генерал-губернатора генерал-адъютанта графа Сергея Григорьевича Строганова. В 1860 году он был назначен попечителем Наследника Цесаревича и стал полным хозяином в деле его воспитания.

Сергей Григорьевич был просвещенным человеком и с любовью взялся за порученное ему дело. При помощи профессоров Московского университета он составил программу занятий с Николаем Александровичем на три года и для ее реализации пригласил в качестве преподавателей выдающихся ученых. Наставниками наследника престола стали словесники Ф.И.Буслаев и И.А.Андреевский, историки С.М.Соловьев и М.М.Стасюлевич, статистик И.К.Бабст, экономист А.И.Чивилев, профессор финансового права Н.Х.Бунге, юристы К.П.Победоносцев и Б.Н.Чичерин. Профессор московской духовной академии Кудрявцев читал курс истории философии. Военные науки Великому Князю преподавали генерал-адъютант герой обороны Севастополя Э.И.Тотлебен, генерал А.С.Платов, полковники Соловьев, Драгомиров и Шварен.

Наследник был на редкость одаренным человеком, вызывая восхищение у своих преподавателей и вселяя большие надежды как будущий государь России. Великому Князю легко давались самые сложные темы. Кратко, ясно и даже изящно он излагал целый ряд учений, в особенности философского содержания. По словам профессора Б.Н.Чичерина, “самые отвлеченные мысли, категорический императив Канта, философское учение Гегеля легко усваивались даровитым юношей, которого природные способности и восприимчивый ум восполняли недостаток первоначального обучения”.

В день совершеннолетия (8 сентября 1859 года) Цесаревич принес присягу на верность службе. После церемонии Наследник принимал всех представителей иностранных держав. К этому его серьезно готовил барон Жюмини под руководством князя А.М.Горчакова. Ими был прочитан курс дипломатии, кроме того, преподаватели на занятиях изображали из себя послов, а Наследник должен был с ними вести беседы. На этих репетициях отрабаты-

лись не только вопросы и ответы Николая Александровича, но и его жесты, мимика. В результате Наследник русского престола очаровал послов и посланников тем, что совершенно свободно ориентировался в политике.

Сразу же после принесения присяги Цесаревич был отделен от младших братьев, при нем, кроме его попечителя графа Строганова, оставлен только флигель-адъютант полковник О.Б.Рихтер, который был крайне заботлив и предан своему воспитаннику. Николай Александрович платил ему взаимностью, сердечностью и горячей привязанностью.

Цесаревич был не только сердечным человеком, тонко чувствующим добро и ласку, но и имел очень нежное телосложение. Император рекомендовал своему первенцу заниматься физическими упражнениями, которые укрепили бы его тело и придали ему мужества и смелости. Именно по желанию государя Наследник в 1860 году принял участие в скачках в Царском Селе на ипподроме, которые стали для него роковыми. Николай Александрович не любил скачки, но вынужден был принять в них участие. Во время состязаний наследник упал с лошади и долго пролежал без сознания. Ушибленная спина стала источником невыносимых страданий Великого Князя и в конце концов привела к преждевременной смерти.

В 1863 году Николай Александрович совершил ознакомительное путешествие по России. Его сопровождали Победоносцев, Бабст и художник Боголюбов. Первый должен был объяснять ему роль различных учреждений, второй — экономическое состояние края, третий — художественную сторону.

Путешествие оказало огромное влияние на развитие Наследника: он впервые увидел Россию, которой готовился править, такой, какой она была на самом деле. Самое главное, что вынес он из этого вояжа, — это теплые чувства к провинциальной жизни и к ее разнообразным людям.

— Эти три месяца путешествия научили меня большему, чем три года учения за книгами, — говорил Николай Александрович.

Строганов, составляя программу путешествия, позаботился о том, чтобы Наследник не только познакомился с историей, культурой и экономикой страны, но и с самым большим ее богатством — людьми. Собеседниками Николая Александровича были помещики, промышленники, ученые, люди искусства. Великий Князь очень сердечно отнесся к своим местным гостям-собеседникам, и они платили ему тем же. Как-то прощаясь на Волге с одним из помещиков, Наследник ласково ему сказал:

— Когда будете в Петербурге, меня не забудьте. Буду всегда рад вас видеть.

Приняв за чистую монету эти слова Великого Князя, помещик действительно явился к нему зимой и поручил камердинеру должить Наследнику: помещик такой-то.

— Вероятно, один из наших спутников по Волге, — догадался Николай Александрович и велел пригласить его. Гость был принят

в кабинете, и через полчаса беседы, полный восторга, покинул дворец.

Цесаревич совершал путешествия не только по России. Для знакомства с европейскими государствами в 1864 году была предпринята поездка за границу. Граф Строганов преследовал еще одну цель, кроме политического образования Цесаревича, — он надеялся, что его подопечный найдет себе невесту. Надежды его сбылись сполна.

Во время путешествия Цесаревича по Европе произошло перемирие между Пруссией и Данией. Узнав об этом, Николай Александрович с разрешения императора отправился в Копенгаген. В замке Фреденсбург, на наружной лестнице, ведущей к замку, его встретила вся королевская фамилия. В их числе была и 16-летняя дочь короля Христиана IX Луиза София Фредерика Дагмара. "С первого взгляда, — писал о ней Чичерин, — впечатление было самое благоприятное; мы увидели прелестную молодую девушку, которая тотчас полюбилась наследнику, и мы все были очарованы". Дагмара соответствовала своему имени, которое в переводе с датского языка означало "утренняя заря". Это было очень юное и нежное создание с прелестным маленьким личиком, очарование которого составляли выразительные красивые черные глаза. Между Наследником Российского престола и датской принцессой вспыхнула любовь с первого взгляда.

Николай, охваченный сильным чувством, прервал свой визит и немедленно отправился в Дармштадт, где находились император с императрицей. Наследник восторженно отозвался о датской принцессе и испросил разрешение родителей сделать ей предложение. Получив благословение, он вновь отправился в фреденсбургский замок, где 20 сентября состоялась помолвка. Юная чета была счастлива.

Жених делился своей радостью с близкими ему людьми. "Хорошие я пережил минуты, — написал Цесаревич своему воспитателю Н.П.Литвинову, — и искренно благодарю Бога, что нашел то, чего так желал, о чем так долго мечтал: любить и быть любимому. Лишь бы по плечу пришлось счастье!"

В разговоре с князем Мещерским он мечтал:

— Дорогой Владимир Петрович, теперь я буду у берега. Бог даст, отдохну и укреплюсь зимой в Италии, затем свадьба, а потом новая жизнь, семейный очаг, служба и работа...Пора...

— Я искренно радуюсь за вас, Ваше Высочество.

— Жизнь бродяги мне надоела, Владимир Петрович. В Схевингенге все черные мысли лезли в голову. В Дании они ушли и сменились розовыми. Не ошибусь, если скажу, что моя невеста их мне дала и с тех пор я живу мечтами будущего.

— Вам придется царствовать, Ваше Высочество, в сложных условиях. Реформы, начатые Вашим отцом, еще не дадут полных результатов.

— Я утешаю себя тем, что у нас в России будущность впереди. Здесь, в Европе, лето, а у нас, в России, весна с ее неурядицами, но зато и с ее надеждами, с ее первыми отпрысками пробуждающей жизни. Вся работа впереди...

— Для этого необходимы люди и не только в правительстве...

— Мне кажется, что и люди есть, но только их не ищут. Сколько людей и дельных и интересных нам пришлось видеть в прошлом году во время нашего путешествия по России. Я, например, думаю, что если земские учреждения у нас пойдут с толком, то получится отличная школа для выработки людей.

После помолвки наследник продолжил свое путешествие, но тоска по России и любимому брату не покидала его.

“Любезный Николай Павлович! — писал он Литвинову из Флоренции. — ... Давно я не имею известий из родного гнезда и решительно не знаю, что у Вас делается. Хоть бы Вы заставили братьев писать мне изредка. Я и не надеюсь на Владимира и Алексея, но больно, что Саша мне не пишет. Очень люблю ему писать и писал ему довольно в последнее время, но он молчит и отбивает этим охоту к переписке. Неужели это лень? Пожалуйста, скажите ему это, он ведь знает теперь, куда посылать письма... До свидания, любезный Николай Павлович, крепко жму Вам руку. Не забывайте любящего Вас. Николай”.

Трогательна была дружба братьев. Николай признавался матери, что никому не пишет таких нежных писем, как Саше, и даже не может дать себе отчета, кого он больше любит — Сашу или Дагмару.

Братья старались не разлучаться. Александр пользовался каждой свободной минутой, чтобы быть вместе с Николаем, который служил для него неоспоримым авторитетом. На замечания своего воспитателя он наивно отвечал:

— Так Никс делает...

Это не было слепое подчинение младшего брата старшему, они обменивались мыслями, чувствами, впечатлениями, дополняя друг друга. Дружба братьев представляла собой единение двух разных и ярких в своей самобытности личностей. Князь Мещерский, который хорошо знал обоих, писал: “В старшем брате не было никаких элементов философии; напротив, своим чутким и восприимчивым ко всем оттенкам окружающего его мира, разумом, понимавшим сразу намеки на мысль, он всецело воспринимал и влияния на себя жизни, или считался с нею, и признавал ее силу; младший брат потому и представлялся философом, что, наоборот, он не подчинялся, так сказать, силе окружавшей его жизни, не моделировал себя по ней, и крупными и цельными, так сказать, штрихами выражал свой образ мыслей и свой духовный мир, минуя те оттенки и утонченности, которые в личности старшего брата играли свою роль и имели свое значение. Первый был художник мысли, второй был ее философ своей собственной школы...”

Под влиянием Николая сложился и духовный мир младшего брата. Благодаря даровитому и блестяще образованному Наследнику престола, Великий Князь Александр сформировал, не меняя характера, основу своего мировоззрения. Мысли и впечатления старшего брата стали главным подспорьем самообразования младшего.

Николай любил и ценил в брате его самобытные качества, его честность и твердость, чистую душу. Он, с одной стороны, лелеял и трудился над развитием духовного мира Александра, а с другой — сам испытывал на себе его благотворное влияние.

— У нас всех несколько лисья натура, у одного Александра хрустальная душа, — сказал как-то Николай о своем любимом брате.

Путешествуя по европейским государствам, Наследник с интересом знакомился с их политическим строем и экономикой. В Турине он со свитой обедал у короля Виктора-Эммануила и принца Гумберта. В беседах с последним ярко проявилась разница между двумя наследниками. Николай пытался узнать у принца некоторые подробности по судебной части, так как в России предполагалось введение законодательства по итальянскому образцу.

— Вы меня спрашиваете о вещах, о которых я не имею никакого понятия, — ответил на вопросы Цесаревича Гумберт. — У нас в монархических странах князья обязаны знать закон и учреждение, у нас — это дело палат.

В Италии проявились первые признаки болезни Наследника, которая в кратчайший срок свела в могилу надежду и гордость России. Еще в Берлине Николай стал жаловаться на боли в спине, которые после падения с лошади периодически усиливались. Рихтер немедленно сообщил об этом Государю.

— Передайте его Высочеству, — сказал крайне недовольный Александр II, — что погода хорошая и ревматизм не может ухудшиться.

Граф Строганов тоже выговорил своему воспитаннику, обвиняя его в изнеженности. Наследник вынужден был сопровождать отца-императора на маневрах верхом на коне с шести утра до обеда.

Родные и друзья надеялись, что пребывание в Италии поправит здоровье Николая, но надежды их не оправдались. Вскоре в России получили тревожную телеграмму о состоянии Наследника.

Узнав об ухудшении здоровья любимого брата, Александр сразу же выехал в Ниццу. Через два дня туда же отправился и император Александр II. По дороге к ним присоединилась нареченная невеста с матерью.

За несколько дней великий князь Александр, подавленный горем, неузнаваемо изменился: сильно побледнел и похудел. Первое время его не пускали к умирающему, боясь сильно разволновать последнего. Александр сидел в соседней комнате, слышал голос

того, кого любил больше всех на свете, видел в дверь только кровать и ноги брата.

Их свидание произошло благодаря умирающему Цесаревичу. Во время осмотра врач приподнял Николая, который в узкую дверную щель увидел силуэт Александра, и, несмотря на темноту, узнал любимого брата.

— Саша! — крикнул неожиданно наследник.

— Что с Вами, Ваше Высочество? — удивился доктор.

— Но там же Саша, я знаю, он там. Саша! Саша!..

Александр вбежал в комнату страдальца, и они долго находились в объятиях друг друга.

Последние дни императрица не отходила от постели умирающего.

— Бедная ма, что ты будешь делать без твоего Ники? — спросил цесаревич, придя в сознание. Взяв ее руки в свои, он обратился к врачу: — Берегите ее хорошенько.

— Дорогой мой, зачем такие грустные мысли? — ответила Мария Александровна. — Ты знаешь, что нас ожидает радость.

— Я знаю, что па уже приехал. Папа здесь, в другой комнате. Пусть он войдет...

Услышав это, Александр II вошел в комнату и опустился перед сыном на колени. Император стал целовать руки страдальцу, вероятно раскаиваясь, что был слишком строг к нему, а временами немилосерден.

Умирающий обнял отца и по своему обыкновению стал целовать каждый палец его рук.

Когда в комнату вошла Дагмара, лицо Николая озарила радостная улыбка, он долго обнимал ее, покрывая поцелуями, и повторял:

— Моя милая, душка моя, ангел мой! Не правда ли, папа, как она мила!

Благородство и красота души Цесаревича в полной мере проявились в последние дни его жизни. Он знал, что обречен, и, безмерно страдая, заботился только о том, чтобы облегчить горе своим близким. Николая Александровича причастили. Отец и мать благословили сначала его, а затем второго своего сына — Александра.

— Прощайте, прощайте... — обратился Цесаревич ко всем присутствующим, — извините меня все...

— Саша, — беря за руку любимого брата, сказал он, — оставляю тебе тяжелые обязанности, славный трон, отца и невесту, которая облегчит тебе это бремя.

— Папа, — обратился Николай к императору, — береги Сашу, это такое золотое сердце, такая чудная душа...

Последние сутки семья не отходила от страдальца. В изголовье его стояли брат и невеста, в ногах — родители. Очнувшись, Николай взял за голову Александра и сказал:

— Здравствуй, Саша, — а затем соединил руки брата и невесты, как будто благословлял их.

В бреду умирающий Цесаревич постоянно повторял имя Александра, последние слова его были: “бра, бра, бра...”

12 апреля 1865 года в 00 часов 50 минут надежда России — Николай Александрович — скончался.

“Вдруг дверь с шумом отворяется, — писал свидетель трагедии, — и граф Строганов с палкою в руках выходит из комнаты Наследника и произносит: “Все кончено”, и затем быстро скрывается. Все бывшие в вилле без всякого разрешения хлынули в комнату, где лежал Наследник; оттуда неслись раздирающие душу стоны и рыдания. Громче всех плакал Владимир Александрович, меньше всех — Императрица, она была очень тверда. Дагмара впилась в Наследника и рыдала без слез; Государь на руках отнес ее в другую комнату. На бедного Александра Александровича было жалко смотреть, он более всех возбуждал сострадание.

Через час стали омыwać тело; Александр Александрович все время при этом присутствовал и сам надевал чистое белье на покойника”.

Находившаяся в свите А.Ф.Тютчева писала Победоносцеву из Ниццы: “Как мы молились, Константин Петрович! Все дни мы его оспаривали у смерти. (...) Доктора после аутопсии тела говорили, что страшно подумать, сколько Он должен был страдать. Он все молчал, без жалоб переносил, и Его все обвиняли, что он нежится, что он притворяется, что он мог бы прямо стоять, если бы только хотел, между тем, как у него три вершка спинной кости уже сгнили. Он до самого понедельника принуждал себя вставать, одеваться, являться к столу с господами своей свиты. Никто не жалел его. (...) Бог один усладил Ему смертный час, Он дал Ему радость увидеть и узнать еще и Отца, и Брата, и Невесту, и приобщиться Святым Тайн с великою радостью, которая сияла на Его умирающем лице”.

Николай Александрович скончался на вилле Бермон. Узнав о кончине Наследника русского престола, Наполеон III прислал в Ниццу для почетного караула три батальона, из них батальон стрелков — лучший во Франции, который бессменно стоял вокруг виллы. В награду за эту службу все солдаты просили у русского императора позволения проводить Наследника до Вилла-Франка с церемониалом. Французские солдаты объявили, что если им этого не разрешат, то они сложат оружие и отправятся за гробом, как частные лица.

Старший сын императора Александра II умер в двадцатидвухлетнем возрасте. Цесаревич подавал большие надежды и был искренно любим россиянами. Его смерть стала настоящей национальной трагедией. Гроб с телом Николая Александровича вышел встречать весь Петербург. 28 апреля состоялось погребение в Петропавловской крепости в усыпальнице Императорского Дома.

“Мы оплакиваем в эти минуты, — писал бывший наставник Цесаревича М.М.Стасюлевич, — смерть, в которой заключались тысячи смертей. Умирал не только человек, умирала юность, уми-

рала красота, умирала первая и едва вспыхнувшая любовь, умирали надежды миллионов добрых людей, умирало все, что есть заветного и доброго на земле... Как он ни мало жил, но все же жил не даром: он оставил другим живой образ того, о чем прежде приходилось только мечтать; он сказал собою, что люди любят в царственных юношах, и чего они от них ждут. Постараемся быть достойными его памяти, если нам больше нельзя быть достойными его жизни”.

На следующий после погребения день в Зимнем дворце к многочисленным депутатам от всех сословий вышел император Александр II вместе с Александром Александровичем. Государь обратился к собравшимся с речью:

— Я желал вас видеть, господа, чтобы лично изъяснить от себя и от имени Императрицы Нашу сердечную благодарность за участие всей семьи русской в Нашем семейном горе. Единодушие, с которым все сословия выразили Нам свое сочувствие, Нас глубоко тронуло и было единственною для Нас отрадою в это скорбное время. В единодушии этом Наша сила, и пока оно будет существовать, Нам нечего бояться ни внешних, ни внутренних врагов... Да сохранится единодушие это навсегда! Прошу вас, господа, перенести на теперешнего Наследника Моего те чувства, которые вы питали к покойному Его Брату. За Его же чувства к вам Я ручаюсь. Он любит вас так же горячо, как Я вас люблю и как любил вас покойный. Молитесь Богу, чтобы Он сохранил Его Нам для будущего благоденствия и славы России.

Будущий император Александр III родился 26 февраля 1845 года. Будучи вторым сыном Александра II и Марии Александровны, он не готовился на царствование, поэтому после смерти Николая оказался в трудном положении. Александру Александровичу пришлось совмещать теоретические занятия с выполнением многих государственных обязанностей, возложенных на него. Как член Государственного Совета, канцлер Гельсингфоргского университета, атаман казачьих войск, начальник различных воинских частей (до командования войсками округа включительно) Наследник должен был входить во все области государственного управления.

Через год после кончины Николая Александр женится на невесте любимого брата, и брак этот был на редкость счастливым. Дагмара стала Марией Федоровной, первенца своего они назвали Николаем, он и стал последним русским императором.

Великий князь Александр Александрович, как некогда его покойный брат, предпринял путешествие по России, что укрепило с детства залегшие семена глубокой любви ко всему истинно русскому.

Как-то новый Наследник престола позвал с собой на прогулку князя Мещерского. Они присели на скамейку на берегу Невы. Александр Александрович тяжело вздохнул.

— Тяжело Вам? — спросил князь.

— Ах, Владимир Петрович, — ответил Цесаревич, — я одно только знаю, что я ничего не знаю и ничего не понимаю. И жутко, а от судьбы не уйдешь!

— А унывать нечего: есть люди, хорошие и честные, они Вам помогут.

— Я и не думаю унывать. Это не в моей натуре. Я всегда на все глядел философом. А теперь нельзя быть философом. Прожил я себе до двадцати лет спокойным и беззаботным, и вдруг сваливается на плечи такая ноша. Вы говорите: люди. Да, я знаю, что есть хорошие и честные люди, но и немало дурных, а как разобраться, а как я с своим временем управлюсь? Строевая служба, придется командовать, учиться надо, читать надо, людей выбирать надо, а где же на все это время?

Наследник очень тонко понимал людей. В нем рельефно проявлялась антипатия к придворному миру, который он хорошо знал, так как тот грешил ненавистными ему отсутствием правдивости и избытком угодливости. Лесть и заискивание отталкивали его. В особенности Александр Александрович не любил фраз длинных, заумных, ему нравилась краткая, простая, правдивая речь. Великий князь относился к чужому мнению с уважением, и слово, искренно сказанное, с целью его убедить или разубедить, никогда не пропадало даром. Он с презрением относился к сплетникам и клеветникам, старавшимся вредить в его глазах тем, в кого он верил.

Близко знавшие и любившие Цесаревича отмечали у него два недостатка: “немного лени и много упрямства”. Прямо переломить его упрямство было делом бесполезным, оно только усиливалось от противодействия. Но поскольку Александр Александрович был необыкновенно добрым, мягким, деликатным и предельно честным человеком, то знавшие его близко люди побеждали упрямство обходными путями: они воздействовали именно на его доброту и честность.

После смерти брата Александр Александрович жил исключительно сознанием долга, что проявлялось просто, без фраз и почти незаметно. Характерна в этом плане его деятельность во время года 1867 года, который охватил Новгородскую, Смоленскую и другие губернии.

Узнав о несчастье, постигшем соотечественников, Цесаревич испросил согласие Государя на благотворительное предприятие в пользу “страдальцев неурожая”, и, получив его, энергично взялся за дело. В Аничковом дворце, где он жил, закипела работа. Князь Мещерский опубликовал в “Русском Инвалиде” воззвание о пожертвованиях, принимаемых Цесаревичем, и деньги стали поступать потоком. Был создан Комитет под председательством Александра Александровича. Поступивших средств для закупки хлеба не хватало, и Цесаревич обратился к отцу с просьбой выдать из казны в долг миллион рублей. Государь пошел навстречу. Было решено отдавать хлеб не бесплатно, а по обычной, доступной цене, тем самым принудить хлеботорговцев не поднимать цены на хлеб,

а продавать его по той же цене, по какой продавал Комитет. Миллютин, назначенный Комитетом закупать хлеб между Москвой и Петербургом, настолько стремительно действовал, что кулаки-хлеботорговцы узнали о колоссальных закупках только тогда, когда почти вся партия хлеба была закуплена.

Так благодаря энергичной деятельности Наследника престола тысячи россиян были спасены от голодной смерти.

1 марта 1881 года был убит император Александр II Освободитель. 2 марта на престол вступил Александр III, при котором Россия достигла высокой степени могущества и получила решающий голос во всех европейских и азиатских делах.

Новый император вступил на обгащенный кровью отца трон в очень тяжелых экономических, стратегических и нравственных условиях. Держава находилась в политическом брожении, злоупотребления высших чиновников и казнокрадство не знали пределов. Война с Турцией совершенно расстроила финансы России.

Первый же манифест о вступлении на престол, а особенно манифест 29 апреля 1881 года выразили программу как внешней, так и внутренней политики Александра III: поддержание порядка и власти, "наблюдение строжайшей справедливости и экономии", возвращение к исконным русским началам и обеспечение повсюду русских интересов.

Виновник "чуда русского рубля" Сергей Юльевич Витте писал об Александре III в своих воспоминаниях: "Напрасно лица, не знавшие императора Александра III, рисуют его как человека реакционного, как человека жестокого, как человека ограниченного и тупого.

Император Александр III обладал благороднейшим — мало сказать благороднейшим, — он обладал именно царским сердцем. Такое благородство, какое было у Александра III, могло быть только, с одной стороны, врожденным, а с другой стороны — не испорченным жизнью...

Я не стану спорить о том, что император Александр III был человеком сравнительно небольшого образования, можно сказать — он был человеком ординарного образования. Но вот с чем я не могу согласиться и что часто мне приходилось слышать, это с тем, что император Александр III не был умным. Надо условиться, что подразумевать под словом "ум": может быть, у императора Александра III был небольшой ум рассудка, но у него был громадный, выдающийся ум сердца; это — своего рода ум, присутствие которого часто, в особенности в положении лиц, которым приходится умом предвидеть, предчувствовать и предопределять, несравненно важнее ума рассудка. Наконец, у императора Александра III было совершенно выдающееся благородство и чистота сердца, чистота нравов и помышлений. Как семьянин — это был образцовый семьянин; как начальник и хозяин — это был образцовый начальник, образцовый хозяин. У него никогда слово не расходилось с делом. Он мог относительно того, в чем не был уверен, не высказать,

смолчать, ожидать; но если что-нибудь он сказал, то на его слово можно было рассчитывать, как на каменную гору.

Вследствие этого император Александр III пользовался, с одной стороны, общим доверием и уважением всех своих приближенных, а с другой стороны, что гораздо еще важнее, — уважением и доверием всего света”.

Александр III действительно был хорошим хозяином. Не было другого такого человека, кто с таким уважением относился бы к государственному рублю. Он свято берег каждую копейку русского народа, русского государства. Именно благодаря императору сначала Вышнеградскому, а затем Витте удалось привести в порядок финансы, которые периодически доставляли России большие затруднения неизбежными дефицитами и падением. Эта область деятельности русского императора и его талантливейших министров сделалась предметом удивления и изучения в Европе. Устранена была хроническая язва дефицита и достигнуто устойчивое превышение доходов над расходами. Цена рубля поднялась, курс повысился, блистательно удалась конверсия долговых бумаг, займы превысили всякие ожидания, русский червонец стал эталоном мировой валюты. Именно Александр III сумел сдерживать все натиски на государственную казну и прекратить разбазаривание денег, добытых кровью и потом русского народа.

Точно так же относился император и к хозяйству. Он терпеть не мог излишней роскоши и сам жил довольно скромно. Став императором, он так и не переехал в Зимний дворец, а продолжал жить в Аничковом дворце, затем в Гатчине. В этих дворцах он всегда выбирал маленькие комнаты и жил совершенно просто. К дворцовой роскоши царь относился как к показной необходимости.

Император любил русский костюм (поддевку с большими широкими панталонами и высокими сапогами), поэтому, придя к власти, он приспособил к этому типу костюм всего войска, что сделало обмундирование гораздо дешевле.

Александр III ненавидел войну. Во время Восточной войны 1877-1878 годов он лично командовал отдельным Рушукским отрядом, который выполнял очень трудную и стратегически важную задачу. Как-то в разговоре с Витте император высказал свое мнение о войне:

— Я рад, что был на войне и видел сам все ужасы, неизбежно связанные с войной, и после этого я думаю, что всякий человек с сердцем не может желать войны, а всякий правитель, которому Богом вверен народ, должен принимать все меры для того, чтобы избегать ужасов войны, конечно, если его (правителя) не вынудят к войне его противники, тогда грех, проклятия и все последствия этой войны пусть падут на головы тех, кто эту войну вызвал.

Самодержец прекрасно понимал, что Россия не может быть великой державой, оставаясь государством только земледельческим, поэтому он твердо настоял на введении протекционной системы, благодаря которой Россия стала обладать значительно раз-

витой промышленностью. Именно при этом императоре интенсивно стала расширяться сеть железных дорог.

Александр III продолжил политику своего отца по крестьянскому вопросу. Он отменил подушную подать. Для того, чтобы крестьяне могли покупать землю, был учрежден Крестьянский земельный банк, который выдавал ссуду, а позже — и Дворянский земельный банк.

В период его правления было воздвигнуто много новых храмов и открыт Томский университет. Синоду было указано оказать помощь министерству народного просвещения в области народных школ, поэтому там, где их не было, открылись приходские школы при церквях. Император повелел расширить профессиональное образование. Военные гимназии были преобразованы в кадетские корпуса.

Александр III был настоящим патриархом, истинным главой царской семьи. Все Великие Князья и Великие Княгини не только почитали его, но и чрезвычайно боялись. Он держал их в ежовых рукавицах, так как считал, что члены императорской фамилии во всем должны быть примером. Император понимал, что он не может требовать от своих подданных такого поведения, которому не следуют лица царствующего дома. При Александре III были немыслимы постоянные поездки Великих Князей за границу, а тем более их недостойное поведение там. Будучи сам примерным семьянином, император не прощал супружеской неверности. Именно по этой причине некоторые Великие Князья были в опале и не смели появляться в Петербурге. Более того, сановники, женившиеся на разведенных женах, не имели права представлять их ко двору.

У Александра III и Марии Федоровны было шестеро детей: Николай, Георгий, Ксения, Михаил, Ольга и Александр, умерший в младенчестве. Дети любили отца, но стеснялись, чувствуя его авторитет. Один Михаил чувствовал себя совершенно свободно с ним. Только этому любимцу отца могла сойти с рук шутка, за которую другим бы детям здорово досталось. Император любил утром гулять с Михаилом в гатчинском парке и во время прогулок играл с сыном. Как-то они проходили мимо клумб, которые поливал садовник. Сын, не слушаясь отца, лез в воду. Кончилось тем, что Александр III взял из рук садовника шланг и окатил водой своего любимца. Когда они вернулись домой, Мишу переодели. После завтрака император по обыкновению ушел в свои комнаты работать. В перерыве между своими занятиями Александр III подходил к окну и, опершись на локти, высовывался из него. Это заметил Михаил, чьи комнаты находились над комнатами отца. Он взял целый рукомойник воды и всю ее вылил на голову государя в отместку за утренний душ.

...17 октября 1888 года на Курско-Харьково-Азовской железной дороге произошло страшное крушение поезда, в котором находилась императорская фамилия. Александр III и члены его семьи вышли из-под обломков невредимыми. В России это событие было

воспринято как проявление "чуда милости Божией". На месте катастрофы воздвигнут храм, в котором (как и повсюду) возносились молитвы, скреплявшие союз Царя с народом.

В 1894 году резко ухудшилось состояние здоровья императора: стали отказывать почки. 18 августа по настоянию врачей он отправился в Крым, но ни лечение, ни южное солнце, ни море, ни крымский воздух не помогли. 17 октября Александр III не спал всю ночь. Рано утром он сказал императрице:

— Чувствую конец. Будь покойна. Я совершенно спокоен.

Не только Россия, но весь мир с тревогой следил за состоянием здоровья царя. Последние недели жизни Александра III внимание всей Европы было приковано к Ялте, что свидетельствовало о громадном престиже русского императора. Во всех странах газеты отдавали справедливость его честному, благородному, правдивому и прямому характеру и признавали его громадное значение в международной жизни.

19 октября 1894 года в Петербурге в Казанском соборе было официальное молебствие, на котором присутствовали не только высшие чиновники, но и простые люди, в том числе и студенты. Петербург молился о даровании любимому императору жизни. 20 октября на пятидесятом году жизни царь-миротворец скончался.

Основной заслугой тринадцатилетнего царствования Александра III явилась мирная жизнь России, которая достигалась им не уступками, а непоколебимой твердостью. Весь мир знал, что не желая никаких завоеваний и военных лавров, русский император не поступится интересами, честью и достоинством вверенной ему Богом России.

С.Ю.Витте писал о нем в своих воспоминаниях: "Император Александр III не любил говорить много, в особенности не любил говорить фраз; это его черта; и его гигантская фигура, представлявшая какого-то неповоротливого гиганта, с крайне добродушной физиономией и бесконечно добрыми глазами, внушала Европе, с одной стороны, как будто бы страх, а с другой — недоумение: что это такое? Все боялись, что если вдруг этот гигант да гаркнет.

Мы все помним то время, когда император Александр III умирал в Ялте, и ближайшие месяцы после этого, когда вдруг вся Европа почувствовала, что уходит сила, которая держала своей нравственной фигурой Европу в мирном и спокойном положении; только тогда все осознали ту громадную роль, которую играл этот император в международном мировом отношении.

Император Александр III был великий император". ■

ПОЙМАН

РУТ РЕНДЕЛЛ

Английскую писательницу Рут Ренделл на ее родине называют современной Агатой Кристи. В течение 35 лет ежегодно выходит по одному ее роману. В последнее время печатается и под псевдонимом Барбара Вайн.

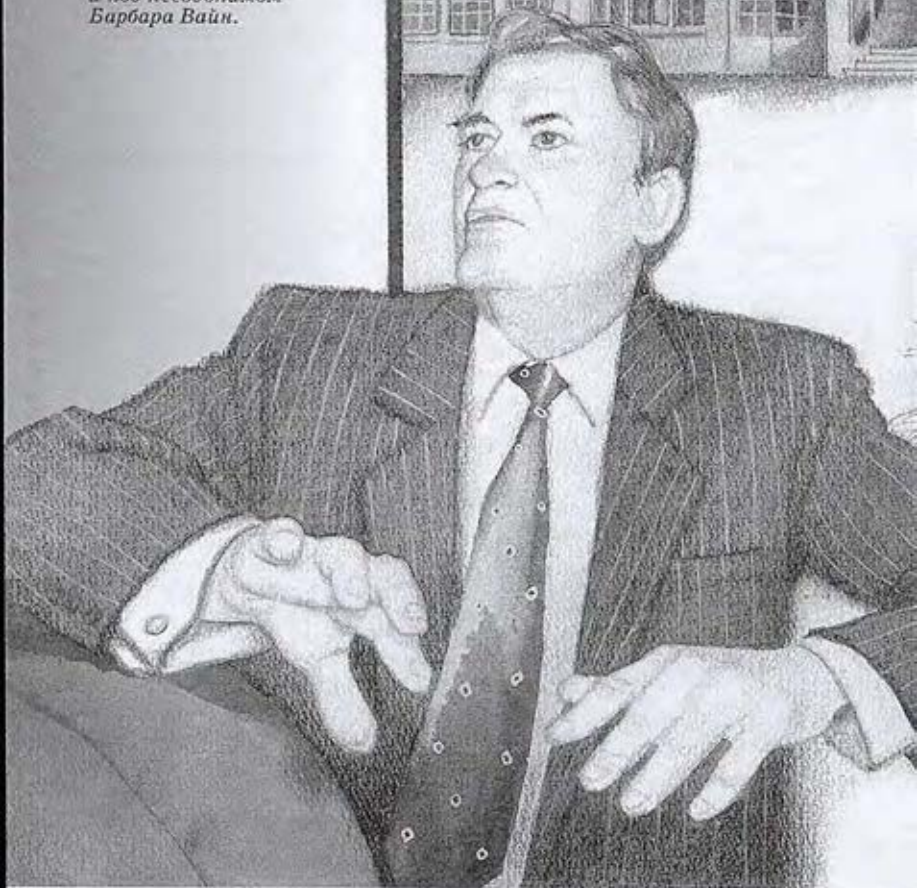

рисунок **Алексея Остремцкого**

Врастлох

Журнальный вариант.

Глава 1

о утрам, когда Квентин Найтингейл уезжал в Лондон, жена обычно еще спала. Экономка кормила его завтраком, отпирала парадную дверь, подавала шляпу и зонт, а девушка *au pair*^{*}, проще говоря, прислуга на пансионе, — свежую газету. Далее его маршрут бывал отмечен двумя садовниками, приветствовавшими Квентина почтительным “С добрым утром, сэр!”, и иногда шурином, торопившимся под уединенный кров Старого дома, воплощенную мечту литератора. Только Элизабет недоставало при церемонии проводов, но если Квентин и обижался, то никогда этого не показывал. Бодро и уверенно, походкой счастливого человека, шагал он к своей машине.

И этим утром, в самом начале сентября, всё шло своим чередом, разве что в зонте не было необходимости. Сад поместья “Майфлит” утопал в золотом мареве, обещавшем прекрасный день. Спустившись по каменным ступенькам террасы, Квентин ненадолго задержался в обсаженной кустами аллее — напомнить Уиллу Палмеру, что пора подкормить махровые хризантемы, которые они готовили к осенней выставке цветов в Кингсмаркхэме. Потом привычным путем ноги вынесли его во внутренний, между старыми каретными сараями, двор, где Шон Ловелл только что до блеска начистил стекла его “ягуара”.

Сегодня Квентин вышел немного раньше обычного и, вместо того, чтобы усесться сразу за руль, подошел к невысокой ограде — полюбоваться расстилавшейся внизу долиной Кингсбрука. Это зрелище неизменно восхищало его. Жилья почти не видно, только луга, зеленые или бледно-золотые, река вьется под сквозным ивовым покровом, дальше — чередка невысоких холмов с вершинами, поросшими редким леском, а налево, через дорогу, обширный хвойный бор, казавшийся темным бархатным плащом, небрежно наброшенным на холмы и долины.

Квентин перевел взгляд на свои земли — парк, сад, холеные лужайки, обильно цветущие розовые кусты, пестроту и яркость которых приглушил рассветный туман, и принял было раздумывать, какую розу сорвать — “Айсберг” или “Суперстар”, как кто-то коснулся его плеча, и глухой, холодный голос проговорил:

— Господень мир, его мы всюду зрим,
И смерть придет, копи или расходуи,
А в нас так мало общего с природой,
В наш подлый век мы заняты иным.”

^{*} от фр. “*etre au pair dans une maison*” — быть на полном пансионе за услуги по дому (как правило, в целях изучения языка). (Здесь и далее прим. переводчика).
” Перевод В. Левика.

— Доброе утро, Дэнис, — дружелюбно произнес Квентин. — Не слишком жизнерадостная цитата для такого прекрасного утра. Вордсворт, не так ли?

Дэнис Виллерс кивнул.

— Я мрачен оттого, что через два дня занятия в школе, и я не смогу работать здесь до самого Рождества. Между прочим, я тебе кое-что принес. — Он открыл портфель и вынул книгу — новую, блестящую, пахнущую типографской краской. — Сигнальный экземпляр. Я подумал, тебе будет приятно.

Квентин, вспыхнув от удовольствия, посмотрел на обложку: Дэнис Виллерс, “Влюбленный Вордсворт” — и тут же, не скрывая волнения, нашел страницу с посвящением, которое прочитал вслух: “Моему зятю, Квентину Найтингейлу, истинному другу и покровителю”.

— Ах, Дэнис, вот это подарок! Я чувствую себя прямо как Саутгемптон*. Спасибо. Я буду рваться домой, чтобы поскорей приняться за это. — Квентин похлопал по книге, коснулся плеча шурина и пошел к машине. Все еще улыбаясь, сел за руль и отправился в Лондон.

Элизабет Найтингейл, прежде чем выйти на люди, провела перед зеркалом не меньше часа. Ей хотелось добиться впечатления безыскусной юности: вот она выходит, чистая, свежая, совсем немного подкрашенная, одетая то ли с небрежным тщанием, то ли с тщательным небрежением. Говорили, ей не дать больше двадцати пяти. Ах, покачало головой ее отражение в зеркале, они не знали меня, когда мне и впрямь было двадцать пять!

Всегда демократичная, она пила свой утренний кофе с прислугой на кухне. Садовники сидели друг против друга в торцах стола, а Элизабет — визави Кэти Доорн. Миссис Кэнтрип, не прерывая потока замечаний и распоряжений, прихлебывала из чашки стоя.

— Если увидишь где Элфа Тоуни, Уилл, не забудь сказать ему, что я заказывала дышленка на ужин и что он мне нужен утром, а не за пять минут до того, как пора подавать на стол. Сними локти со стола, Шон! Сто раз тебе говорила и всегда буду говорить! А ты, Кэтчер, когда допьешь кофе, снеси чашку мистеру Виллерсу, а то он наверняка думает, что мы тут все уже умерли. И, ради Бога, выключили бы вы это радио! Больно нужно мадам слушать такой грохот!

— Нет, миссис Кэнтрип, мне нравится поп-музыка, — вступилась за слуг Элизабет.

Шон поднял голову.

— Сразу видно, — сказал он, — что вы не зануда.

* Лорд Саутгемптон (1573-1624), покровитель целой плеяды писателей эпохи Елизаветы I, в том числе Шекспира.

— Шон, — возмутилась миссис Кэнтрип, — это не дело разговаривать так с мадам!

— Для меня это комплимент, — отозвалась Элизабет.

Смуглое лицо Шона зарделось, и он улыбнулся, победно глянул сначала на миссис Кэнтрип, потом на Уилла Палмера. Кэти хихикнула, но на нее он внимания не обратил.

— Вот вы, старичье, — другое дело, — сказал Шон. — Завязли в колее.

— Да, а твоя колея — быть садовником, и лучше бы тебе было усвоить это. Все равно никогда не станешь таким вот певцом-крикуном.

— Это почему же? — вскинулся Шон, но агрессивность его тут же сменилась отчаянием. — Нет, я должен попробовать! Должен, и все. Я уж сказал своей старухе: пора начинать, весной мне стукнет целых двадцать три года. Что, если б Битлы, прежде чем начать, ждали столько же?

— Что? — переспросила миссис Кэнтрип. — Мир был бы куда спокойней, вот что, и это суцая правда.

— Ничего, Шон, — с мягкой улыбкой проговорила Элизабет. — Ты же знаешь, я обещала. Я помню. — И Шон истово закивал, не сводя с нее восторженных глаз. — Вот что, Уилл, у мистера Найтингейла есть костюм, который он уже не будет носить. Может быть, он подойдет вам. И, кстати, раз на меня нашел такой стих, я приготовила небольшую посылочку вашей маме, Кэти. Такого печенья в Голландии она не найдет. На столике в холле два пакета. Вам не составит труда отнести их на почту?

— Мадам — просто ангел, — вздохнула миссис Кэнтрип, когда Элизабет ушла. — Просто стыд вопиющий, что таких, как она, на свете раз, два, и обчелся.

Кэти хихикнула.

В пять вечера солнце пекло всюю. В саду у калитки, ведущей к дороге на Кингсмаркхэм, Уилл Палмер развел костер, отравив теплый, душистый воздух едким привкусом дыма. Он бросал в огонь охапки скошенной травы, время от времени подкармливая его каплей керосина. Потный Шон с недовольной миной толкал перед собой сенокосилку по расположенным террасами газонам.

Миссис Кэнтрип накрыла стол, прикатила из кухни столик с холодным ужином. В любую погоду, жарко или холодно, она никогда не выходила из дому без шляпки. Приколов ее перед зеркалом, она отправилась к своему коттеджу на другой конец деревни.

В Старом доме Дэнис Виллерс напечатал еще три предложения, развивая мысль Вордсворта о художественном вдохновении как способе самовыражения Природы, и тоже поехал домой. Получасом позже следом промчалась Кэти Доорн, изо всех сил газуя, заставляя свой “мини” рычать и визжать, наводя

страх на деревенских жителей по всей кингсмаркхэмской дороге.

Элизабет лежала в постели с примочками гамамелиса на глазах, консервируя свою красоту. Услышав шум подъезжающего "ягуара", она встала и принялась одеваться к ужину.

— Ну, как себя чувствует моя красавица-жена?

— Прекрасно, милый. Удачно прошел день?

— Неплохо. В Лондоне сегодня, как в сауне. Выпьешь что-нибудь?

— Немного томатного соку, — сказала Элизабет. Квентин налил ей соку, а себе — двойной виски. — Спасибо, милый. Ужасно жарко, правда?

— Но не так, как в Лондоне. А что, мы с тобой совсем одни? Кто-нибудь заглянет на коктейль?

— Сегодня — нет. Как ты верно заметил, мы совсем одни.

Квентин вздохнул и улыбнулся:

— Для разнообразия неплохо — побыть вдвоем.

Элизабет не ответила. Воцарилось томительное молчание. Квентин стоял у французского окна и смотрел в сад.

— Что ж, пора ужинать, — нарушила тишину Элизабет.

Поужинав холодным цыпленком, они вернулись в гостиную.

— Который час? — стоя у стеклянной двери в сад, спросил Квентин.

— Только что пробило восемь.

— Неужели? А мне казалось, уже гораздо позднее. — Он вышел на террасу взглянуть на хризантемы. Элизабет равнодушно листала иллюстрированный журнал. Квентин вернулся и сел, глядя на нее.

— Интересно, заедут ли сегодня Дэнис с Джорджиной?

— Не думаю.

— Пожалуй, позвоню-ка я Дэнису, спрошу, не хотят ли они заехать поиграть в бридж. Ты как думаешь?

— Если тебе хочется, милый.

— Нет-нет, пожалуйста, решай ты.

— Мне совершенно все равно, милый.

— Ну, тогда я позвоню, — выдохнул Квентин.

Виллерсы приехали, и до десяти они играли в бридж.

— Мы не можем задерживаться, Джорджина. — Дэнис поглядел на часы. — У меня есть еще пара часов, чтобы поработать в школьной библиотеке.

— Опять?! — воскликнула Джорджина.

— Я же говорил, мне нужно просмотреть справочник.

— Дэнис полностью отдается работе, — сказал миротворец Квентин, улыбаясь дамам. — Кстати, — повернулся он к шурину. — Ты не напишешь мне книгу?

Шариковой ручкой Дэнис написал на форзаце:
“Все годы, что с тобой мы вместе, стали
Чредою радостей...”

Квентин прочитал, порозовел и положил руку на плечо Виллера.

— А теперь подпишись, — попросил он.

И Виллерс написал под цитатой: “Твой брат Дэнис Виллерс”.

— Тебе несвойственна неточность. Тут должно быть “шурин”, а не “брат”.

— К черту никчемную точность! — буркнул Дэнис, страхи-вая с плеча руку Квентина.

Когда Виллерсы уехали, Квентин отправился в спальню, а Элизабет решила немного побродить по саду.

Она прошла по газону меж розовых клумб, многоугольных, полукруглых, ромбовидных, потом по мощеной дорожке, обсаженной кустами тиса, к двери в красно-кирпичной стене. Дым от костра, разведенного давеча Уиллом, поднимался тонким серым столбом.

Элизабет отодвинула засов и вышла на дерновую обочину дороги в Помфрит, к которой склонялись ветви садовых буков. Вспыхнули фары пронесшегося мимо автомобиля, и она отступила в тень сада. Это Кэти возвращалась из Кингсмаркхэма. Элизабет закрыла за собой калитку, пересекла дорогу и пошла по песчаной тропинке, ведущей в глубь Черитонского бора.

Выйдя на поляну, которую с дороги увидеть было нельзя, она села на упавшее дерево и в ожидании закурила.

Найтингейлы спали в отдельных комнатах второго этажа, помещавшихся по фасаду дома. Квентин включил лампу и открыл “Влюбленного Вордсворта”.

Сначала, как всегда, принимаясь за книги Виллерса, он с гордостью и удовольствием изучил посвященный Виллерсу и его трудам панегирик издателя, внимательно рассмотрел портрет шурина на задней стороне суперобложки, проглядел все иллюстрации по порядку: репродукции портретов Вордсворта и его сестры Дороти, вид на извилистый Форд с Замковой горы Стерлинга, — и только потом приступил к чтению.

Он читал, как читают ученые: благоговейно относясь к каждой ссылке, к каждому примечанию. Дойдя до описания встречи Вордсворта с его французской возлюбленной, он услышал шаги на лестнице. Элизабет возвращается с прогулки? Нет... Шаги поднимались все выше, пока не раздались прямо над его головой. Это Кэти, она жила на верхнем этаже.

Где же Элизабет? Квентин отложил книгу, встал и выглянул в сад. Луна скрылась за облаками. Он надел халат, открыл дверь спальни, на мгновение задержавшись на пороге, и направился к лестнице.

Глава 2

инспектора Бердена был выходной. До девяти он отсыпался, потом встал, принял ванну и приступил к делу, которому рассчитывал посвятить день, а именно — покраске наружных стен своего одноэтажного дома.

— Ты будешь красить парадную дверь, Джон, — сказал он одиннадцатилетнему сыну.

— Ух, чтоб тебе! Правда?

— Не говори так. Это означает: чтоб тебе пусто было, а ты ведь знаешь, как я не люблю, когда ты бранишься.

Джон безропотно потрусил к гаражу за новой банкой розовой, цвета фламинго, краски. В гараже он наткнулся на свою сестрицу Пэт, которая кормила липовым листом заключенную в коробку из-под ботинок гусеницу бабочки-бразницы. Он было собрался сказать ей что-нибудь обидное насчет того, что некоторые разводят садовых вредителей, но тут от задней двери его окликнула мать.

— Джон, скажи папе, что ему звонят.

— Кто?

— Угадай, — тоном безропотного уныния произнесла миссис Берден.

Джон угадал. С банкой краски в руках он вернулся к отцу, который только что нанес первый сладостный мазок на раму большого окна в гостиной.

— Па, тебя к телефону. Из участка!

Майкл Берден взял себе за правило никогда не употреблять сильных выражений ни при детях, ни в их отсутствие. Он аккуратно сунул кисть в банку с синтетическим скипидаром и взял сияющую чистотой трубку белого телефона.

Раздался недовольный голос главного инспектора Вексфорда:

— Ты не больно торопишься.

— Простите, сэр, я красил.

— Плохо твоё дело, Пикассо. Закончишь свой шедевр как-нибудь в другой раз. Долг зовет.

— Что произошло, сэр?

— Ты знаешь миссис Элизабет Найтингейл?

— Только в лицо. Ее все знают. Муж работает в страховой компании Ллойда. Куча денег. А что она сделала?

— Убили ее, вот что она сделала. Я в поместье "Майфлит". Давай сюда, Майк, и как можно скорее.

Берден переоделся и взял ключи от машины. Джон сидел на низкой стене сада, ожидая указаний.

— Придется оставить дверь как есть на день-другой. Извини, дружище.

— Ладно, мне есть чем заняться.

— Вот и молодец. — Берден выудил из кармана полкроны. — Ты говорил о новой батарее для транзистора... И купи

себе чего-нибудь сладкого. — Он сел в машину. — Вот еще что, Джон. У вас в школе, кажется, преподает мистер Виллерс, брат миссис Найтингейл.

— Старая Римская Вилла? — отозвался Джон. — Не знаю я, чей он там брат. Латынь и греческий.

Берден поставил свою машину позади большой служебной, в которой приехал Вексфорд, толкнул створку кованых ворот и по ступенькам поднялся к парадной двери. Сержант Мартин открыл ее прежде, чем Берден успел постучать.

Дом окутывала плотная тишина, которая бывает, когда случается что-то непостижимое. Тишина шока.

Берден постучал в дверь и вошел в маленькую элегантную комнату с панелями, выкрашенными кремовым и голубым. На широкой полке стояли дельфтские тарелки с цветочным, синим по белому, узором. На стенах висели пейзажи, написанные маслом. Были и акварели, нежные пасторальные виды окрестностей: Майфлитская мельница, церковь в Форби, мост в Флэгфорде.

Втиснутый в обитое кремовым шелком креслице, Вексфорд казался монументальней обычного. Его массивное лицо было мрачно, но цепкие, внимательные глаза не отрывались от сидящей по другую сторону камина женщины. Бросив взгляд на аккуратно прибранную седую голову, на скромное, залитое слезами лицо, Берден решил, что это наверняка старая преданная служанка.

— Входи, — сказал Вексфорд. — Садись. Это миссис Кэнтрип. Она служит экономкой в этом доме уже шестнадцать лет, с тех пор, как миссис и мистер Найтингейл поженились.

— Истинная правда, сэр. — Миссис Кэнтрип прижимала платок к опухшим глазам. — И милее человека, чем миссис Найтингейл, я в жизни своей не видела. Просто золото, вот какая она была. Лучшей хозяйки не пожелаешь. Что ж, сэр, вы говорили, что хотите повидать всех, кто живет в доме. Тут Уилл Палмер, он и нашел ее, бедняжку, и Шон Ловелл, и Кэтчер...

— Кто это Кэтчер?

— Девушка-голландка, сэр, прислуга на пансионе, господу называют это "au pair". Вы найдете ее в комнате на верхнем этаже. А потом тут еще сам бедный мистер Найтингейл. Он заперся у себя в кабинете и никому не открывает.

— Сначала мы повидаемся с мистером Палмером, — решил Вексфорд.

В парке, в саду, всюду хозяйничали полицейские. Уилл Палмер, выйдя из-за куста макрокапры, стал посреди газона, недовольно глядя, как констебль Гейтс в одной из теплиц толчется между цветочных горшков, а констебль Брайент, закатав рукава, шарит по дну декоративного прудика с лилиями.

— Тело сфотографировали и увезли, — сказал Вексфорд. — Кто-то ударил ее по голове. Чем — неизвестно. Вот они и ищут орудие убийства. Кровищи было черт знает сколько. Мистер Палмер, — окликнул он. — Не сочтите за труд, подойдите к нам, пожалуйста.

Садовник был высоким поджарым стариком с жестким, костистым лицом.

— Я так понял, вы хотите поговорить со мной, — проговорил он со скорбной значительностью. — Только к чему это они рыскают в моем саду?

— Мы ищем орудие, которым убили миссис Найтингейл, — объяснил Вексфорд.

— Навряд ли вы отыщете его в моих фуксиях.

— Посмотрим. — Вексфорд показал на тонкий столб дыма. — Давно вы развели костер?

— Вчера вечером, хозяин.

— Ясно. Где бы мы могли поговорить без помех? Как насчет кухни? Или там миссис Кэнтрип?

— Наверняка там, хозяин, и когда ей нужно, у нее очень длинные уши! Может, пойдём в итальянский садик?

Они уселись на длинную металлическую скамью перед прудом.

— Дело, значит, было так, — начал Палмер. — Ночью поднялся ветер, и так расшумелось, что я проснулся примерно в четыре тридцать и первым делом подумал о хризантемах мистера Найтингейла, они у нас уже совсем готовы к осенней выставке. Хризантемы стояли в горшках снаружи, и я подумал, что чертов ветер, как пить дать, опрокинет их. Так что я сел на мотоцикл и давай сюда.

— В котором часу вы были здесь, мистер Палмер?

— Около пяти. — Палмер говорил медленно, со вкусом, наслаждаясь вниманием к своей особе. — Хризантемы, умники, на ветру выстояли, но я убрал их в теплицу, от греха подальше. Потом смотрю — что-то не так. Глазам своим не поверил. Эта стеклянная дверь в сад — французское окно называется — стоит настежь! Воры, подумал я, в доме воры, и решил разбудить мистера Найтингейла. Поднялся вверх по лестнице, долбил долбил в дверь, а он не откликается. Спит, небось, подумал я и решился войти поглядеть.

— Он был там?

— Нет, кровать была пустая. “Мистер Найтингейл, — сказал я, — вы здесь, сэр?” Не получив ответа от мистера Найтингейла, я решился постучать в дверь мадам. Оттуда никто не вышел, и я обеспокоился. Просто оторопь взяла, да. Иначе сроду бы не зашел в спальню леди, я ведь вроде как слуга, да еще в рабочей одежде. В общем, ее там тоже не оказалось, и постель была нетронута.

— А вам не пришла мысль зайти к девушке *au pair*?

— Не пришла, хозяин. Чего эта Кэтчер могла такого, чего бы не мог я? Я обошел парк и увидел, что калитка в стене открыта. Решил было позвонить в полицию, но когда возвратился в дом, застал там мистера Найтингейла, и он сказал, что когда я стучал, он принимал ванну, но пока вытерся и вышел, я уже ушел.

— Что произошло дальше?

Палмер поскреб в затылке.

— Мистер Найтингейл сказал, что с мадам, верно, случилась беда, когда она гуляла в парке, но я ответил, что парк уже обошел. Тогда, — он нагнетал напряжение, как опытный рассказчик, — тогда я подумал об той открытой калитке и об этом нашем глухом лесу через дорогу, и сердце мое ушло напрямиком в пятки. Я сказал все это бедному мистеру Найтингейлу, и мы, ни живы, ни мертвы, пошли в лес. Я первым нашел ее. Она лежала ничком, и ее чудесные золотые волосы были все в крови. Да вы ж ее видели, хозяин, вы знаете.

— Спасибо, мистер Палмер. Вы нам очень помогли.

— Уж я-то знаю свои обязанности, сэр. Мистер Найтингейл, он всегда добр ко мне, и мадам была добра тоже. Есть некоторые, не будем называть имен, они бы воспользовались этим, а я — нет. Наверно, я из тех, кого они называют “старая школа”.

Вексфорд поднял глаза и заметил сквозь кипарисы человека, опирающегося на лопату.

— Что, этот Шон — как его там? — пользовался расположением хозяев? — спросил он тихо.

— Ловелл, хозяин, Шон Ловелл. Ну что там темнить, по правде говоря, да, пользовался. Теперь не то, что раньше, когда каждый твердо знал свое место. Этот Ловелл уж совсем беспородный, и мать его такая же, если не хуже, а отца и вовсе, похоже, никогда не было. Вас бы стошнило, окажись вы в их доме. Однако поди ж ты, он считал себя ровней мадам. Элизабет то, Элизабет сё, говорил он мне за ее спиной. “Не смей называть так мадам при мне!” — сказал я ему, невеже.

— Так как же он пользовался расположением хозяев? — нетерпеливо оборвал его Берден.

— Шон, знаете, спит и видит, что заделается певцом в этих, как их... поп-группах. А мадам, она была мягкая, она только улыбалась и терпеливо слушала, как он соловьем разливался. Когда у нее окно было открыто, он приходил и пел ей эти дрянные песни, которые слышал по телевизору. Развязный, вы не поверите! Я однажды наткнулся на них, они с мадам стояли у пруда, он болтал, не закрывая рта, и его грязная лапа — на руке мадам! Я сразу заметил, что ей это было неприятно. Она прямо подпрыгнула и вся покраснела, когда я закричал на него. “Дьявольская непочтительность!” — сказал я, когда мадам ушла. А он мне: “Мы с Элизабет понимаем друг друга”. Это надо же! — Палмер зло посмотрел на Ловелла и, скрипя старыми су-

ставами, поднялся со скамьи. — Одно могу сказать, даст Бог, меня уже здесь не будет, когда это равенство пойдет вразнос.

Умелая перестройка и использование перегородок превратили чердак в квартирку для прислуги на пансионе. Изыщные стеллажи из полированной березы, заставленные книгами и комнатными растениями, отделяли гостиную от спальни. Обстановка вся была новая: диван и кресла обиты киноварно-красным твидом, ковер тускло-зеленый, шторы из красного рубчатого вельвета.

— Хорошо говорите по-английски, мисс Доорн? — осведомился Вексфорд, когда она их впустила.

— Ох, нет, я очень плохо, — хихикнув, ответила голландка. — Мне все говорят, что я очень, очень плохо.

— Давно вы живете здесь с мистером и миссис Найтингейл?

— Один год. Почти один год и еще половина.

— Значит, вы уже хорошо их узнали? Вы ведь живете здесь как член семьи?

— Здесь нет семьи. — Кэти презрительно выпятила розовую губку. — Просто он и она. А теперь она умерла.

— Да, действительно. Не сомневаюсь, что вы успели подружиться с миссис Найтингейл. По возрасту вы ей годитесь в дочери.

Кэти засмеялась, забралась на диван с ногами, подобрала их под себя и покачалась на подушках сиденья. Потом прикрыла лицо рукой, сдерживая смех.

— О, я не должна так смеяться, когда все печально! Но вы говорите такие смешные вещи. Дочь! Вряд ли это понравится миссис Найтингейл. Нет, она не хочет взрослую дочь, она думает, что еще молодая, хорошенькая, в мини-юбках, глаза подведены, вот как!

— И все-таки, вы пользовались ее доверием?

— Простите?

На помощь Вексфорду пришел Берден:

— Она рассказывала вам о своей жизни?

— Мне? Нет, никогда. За обедом мы сидели так: она — там, я — здесь. Как поживает ваша мама, Кэти? Пойдет ли сегодня дождь? Сейчас я пойду прилягу. Но разговаривать? Нет, мы не разговаривали.

— Наверно, вам тут одиноко?

— Мне? — Свежий взрыв смеха. — Наверно, мне было бы одиноко... — она помолчала, борясь с условным наклоном. — Наверно, если я весь день одна с ним и с ней и весь вечер тоже, то да, я одинока. Но нет, у меня есть друзья в Кингсмаркхэме, много друзей, мальчики и девочки. Зачем мне сидеть здесь со стариками?

— Да им всего-то по сорок лет! — горячо вступился за хозяев тридцатилетний Берден.

— Это я вам и говорю. Я молодая, они старые. Мистер Найтингейл, он смешит меня. Он славный и говорит смешные вещи, но он старый, старше моего отца в Голландии.

Защищенная своей сияющей молодостью, Кэти самодовольно улыбнулась Вексфорду, а потом перевела взгляд на Бердена и задержалась на нем, словно прикидывая, может ли его получить. Чувствуя себя не в своей тарелке, Берден спросил резко, чем намеревался:

— Что вы видели, когда вернулись вчера ночью домой?

— Ну, я иду в картину с моим другом, который официант в “Оливе и голубке”. Сначала мы смотрим картину. Шведский фильм, очень сексуальный, вы понимаете?

— Понимаю, — буркнул Берден, опуская глаза.

— Это естественно, ты молодой. — Кэти вытянула длинные голые ноги и пошевелила пальцами в белых сандалиях. — Потом я хочу пойти с моим другом в его комнату, но он не может, потому что управляющий в отеле очень злой человек, не разрешает ему водить девушек. Поэтому нам грустно, и взамен мой друг везет меня в кафе “Карусель”. Там мы пьем кофе и едим один-два пирожных.

— В котором часу это было?

— Без четверти девять мы выходим из картины. Мы пьем кофе, а потом сидим в машине и целуемся, но очень печально, потому что не можем пойти в его комнату. Мой друг должен вставать рано утром, поэтому он идет в отель, а я еду домой. Теперь это одиннадцать часов, я думаю.

— Вы видели, как миссис Найтингейл вышла с территории парка?

Кэти закусил краем рта бледно-золотую прядь.

— Я вижу ее в свете фар моей машины, она выходит из калитки там, где горит костер. И она меня тоже видит. Это я знаю потому, что она быстро закрывает дверь и прячется, пока я не проеду. Очень смешно. Так я тогда думаю. Поэтому я еду дальше по дороге, там оставляю машину и возвращаюсь назад очень тихо, очень секретно посмотреть, выйдет ли она опять. — Тут Кэти выпрямляет спину и вскидывает нога на ногу так, что юбка задирается еще выше. — И она выходит! Я вижу, как она переходит дорогу и идет в лес. И она идет очень тихо и смотрит через плечо. Тогда я знаю, что она делает. Много-много раз я сама так хожу, когда собираюсь встретить в лесу моего друга, а злой человек не разрешает нам пойти в его комнату. Я тогда тоже смотрю через плечо узнать, не идет ли кто сзади посмотреть, что мы делаем.

— Да-да, — хрипло произнес Вексфорд. — Мы понимаем. Вы чрезвычайно откровенны с нами, мисс Доорн, — прибавил он с хорошей дозой иронии.

— Я молодец, да? — сказала Кэти, очень довольная собой. — Я помогаю, да? Я знаю, как разговаривать с полицией. Когда я

в Амстердаме, полиция задает мне много вопросов, так что я все знаю про полицию и совсем-совсем не боюсь. — Она улыбнулась им обоим, но, обратившись к Бердену, эта улыбка по-особому замерцала. — А сейчас я делаю вам кофе и рассказываю, как мы бросаем дымовые бомбы в Амстердаме, пока этот старый полицейский начальник разговаривает с бедным мистером Найтингейлом.

Берден совсем растерялся и забормотал, что он уже пил кофе.

— Как-нибудь в другой раз, спасибо, — выручил его Вексфорд. Он не возражал, чтобы его величали “полицейским начальником”, но определение “старый” обожгло ядом. — Нам скоро понадобится поговорить с вами еще раз, мисс Доорн.

— Да, я тоже так думаю, — хихикнула Кэти, безмятежно уверенная в том, что любой мужчина, познакомившись с ней, рано или поздно захочет встретиться снова. Свернувшись в клубок на своем диване, она танцующими глазами следила, как они уходят.

— Теперь к Найтингейлу, — сказал Вексфорд, спускаясь по лестнице. — Я уже перекинулся с ним парой слов, но это было до того, как мы узнали о его ночном омовении. Ему придется выйти из своего кабинета, Майк. Я послал Мартина за ордером на обыск дома.

Глава 3

Квентин Найтингейл принадлежал к людям, внешность которых женщины называют аристократической. Серебряная шевелюра и серебряные усики придавали ему значительность, отличающую дипломатов и высокопоставленных военных. Из-за этой преждевременной седины он выглядел как раз на свои пятьдесят, хотя стройностью высокой фигуры не уступал Шону Ловеллу, сохранил твердую линию подбородка и гладкую кожу. Однако этим утром он казался почти уродом, так искажено было его лицо.

Полицейским пришлось пустить в ход все возможные увещевания вплоть до прямого и категорического приказа, чтобы принудить его открыть дверь кабинета, но когда он наконец сделал это, гнев Вексфорда тут же сменился состраданием. Квентин Найтингейл плакал.

— Прошу прощения, сэр, но я обязан допросить вас так же, как допрашиваю всех остальных.

— Я понимаю. Это так по-детски с моей стороны, запереться здесь. О чем вы хотели меня спросить?

— Мы можем присесть?

— О, конечно... Простите... Я должен был...

— Я вполне понимаю ваше горе, мистер Найтингейл. — Вексфорд уселся в кожаное кресло, похожее на то, что стояло у

него в кабинете в полицейском участке, а Берден выбрал деревянный резной стул с высокой спинкой подле книжного шкафа. — Прежде всего расскажите подробно, как прошел вчерашний вечер. Вы провели его вдвоем с миссис Найтингейл?

— Нет. К нам заехали шурин с женой поиграть в бридж. — Найтингейл слегка оживился. — Он известный литературовед, специалист по Вордсворту.

— В самом деле? — вежливо отозвался Вексфорд.

— Они приехали примерно в восемь тридцать и откланялись около половины одиннадцатого. Шурин сказал, что ему еще нужно успеть посмотреть какие-то справочники в школьной библиотеке.

— Понятно. Как вам показалась вчера ваша жена?

— Жена?.. Вела себя как обычно. Была весела и очаровательна. Как всегда. Очень любезная хозяйка. Припоминаю, что она была особенно мила со свояченицей, даже подарила ей что-то, и Джорджина была в восторге. Элизабет вообще отличалась щедростью.

— Что это за подарок, сэр?

— Я не помню, — снова поник Квентин. — Слышал только, как Джорджина благодарила ее.

— Зачем ваша жена пошла в лес, мистер Найтингейл? — спросил Берден.

— Господи, если б я только знал! Она часто гуляла по парку — я имею в виду, поздно вечером. Я и представить не мог, что ей вздумается пойти в лес.

— Простите, сэр, вы были счастливы в браке?

— Безусловно. Идеально счастливы. Спросите любого из наших друзей. О, Господи, разве я был бы таким, как сейчас, если б мы не были счастливы?

— Пожалуйста, не терзайте себя, мистер Найтингейл, — мягко произнес Вексфорд. — И теперь я попросил бы вас отвечать очень осмотрительно. Вы знаете, что утром в начале шестого Палмер входил в вашу комнату, но не смог вас найти? Надеюсь, вам не составит труда ответить мне, где вы были?

Квентин покраснел и прижал ладони к щекам, словно надеялся, что от их ледяного прикосновения кровь отхлынет.

— Я был в ванной, — напряженно сказал он.

— Весьма странное время, чтобы принимать ванну.

— Кто из нас не совершал странных поступков, инспектор! Я проснулся от шума ветра, уснуть снова не смог и решил принять ванну.

— Очень хорошо, мистер Найтингейл. А теперь, если не возражаете, я хотел бы обыскать дом.

— Делайте, что хотите, — произнес Квентин с видом приговоренного к смерти, который получил отсрочку, но знает, что ненадолго. — Надеюсь, вы будете аккуратны?

— Мы не вандалы, — резко ответил Вексфорд, но потом смягчился: — Вы потом даже не заметите, что мы тут были.

— У вас есть какая-нибудь версия, сэр? Может, Найтингейл? Заподозрил что-то, выследил и убил? И сжег свою окровавленную одежду на костре Палмера? — спрашивал Берден, пока полицейские спускались вниз по лестнице.

— У меня нет версии, — ответил Вексфорд.

Лестница была длинная, узкая, с просторной площадкой между этажами, которая освещалась окном, убранном красными бархатными шторами в тон розам сорта “Дева Голландии” в медной чаше на подоконнике. Ветер никак не унимался, и по листве шла рябь, словно по зеленой речной воде.

— Вон кандидат для третьей стороны нашего треугольника. — Вексфорд указал на теплицу.

— Шон Ловелл? — Берден нахмурился, возмущенный таким предположением и всеми вытекающими из него умозаключениями. — Подручный садовника? Да что вы, сэр, ему же не больше двадцати, а она... В жизни не слышал ни о чем подобном!

— Вздор, — усмехнулся Вексфорд. — Даже ты не мог не слышать о леди Чаттерлей, хоть и не читал книгу*.

— Ну, книгу! — успокоился Берден тому, что главный инспектор привел пример столь чудовищного извращения не из жизни, а из литературы. — Что-то холодно здесь, верно?

— Вот мы и пойдем погреться в теплицу.

Шон Ловелл открыл им дверь, и они вступили во влажную тропическую жару. Выложенные мхом корзинки свисали с крыши с вываливающимися из них бледными орхидеями, салатowymi и лимонно-розовыми, а на полках стояли кактусы с недолговечными сочно-лилейными цветами. Душистый пар конденсировался на холодных стенах.

Экзотические ароматы, жара и разнообразие красок удивительно шли Шону Ловеллу. Его иссиня-черные волосы и золотистая кожа наводили на мысль о греческом или итальянском происхождении, хотя достались, скорее всего, от цыган. Ему бы, подумал Вексфорд, вместо джинсов и свитера вырядиться корсаром — рубашка с отложным широким воротником, короткие тесные штаны, красный платок на голове да золотая серьга в ухе.

— Она была добрая, настоящая леди, — угрюмо сказал Шон и злобно оборвал зигокактусу жирный лист. — Всегда была наготове помочь. И ее убили! Верно говорит моя старуха, самые лучшие всегда умирают молодыми.

— Миссис Найтингейл была не так уж молода, Ловелл.

— Около тридцати, вот сколько ей было. — Шон закусил губу. — Вы же не скажете, что это старость.

* Роман Д.Г. Лоуренса “Любовник леди Чаттерлей”.

Вексфорд не стал вдаваться в подробности. Элизабет Найтингейл, со всеми ее кремами и притираниями, тратила столько сил, чтобы выглядеть молодой, что теперь, когда она умерла, было бы неблагородно разрушать иллюзии ее поклонников.

— Хотелось бы знать, что ты делал вчера вечером. Когда ушел с работы и куда направился?

— Ушел в пять, — мрачно сказал Шон. — Пошел домой выпить чаю. Я живу тут в деревне, с мамашей. Ну, выпил чаю и весь вечер смотрел телек.

— Разве у тебя нет подружки?

— А вы видели здешних девиц? — отозвался Ловелл, искоса глянув на Вексфорда, отчего стал похож на пирата еще сильнее. — Я вообще вечерами всегда смотрю телек, а иногда хожу в “Карусель” играть на автоматах. Что ж еще, думаете, делать в такой дыре, как наша?

— Не спрашивай меня, Ловелл. Это я задаю вопросы. Значит, ты смотрел телевизор, потом отправился спать?

— Точно. Никуда не выходил. Вот хоть мамашу спросите.

— Назови, какие передачи ты видел.

— Там было “Поп-ревю”, а потом голливудский мюзикл до десяти.

— Ты лег в десять?

— Не помню. Вообще не помню, что вижу и когда ложусь спать. Да и кто помнит? Наверное, мы смотрели телек и после десяти. Там был еще Сэмми Дэвис-младший, вот что. — Смуглое лицо осветилось почти религиозным восторгом. — Ох, Господи, все бы отдал, чтобы быть, как он! — Сникнув под суровым взглядом Вексфорда, он заморгал и торопливо закончил: — Ну, ладно, мне надо идти работать, а то старый Уилл голову снимет.

Норовя удрать, Шон протиснулся между Вексфордом и кактусом, безжалостно ломая тому колючки. Внезапно в дверном проеме появилась миссис Кэнтрип.

— Обед ждет тебя в кухне, Шон. Давай-ка поторопись, а то совсем остынет.

Шон обрадованно шагнул за порог и рванул к кухне.

— Странно, однако, — проговорил Вексфорд. — Вчера по телепрограмме действительно должен был петь Сэмми Дэвис, но в последний момент произошла замена, и пошел старый фильм. — Он похлопал Бердена по плечу. — Что ж, Майк, иди обедай. Освобожусь, подойду.

Он проводил Бердена взглядом и поспешил догнать миссис Кэнтрип.

— Есть тут в доме кто-нибудь, с кем я еще не виделся?

— Нет, сэр. — Выглядела она неважно. Было ясно, что потрясение еще не прошло, и бразды правления в руках миссис Кэнтрип держатся пока нетвердо. — Может быть, вы хотите перекусить? — спросила она неверным голосом. — И другой джентльмен тоже?

— Нет, благодарю вас, — поднимаясь по ступенькам террасы, Вексфорд поддержал ее под локоть. — Скажите мне еще одну вещь, пожалуйста, миссис Кэнтрип. С кем была дружна миссис Найтингейл? Кто чаще всего приходил сюда в гости?

— Миссис Найтингейл, сэр, она, знаете, никогда не была такой... сплетницей, никогда не висела часами на телефоне. Дамы, с которыми она встречалась, были заняты разными благотворительными делами, организацией танцевальных вечеров, спортивных игр, понимаете? Потом... — со скорбной значительностью прибавила она, — потом сюда часто приезжали их общие друзья, сэр Джордж и леди Ларкин-Смит, мистер и миссис Праймиро, прочая местная знать, сэр.

— А были у нее друзья-джентльмены? Только, пожалуйста, не принимайте этот вопрос близко к сердцу, миссис Кэнтрип. В наши дни леди вполне может иметь друзей-джентльменов, и никто не найдет в этом ничего... предосудительного.

Миссис Кэнтрип гневно потрясла головой:

— Ее друзья были их общими друзьями, сэр, — и осведомилась с ноткой сарказма: — Еще что-нибудь угодно спросить?

— Да, будьте любезны. Это касается того, как в доме организована стирка. Чья обязанность менять белье в спальнях, ну там, простыни, полотенца?

— Моя, сэр, — удивилась миссис Кэнтрип.

— А не уносили ли вы сегодня утром сырых полотенец из спальни мистера Найтингейла?

— Нет, сэр, определенно нет. Я этим утром и думать забыла про работу, сущая правда. — Миссис Кэнтрип с достоинством подняла подбородок. — Кроме того, сегодня не время менять белье. Я меняю простыни в понедельник утром, а полотенца по понедельникам и четвергам. Так здесь всегда было принято.

— А если все-таки предположить, что кто-нибудь еще мог... — осторожно начал Вексфорд.

— Никто не мог, — оборвала его миссис Кэнтрип. — Грязное белье лежит в баке позади кухни, и сегодня туда близко никто не подходил, я ручаюсь за это. А теперь, извините, сэр, мне нужно подавать обед. Не знаю, сможет ли бедный мистер Найтингейл проглотить хоть кусочек, но надо еще собрать поднос для мистера Виллерса... Боже праведный! Мистер Виллерс! Я совсем забыла про мистера Виллерса!

— Вы хотите сказать, — удивился Вексфорд, — что шурин мистера Найтингейла живет в этом доме?

— Не то чтобы живет, — прижав к щеке красную руку, круглыми от ужаса глазами, ответила миссис Кэнтрип. — Он приезжает сюда каждый день, чтобы работать в Старом доме. И, Боже мой, сэр, никто и не подумал, наверно, сказать ему, какая беда стряслась!

— Он должен был видеть поднявшуюся суматоху.

— Не мог, сэр. Из Старого дома ничегошеньки не видно из-за этих старых деревьев, так же, как и вы отсюда не можете видеть дом. Ох, придется мне пойти сказать ему. Одно утешение, что они не были так уж близки, может, он не примет близко к сердцу.

Вексфорд смотрел, как она торопливо, почти бегом, исчезла в зеленой арке кустарника, накрытой сверху липовой, уже тронутой желтизной, веткой. Выше, под синим с летящими облаками небом, виднелся лишь скат пологой крыши — только это и указывало, что за зеленью прячется Старый дом.

Вексфорд переждал минут пять, а потом пошел следом. Дорожка привела в мощный дворик с квадратным водоемом в центре. Дворик был густо затенен обступающими его деревьями. Корни их тянули силу из узкого земляного бордюра, в котором ничего не цвело, и лишь чахлые травянистые растения отчаянно и безнадежно тянулись к свету. Дом был и впрямь очень стар — по прикидке Вексфорда, лет четыреста, не меньше. За распахнутой настежь черной дубовой дверью, видимо, и скрылась миссис Кэнтрип. Обмерив взглядом высоту поросшей вьюном стены с окнами в решетчатых переплетах, Вексфорд вошел в дом.

Глава 4

Кругие ступеньки привели его к одностворчатой двери, за которой слышались негромкие голоса. Он постучал. Миссис Кэнтрип приоткрыла дверь и прошептала:

— Я сказала ему. Я вам еще нужна?

— Пока нет, миссис Кэнтрип, спасибо.

Столб света вспугнул затаившиеся по углам нижнего этажа тени, когда открылась входная дверь. Вексфорд помедлил немного и вошел в кабинет Виллерса.

Преподаватель античной филологии, не поднимаясь с кресла у письменного стола, обратил к Вексфорду угрюмый взгляд:

— Здравствуйте, главный инспектор. Чем могу служить?

— Прискорбная история, мистер Виллерс. Я не задержу вас надолго. Всего несколько вопросов.

— Разумеется. Присядьте.

В просторной, обшитой темными панелями комнате было зябко. Затененные прильнувшей снаружи листвой маленькие окна впускали столько света, что его едва доставало для работы. На полу лежал квадратный ковер. Обстановка, состоящая из набитой конским волосом софы, двух викторианских кресел и столика с раздвижными ножками и откидной крышкой, явно была сослана сюда из большого дома за ненадобностью. На письменном столе Виллерса царил хаос: исписанные листы, раскрытые справочники, коробочки бумаги для заметок, шары-

ковые ручки, пустые пачки из-под сигарет. На краешке выси-
лась стопка новых книг.

Виллерсу на вид было под пятьдесят. Когда-то, подумал Вексфорд, он был хорош собой, белокур и очень похож на свою покойную сестру, однако время, а может и болезнь, унесли и красоту, и яркие кудри. Да, похоже, что болезнь. Так выглядят раковые больные. Такая же как бы присыпанная пылью желто-вато-серая кожа, бескровные губы, запекшийся взгляд когда-то синих, а теперь выгоревших до серости глаз. К тому же Виллерс был пугающе худ.

— Я понимаю, каким ударом явилось для вас это известие, — начал Вексфорд. — Сожалею, что никто не успел сообщить вам его раньше.

— Сказать по правде, — отталкивающе высокомерным тоном произнес Виллерс, приподняв бесцветные редкие брови, — это не имеет существенного значения. Мы с сестрой были не слишком привязаны друг к другу.

— Могу я спросить о причине?

— Можете, и я с готовностью вам отвечу. Причина состоит в том, что между нами не было ничего общего. Моя сестра представляла собой особу пустоголовую и легкомысленную, а я, — Виллерс бросил взгляд на пишущую машинку, — я этими свойствами не обладаю. Тем не менее, вряд ли мне прилично сегодня продолжать работать, не так ли?

— Насколько я понял, вчерашний вечер вы с миссис Виллерс провели здесь в поместье?

— Да, это так. Мы играли в бридж. В десять тридцать мы с женой простились с хозяевами, приехали домой и сразу легли спать. — Виллерс говорил быстро, резко, словно с трудом подавляя готовый вспыхнуть гнев. — Мы живем на окраине Кластервилла. От нашего дома до поместья не более десяти минут на машине. Дома, повторяю, мы немедленно легли спать.

— Как, на ваш взгляд, вела вчера себя ваша сестра? Как обычно? Или была возбуждена?

Виллерс вздохнул так, словно вопросы Вексфорда ему уже наскучили.

— Да вела себя, как обычно. Грациозная, обожаемая всеми хозяйка дома. В бридж она всегда играла прескверно, и вчера не скверней обычного.

— Вы знали о том, что она имеет обыкновение совершать ночные прогулки по лесу?

— Знал. Очевидно, потому она и встретила свой конец, что углубилась дальше, чем следует.

— Значит, — осведомился Вексфорд, — вас не удивило известие о ее кончине?

— Напротив, очень удивило. Я бы даже сказал, потрясло. Но сейчас, когда я об этом думаю, все становится на свои места. Женщин, без сопровождения прогуливающихся в уединенных

местах, случается, убивают. Во всяком случае, так я слышал. Говорят, об этом пишут в газетах. Не знаю, сам я не читаю газет. Такого рода истории меня не интересуют.

— Вы откровенно заявили, что не любили свою сестру. — Вексфорд окинул взглядом большую тихую комнату. — В этих обстоятельствах трудно не удивиться тому, что вы считаете для себя возможным пользоваться ее гостеприимством.

— Я пользуюсь гостеприимством своего зятя, главный инспектор, — побелев то ли от гнева, то ли от какого-то другого, не разгаданного Вексфордом чувства, Виллерс вскочил, подошел к двери и резко распахнул ее в черное зевовое пространство: — Всего хорошего. — Стоя с откинутой в сторону рукой, он побледнел еще сильнее.

Вексфорд с тревогой кинулся к нему. Виллерс глухо ахнул и упал инспектору на руки.

— Итак, что мы имеем, — говорил Крокер, полицейский врач и добрый приятель Вексфорда. — Элизабет Найтингейл была чрезвычайно ухоженной и чрезвычайно хорошо сохранившейся дамой примерно сорока лет.

— Сорока одного, — поправил Вексфорд, снимая плащ и вешая его на крючок у двери. На углу письменного стола его ждали сэндвичи с говядиной и термос с кофе, присланные из буфета. Вексфорд прочно уселся в свое надежное вертящееся кресло и, неодобрительно глянув на верхний сэндвич, говядина в котором уже начала скручиваться по краям, со вздохом запустил в него зубы.

— Смерть, — продолжил врач, — наступила от пролома черепа и многочисленных повреждений мозга, примерно между одиннадцатью вечера и часом ночи. Не менее десяти ударов было нанесено каким-то металлическим предметом. Это не нож и не топор, но нечто с более острыми краями, чем, например, у водопроводной трубы или кочерги.

— Пока что ни в парке, ни в лесу мы ничего не нашли, — сказал Берден. — Как вы себе представляете это орудие?

— Нет никакой зацепки. Может быть, металлическая ваза или что-то даже из кухонной утвари. Или пепельница. Или большая пивная кружка.

— Думаешь? — жуя, пренебрежительно проговорил Вексфорд. — По-твоему, некто идет в лес, чтобы убить женщину, вооружась дуршлагом или сковородой? Видит, как жена милуется с любовником, вынимает из кармана случайно завалявшуюся там серебряную вазу и лупит ее этой вазой по голове?

— Ты хочешь сказать, — поразился доктор, — что подозреваешь этот столп общества, Квентина Найтингейла?

— Что ж он, не человек, что ли? У него тоже есть чувства. Честно говоря, я бы скорее принял за ее братца, Виллерса, да только он так болен, что не поднимет и нож с вилкой, не говоря

уж о сковородке. — Вексфорд прикончил последний бутерброд и закрутил крышку термоса, потом задумчиво посмотрел на доктора. — Я разговаривал с Виллерсом, — сказал он. — Помимо всего прочего, он поразил меня своим видом. Желтая кожа, руки дрожат, и все такое. Когда я уходил, он упал в обморок. Мне даже показалось, что он умер, но потом он благополучно пришел в себя, и я оставил его на попечение экономки.

— Виллерс — мой пациент, — заметил Крокер. — Найтингейл лечится у какого-то светила, а Виллерс в моем списке уже много лет.

— И ты, будучи истинным и правоверным жрецом своей медицинской исповедальни, намерен свято хранить тайну его недуга в своей гиппократической груди?

— Да, если б было, что хранить. Дело в том, что Виллерс не больней тебя. — Крокер критически поглядел на тушу Вексфорда, на красно-синие вены, вздувшиеся у того на лбу. — Даже здоровей.

Вексфорд с некоторым усилием втянул живот и сел прямо.

— Вот это да! — удивился он. — А я решил, что у него рак. Видно, какой-то червь точит его изнутри. Например, совесть. Сколько, ты сказал, ему лет?

— Послушай... — начал врач, от смущения ерзая на стуле.

— Да прекрати! Возраст мужчины не относится к тайнам,веряемым психиатру под защитой зеленых стен врачебного покоя!

— Ему тридцать восемь.

— Тридцать восемь?! А кажется, что он на десяток лет старше и смертельно болен к тому же! В самом деле, наш Майк просто юноша по сравнению с ним!

Две пары стареющих глаз обратились к Бердену. Потом доктор сказал брюзгливо:

— Ну, не знаю, почему ты так настаиваешь, что он плохо выглядит. Работает много, вот и все.

— Видел бы ты его сегодня!

— Значит, шок, — решил доктор. — Чего же ты ожидал от человека, который только что узнал, что убили его сестру?

— Все верно, если б он не заявил мне, что едва ее выносил. Слышал бы, с какой "братской" любовью он о ней отзывался! Нет, Виллерс — тип тот еще, на редкость неприятная личность. Что ж, Майк, сейчас мы с тобой нанесем несколько визитов дамам, которые, надеюсь, растают и исповедуются под воздействием твоей мужественности и — да позволено будет мне сказать — юношеского обаяния.

Брайент вывез полицейских из города и направился в сторону Майфлита.

Они проехали мимо Кингсмаркхэмской средней классической школы для мальчиков, которую правильней следовало

именовать Заведением для Сыновей Мелких Фермеров, Горожан и Тех, Кто Получше, основанным королем Эдуардом Шестым. Сыновья в данный момент разъехались по домам на каникулы, и тюдоровское здание из темного кирпича выглядело покинутым и благонравным, не то что во время занятий. Большое крыло было пристроено пять лет назад, ибо Мелкие Фермеры и Горожане угрожающе размножились в последнее время, чего нельзя сказать о Тех, Кто Получше.

Берден, чей наследник поступил сюда год назад, выдержав весьма суровые испытания, сказал:

— Здесь, кстати, Виллерс преподает.

— Латынь и греческий?

Берден кивнул.

— Джон учит у него латынь. Наверно, греческий — в старших классах. Джон говорил, что он часто после занятий сидит тут в библиотеке. В новом крыле как раз библиотека.

— Собирает материал для своих книг?

— Скорее всего. Здесь замечательная библиотека. Не то что бы я очень разбирался в таких вещах, но в День открытых дверей нас водили по школе, и библиотека — будь здоров.

— Джон хорошо отзывался о Виллерсе?

— Ну, сэр, вы же знаете, что такое мальчишки. В классе его называют “Старая Римская Вилла”. По-моему, он держит их в ежовых рукавицах. Если хотите знать мое мнение, с нынешней молодежью надо обходиться построже.

Вексфорд решил переменить тему.

— Есть три вопроса, на которые мне хотелось бы получить ответ, — сказал он. — Зачем Квентин Найтингейл в пять утра принимал ванну? Или, если выразиться иначе, зачем он притворился, что принимал ванну? Почему Шон Ловелл сказал нам, что смотрел по телевизору передачу, которая на самом деле в последний момент была заменена? И наконец, почему Элизабет Найтингейл ладила со всеми, кроме собственного брата?

— И почему, кстати, у нее не было близких друзей?

— Может, все-таки были. Это нам еще предстоит выяснить. Майк, мы въезжаем в Кластервилл. Ты случайно не знаешь, где тут дом Виллерсов?

Берден выпрямился и посмотрел в окно.

— Он за деревней, по дороге на Майфлит. Помедленней, ладно, Брайент? Вот он, сэр, стоит поодаль.

Нахмурясь, Вексфорд оглядел приземистое строение с двумя низкими щипцами и чердачным окном под каждым из них.

— Неплохо бы покрасить, — проговорил Берден, сравнивая дом со своим собственным, который скоро будет доведен до полного блеска. — Развалюшка. И уж гараж-то приличный он мог бы себе позволить.

Палисадник перед домом весь порос одноцветными маргаритками. Подъездная аллея из выбитого, потрескавшегося бе-

тона вела к заводского изготовления асбестовому гаражу с крышей из просмоленного картона.

Только что вымытый черный "морис-майнор" стоял перед распахнутым гаражом с еще влажными пятнами на корпусе, а в выбоине под задним бампером блестела лужа.

— Интересно, — заметил Вексфорд. — Твою сестру только что убили, ты падаешь в обморок, услышав об этом, и всего через пару часов набираешься сил настолько, что моешь свой лимузин.

— Это не его лимузин, — возразил Берден. — У него "англиа". Этот — его жены.

— Где же тогда его?

— В поместье, наверно, или в этой жалкой пародии на гараж.

— Ну, поехали, Брайент. Оставим пока Виллерсов в благословенном покое домашнего очага.

Первой, кого они увидели, выйдя из машины в Майфлите, была Кэти Доорн, покидающая универсам с пакетом фруктов и бутылью шампуня. Заметив их, она залилась счастливым смехом.

— Вы случайно не знаете, мисс Доорн, где тут коттедж Ловеллов? — скованно проговорил Берден.

— Да вот он, — показала она, вцепившись в локоть окоченевшего инспектора, и, как выразился позднее Вексфорд, почти поглотила его изгибами своих форм. — Да, самый грязный во всей деревне. Они живут, как свиньи. Я так думаю. Его мать очень вредная, грязная женщина, сплошной жир.

— Как вы полагаете, эта толстая леди сейчас дома? — улыбнулся ей Вексфорд.

Кэти не ответила на его улыбку. Она смотрела на Бердена.

— Может быть, — она опять пожала плечами. — Не знаю, как живут эти очень грязные люди. Хотите хорошего чаю? Я думаю, что вы очень много работаете, очень много устаете и хотите чаю со мной, пока ваш шеф идет в этот противный, грязный дом.

— Нет-нет, благодарю вас, — смущенно произнес Берден.

— Может, завтра? Вечерами я всегда свободна, а мой друг завтра, он должен поздно работать, подавать напитки на танцах. Смотри, не забывай! — она погрозила пальцем. — И теперь я говорю "до свиданья". Смотри, не заражайся чем-нибудь гадким в этом противном, грязном доме!

Легкими шагами, с прямой спиной, покачивая золотым водопадом волос, она прошествовала через дорогу к воротам поместья. Там она оглянулась и помахала им.

Вексфорд помахал в ответ и рассмеялся.

— Ставлю что угодно, Майк, она хочет задурить голову и тебе!

— Отвратительная молодая особа, — чопорно произнес Берден.

— А я нахожу ее очаровательной.

— Господи, сэръ, да если бы моя дочь...

— Ради Бога, Майк. Я тоже женат и не менее верный муж, чем ты. — Вексфорд с ухмылкой похлопал себя по животу. — Нет иного выбора, верно? Но иногда... — Он вздохнул. — Господи, что бы я дал, чтоб мне снова стало тридцать! Не смотри на меня так, ты, рыба. Вот мы уже пришли к этому очень противному, грязному дому.

Глава 5

Даже парадная дверь коттеджа Ловеллов заросла крапивой и щавелем. Прежде чем они попытались дотянуться до дверного молотка, за частым переплетом окна поднялась серая от ветхости, украшенная большими дырами тюлевая занавеска, и появилось чье-то женское лицо.

— Не знаю, чего вам надо, но придется вам пройти к задней двери.

Боковая калитка упала, когда они ее толкнули. Пожав плечами, Вексфорд отложил ее в сторону, на привольные заросли сорняка. Грязной заплатой выделялся этот участок на ковровой ткани нарядного ландшафта, украшенного могучим лесом. Вексфорд заметил, что еще одна калитка в ограде ведет прямо в лес.

Задняя дверь внезапно приоткрылась, и в проем высунулась та же голова, что говорила с ними из окна.

— Что надо?

— Миссис Ловелл?

— Верно. Что надо-то?

— Несколько слов, если позволите, — ласково произнес Вексфорд. — Мы — офицеры полиции.

Прищурясь, она подозрительно смотрела на них.

— Это насчет той, из поместья? Тогда лучше войдите. Его сиятельство говорил, что там полно полицейских.

— Его сиятельство? — удивился Берден. Неужто в этих высотах, куда занесла их с Вексфордом служба, возвращаются еще более благородные, даже титулованные особы?

— Мой сын, Шон, — разрушила его иллюзии миссис Ловелл. — Ну, входите. Можете пойти в гостиную, если хотите. Вот сюда.

Так называемая гостиная оказалась почище кухни, но и здесь пахло сыростью, хронической утечкой газа и джином. Обставлена она была новым гарнитуром мягкой мебели, кричаще-розовая обивка которого уже покрылась пятнами, и разнородным набором старых вещей и современных безделушек.

Сильная примесь цыганской крови сказывалась в лице хозяйки: орлиный нос, полные резные губы, сумрачные глаза, черные, спутанные волосы. Этому все еще красивому лицу значительно не соответствовала дородность тела. Казалось, будто жир полз-полз наверх, но не осилил подняться выше шеи и остановился, испугавшись угрозы, таящейся в крутом, не тронутом морщинами подбородке.

— Мы просто собираем сведения, — объяснил Вексфорд. — Не могли бы вы рассказать нам, как ваш сын провел вчерашний вечер?

— Выпил чаю. Потом смотрел телевизор. Его сиятельство жить не может без “ящика”.

— Но после девяти тридцати он уже не смотрел телевизор, не так ли?

Миссис Ловелл перевела взгляд с Вексфорда на Бердена. Было видно, что она соображает, солгать ей или сказать правду, основываясь единственно на соображениях экономии сил. Этой женщиной правила могучая, всепоглощающая лень: и сама она, и весь ее дом были тому свидетельством. Наконец, придя к выводу, что правду сказать куда проще, она вымолвила:

— Он ушел.

— Куда именно?

— Я не спрашиваю. Я не лезу в его дела, — она отгрызла сломанный ноготь большого пальца, — а он не лезет в мои. Никогда. Может, в сарай пошел. Не знаю. Он прорву времени проводит в этом сарае.

— И что он там делает, миссис Ловелл?

— Его сиятельство слушает там свои пластинки.

— Но ведь он может слушать их и дома? — спросил Берден.

— Может, если хочет. Мне все равно. Я не лезу в его дела, а он не лезет в мои.

— Когда он вернулся?

— Я не слышала. Мой друг-джентльмен пришел около семи, Шон с ним, они не больно-то ладят. Я думаю, потому его сиятельство и отправился в сарай. Когда мой друг ушел, пол-одиннадцатого это было, Шон еще не явился, но я вам сказала, я не лезу в его дела, а он...

— Да-да, я понял. Я полагаю, Шон высоко ценил миссис Найтингейл?

— Можете полагать все, что вам вздумается. — Миссис Ловелл широко и протяжно зевнула, показав острые ровные зубы. — Живи и давай жить другим, вот мое правило. Эта, из поместья, она считала, что можно вмешиваться в чужую жизнь, что людям от этого лучше будет. Вбила его сиятельству в голову всякие мысли.

— Какие мысли?

— К примеру, что надо пробиться в шоу-бизнес, петь, все такое. Может, она в него втюрилась. Я не спрашивала.

— Вы не будете возражать, если мы проведем обыск в вашем доме?

Впервые за весь разговор она улыбнулась, неожиданно обнаружив склонность к иронии.

— Ищите, если вам хочется. Лучше вы, чем я.

— Тяжелый случай, — вздохнул Вексфорд, когда они возвращались к машине. Брайент, бледный от пережитого, шел сзади поодаль.

— За все годы службы в уголовной полиции ни разу не сталкивался ни с чем подобным! — взорвался Берден. — У меня все тело зудит!

— Успокойся, — с сочувственной улыбкой произнес Вексфорд. — Следующим номером нашей программы будет нечто более респектабельное. Мы направляемся к добродетельной жене, к миссис Джорджине Виллерс, которая, я надеюсь, без обмороков и заверений в безутешной преданности памяти миссис Найтингейл сообщит нам, кого та числила среди друзей и какая кошка пробежала между ней и ее непривлекательным братцем.

— Мой муж снова уехал в поместье, — сказала Джорджина Виллерс. — Ненадолго.

— А мы, собственно, к вам. На пару вопросов.

— Вот как? — казалось, она удивилась и испугалась одновременно, словно ей было в диковинку, что люди хотят поговорить именно с ней. — Что ж, прошу вас.

Через холл, оклеенный обоями цвета овсянки, Джорджина провела их в гостиную. Комната была так же неприбрана и безлична, как хозяйка, которая неловко застыла у входа, а потом, спохватившись, произнесла резким голосом лишённой обаяния женщины:

— Что ж, садитесь.

— Мы не задержим вас надолго, миссис Виллерс. Прежде всего скажите, пожалуйста, сразу ли вы вернулись домой после того, как покинули поместье? — начал Берден.

— О, да.

— Что вы делали, приехав домой?

— Легли спать.

— Вы приехали на машине, которую мы видели у гаража? — вставил Вексфорд.

Джорджина Виллерс энергично мотнула головой.

— Мы ездили на машине Дэниса. У нас две машины. Видите ли, когда мы в прошлом году поженились, у меня была машина и у него тоже. Старые машины, но мы оставили обе. В сущности, они мало что стоят. Дэнис сейчас уехал на своей.

— А вы свою, — доброжелательно произнес Вексфорд, — как я понял, только что вымыли. Вы всегда моете свою машину

по средам, не так ли, миссис Виллерс? Наверно, вы похожи на мою жену, у нее вся неделя расписана. Для каждого дела свой срок, а?

— Нет, боюсь, что нет... Я не так методична. — Озадаченная поворотом разговора, она посмотрела на него из-под ресниц. — Конечно, мне бы следовало... Дэнису было бы приятно... Но почему вы спрашиваете?

— Я вам сейчас объясню, миссис Виллерс. Если бы вы были очень методичны и всегда делали домашнюю работу по установленному образцу, было бы ясно, что это выше вас, и даже смерть вашей золовки не может заставить нарушить заведенный порядок. Но поскольку вы не методичны и моете свою машину, насколько я понял, только когда вам этого хочется или когда в этом есть необходимость, то мой долг спросить вас: почему вы выбрали для этого именно сегодняшний день?

Джорджина Виллерс покраснела. В глазах ее промелькнул страх, она сморгнула и стиснула руки так, словно хотела сломать их.

— Я... я не понимаю. О чем вы?

— Не волнуйтесь, пожалуйста. Может быть, вы принялись мыть машину именно потому, что были расстроены? Я хочу сказать, что, может быть, вы действовали, руководствуясь здравым рассуждением, которое заключается в том, что когда человек очень несчастен или обеспокоен, работа — лучшее средство отвлечься от тяжелых мыслей. Я прав?

Она кивнула со вздохом облегчения.

— Да, именно так. Но, по правде говоря, я не так уж сильно расстроилась. В сущности, мы ведь не были близкими родственницами.

— Действительно, — согласился Вексфорд и придвинул свое кресло поближе к ней. Глаза их встретились, и она замерла, как кролик, замороженный фарами автомобиля. — Действительно, она была вам всего лишь золовкой, сестрой вашего мужа. Они ведь не слишком жаловали друг друга, верно?

— Пожалуй. — Она чуть помедлила, не отрывая взгляда от Вексфорда. — Вернее, очень не жаловали. Если хотите знать, Дэнис ее просто не выносил.

— Странно. Миссис Найтингейл, кажется, прекрасно ладит со всеми, кроме него.

— Разве? А, вы имеете в виду местных жителей! — Тут она глубоко вздохнула и ровным голосом зачастила: — У Элизабет не было настоящих друзей. Мой муж, он считает, что ее убил какой-то маньяк из тех, кто нападает на женщин. Я думаю, так оно и было. Нужно просто спрятать, чтобы одной пойти в лес ночью. Она просто напророчила на это.

— Возможно, — согласился Вексфорд и добродушно улыбнулся, чтобы разрядить атмосферу. — А скажите, миссис Вил-

лерс, известно ли вам, из-за чего ваш муж не любил свою сестру?

— У них не было ничего общего!

А что общего, подумал Вексфорд, у интеллектуала, преподавателя древних языков и литературоведа Виллерса с такой скучной, неинтересной и обыкновенной женщиной, как ты?

— Элизабет с Квенон — обычные, заурядные люди, — продолжала Джорджина. — Не то что те, с кем привыкла общаться я. Раньше, до замужества, у меня никогда не было таких знакомых.

— Но у вас сложились хорошие отношения?

— Квен был всегда добр. — Джорджина принялась крутить на пальце обручальное кольцо. — Сначала он был добр ко мне ради моего мужа. Но, думаю, со временем научился ценить меня и саму по себе. Впрочем, — вдруг рассердившись, она сорвалась на визг, — какое мне дело? Первый долг мужчины — заботиться о жене. Он должен думать сначала о ней, а потом уж об остальных, и не уезжать работать в чужой дом.

— Вы считали, что мистер Найтингейл оказывает слишком сильное влияние на вашего супруга?

— Мне все равно, кто и как на него влияет. До замужества я преподавала физкультуру, но теперь оставила свою работу. Женщина обязана вести дом и заботиться о муже, разве вы не согласны? Таким людям, как мы, лучше всего иметь настоящий дом, крепкую семью и как можно меньше внимания обращать на посторонних, потому что дом и семья — самое важное в жизни.

Сурово покосившись на Бердена, который одобрительно кивал этим речам, Вексфорд спросил:

— Вы не будете возражать, если мы осмотрим дом?

Джорджина подумала и согласно кивнула головой.

В доме было еще три комнаты, гостиная и две спальни, меньшая из которых — без ковра и без мебели.

— Интересно, на что он тратит деньги, — прошептал Вексфорд. — Ему прилично платят в школе, и еще книги.

Берден покачал головой.

— Наверно, такой же сумасброд, как и его сестрица, — сказал он. — Ничего, теперь он заживет по-другому. У него хорошая жена.

— О Господи, Майк...

Осматривая скудное содержимое стальных шкафов, Берден упрямо пробормотал:

— И все равно приятно для разнообразия поговорить с нормальной, приличной женщиной.

— Может, ты и прав, Майк. Видит Бог, она так скучна, что годится в нормальные и приличные.

Они переместились в кухню, где Вексфорд открыл дверцу допотопного коксового бойлера.

— Весело горит, — сказал он. — Можно сжечь все, что хочешь, и времени для этого у нее было вдоволь.

Джорджина ждала их в гостиной, равнодушно уставясь в стену.

— Не понимаю, почему мой муж так задерживается. Всякий подумал бы, что сегодня ему захочется побыть со мной. Всякий подумал... — Она замерла, прислушиваясь. — Приехал! — и бросилась в холл, хлопнув за собой дверь.

Вполуха прислушиваясь к шепоту супругов, Берден сказал:

— Просто комок нервов. Можно подумать, что она боялась этого обыска. Интересно...

— Ш-ш-ш! — оборвал его Вексфорд.

В гостиную, через плечо выговаривая жене, вошел Дэнис Виллерс.

— Я не могу быть в двух местах одновременно, Джорджина. Квен в ужасающем состоянии. Я оставил его с Лайонелом Мэриоттом.

Берден встретился глазами с Вексфордом. Главный инспектор поднялся с кресла, в приятном изумлении приподняв брови:

— Верно ли я расслышал имя Лайонела Мэриотта?

— Да, со слухом у вас все в порядке, — грубо ответил Виллерс. Он по-прежнему выглядел старше своих тридцати восьми, но все-таки не так скверно, как давеча в Старом доме. — А что, вы знакомы?

— Он преподает в той же школе, что и вы. И, по правде сказать, его племянник женат на моей старшей дочери.

— Потрясающе, — откликнулся Виллерс, всем своим видом показывая, что Мэриотт, человек образованный и коллега, явно унизил себя, связавшись родственными узами с семьей главного инспектора.

— Он дружит с вашим зятем? — поинтересовался Вексфорд.

— Время от времени он слоняется по поместью. — Виллерс вырвал руку из сцепившихся в нее пальцев жены и упал в кресло. — Мне нужно выпить, — сказал он и, когда Джорджина склонилась над ним, прибавил: — Там где-то есть полбутылки джина. Поди принеси, ладно?

Глава 6

Большая удача, думал Вексфорд, шагая по Хай-стрит, что счастливый случай вывел его на одного из приятелей Квентина Найтингейла, и что этим приятелем оказался не кто иной, как Лайонел Мэриотт. В самом деле, будь Вексфорду предложено из всего обширного круга его знакомых выбрать одного единственного человека, способного просветить его насчет жизни Найтингей-

лов, этим человеком непременно оказался бы именно Мэриотт. Но ему как-то не пришло в голову связать Мэриотта с помещьем "Майфлит", хотя, видимо, сделать это следовало, потому что во всей округе не было ни одного приличного дома, который был бы закрыт для Лайонела. Только затворник посмел бы утверждать, что не знаком с самым гостеприимным и говорливым жителем Кингсмаркхэма.

Мэриотт жил в самом конце улицы, застроенной в начале прошлого века стандартными жилыми домами, и все они, за исключением дома Мэриотта, были теперь перестроены в магазины, многоквартирные дома или склады. На их печально-облупленном фоне дом Мэриотта выделялся своей игривой ухоженностью, ярко-белой, каждые два года обновляемой покраской, веселыми цветниками под каждым окном, шестью балкончиками с гнутой оградой, разбросанными по фасаду.

Человек несведущий мог бы подумать, что тут живет одинокая, не стесненная в средствах старая дева, слегка сдвинутая на цветоводстве. Улыбаясь про себя, Вексфорд поднялся по ступенькам крыльца и нагнул голову, чтобы уберечься от столкновения с висячей корзинкой, полной синих лобелий и красной герани.

Дверь ему открыл сам Мэриотт, наряженный в красивый бархатный пиджак и галстук шнурком, с банкой консервированной спаржи в руках.

— Дорогой мой, вот чудесный сюрприз! Я как раз думал о вас — и вот, пожалуйста! Ответ на молитву грешника. Разве не было б славно, думал я, если б добрый старый Редж Вексфорд пожаловал сегодня?

Вексфорд невольно поморщился, но даже он не стал бы спорить, что, несмотря на все несовершенства Мэриотта, трудно было бы радушной встретить незваного гостя.

— Я тут проходил, — сказал он, — и вообще хотелось потолковать.

— А я так просто мечтал об этом, так что нас двое. Входите, входите. Нечего тут стоять. Вы останетесь на вечеринку, не так ли? Всего лишь маленький праздник, несколько старых друзей, которые просто умирают от желания познакомиться с великим сыщиком.

Вексфорда затащило в холл и понесло в направлении гостиной.

— Что же вы празднуете? — Он глубоко вздохнул и заставил себя назвать хозяина по имени. — Что за повод для праздника, Лайонел?

— Возможно, "праздник" — несколько неточное определение, дорогой мой. Скорее, это нечто вроде собрания под лозунгом "Идущий на смерть приветствует тебя", если вы улавливаете мою мысль. — Он поднял голову и посмотрел на Вексфорда. — Вижу, что не улавливаете. Что ж, такой занятый чело-

век, как вы, вряд ли мог заметить, что сегодня последний день каникул, и завтра мне снова в бой с моими пестрыми дьяволятами.

— А, ну да. — Вексфорд припомнил, что Мэриотт всегда устраивал вечеринки в конце каникул и всегда называл учащихся Королевской школы “пестрыми дьяволятами”. — Нет, на вечеринку я не останусь. Видимо, я нехстати.

— Ничего подобного! Вы не представляете, как я счастлив вас видеть, однако по ледяному выражению вашей физиономии понимаю, что вы меня осуждаете. — Мэриотт картинно развел свои короткие ручки. — Откройте мне, что я опять натворил? Что брякнул?

Войдя в гостиную, Вексфорд заметил в углу что-то вроде бара, а сквозь арку, ведущую в столовую, виднелся стол, ломящийся от еды: жареная дичь, холодные закуски, лосось целиком, а поверху, как пришлось, разбросаны белые розы.

— Вижу, что ошибался, — произнес Вексфорд, — считая вас близким другом Элизабет Найтингейл.

Подвижное лицо Мэриотта изобразило, может, не совсем убедительно, скорбь.

— Да-да, я знаю, знаю. Мне следовало надеть траур и посыпать голову пеплом. Поверьте, Редж, сердце мое убито горем. Но представьте только, что я все отменю, прогону своих гостей и отошлю эти яства на свиноферму в Помфрит. Представили? Ну? И кому стало бы лучше? Вернет ли это дорогую Элизабет? Осушит ли хоть одну слезу на щеке Квентина?

— Я полагаю, нет.

— Редж, дорогой, я не могу вынести вашего осуждения. Позвольте мне предложить вам выпить. Виски, перно, коктейль с шампанским? И маленький кусочек холодной утки на закуску?

— Немного виски, пожалуй, но есть не буду.

— Все понял: я прокаженный, и вы не станете есть моей соли. — Покачивая головой, Мэриотт заторопился к бару, где щедрой рукой разлил виски по хрустальным стаканам. Вексфорд, зная, что возражать бесполезно, с затаенной усмешкой оглядел комнату. Хотя он знал, что многие редкости, выставленные здесь, практически бесценны, канделябры уникальны, а декор в целом — предмет зависти всякого, кто имеет хоть какое-то представление о вкусе, гостиная Мэриотта всегда казалась ему смесью музея “Уоллес-коллекшн” и итальянского ресторанчика на Старой Бромптонской дороге. По стенам, оклеенным рельефными, бутылочно-зелеными в изумрудный отлив обоями, висели бордельные зеркала в золоченых рамах. На каждом столике — набор каретных часов в ассортименте, табакерок и фарфоровых статуэток.

Цоканье каблучков в направлении кухни подсказало Вексфорду, что в доме присутствует еще некто, и верно, когда он взялся за свой тройной виски, в дверях появилась женщина с

подносом, уставленным мисочками и салатницами. Это была высокая блондинка лет сорока пяти, при каждом движении звенящая браслетами на запястьях.

— Это Хипатия, мой amanuensis*, — сказал Мэриотт, беря ее за руку. — Вы не представляете, как на меня смотрят, когда я представляю ее таким образом. Но, впрочем, люди здесь так ограничены, не правда ли? Это, дорогая моя, главный инспектор Вексфорд, верный страж нашего покоя.

Хипатия безмятежно протянула Вексфорду крупную руку.

— Она нам не помешает, — сказал Мэриотт так, словно ее не было. — Сейчас пойдет примет ванну и станет еще прекрасней. Ну, Патти, беги.

— Да, если ты считаешь, что на перекус хватит, — улыбнулась Хипатия.

— Ну, мы же не хотим устраивать такое отвратительное обжорство, как в прошлый раз, правда? Итак, Редж, приступай-те к своим обязанностям Великого инквизитора. Я в отчаянии, что это не дружеский визит, но не обольщаюсь. — Он поднял свой стакан: — За доброту!

— Мм... Ваше здоровье, — отозвался Вексфорд. Он дождался, чтобы женщина ушла, и, услышав ворчание воды в трубах, сказал: — Я хочу знать все, что вы можете рассказать мне о Найтингейлах.

— Я очень хорошо относился к Элизабет. Мы были знакомы всю жизнь. Можно сказать, с пеленок.

— Сомневаюсь, что можно, — ядовито отреагировал Вексфорд. — Она дала вам добрых пятнадцать лет форы, кого вы дурачите!

— Сразу видно, что вы встали сегодня не с той ноги, — надулся Мэриотт.

— С той или не с той, но чертовски рано. Значит, вы знали ее с момента рождения? Ее рождения, верно? И где она родилась?

— Здесь, конечно. Разве вы не знаете, что они с Дэнисом родом отсюда?

— Я вообще о них ничего не знаю.

— О, это как раз то, что я люблю. Полное неведение. Я часто говорю своим дьяволятам: "Благословенны жаждущие просвещения, ибо они будут удовлетворены, даже если мне для этого придется взяться за розги". Да, оба родились здесь, в гнусном сером домишке у Кингсбрук-лок. Мать их была из Лондона, довольно-таки приличная семья, но отец — местный. Служил в муниципалитете.

— Следовательно, небогат?

— Беден, как церковная мышь, дорогой мой. Дети учились в муниципальной школе, и так бы он и продолжал копить небо, если бы не бомба.

* Секретарь (лат.)

— Какая бомба? — спросил Вексфорд, в то время как наверху стукнула дверь и хлюпнула вода в ванне.

— Немецкий самолет, пролетая над нами на побережье, сбросил бомбу. Прямое попадание, и чета Виллерсов одним махом взлетела на небеса.

— А где были дети?

— Дэнис — на рыбалке, а Элизабет послали за ним. Это было вечером, около семи.

— Что с ними случилось после гибели родителей?

— Ими распорядились странно и чрезвычайно несправедливо. Дэниса отправили к брату матери, и он очень неплохо устроился. Его дядя был преуспевающим адвокатом, он послал Дэниса в частную школу, а потом в Оксфорд. Бедную Элизабет оставили с теткой, сестрой отца, которая, когда сиротке исполнилось пятнадцать, забрала ее из школы и устроила работать к Морану, в магазин тканей.

— Миссис Найтингейл — продавщица?!

— Я так и думал, что вы удивитесь. Эта старая сплетница Присцилла Ларкин-Смит все еще обожает рассказывать приятельницам, как Элизабет когда-то подгоняла для нее корсеты.

— Как она познакомилась с Найтингейлом?

— О, это было куда поздней. Элизабет недолго оставалась у Морана. Она, умница, сбежала в Лондон и нашла там работу.

— Брат и сестра встречались в Лондоне?

Мэриотт, закурив папиросу, выпустил элегантное колечко дыма.

— Этого я не знаю, — сокрушенно признался он. — Я не встречался с ними, пока не услышал, что Квентин купил поместье. — Он наполнил стаканы и вернулся в свое кресло. — Когда мы узнали, что у нас новые соседи, я, естественно, подхватил жену и помчался с визитом. Можете вообразить мою радость, когда выяснилось, кто такая миссис Найтингейл.

— Не уверен, что могу, — отозвался Вексфорд, — принимая во внимание, что когда вы в последний раз виделись, вам было тридцать, а ей — пятнадцать.

— Что у вас за манера окатывать людей холодной водой всего лишь за то, что они позволяют себе некоторую вольность в выражениях! Я хотел сказать, разумеется, что было приятно вновь встретиться с человеком, которого знал когда-то, и в любом случае, находиться в компании Элизабет Найтингейл было всегда приятно. Поразительная красавица, и какое чувство стиля! Обожаю чистопородных английских блондинок!

— Вам бы следовало жениться, — заметил Вексфорд.

Мэриотт бегло взглянул на потолок и сентенциозно произнес:

— Человек, женившийся второй раз, не заслуживает счастья потерять первую жену.

— Иногда вы меня поражаете, — признался Вексфорд. — Кстати, о счастье — как Найтингейлы, ладили?

— Это была на редкость гармоничная пара. Если вы с женой разговариваете только о погоде, не имеете никаких материальных проблем, а также детей, и одинаково холодны сексуально, вам не надо ссориться.

— Значит, вот как это было, да? А могу я узнать, откуда вам известно про их сексуальную холодность?

Мэриотт пожал плечами.

— Ну, достаточно только посмотреть на Квентина и... Оставьте что-то и на долю воображения, Редж.

— Оставлю. Давайте теперь вернемся к старым временам, пятнадцать, шестнадцать лет назад. Виллерс жил здесь, когда они купили поместье?

— Нет, он появился через три года. Это был первый день осеннего семестра, значит, получается ровно четырнадцать лет с точностью до дня. Его поведение показалось мне очень странным. В высшей степени. Но Дэнис и в самом деле удивительное создание, настоящий мизантроп. “Может быть, — сказал я ему, — вы рассчитываете на свою сестру в смысле установления связей? В таком случае не забывайте, что она сама здесь еще новичок”. “Моя сестра здесь?! — удивился он и побелел как полотно. — О, Господи, а я-то надеялся, что именно здесь она никогда не осмелится появиться!”

— И вы, конечно, устроили так, чтобы они встретились.

— Ну, естественно, дорогой мой. Я пригласил к себе Дэниса с женой в тот же вечер.

— С женой?! — почти вскричал Вексфорд. — Да он женился-то всего год назад!

— Нет никакой нужды так волноваться, дружище. Это была его первая жена. Вы же сами признались, что ничего не знаете об этих людях, правда? Его первая жена Джун, в высшей степени...

— Нет, погодите пока с женой, — простонал Вексфорд. — Скажите сначала, почему Виллерс так расстроился, когда узнал, что его сестра в Кингсмаркхэме?

— Я тогда тоже чрезвычайно этим заинтересовался, но с тех пор мы довольно много общались, и всем стало ясно, что они просто не выносят друг друга. Это так странно, когда подумаешь, как мила была Элизабет со всеми на свете, кроме родного брата. Знаете, Редж, она относилась к нему так, словно он нанес ей какое-то страшное оскорбление, а что до него... его грубость по отношению к ней просто превышала всякое воображение. Но вам не следует придавать этому слишком большое значение. Дэнис груб со всеми, кроме Квентина. Он совершенно особенно к нему относится, и, естественно, Квентин его обожает. Впрочем, Элизабет никогда не была дружна с Дэнисом. Дети они вечно ссорились. Даже сейчас я помню, как миссис

Виллерс говорила об этом моей бедной жене, как это было тяжело для нее, какой беспомощной она себя чувствовала. Но если вы хотите знать, что послужило непосредственным поводом к этой феодальной распре, боюсь, я не смогу вам помочь. Элизабет без крайней нужды никогда не говорила о брате, и если она не доверилась мне, то кому же еще она могла бы довериться? Мы были очень близкими друзьями, даже можно сказать, интимными.

— Можно? — задумчиво переспросил Вексфорд. — В самом деле? — Он изучающе прищурился на Мэриотта и продолжил бы эту тему дальше, если б не появление Хипатии, умытой, надушенной и наряженной в золотистые брюки и черную с золотом тунику.

— Все еще болтаете? Пэм и Ян уже приехали, Лео. Я только что видела, как их машина свернула в проулок. — И, повернувшись к Вексфорду, со значением: — Неужели вы покинете нас?

Вексфорд поднялся, стяхнув протестующую руку Мэриотта.

— Какие планы на завтра, Лайонел? Опять вечеринка?

— Ну, Редж, не такой уж я сибарит. Завтра утром я буду совершенно измучен схватками с сыновьями фермеров, горожан и тех, кто получше.

— В таком случае, — сказал Вексфорд, усмехаясь, — я встречу вас после занятий и подвезу домой.

Глава 7

Развеза детей, Берден, подхваченный оживленным утренним движением, подъехал к полицейскому участку. Зная, что опаздывает на двадцать минут, он вскочил в лифт и, запыхавшись, вошел в кабинет Вексфорда. Главный инспектор, в еще более поношенном, чем обычно, костюме, сидел за своим красного дерева столом и листал бумаги. Позади него, у окна, стоял доктор, дышал на стекло и рисовал что-то, напоминающее схему пищеварительного тракта.

— Послушай, Майк, — сходу начал Вексфорд, — тут пришли результаты из лаборатории. Судя по составу пепла от костра, горевшего в ночь убийства в поместье, ясно, что была сожжена шерстяная ткань. Орудия не нашли, хотя лес прочесывали, пока не стемнело, и сейчас снова прочесывают.

— Да оно может быть где угодно, — уныло проговорил Берден, — в реке, например, или закопано в чьем-то саду. Мы не знаем даже, что оно, собственно, собой представляет.

— Вот сейчас мы с вами хорошенько об этом подумаем. Прежде всего, необходимо решить, планировал ли убийца миссис Найтингейл это дело, или оно произошло неумышленно.

Доктор Крокер тыльной стороной ладони стер свой рисунок и произнес:

— Умышленно. В ином случае ее не убили бы таким способом и в таком месте. Эта штука, которой ее прикончили, не из тех, что люди берут с собой на загородные прогулки. Верно?

— Ты имеешь в виду, что если б убийство было непредумышленное, ее бы, например, задушили.

— Примерно так. Нет нужды таскать за собой орудие, если заранее знаешь, каким предметом можешь воспользоваться. Например, Игрек предполагает убить Икс в его собственной гостиной и ничего с собой не берет, поскольку знает, что непременно на обычном месте обнаружит кочергу. Но под открытым небом не всегда можно найти подходящий для этой цели предмет, поэтому убийца вооружается заранее. Именно так поступил человек, которого ты ищешь.

— Это мужчина? — спросил Вексфорд.

— Мужчина или очень сильная женщина.

— Согласен. Я тоже склоняюсь к тому, что убийство предумышленное, и это соответствует мотиву ревности. Убийца следовал за ней, ожидая увидеть то, что и увидел. Он взял с собой то, чем можно убить, догадываясь, какую сцену застанет, и ждал только подтверждения своим догадкам. А ты как думаешь, Майк?

— Непредумышленное, — хладнокровно произнес Берден. — Убийца имел при себе нечто, что могло быть использовано как орудие убийства, но оно имело и какое-то другое, первичное назначение. Как в том случае с женщиной, резавшей хлеб. Ее муж, сидя за столом, сказал что-то такое, что вывело ее из себя, и она бросилась на него с ножом. Но изначально за нож она взялась потому, что хотела нарезать хлеб.

— Вот почему я предпочитаю покупать хлеб ломтиками, — игриво вставил доктор.

— Хорошо, давайте разыграем версию Майка. Что люди берут с собой, когда идут в лес ночью?

— Трость, — быстро ответил Берден, — с металлическим наконечником.

Крокер покачал головой.

— Слишком тонкая. Совсем не те следы от ударов. Скорее, складная трость-сиденье, но это как-то притянута за уши. Может быть, клюшка для гольфа?

Вексфорд ответил ироническим взглядом.

— Думаешь, он попрактиковаться хотел среди деревьев? Господи, дай мне силы!

— Ну, вообще-то светила луна, — сказал доктор. — Во всяком случае, пока не начался ветер.

— Что люди берут с собой в лес ночью?

— Зонттик, — ответил доктор, но Берден перебил его, от возбуждения позабыв свою степенность:

— Фонарь!

— Фонарь? — переспросил Квентин Найтингейл. — Те, что у нас есть, хранятся в чулане с садовым инвентарем. — Под глазами у него были темные мешки, видимо, следствие второй бессонной ночи. Руки нервно дрожали, когда он беспрестанно прикасался ко лбу, поправлял галстук, и, наконец, он завел их за спину и крепко сжал.

— Я разрабатываю новую линию, — коротко объяснил Вексфорд. — Где ваш чулан?

— Миссис Кэнтрип проводит вас.

— Ну и темно тут у вас! — воскликнул Венсфорд, когда в сопровождении миссис Кэнтрип они оказались в чулане.

— И не говорите, сэр. Я вечно твержу мистеру Найтингейлу, что нужно провести сюда свет. Тут как раз из-за темноты лет пять или шесть назад был очень неприятный случай, когда Тухи оступился на ступеньке, упал и думал, что сломал ногу, но оказалось, просто вывих. Ему бы поменьше прикладываться к хозяйскому виски.

— Кто это Тухи? — спросил Вексфорд. — Друг дома?

— Что вы, сэр, просто слуга. Они с женой раньше работали в поместье, если то, что он делал, можно назвать работой. Мистер Найтингейл их уволил. Вот он, чулан, сэр, и здесь немножко светлее, сами видите.

Вексфорд медленно оглядел тесное, с дощатым полом, помещение. На одной из побеленных стен висели два охотничьих ружья, под ними находилась длинная стойка с клюшками для гольфа и походными тростями. Еще там имелись две теннисные ракетки в чехлах, сетка с теннисными мячами, корзинка из стружек и ножницы для подрезания цветов.

Взгляд инспектора поднялся выше, к полке, на которой стояла маленькая коллекция фонарей: один с красным конусом наверху, из тех, что используются при дорожных поломках, предупредить других водителей, что впереди чинят машину; большой штормовой фонарь; маленький, с карандаш, фонарик и велосипедная фара.

— Странно, — сказала миссис Кэнтрип, — тут должен быть еще один, большущий, серебристый. Фонарь с большой головкой и длинной трубкой, чтобы держать за нее. Длинной так дюймов девять-десять.

— И он всегда стоит здесь с остальными? — Миссис Кэнтрип кивнула, прикусив губу. — Когда вы его видели в последний раз?

— Ну, две или три недели назад, сэр. Такие помещения, как это, убираются не часто. Здесь нечего наводить блеск, если вы меня понимаете. Шон время от времени подметает, и все.

— Вот как? — Вексфорд вытащил из-за стойки невысокую стремянку, взобрался на нее и посмотрел на поверхность полки. Некрашенное дерево покрывал толстый слой пыли. На переднем плане, между велосипедной фарой и штормовым фона-

рем, виднелся чистый от пыли кружок диаметром дюйма в четыре.

Вексфорд лизнул палец и легонько коснулся середины этого кружка. Затем, глянув на палец, сказал:

— Этот фонарь взяли отсюда вчера или позавчера.

Носовым платком вытер палец и отметил, что на ткани не осталось следа. Значит, его вдохновенная догадка оказалась небезосновательна.

Выйдя снова в холл, Вексфорд решил осмотреть дом, заглянул в гостиную, потом в столовую, и нигде никого не застал. Войдя в пустой кабинет, он позвонил Бердену, попросив того приехать в поместье с Лорингом, Брайентом, Гейтсом и кого еще там удастся прихватить. Положив трубку, Вексфорд прислушался к тишине.

Поначалу она казалась полной. Затем сверху донеслась едва слышная музыка, наверно, Кэтин транзистор; к этим звукам прибавился слабый звон посуды: миссис Кэнтрип готовила обед; потом непонятно откуда послышались шаги, все ближе и ближе, и в кабинете появился Квентин Найтингейл.

— В чулане недостает одного фонаря, — ровным голосом произнес Вексфорд. — Большого, примерно такой формы. — Двумя руками он обрисовал фонарь в воздухе. — Когда вы в последний раз его видели?

— В воскресенье он еще был там. Я ходил за клюшкой для гольфа и обратил на него внимание.

— Сейчас его там нет. Этим фонарем убита ваша жена, мистер Найтингейл.

Квентин прислонился спиной к книжному шкафу и взялся руками за голову.

— Я больше не могу, — прошептал он. — Вчера был самый страшный день в моей жизни.

— Понимаю. Но боюсь, что не смогу обещать вам какого-либо улучшения — ни сегодня, ни завтра.

— По-моему, я схожу с ума, — продолжал Квентин. — Я должен был сойти с ума, чтобы сделать то, что сделал.

— Вы собираетесь заявить о чем-то? — строго спросил Вексфорд, вставая. — Потому что в таком случае...

— Нет! Не то, что вы думаете! — почти закричал Квентин. — Нечто личное, нечто... Покажите мне, — прохрипел он, — покажите, где, по-вашему, должен быть этот фонарь. Может, я смогу... Только покажите.

— Хорошо. Сейчас мы пойдем в чулан, а потом побеседуем. Но позвольте сначала сказать вам одну вещь. Ни один человек, замешанный в убийстве, не имеет права на неприкосновенность личной жизни. Пожалуйста, запомните это.

Квентин Найтингейл в ответ только сторбился и снова прижал ко лбу трясущуюся руку. Что же может крыться в подоплеке страшного отчаяния, превратившего этого человека в нев-

растеника, озадаченно подумал Вексфорд. Неужели он убил жену? Или это отчаяние — следствие каких-то других проступков, не столь ужасных, но все-таки вызывающих нестерпимое чувство вины?

Они прошли темным коридором, Вексфорд первым. Вертикальный столб света впереди указывал на то, что дверь чулана приоткрыта.

— Выходя, я плотно прикрыл ее, — резко сказал Вексфорд и толчком распахнул дверь. На деревянной полке среди других фонарей, на том месте, где всего полчаса назад было лишь незапыленное пятно, тонким концом вверх стоял большой хромированный фонарь.

Глава 8

Фонарь был начисто вымыт — возможно, его даже вымачивали. Вексфорд взял его, обернув платком, и раскрутил основание. Батареек не было, но стекло и лампочка целы. Несколько капель еще блестели на внутренней поверхности трубки, служившей фонарю ручкой.

Четко выговаривая каждое слово, Вексфорд произнес:

— Только вы, мистер Найтингейл, знали о том, что я явился сюда сегодня утром, чтобы найти фонарь. Вы говорили об этом кому-нибудь из слуг?

Белый как мел Найтингейл только покачал головой.

— Я полагаю, — продолжал Вексфорд, — этим фонарем и убили вашу жену. Его не было, когда я в первый раз осматривал чулан, теперь он здесь. За последние полчаса кто-то поставил его на место. Пойдемте в ваш кабинет.

Судя по его виду, вдовец был не в силах произнести ни слова. В кабинете он рухнул в кресло и закрыл руками лицо.

— Это вы поставили фонарь на место, не так ли, мистер Найтингейл? Ну же, я жду ответа. Жду и буду сидеть здесь, пока не дождусь. — Тут в дверь постучали, и Вексфорд открыл ее, чтобы впустить Бердена. Они обменялись взглядами, Берден поднял брови при взгляде на поникшего хозяина и, ни слова не говоря, прошел к книжным полкам. — Ну же, мистер Найтингейл, соберитесь, — продолжал Вексфорд. — Я жду. Хорошо, — он пожал плечами. — Поскольку я терпеть не могу терять время зря, расскажу вам одну историю. Кто знает, может, вы сумеете обнаружить в ней некоторое сходство с вашим собственным в эти дни поведением.

Жил-был один джентльмен, и жил он с красавицей женой в сельском имении. Жили они дружно и счастливо, несмотря на то, что кое-кто начал поговаривать, будто брак их в последнее время несколько поблек, потерял свое очарование. — Квентин шевельнулся и запустил пальцы в свою седину. — Однажды, — продолжал Вексфорд все тем же светски-повествовательным

тоном, — он обнаружил, что его жена ему неверна и по ночам, в лесу, встречается с другим мужчиной. Терзаемый ревностью, муж последовал за ней в лес, прихватив с собой фонарик, потому что ночь была темная. Он увидел, что жена целует соперника, услышал, как они строят планы на будущее и клянутся друг другу в верности. Возможно, они даже дурно о нем отзывались. Когда соперник ушел и жена осталась одна, муж подошел к ней и потребовал объяснений. Она все отрицала, тогда он ударил ее этим фонарем, потом еще и еще, пока не убил — в припадке ревности. Вы что-то сказали, мистер Найтингейл?

Квентин шевельнул губами, смочил их языком, рывком наклонился вперед и с усилием выговорил:

— Как бы... как бы это ни произошло, это было... это было не так.

— Нет? И муж не сжигал свой пропитанный кровью свитер на тлеющем в парке костре? Не вышагивал по саду часами в невыразимых мучениях, пока, наконец, не закрылся в собственной ванной, чтобы смыть кровь жены со своего тела? Странно. Мы же знаем, что он принимал ванну, причем в самый неподходящий для этого час.

— Прекратите! — закричал Квентин, стискивая подлокотники кресла. — Все неправда! Чудовищная ложь! Я не принимал ванну.

— Но вы сами говорили мне, что принимали, — возразил Вексфорд.

— Знаю. Я солгал. — Квентин покраснел и закрыл глаза. — Дайте мне выпить, пожалуйста. Виски. Вон там.

Берден посмотрел на Вексфорда. Тот кивнул. Бутылка стояла в шкафчике под подоконником. Берден налил на два пальца и сунул стакан в дрожащую руку. Квентин выпил, стуча зубами о край стекла.

— Я скажу вам, где я был, — проговорил он, и Вексфорд отметил, что он наконец сделал попытку совладать со своим голодом. — Но только вам. Я хочу, чтобы инспектор оставил нас.

А если он собирается признаваться в убийстве? Вексфорду не очень понравилась такая просьба. Но он должен знать правду.

— Пожалуйста, инспектор Берден, не могли бы вы подождать снаружи?

Берден послушно вышел, а Квентин тяжело вздохнул.

— Не знаю, как начать, — сказал он. — Я мог бы предъявить вам только факты, но мне необходимо объяснить свое поведение. Хочу, чтобы вы знали: то, что вы сказали о нас с женой, справедливо. Я имею в виду, мы действительно были счастливы вместе, но наш брак как-то поскучнел с годами. Я думал, это неизбежно для таких семей, как наша, когда люди женаты много лет и у них нет детей. Мы никогда не ссорились. Думаю, мне следует сказать вам, что если бы моя жена полюбила кого-

нибудь, я бы не расстроился. Наверняка ревновал бы, но никогда не стал бы проявлять свою ревность — не только жестоко-стью, упаси Бог! — но и вообще каким-либо иным образом.

Вы сказали, что человек, замешанный в убийстве, теряет право на личную жизнь. Мне придется посвятить вас в мои частные дела, чтобы вы поняли, почему я сделал то, в чем так раскаиваюсь. — Внезапно Найтингейл встал, подошел к книжным полкам и прижался ладонями к кожаным с позолотой корешкам. Глядя на названия книг, но, наверно, не видя их, он продолжил: — Я приходил к ней в комнату раз в две недели, всегда в ночь на субботу. Она откидывала покрывало на кровати и говорила всегда одно и то же: “Вот славно, милый”, а потом, когда я уходил от нее к себе: “Это было чудесно, дорогой”. Она никогда не называла меня по имени. Иногда я думал, что она была, как меня зовут.

Мне было так тоскливо. Казалось, что я женат на прекрасной живой статуе, на кукле, которая умеет улыбаться, носить красивые платья и даже владеет некоторым, не слишком большим, запасом слов.

— И все-таки вы были счастливы? — отважился спросить Вексфорд.

— А я сказал, что был? Возможно. Все вокруг так часто твердили мне это, я и привык думать, что счастлив. Раньше у нас были нормальные слуги, но Элизабет их уволила. Потом прошла целая череда девушек “au pair”, две француженки и одна немка. Я думаю, что Элизабет сознательно набирала простушек. Наверно, она считала и Кэти простушкой. “Толстая и грубая”, сказала она однажды. Но мне... мне Кэти понравилась с первого взгляда. Я никогда ничего не предпринимал. Она — юная, а я... ну, я — *in loco parentis*¹. Я убеждал себя, что думаю о ней, как о дочери. Как мы умеем себя обманывать!

— Вы спали с ней? — спросил Вексфорд.

Квентин кивнул.

— В ту ночь?

— Это было уже не в первый раз. За все шестнадцать лет нашей семейной жизни я никогда не изменял жене. У меня были возможности. У какого мужчины их не бывает? Но я любил жену. Все эти годы я надеялся, что она сохраняет ко мне привязанность, надеялся на какой-то произвольный, искренний знак того, что она признает во мне живое человеческое существо. Я не переставал надеяться, пока не появилась Кэти. Впервые я увидел женщину, которую можно было ощутить рядом, которая жила под моей крышей и вела себя, как женщина. Возможно, не так, как должна себя вести. У нее всюду были приятели, и она мне о них рассказывала. Иногда вечерами Элизабет уходила гулять по саду или ложилась в постель, а Кэти яв-

¹ *Вместо родителей (лат.)*

лялась с какого-нибудь свидания и рассказывала мне о нем, даваясь смехом, рассказывала так, словно самое лучшее, что есть на свете, — это давать и получать наслаждение.

Однажды ночью, после одной из таких бесед, я лежал в постели и ждал возвращения Элизабет. Наконец, я услышал, как она поднимается вверх. Я страстно хотел, чтобы она вошла. Я звал ее молча, употребив на это всю свою волю, всю силу воображения. Дверь ее спальни закрылась, и я услышал, как она пустила воду в ванной. В этот момент я забыл все — свой возраст, положение, супружеский долг. Я надел халат и пошел вверх. Я решил, что скажу Кэти, будто услышал запах газа и подумал, что он исходит из ее комнаты. Конечно, я не слышал никакого запаха газа. Я слышал только слабый звук музыки из ее комнаты.

Я постучал, и она сказала: "Войдите!" Кэти сидела в кровати и читала журнал. Мне не пришлось ничего говорить о газе. Это кажется невероятным, но мне вообще не пришлось говорить. Она улыбнулась и протянула руки...

Он умолк. Как в старинном романе, подумал Вексфорд. Если записать это на бумагу, тут как раз следует поставить три звездочки. Звездочки Найтингейла воплотились в том, что он вспыхнул, как юноша, и румянец оттенил его седину. Путаясь в словах, тщетно ожидая помощи от главного инспектора, Найтингейл продолжал:

— Потом были... ну, еще и другие случаи. Немного. В ту последнюю ночь я поднялся к Кэти примерно в четверть одиннадцатого. Я не знал, вернулась ли Элизабет. Я не думал об Элизабет. Мы с Кэти... короче, я остался у нее на всю ночь. Меня разбудили шаги Палмера внизу. Я почувствовал, что что-то неладно, поднялся, оделся и нашел его на террасе.

— Жаль, что вы не рассказали этого раньше, — хмуро перебил его Вексфорд.

— Поставьте себя на мое место. Вы бы рассказали?

Вексфорд пожал плечами.

— Это к делу не относится. Но все ваши слова должны иметь подтверждение, мистер Найтингейл.

Квентин тяжело вздохнул.

— Я отдавал себе отчет в том, что вы захотите допросить Кэти. Ее этим смутить трудно. Она удивительная, ни на кого не похожая. Она... Впрочем, я вас задерживаю. Извините.

Вексфорд пошел вверх. На втором этаже он помедлил у двери в спальню Квентина, потом повернул к ведущему выше лестничному маршу и стал подниматься. Тут его ушей достигла наплывающая сверху музыка. Ласковый гортанный голос пел шлягер сезона, пел о любви.

Он громко постучал в дверь, и она тотчас распахнулась

Кэти была в розовом платье в оборочках, глубокий вырез открывал молочно-белые полукружья груди. Она улыбнулась ему. В синих глазах плескался смех.

— Присядьте, мисс Доорн. И не считите за труд, выключите, пожалуйста, радио.

Не переставая улыбаться, она подчинилась.

— Мне нужно задать вам несколько вопросов, — проговорил Вексфорд, — относительно ваших отношений с мистером Найтингейлом.

Кэти пожала плечами.

— Я работаю на него и живу в его доме. Он хороший, добрый и мне нравится.

— Он ваш любовник, не так ли?

— Он так вам сказал? — вкрадчиво спросила Кэти, ничуть не смущенная и совсем не испуганная.

— Да.

— Бедный Квентин! Он не хочет, чтобы кто-нибудь знал, это нужно хранить, как большой секрет. И теперь вы все знаете!

— Боюсь, должен попросить вас рассказать мне об этом подробней. — Она упрямо выпятила губу и затрясла головой. — Ну же! Он ведь сам мне признался. Вы же не хотите, чтобы его посадили в тюрьму?

Кэти разинула рот.

— Правда?! В Англии можно попасть в тюрьму за то, что занимаешься любовью?

— Нет, конечно! Послушайте, мисс Доорн. Мистер Найтингейл не пойдет в тюрьму, если вы расскажете мне все, что произошло между вами... — Она изумленно расширила глаза. — Нет-нет, не все, разумеется. Только как это началось и так далее.

— Хорошо, — она даже захихикала от удовольствия. — Помоему, всегда приятно говорить о любви. Я люблю говорить об этом больше всего на свете. Это есть четыре, пять недель назад. Я в кровати, и тут стук в дверь, и входит Квентин. Наверно, он хотел сказать, что радио слишком громко или что я не там ставлю машину, но он не говорит ничего, потому что я сразу знаю, что он пришел заниматься любовью. Я могу видеть это на его лице. Я всегда могу видеть это на лицах.

И я думаю: а почему нет? Я думаю, какой он добрый, и какие хорошие манеры он имеет, и тонкое прямое тело, и я забываю, что он старше моего отца, который в Голландии. И еще я знаю, что он одинок и женат на холодной фригидной женщине. Поэтому мы занимаемся любовью. С ним мне гораздо лучше, чем с моим другом официантом. Гораздо-гораздо. Потому что у Квентина большой опыт, и он точно знает, как...

— Да-да, могу себе представить, — перебил ее Вексфорд и глубоко вздохнул. — Прошу вас, мисс Доорн, избавьте меня от лекций по технике секса. Не отвлекайтесь от фактов. Случалось с вами еще такие случаи?

— Простите?

— После этого случая, — сквозь зубы проговорил Вексфорд, — бывало еще, чтобы мистер Найтингейл... мм... занимался с вами любовью?

— Конечно! Я нравлюсь ему так же, как он нравится мне. Через неделю, потом еще через неделю, и потом той ночью, которая была перед этой.

— Как долго он оставался у вас?

— Всю ночь, — легко ответила Кэти. — Я рассказываю ему, что перед тем, как войти в дом, вижу миссис Найтингейл, она идет в лес, и он говорит очень-очень печально: она не хочет меня, она никогда меня не хотела. Но я говорю: я хочу тебя, Квентин, и поэтому он остается на всю ночь. Но очень рано утром он уходит, потому что слышит, как старый садовник бродит внизу. Поэтому я лежу в моей постели одна и думаю, что, наверно, больше не пойду к моему другу официанту, а буду ходить только с Квентином, и потом я тоже поднимаюсь, чтобы посмотреть, почему старый садовник ходит по дому. Вот. Теперь я вам все рассказала.

Вексфорд некоторое время молчал.

— В какое точно время вы видели, что миссис Найтингейл пересекает дорогу?

— В две минуты после одиннадцати, — с готовностью выпалила Кэти.

— А когда мистер Найтингейл нанес вам свой ночной визит?

— В пятнадцать минут после одиннадцати. Я вошла и сразу легла в кровать.

— Почему вы так уверенно называете время?

— Я ношу мои новые часы и все время смотрю на них. — Она помахала рукой у него перед глазами. Часы были с циферблатом два дюйма в диаметре, на широком кожаном ремешке в красно-розовую полоску. — Это мой друг дарит мне на день рождения, и я все время на них смотрю. — Она поглядела на него из-под длинных золотых ресниц. — Вы на меня сердитый?

— Нет-нет, я не сержусь, мисс Доорн.

— Я хочу, чтобы вы называли меня Кэти, пожалуйста.

— Хорошо, Кэти, — согласился Вексфорд.

Вдруг, выпрямив спину, она протянула ему руку для рукопожатия, как это принято на континенте. Пальцы были мягкие, теплые.

— А теперь, — сказала Кэти, наклонив голову набок, — я пойду вытру пыль в кабинете Квентина.

Глава 9

Вексфорд поставил свое авто в ста ярдах от школьных ворот, сразу за машинами родителей, ждущих своих одиннадцатилеток. Когда часы на школьной башне пробили четыре, со спортивных площадок вереницей потянулись игроки в крикет в запачканных зелено-белых костюмах. Не отличаясь во всем остальном особой точно-

стью, в том, что касалось окончания занятий, ученики Королевской школы были сама пунктуальность. С последним ударом часов они хлынули сквозь ворота, смеясь, вопя, толкаясь и ни малейшего внимания не обращая на правила поведения пешеходов, которые старательно вдалбливались им инспекторами дорожного движения.

В темно-синей "англии" из ворот выехал Дэнис Виллерс. Он не переставая давил на клаксон, чтобы мальчишки расчистили дорогу, потом, высунув голову из окна, прокричал что-то, чего Вексфорд не разобрал. Отвернувшись от "англии", он увидел выходящего из ворот Мэриотта. Как только тщедушная фигурка миновала его машину, Вексфорд опустил оконное стекло и загробным голосом произнес:

— "Спешишь, ускорив шаг, назад не глядя, чтоб не знать, далек иль близок враг?"

Мэриотт подскочил от неожиданности, обернулся, овладел собой и нашелся:

— Всегда считал, что этот опус переоценивают.

— Возможно. Впрочем, я здесь не для того, чтобы обсуждать поэзию. Признавайтесь, вы ведь хотели улизнуть, не так ли?

Мэриотт обошел капот и уселся в машину.

— Не стану отпираться. Но раз уж вы здесь, давайте, не трать времени попусту, поторопимся скорей выпить, дорогуша. Сдается мне, вы хотите, чтобы я выдал вам еще одну дозу информации прямо в пути.

— Да уж, не терпится. — Вексфорд завел машину и влился в поток движения.

— На чем мы остановились?

— На первой жене Виллерса.

— Да, Джун, — кивнул Мэриотт. — Она меня не любила. Просто терпеть не могла. Говорила, самое мне место преподавать в колонии для малолетних преступников. А знаете, что она выдала Квентину, впервые увидев поместье? "По-моему, просто неприлично, — заявила она, — чтобы всего два человека жили в таком бараке. Нужно отдать его под приют для душевнобольных". Бедный Квен! Он так и скис. Сказать такое про его обожаемый дом! И в этом была вся Джун. Она получила диплом по социологии и по должности осуществляла надзор за условно осужденными. Каково?

У них с Дэнисом была ужасная квартира прямо над зоомагазином на Куин-стрит. Вы знаете это место. Я был там только раз, и мне хватило. Воняло гнилой кониной, представьте, и в каждом углу сидели странноватые друзья Джун. Они там не переводились. Все такие серьезные, жаждущие исправить мир. В те дни последним писком был запрет ядерной бомбы, и Джун

** Измененная к случаю строка из поэмы С.Т. Кольриджа "Сказание о старом мореходе", написанной при участии В. Вордсворта (Пер. В. Левика)*

проводила у себя собрания по этому поводу. Да, и про помощь голодающим тоже, и это еще до того, как помощь голодающим вошла в моду. Джун была прирожденный митингатор. Когда на Гроувнер-стрит бывают всякие катавасии, я очень внимательно просматриваю газеты, потому что когда-нибудь она там непременно засветится.

— Значит, она жива? — спросил Вексфорд, поворачивая на Хай-стрит.

— Господь милосердный, конечно, жива. Дэнис с ней развелся, или она развелась с Дэнисом, не помню. Один Бог знает, зачем они вообще женились. У них не было ничегошеньки общего. Она терпеть не могла Квентина и Элизабет и очень не одобряла то, что Дэнис то и дело навещался в поместье. Связь с реакционными элементами, так она это называла.

— Если он не любил сестру, зачем же ездил туда так часто?

— Ну, видите ли, они с Квентином поладили просто с пол-оборота, — сказал Мэриотт, а Вексфорд подал к середине дороги, чтобы сделать правый разворот. — Квентин зашелся от счастья, обнаружив, что шурин у него настоящий писатель, и я подозреваю, что в мечтах он видит себя чем-то вроде его покровителя. — Медленно проехав проулок, машина остановилась у беленького, принаряженного цветами домика. — Что бы там ни было, Дэнис наверняка пожаловался Квентину, как невыносима для творчества его домашняя атмосфера, и тот предложил ему Старый дом в качестве кабинета. Ладно, Редж, нечего здесь расслаживаться, я просто умираю от желания выпить.

В комнатах, где вчера были гости, еще не выветрился сигарный дух. Кто-то прибрался и вымыл посуду. Наверно, Хипатия, осматриваясь, решил Вексфорд, а хозяин тем временем распахивал настежь все окна.

— Так, дорогой мой, а теперь, как говорится, час коктейля. Рановато, пожалуй, но в провинции все не вовремя, вы не находите? Итак, что? Виски? Джин?

— Чашку чаю, пожалуй, — попросил Вексфорд.

— Честно? Ну и ну. Что ж, пойду поставлю чайник. Надо признать, Хипатия очень славно тут все убрала. Не забыть бы сказать ей об этом, когда увидимся.

Вексфорд прошел за ним на кухню.

— Значит, она тут не живет?

— Ну уж нет! Мне это совершенно ни к чему. — Мэриотт пренебрежительно поморщился. — Только впусти их ненадолго, и через неделю уже не знаешь, принадлежишь ты себе или нет. — Он хитровато глянул на Вексфорда. — Кроме того, чем их больше, тем безопасней.

— Ну и бабник вы, Лайонел! — рассмеялся тот.

— Есть некоторые успехи, — скромно признал Мэриотт, кладя три ложки “Эрл Грей” в заварочный чайник, и аккурат-

ненько плеснул туда кипятку. — Должен ли я продолжать свои показания?

— Да, прошу вас.

— Ну, как я уже сказал, Джун совсем не нравилось, что Дэнис пропадает в поместье. Он и во время семестра большую часть вечеров проводил там, болтая с Квентином, а уж в каникулы просто сидел целыми днями, работал. Она же считала, что он обязан быть рядом с ней, размахивать транспарантами и расписывать стены лозунгами. В конце концов она от него уехала.

— Итак, Виллерс много времени проводил в поместье, да?

— Поверьте, не было случая, чтобы вы явились туда и его не застали. Он даже в отпуск ездил с ними.

— Наверно, это было тяжело для миссис Найтингейл, особенно если они не включали ее в свои беседы. А чем она интересовалась, а, Лайонел?

Мэриотт в задумчивости прикусил губу.

— Ну, она принимала участие в жизни графства, знаете, организовывала всякие события, заседала во всяких комитетах. Еще она много занималась своей внешностью. Срезала цветы, немножко работала в саду...

— Да? — перебил Вексфорд. — В теплице, наверно, с Шоном Ловеллом?

— Элизабет очень тепло к нему относилась. Я однажды встретил ее, когда она выходила из магазина грампластинок здесь, на Хай-стрит. Она только что купила альбом, первое место в списках популярности. “Нельзя отставать от моей певчей птички, — сказала Элизабет. — Воистину, он единственный настоящий соловей у нас в Майфлите”.

— Давайте вернемся к Виллерсу, — проговорил Вексфорд. — Но сначала — как насчет еще чашечки чаю?

— Дэнис всегда ездил с ними отдыхать, — продолжал Мэриотт. — Я хочу сказать, с ними обоими. Но два года назад ему пришлось поехать с одной Элизабет. Квен заболел корью, бедняга. Так унижительно. Элизабет говорила мне, что просто в ужасе от того, что придется торчать с Дэнисом в Дубровнике, но Квен заявил, что не простит им, если они из-за него останутся дома, и пришлось смириться.

Ну и очевидно, что они там все время ссорились, потому что оба выглядели ужасно, когда вернулись, и между Квеном и Дэнисом пробежал холодок. Всю следующую зиму они почти не виделись, и Дэнис перестал бывать в поместье. И вдруг в один прекрасный день в июне позапрошлого лета — я как раз был там — открывается дверь, и входит Дэнис. “Ва! Кто пришел!” — сказал Квентин, но я-то видел, что он счастлив без памяти. “Я пришел только для того, — заявил Дэнис, — чтобы сообщить, что не смогу поехать с вами в Рим в следующем месяце. Я обе-

щал декану, что поеду сопровождающим со школьной группой". — "Ты?! — почти завопил я. — Да ты просто спятил!" Должен объяснить вам, что в школе это притча во языцех — уловки, на которые идут преподаватели, только бы избежать этой участи. "Меняешь чудный Рим на пошлейшую Коста-Браву?" — "Я еду, — сказал он, — это решено". Вы бы видели лицо бедного Квена. Он сделал все, что мог, но прошибить Дэниса было невозможно. Просто кремень.

— А в этом году, Лайонел?

— Ну, в этом году он был уже женат, не так ли? Как раз в Коста-Браве он и встретил Джорджину, но об этом я поведаю позже. Нет, в этом году Найтингейлы ездили на Бермуды вдвоем, и я, честно говоря, думаю, что они были только рады избавиться от его постной физиономии. Элизабет мне примерно так и сказала, когда я поднялся к ней, чтобы засвидетельствовать ее завещание, и...

— Ее что? — медленно переспросил Вексфорд. — Я правильно расслышал — "завещание"?

Глава 10

очему я не сказал вам, что жена оставила завещание? Сказать по совести, главный инспектор, я забыл о нем. — Поначалу Квентин Найтингейл пришел в замешательство, но теперь уже улыбался несколько иронически, видимо, полагая, что инспектор делает из мухи слона. — Я не думаю, что оно имеет законную силу. Это, знаете ли, была прихоть, не более.

— Нет, не знаю, — ответил Вексфорд, который отказался сесть в кожаное кресло, предпочтя подпирать спиной высокий книжный шкаф. — Насколько я понимаю, люди вашего положения, намереваясь сделать завещание, поручают составить его своему поверенному. Кто ваш поверенный, мистер Найтингейл?

— В этом случае все обошлось без поверенного. Я же сказал вам, это была прихоть, каприз. Честно говоря, даже не представляю, откуда вы узнали об этом. — Он выжидательно помолчал, но когда стало ясно, что Вексфорд просвещать его на этот счет не намерен, продолжил с ноткой нетерпения в голосе. — Пожалуй, мне следует рассказать вам, как это было.

— Да, будьте любезны, — вставил Вексфорд, прислонясь затылком к твердым, гладким корешкам "Становления Голландской республики" Мотли.

— Итак, это было прошлым летом. Мы с женой решили, что проведем отпуск на Бермудах, и, естественно, предполагалось, что мы полетим самолетом. Хотя моя жена до этого уже летала — например, когда мы путешествовали по Америке семь лет назад, — она, тем не менее, летать не любила, и мы, как правило, ездили в отпуск морем или машиной.

— Она боялась летать?

— Ну, боялась — слишком сильно сказано.

— По моему разумению, — ощетинился Вексфорд, — люди составляют завещания, когда полагают, что могут умереть. “Бояться” — это не очень сильное выражение для предчувствия смерти.

— Вы слишком драматизируете, — поморщился Квентин. — Она была немного обеспокоена, но вполне могла и посмеиваться над своим настроением. Это завещание было, в некотором роде, шуткой. Повторяю, я никогда не относился к нему всерьез.

Он замолчал, прислушался. Вексфорд тоже напряг слух и уловил слабые звуки Кэтино радиоприемника, доносившиеся сквозь стены и межэтажные перекрытия. Тут Квентин поймал на себе взгляд инспектора, смутился и продолжил свой рассказ — быстро и нетерпеливо.

— Однажды она сказала, что хочет составить завещание, и я видел, как она царапает что-то на листке бумаги. Боюсь, я даже не взглянул на то, что у нее вышло. Расценил это как романтическую причуду. Сомневаюсь даже, что оно кем-либо заверено.

— Представьте, заверено. По крайней мере, одним человеком — Лайонелом Мэриоттом. И я не вправе пройти мимо этого факта. Что случилось с тем листком бумаги, на котором ваша жена что-то “царапала”?

— Она отдала его мне и попросила спрятать в сейф.

— И вы?

— Ну разумеется, спрятал. Элизабет настояла, чтобы я сделал это в ее присутствии. Конечно, это была глупость, но я не хотел ее расстраивать.

— Оно все еще там?

— Надо думать, — озадаченно произнес Квентин. — Я же сказал вам, что напрочь забыл об этом, и Элизабет тоже, когда мы вернулись из отпуска целыми и невредимыми.

— Я настоятельно прошу вас немедленно открыть сейф, сэр, будьте любезны, — веско проговорил Вексфорд.

Поглядывая на Вексфорда как на лунатика, к которому следует относиться с юмором, Квентин снял со стены небольшую картину, изображающую фаэтон, запряженный парой лошадей, кисти Стубса. За ней пряталась утопленная в стену стальная дверца. Бормоча про себя комбинацию цифр, Квентин открыл ее, и обнаружилась емкость размером с большую жестянку из-под печенья. Внутри лежала аккуратная стопка бумаг, видимо, акции и личные документы, и несколько кожаных футляров для драгоценностей. Вынув бумаги, Квентин бегло просмотрел их и, наконец, все с тем же выражением иронической уверенности в том, что происходящее — какой-то абсурд, протянул Вексфорду длинный коричневый конверт.

— Оно здесь, — сказал он.

— Позвольте? — Тон Вексфорда не допускал возможности отказа. Он вскрыл конверт и извлек из него лист дорогой писчей бумаги голубоватого цвета с адресом поместья в правом верхнем углу. Лист был исписан смелой, почти что мужской рукой.

Вексфорд перевернул его и произнес звучным официальным голосом:

— Это вполне законное завещание, сэр, и его правовое значение и обязательная сила не могут быть подвергнуты сомнению на том основании, что документ составлен не по форме и в отсутствие юриста.

— Боже праведный! — ахнул Квентин и сел, не закрыв сейфа.

— Свидетелями значатся — одну минуту — Миртл Энни Кэнтрип и Лайонел Хепберн Мэриотт, далее — подпись вашей жены. Вы столкнетесь с большими затруднениями, если попытаетесь опротестовать его.

— Да я и не собираюсь его опротестовывать...

— Прежде чем делать такие решительные заявления, мистер Найтингейл, я полагаю, вам следует ознакомиться с текстом.

— И что там говорится? — Крайнее изумление стерло с лица Квентина даже намек на улыбку. — Вам не трудно прочесть, мистер Вексфорд?

— Ничуть. — Вексфорд наконец-то уселся, прочистил горло и принялся читать лишенным всякого выражения голосом:

— “Я, Элизабет Френсис Найтингейл, урожденная Виллерс, в здравом уме и твердой памяти, сим свидетельствую свое последнее волеизъявление и завещание. Это моя последняя воля, самым фактом своим отменяющая все предыдущие мои распоряжения. — Здесь запас знаний миссис Найтингейл в юридической терминологии, видимо, иссяк, и далее она продолжала языком более обыденным, лишь изредка вкрапывая штампованные официальные выражения. — Оставляю все мои деньги, включая средства, вложенные для меня моим мужем, Шону Артуру Ловеллу, проживающему в доме № 2 по Черч-коттаджиз, Майфлит, графство Сассекс, в надежде на то, что он использует их для осуществления своих честолюбивых замыслов...”

— Боже праведный! — опять выдохнул Квентин.

— “...а все принадлежащие мне драгоценности оставляю моей невестке, Джорджине Виллерс, проживающей в доме № 55 по Кингсмаркхэм-роуд, Кластервилл... — тут Вексфорд помолчал, подняв брови, — ...дабы она смогла удовлетворить свое пристрастие к украшениям, хотя цена ее как добродетельной жены выше жемчугов безусловно”.

— Элизабет написала — такое?! — глухо произнес Квентин.

— Да, сэр.

— Это все?

— Да. Сколько денег оставила ваша жена, сэр?

— О, ничего значительного. — Квентин выдал из себя смешок. — Если говорить честно, ее личный счет в банке опустошен. Так что осталось всего триста фунтов, которые я вложил на ее имя несколько лет назад.

— Мм. Уверен, что вы не пожалеете их молодому Ловеллу. Ваф что-то беспокоит, сэр?

— Нет, но...

— Миссис Виллерс, — задумчиво произнес Вексфорд, — похоже, и впрямь имеет пристрастие к украшениям, как верно... мм... указала ваша жена. Будем надеяться, ей перепадет несколько славных вещичек.

— Несколько? — Квентин вскочил на ноги. — Драгоценности моей жены находятся в этих футлярах, — он сунул обе руки в сейф. — В приблизительном выражении я оцениваю их в тридцать тысяч фунтов.

Вексфорд за свою жизнь повидал столько драгоценных камней, что его трудно было поразить этой маленькой, но блестящей коллекцией. Да и в любом случае он не склонен был ахать. Когда Квентин принялся открывать футляр за футляром, лицо его никакого волнения не отразило.

Один футляр был из белой кожи, второй — из зеленой, третий — из тикового дерева, инкрустированный ониксом. Квентин расставил их на письменном столе и поднял крышки, обнаружив внутри футлярчики поменьше, крошечные — для колец, длинненькие — для браслетов и ожерелий.

Одно из колец, платиновое, по полуокружности усыпанное бриллиантами, он вынул первым и поднес к свету.

— Это было ее обручальное. Она носила его иногда, — сказал он осевшим голосом, — когда я особенно просил ее об этом. — Он посмотрел на Вексфорда. — Может, я смогу выкупить его у Джорджины.

— Ваша жена была привязана к своей невестке?

— Не знаю, — обессиленно проговорил Квентин, снова укладывая кольцо в его бархатное ложе. — Никогда не думал об этом. Наверно, была... И все-таки не могла быть, правда? Невозможно любить кого-то и оставить ему такое жестокое послание. Я... я не понимаю.

— Мы знаем, что миссис Найтингейл недолго любила своего брата. Может статься, это чувство распространилось и на его жену?

Квентин защелкнул футляр с кольцом.

— Кажется, мнение о том, что моя жена и ее брат были не в ладах, — осторожно сказал он, — получило широкое распространение.

— А разве оно не соответствовало действительности? — поднял брови Вексфорд.

— Возможно, вам покажется странным, что я, ее муж, говорю так, но я и в самом деле не могу ответить однозначно. Дэнис при мне никогда не отзывался о ней плохо, а что касается Элизабет... она никогда не препятствовала тому, чтобы он бывал у нас в доме, хотя бывало, наедине со мной, говорила о нем очень недобрые вещи... И все-таки, знаете, я часто замечал, что она смотрит на него... ну, почти с сочувствием — когда мы оставались втроем. Я никогда не видел признаков настоящей ненависти.

— Может быть, вы принадлежите к тем людям, которые не слишком вдумываются в душевные движения и чувства других?

— Может быть... Видимо, я так устроен, — печально сказал Квентин. — В противном случае я бы заметил, что Элизабет неприятна компания Джорджины, и... и понял бы... понял бы, что она тайком ходит в лес по ночам. Нет, я готов согласиться, что Элизабет с Дэнисом в самом деле не любили друг друга, а мне не хватало проницательности разглядеть это. Или желания. — Он успокоился и говорил теперь лишь с легким смущением. — Когда любишь людей, хочешь, чтобы и они любили друг друга, и стараешься убедить себя, что так оно и есть. Мне претит мысль о том, что вокруг нас ходят злобные рассказы о каких-то родственных дрязгах.

Они помолчали. Потом Вексфорд сказал:

— Если вернуться к завещанию, сэр, вы, судя по всему, не знали, что ваша жена благоволит к Шону Ловеллу?

— Я знал, что она испытывает к нему что-то вроде материнской привязанности. У нас ведь своих детей нет. Она просила меня переговорить с одним моим приятелем на Би-Би-Си, чтобы устроить ему прослушивание. Я не слишком усердствовал, но теперь займусь этим обязательно. Это самое малое — и единственное, — что я могу для него сделать.

— Простите мой вопрос, сэр, но не приходило ли вам в голову, что ее привязанность может быть не вполне материнского свойства?

Квентин брезгливо поджал губы и резко качнул головой.

— О, Господи! Этого не могло быть, но если было... я не вправе судить, ведь мы с Кэти... Мистер Вексфорд, все эти тайны выше моего разума!

— Моего тоже, — хмуро признался Вексфорд.

Тем временем Берден проводил свои собственные изыскания.

Покинув Старый дом, он вышел во внутренний двор и столкнулся там с миссис Кэнтрип, которая шла с огорода с пучком петрушки в руках.

— Ох, сэр, — пожаловалась она, — вы меня испугали. Уж так тихо ходите. Не угодно ли чашку чаю?

— Для чая, пожалуй, поздновато, не так ли? — Берден поглядел на часы. Было уже полшестого. — Когда вы кончаете работу?

— Обычно в четыре, сэр, и это суцая правда, но в последние дни все мы уходим кто в шесть, кто в семь, такая неразбериха. Пойдемте же, прошу вас. Чашка чаю всегда на пользу, да и Уилл Палмер хотел вам что-то сказать.

— Зачем я ему? — проворчал Берден, идя за ней в дом.

— Не говорит. Что-то про какой-то там шарф.

В кухне рядом с Палмером за столом сидел мужчина. Присутствие его объяснялось наличием двух кролей, четырех лесных голубей и корзинки с яйцами на рифленной поверхности разделочного стола.

Увидев Бердена, Палмер поднялся на ноги.

— Должен кое-что показать вам, сэр.

— Ну? — Приняв чашку из рук миссис Кэнтрип, Берден отошел от дичи как можно дальше.

— Вот оно. — Палмер с победным выражением лица достал из-под стола влажный полиэтиленовый пакет, перехваченный бечевкой. Берден развязал узел и вытащил из пакета кусок ткани, сырой, но не мокрый, в котором еще можно было распознать шелковый шарф с рисунком в стиле “арт нуво”, стилизованным узором из золотых листьев по бледно-желтому полю. По центру наискось протянулось длинное ржавое пятно. Берден нахмурился.

— Где вы это нашли?

— В дупле дуба по дороге к Кливерз-дол.

— А где этот Кливерз-дол?

Палмер воззрился на него, донельзя ошеломленный. Видно было, что у него в голове не укладывается, как это кто-то, а тем более полицейский, может не знать места, которое составляет такую же существенную часть Майфлита, как и сам лес.

На помощь пришла миссис Кэнтрип.

— Это часть поместья, сэр, — нетерпеливо пояснила она, — та часть парка, которую вы проходите, если идти сюда из Кингс-маркхэма.

— Я там, понимаете ли, срезал старые древесные грибы с дубов, — сказал Палмер, придя в себя, — и вот наткнулся на это дупло, понимаете ли, вроде как свиное...

— Беличье, — лаконично поправил тип, похожий на браконьера.

— Или беличье, я как раз собирался так и сказать, Элф, — огрызнулся Палмер. — Свиное или беличье, потому что для дятла дыра великовата.

— Нельзя ли без природоведения?

— Ладно, мистер, не гневайтесь. — Тут дверь в сад отворилась, и Палмер приосанился, потому что в кухню вошел Шон

Ловелл и занял свое место за столом. — Это дупло, оно было на высоте шести футов почти, прямо вровень с моей головой.

— Гниль, — уронил смуглолицый.

Палмер глянул на него с яростью, но потом, видно, сообразил, что словцо относится скорее к причине появления дупла в стволе дерева, чем к повествованию, и продолжил:

— Этот старый древесный гриб как раз все дупло и облепил. Мы называем его устричный гриб, потому как его шапка похожа на устрицу, понимаете? Устрицей бедняков называем мы его в этих краях, да. Ох и хорош он, если поджарить!

— Сварить.

— Или сварить, — благосклонно согласился Палмер. — Просто говоря, сэр, я сунул руку в дупло, и там оно и лежало, то, что в этом пакете.

— Прямо в пакете? Или это вы его в пакет положили?

— Оно не было в пакете, мистер. Просто было скомкано, скатано и засунуто в самую глубь дупла.

— Вы эту вещь раньше видели?

— Конечно, — сказала миссис Кэнтрип. — Это был шарф мадам. Она надевала его на голову, когда ходила гулять. Неужто это ее кровь?

— Боюсь, что так.

Шон Ловелл с криком: — “Тошнит! — вылетел из-за стола. Стремительней, чем, по мысли Бердена, в состоянии двигаться женщина ее возраста, миссис Кэнтрип подскочила к двери в сад и распахнула ее:

— Только не на моей кухне!

Покинув поместье, один через парадную дверь, другой — через заднюю, Вексфорд и Берден столкнулись на деревенской улице. Тут они обменялись новостями и только было затеяли одну из своих полных шпилек, но весьма продуктивных дискуссий, как их, запыхавшись, догнала миссис Кэнтрип.

— Ох, сэр, — обратилась она к Бердену, — как же я рада, что настигла вас! Я хотела, в общем, извиниться за то, как эти двое вели себя, старый Уилл и Элф этот. Уилл любит почесать языком, а что до Элфа... У него отродясь никаких манер не было. Я не помешаю, если пройдусь немного с вами?

— Нисколько, миссис Кэнтрип, — любезно ответил Вексфорд. У служебной машины он приостановился и велел Брайенту отогнать ее к участку. — И кто же такой этот Элф Тоуни?

— Да просто парень, который приносит нам овощи, цыплят и все такое, сэр. Он живет в автоприцепе, у него участок в Кластервилле. — Лицо миссис Кэнтрип принакрылось маской благонаправленного безучастия, точно такой же, какую надевал на себя Берден, когда дело доходило до обсуждения какого-либо предмета из разряда, по его классификации, “наводящих на размышления”. — Элф, он вам без интереса.

— Отчего же, — ответил Вексфорд. — Каждый, сколько-нибудь общавшийся с миссис Найтингейл, представляет для нас интерес, даже если он всего-то приносил в дом овощи.

— Миссис Найтингейл никогда с ним не общалась! — возмутилась миссис Кэнтрип. — Если когда и слышала его имя, так только от Шона. — Она вздохнула, словно придя к решению, которое ей тяжело досталось. — Что ж, вы, наверно, и так все узнаете, ведь это притча во языцех и скандал на всю деревню. То, что Элф крутится около матери Шона.

— Ну и ну, — сказал Вексфорд. — Нехорошо.

— Некоторые считают, что не его в этом вина. Он вдовец с тех пор, как его мальчишке исполнилось двенадцать, и некому для него готовить, стирать и штопать. Я тоже думаю, что грех на ней. Потому что, сэр, в самой Библии сказано, что женщина сосуд греха, и это суцая правда.

— Согласен, — с чувством сказал Вексфорд.

— Я, заметьте, сама Шона не одобряю, но всякий подтвердит, что миссис Ловелл постыдно пренебрегала сыном. Можно сказать, у него никогда не было матери.

— А у миссис Найтингейл никогда не было сына.

Миссис Кэнтрип подняла на него глаза. Они снова приблизились к теме, которая, по ее представлениям, была закрыта для обсуждения, и она повела речь, осторожно выбирая слова:

— Шон не посмел бы думать так о мадам. Знаете, всему есть предел. Кроме того, миссис Найтингейл... она выглядела такой молодой и прелестной, сэр. Она не хотела, чтобы люди знали, сколько ей лет. Меня иногда так трогало, просто до слез, что ей хочется, чтобы Шон и Кэтчер относились к ней, как к ровеснице. И когда Шон говорил — это было неуважительно, сэр, но откуда ему знать, — говорил, что она не зануда и что она красивей всех женщин на много миль в округе, она прямо вся светила от удовольствия.

— Он очень привлекательный молодой человек, — заметил Вексфорд.

— Я этого не вижу, сэр, да вкусы-то у всех разные. Что ж, вот тут я и живу, так что доброй вам ночи. Надеюсь, вы не сочтете за непочтительность то, как вели себя те двое.

Они проводили ее взглядами до свежепобеленного коттеджа, перед которым лоскутным одеялом пестрел образцовый цветник. Миссис Кэнтрип подхватила на руки вышедшего навстречу толстого рыжего кота и исчезла за дверью.

— Бедный заброшенный парень, — задумчиво проговорил Вексфорд. — Он получит в наследство три сотни фунтов по завещанию миссис Найтингейл. Интересно, знает ли он об этом, и стоит ли эта сумма, с его точки зрения, чтобы из-за нее убить? Но пока что мы оставим эти вопросы и нанесем визит основному выгодоприобретателю.

— Сэр? — вопросительно посмотрел на него Берден.

— Сядем в машину, расскажу, — широко усмехнулся Вексфорд. — “Прекрасны на горах ноги благовестника, возвещающего мир, благовествующего радость!”

Дорогой Вексфорд гадал, как она примет эту новость. Удивится? Обрадуется? Или испугается, что завещание обнаружено полицией? А может, она ведать не ведает о существовании завещания?

Вексфорд с порога сообщил, что последняя воля миссис Найтингейл в ее пользу, и проследил за реакцией. Он был разочарован.

— Это сюрприз, — пожалала она плечами. — Я не предполагала.

Как всегда, Джорджина была в бусах, браслетах и сережках, которые, видимо, так же обязательны для ее туалета, как для другой женщины — чулки и помада, но ни искры вожделиния не вспыхнуло в ее глазах, и ничто не указало, что ей приятно будет сменить дешевые побрякушки на настоящие камни. Она была так безразлична, словно смертельно хотела спать, словно только что прошла через тяжкое испытание, и все чувства в ней иссякли.

— Вы не знали, что она сделала завещание? Или не знали, что именно она оставила вам?

— “Нет” — на оба вопроса, — сказала Джорджина. Она сидела на подлокотнике кресла. Блузка без рукавов позволяла оценить развитую мускулатуру ее плеч и предплечий. Лишь однажды Вексфорд видел такие руки у женщины, и та была профессиональным борцом.

— Вы наследуете все драгоценности миссис Найтингейл.

— Я поняла. Когда вы сказали, что завещание в мою пользу, я подумала, что там нечто вроде этого. Своих денег у Элизабет не было. Она всегда расходовала больше, чем ей выдавалось. Ужасно была расточительна.

— Миссис Виллерс, это несколько иначе окрашивает обстоятельства смерти вашей золовки.

— Да? Боюсь, что не вполне понимаю вас.

— В таком случае, позвольте, я объясню. — Вексфорд сделал паузу, потому что дверь открылась, и вошел Дэнис Виллерс со своей последней книгой в руке.

— А, вот и ты, Дэнис, — сказала его жена, поднявшись, все тем же своим тусклым и вялым голосом. — Представь только, Элизабет сделала завещание и оставила мне все эти свои колечки и сережки.

Виллерс заложил пальцем страницу, чтобы не потерять место, и с непередаваемой иронией взгляделся в суровые физиономии полицейских. Затем, ни с того ни с сего, истерически захохотал.

¹ Библия, Ис 52:7

Глава 11

Смех мужа произвел на Джорджину куда более сильное впечатление, чем до того — новость Вексфорда. Под покровом ее апатии что-то дремало, несуразный хохот Виллерса пробудил это к жизни, губы ее задрожали, и неприкрытый ужас проявился в глазах.

— Не надо, Дэнис, не надо! Прощу тебя, перестань! — она вцепилась ему в руку и затрясла ее.

— Миссис Виллерс, — сказал Вексфорд, — я хочу еще раз поговорить с вами о событиях, которые произошли в ночь на среду.

— Но зачем? — Джорджина едва держала себя в руках. — Я думала, уже все ясно. Только-только успокоилась, пришла в себя, и вот опять... О, Боже, что же мне делать? — Она замерла, дико уставясь на них, и выбежала из комнаты.

Виллерс оседлал стул, сложив руки на спинке. Свет падал ему в лицо, и глядя на его пепельную серость, на паутину морщин, Вексфорд подумал, что этот человек болен, он умирает.

— Какой во всем этом смысл? Элизабет мертва и уже не восстановится. Ну, найдете вы, кто ее убил, ну, посадите в тюрьму лет на двадцать. И какая от этого польза? Кому нужно-то? Кого сделает счастливей? — говорил Виллерс.

— Может быть, вы сторонник более суровых мер? Если да, то странно, что ваша первая жена не разубедила вас в этом вопросе.

Если Виллерс и удивился тому, что Вексфорд знает о его предыдущем браке, он этого не показал.

— Более суровых? — переспросил он. — Нет, я не сторонник смертной казни. Я не люблю людей, люди не любят меня. В большинстве своем они глупы. Глупость я выношу нелегко. И хочу, чтобы меня оставили в покое. Позволили жить прошлым.

— Вот и давайте обсудим прошлое, — сказал Вексфорд. — Недавнее прошлое. Например, ночь на среду.

Сидя напротив Бердена в гостиной, Джорджина с раздражением выговаривала:

— Я уже сказала вам все про этот вечер, когда вы были здесь в прошлый раз. Если у вас плохо с памятью, надо было записывать.

— Дело не в моей памяти, миссис Виллерс. Просто расскажите мне все еще раз. Вы уехали из поместья в десять тридцать в машине мужа. Кто сидел за рулем?

— Мой муж. Он всегда водит, когда мы выезжаем. Я считаю, это мужское дело, а вы? — Она упрямо поджала губы. — Это обязанность мужчины — быть главой семьи, чтобы жена могла смотреть на него снизу вверх. Мы, — прибавила она громким, вызывающим тоном, — мы очень счастливы в браке.

— Это хорошо, — отозвался Берден. — И в котором часу вы вернулись домой?

— Я уже говорила вам. Примерно без двадцати одиннадцать. Мы вошли в дом и сразу легли спать. И это — все!

— Нет, не все. Никто, приехав домой после вечера, проведенного в гостях, не ложится спать сразу. Кто-то из вас должен был поставить машину в гараж, запереть дверь.

— Ну, если вы имеете в виду это, то муж просто оставил машину у дома. Моя была в гараже.

— Вы вместе вошли в дом?

— Конечно.

— Рука об руку? Одновременно протиснулись в дверь?

— Что за вздор! Я вошла первой, через минуту за мной последовал мой муж. Он запер машину, потому что предполагал оставить ее на улице на всю ночь. Он всегда так делает.

— Очень разумно. И, поскольку вы так предусмотрительны, вы не могли выставить пустые молочные бутылки перед тем, как отправиться в гости. Кто из вас сделал это, когда вы вернулись? Кто проверил, заперты ли окна и дверь черного хода?

Она подумала, глядя на него исподлобья, теребя пальцами бусы.

— Это всегда делает муж. Я легла первой.

— Сколько времени занимают у вас приготовления ко сну, миссис Виллерс? Десять минут? Четверть часа? Не может быть, чтобы вы легли, не сняв одежду и не умывшись.

— Естественно, я сделала и то, и другое. Включила свет в спальне, разделася, пошла в ванную, а потом легла. Потом лег мой муж. Он всегда читает в постели, полчаса перед сном.

— У вас двуспальная кровать, миссис Виллерс?

— Нет, две одинарные. Но вы не должны усматривать в этом что-то особенное. Мы очень счастливая пара.

— Да, вы уже говорили. А теперь скажите, пожалуйста, в котором часу точно вы отправились в поместье?

— Мы были там примерно в половине девятого.

— Я полагаю, — умиротворяюще произнес Берден, — вы довольно часто ездите туда играть в бридж. Как долго, в среднем, длится ваши визиты?

— Иногда, в каникулы, до полуночи.

— Во вторник каникулы еще продолжались, верно? Почему же вы уехали так рано?

— Мой муж, — сказала Джорджина, как всегда, подчеркивая голосом притягательное местоимение и вкладывая в него всю гордость обладания мужем, — мой муж собирался еще заехать в школу, что-то посмотреть в библиотеке... — и тут она ахнула и схватилась рукой за рот, чтобы приглушить возглас. — Когда мы приехали домой, — продолжила она после паузы, запинаясь, — он переменял свое намерение и... ох, ну

почему вы не оставите нас в покое? Мы могли быть так счастливы вместе, если б только все, все оставили нас в покое!

Берден, не отводя глаз, смотрел на нее пронизательным, немигающим взглядом, и она начала плакать.

— Я оставил машину на улице, — говорил Вексфорду Виллерс. — Нет, я не проверял ни окон, ни задней двери. Это работа жены. Я лег сразу и тут же уснул.

Вошел Берден.

— Позвольте, сэр?

— Приступайте, — разрешил Вексфорд.

— Как насчет этой книги, которую вы хотели посмотреть в школьной библиотеке? Что, раздумали решать великую научную проблему, которая вынудила вас в десять тридцать уехать из “Майфлита”?

Виллерс закурил сигарету.

— Вам никогда не приходилось придумывать предлог, чтобы отделаться от докучной хозяйки, а инспектор? — невозмутимо спросил он. — Разве вы никогда не говорили в гостях, что ожидаете важного звонка или что нужно вернуться к вашему сыну?

Берден посмотрел на него с яростью. Как он смеет упоминать Джонни? То, что Виллерс, нарочито игнорирующий его как частное лицо, должно быть, давно признал в нем родителя собственного ученика, глубоко задело инспектора.

— Значит, это была отговорка, — гневно произнес он. — Прямая ложь!

— Да, иногда я лгу, — признал Виллерс, держа сигарету с каким-то легковесным изяществом. — Я, знаете ли, довольно-таки приличный лжец.

— Странное свойство для человека, который утверждает, что равнодушен к мнению общества, — прокомментировал Вексфорд.

— Вы знаете, — Виллерс поднялся, повернулся спиной и глухо проговорил: — Единственное, чего я хочу в этой жизни, — я хочу умереть.

Глава 12

Новый коктейль-бар при “Оливе и голубке” был почти пуст, потому что к этому времени большая часть его посетителей переместилась в ресторан, а самые стойкие приверженцы спиртного сидели либо в пабе, либо в салуне. Вексфорд загнал Мэриотта в угол подальше и поставил перед ним двойную порцию виски. Бар сообщался с рестораном двустворчатой стеклянной дверью, но Вексфорд предварительно убедился, что обедающие находятся вне поля зрения Мэриотта. Он не хотел, чтобы их беседе мешали, и сделал все, чтобы Мэриотт не подвергался искушению приветст-

венно махать приятелям и изображать немые сцены восторга перед проходящими мимо хорошенькими женщинами.

— А теперь, — начал он, — теперь я хочу услышать подробный рассказ о каникулах в Коста-Брава.

— Каникулах! — воскликнул, закатив глаза, Мэриотт. — Ей-Богу, я бы охотней просидел две недели в каком-нибудь исправительном заведении. Пестрые дьяволята дают жару, даже когда приходится везти их в музей Виктории и Альберта в Лондон, так что представьте только две недели, проведенные с ними в раскаленной грязной дыре! Они там просто с ума сходят. Местные жители боятся выпускать дочерей из дому. Наши детки и без того в состоянии перманентного сатириазиса, болезненного полового возбуждения, а уж если вывезти их на солнышко! А наглое попрание правил валютного обмена? Вы не поверите, как они изобретательны! Каждый — молоко на губах не обсохло, а уже готовый контрабандист!

— Хорошо-хорошо, — рассмеялся Вексфорд. — А что же Виллерс?

— Один Бог знает, как он умудрился выкроить время для ухаживания. Каждый преподаватель просто под завязку занят там совмещением обязанностей таможенника, мужского полани и надсмотрщика одновременно. Но, как бы там ни было, в этих-то обстоятельствах он и познакомился с Джорджиной.

— Значит, она тоже там отдыхала?

— Только в том же смысле, что и он, — хмыкнул Мэриотт, с энтузиазмом помахав рукой затянутой в шелковое платье брюнетке, и мечтательным взором проводил ее до дверей ресторана. — Джорджина приехала туда с группой школьниц-нимфоманок, — судя по тому, что я слышал, — и познакомилась с Дэнисом во время одного из совместных ночных рейдов по тавернам, вытаскивая, понимаете ли, своих подопечных из-под столов.

— Ну, Лайонел, ну не до такой же степени!

— Если и преувеличиваю, — легко согласился Мэриотт, — то совсем чуть-чуть. От Дэниса, во всяком случае, я ничего не добился. Он даже не потрудился прислать мне открытку. Нет, первый намек на случившееся настиг меня за день до того, как ему следовало вернуться. Вечером ко мне заехали Элизабет с Квеном. “У нас для тебя хорошая новость, — сказал Квен. — Дэнис встретил девушку, и они собираются пожениться”. “Проворный парень,” — ответил я, и потом мне, конечно, пришлось прибавить, что я очень рад, хотя про себя нельзя было не подумать, что девица, видимо, не в себе. Бедняжка. Давайте я возьму вам еще порцию, Редж.

— Сегодня, — непреклонно сказал Вексфорд, — сегодня хозяин — я. — Он попросил два виски и, ожидая, пока подадут, с любопытством понаблюдал за снующими по залу официантами. Кто из них соперник Квентина Найтингейла? Высокий, с

угрюмым лицом, или тощий, совсем еще юный, с черными прилизанными волосами?

— Они поженились, — продолжил Мэриотт, — на родине Джорджины, в Дорсете. Квен поехал на свадьбу, а Элизабет нет. У нее была мигрень. Конечно, даже Дэнис не мог, достало ума, привести вторую жену в квартиру над зоомагазином, поэтому Элизабет пригласила их пожить в поместье, пока они не найдут себе что-нибудь поприличней.

Найтингейлы устроили прием в честь новобрачной. Были приглашены все, кто хоть что-нибудь собой представляет. Старушка Присцилла и лорд Джордж, Роджерсы из Помфрита, Примроузы из Форби и, конечно же, ваш покорный слуга. — Нимало не выглядя покорным, Мэриотт, нагнетая атмосферу, понизил голос до драматического шепота. — Джорджина жила в доме, однако в гостиной появилась последней. “Ага! — подумал я, она собирается сделать торжественный выход, маленькая плутовка”. Никто из нас раньше ее не видел, так что, естественно, все ждали, затаив дыхание. Дамы, те были просто как на иголках. Элизабет выглядела ослепительно. Белый бархат, понимаете? Он всегда сообщает женщине что-то удивительное. Хотите верьте, хотите нет, но я сам видел, что даже Дэнис смотрел на нее с каким-то мрачным восхищением.

И вот, когда мы все изнемогли от нетерпения, входит Джорджина в поддельных жемчугах от Вулворта* и в таком, знаете, платье в форме бочонка, и уверяю вас, это платье перенесло уже не одну стирку, — так сказать, побывало в бочонке неоднократно. Ну, наши дамы разглядывали ее во все глаза. Но она ничуть не оробела, напротив, даже доминировала в застольной беседе. Мы оказались посвящены во все ее проекты: как она благоустроит дом, как уютно станет в их с Дэнисом гнездышке и как у них будет шесть детей. А как она демонстрировала права на мужа! Представьте себе, дорогой, она прямо-таки окрысилась на Элизабет за то, что та не посадила ее рядом с Дэнисом!

Должен сказать, что Элизабет по отношению к ней вела себя просто очаровательно. Она даже похвалила ее платье и в самом деле старалась держать Джорджину в центре внимания. Больше того, она прямо искрилась радостью и выглядела ни на день старше, чем двадцать пять, ей-Богу.

— А Джорджина, — спросил Вексфорд, — вам не показалось, что она завидует?

— Чему? Распределению ролей? Ну, если считать, что женщина, изливающая на всех и каждого презрение только на том основании, что у нее имеется известное число мещанских идей, выражает таким образом свою зависть, то да, полагаю, завидовала. Конечно, с тех пор мы с ней виделись не меньше ты-

* Вулворт — дешевый универмаг.

сячи раз, и все, о чем она способна говорить, это какой чудесный у них с Дэнисом брак и как они обожают друг друга.

— И что, это действительно так?

— Ну, Дэнис, вне всякого сомнения, предел ее мечтаний, — сказал Мэриотт, — хотя, как видите, шести детей пока нет как нет. Что касается Дэниса, то второй брак, по всей видимости, вызывает у него не такую тоску, как первый, но, в конце концов, его всегда интересовала только одна вещь на свете — его работа. Как только они с Джорджиной устроились в своем бунгало, он снова стал ошиваться в поместье — точно так же, как раньше.

— Судя по всему, вы тоже там ошивались, — не без иронии сказал Вексфорд, — хотя бы для того, чтобы иметь основания так утверждать.

Мэриотт несколько растерялся и замер с видом несколько глуповатым. Потом встряхнулся, вскочил с места и умоляюще проговорил:

— Знаете, дружище, вы должны отпустить меня на секунду. Мне просто необходимо забежать в ресторан перекинуться словечком с...

— Я отпускаю вас насовсем, — рассмеялся Вексфорд, — на сегодня.

— Ты полагал, — говорил доктор Крокер на следующее утро, — что она была в этой косынке, когда произошло убийство. Так вот, ты был неправ. Если б косынка была у нее на голове, она просто пропиталась бы кровью.

— А может, она была на шее или в руках...

Доктор фыркнул.

— Да, и после того, как миссис Найтингейл убили, она вытерла ею рану? Потому что, судя по пятну, оно появилось именно в результате того, что косынкой что-то вытерли.

Вексфорд сложил страницы отчета и сунул их в папку.

— Ты говорил, что в эту ночь принимал роды, — припомнил он. — Как ты ехал к больной, не через Кластервилл?

— Конечно, через Кластервилл. А что?

— Дом Виллерсов знаешь?

— Конечно, знаю. Я проехал там около одиннадцати.

— Ты не обратил внимания на дом? — оживился Вексфорд. — В окнах горел свет? У подъезда стояла машина?

У доктора вытянулось лицо.

— Да я даже не глянул. Я думал, как там роженица, и правильно ли лежит плод. Конечно, если б я знал...

— Ну, — оборвал его Вексфорд, — эту песню я слышу то и дело. А вот и Майк!

Берден выглядел утомленным.

— Мы обошли втроем весь Майфлит, дом за домом, — сказал он. — Такое впечатление, что вечером за дверь никто и носу не

кажет. После девяти вся жизнь замирает, и если человек не в кровати, то, значит, в пабе. Кроме Кэти Доорн, по этой дороге никто не ехал. Я снова поговорил с ней и добился только ужимок и рассказов о каких-то омерзительных шведских фильмах. Однако, сдаётся мне, она просто не хотела говорить об этой поездке.

— Вздор, — бросил Вексфорд, стараясь не выдать, какая буря клокочет в нем. — Говорю тебе, эта девушка не имеет никакого отношения к смерти миссис Найтингейл.

— Может, и не имеет. Но все-таки странно, сами подумайте. Охотно рассказывает о своих похождениях с Найтингейлом и этим офицером, но замкнулась на замок, едва я попытался расспросить ее о том, как она ехала домой в тот вечер. И еще одна вещь. Малолитражка Найтингейла стояла у конюшен, и Шон Ловелл драил ее, изо всех сил стараясь смыть с переднего бампера какую-то царапину.

— Ну, Майк, я не знаю, что из этого следует. Мы же ищем не помятую машину, а свидетеля, который бы мог поведать, как ночью проезжал мимо Виллерсов.

Любовников Вексфорд застал в разгар вечерней трапезы. Среди непокрытого стола стояла миска вареной фасоли.

Впустив его, миссис Ловелл снова уселась на место.

— Мой сегодняшний визит не имеет отношения к Шону. — Вексфорду стало ясно, что чаю ему не предложат, но один взгляд на треснутые чашки и грязное горлышко молочной бутылки сгладил его разочарование. — Я рассчитывал на удовольствие побеседовать немного с мистером Тоуни.

— С Элфом?! А что вам нужно от Элфа?

Вексфорд посмотрел на поставщика яиц и овощей, прикидывая, как же разговорить патологически неразговорчивого человека. Черные глазки на смуглом скуластом лице ответили ему невыразительным взглядом. Наконец он спросил:

— Вы много времени проводите здесь со своими друзьями, да, мистер Тоуни?

Миссис Ловелл гортанно рассмеялась.

— Мой Шон никакой ему не друг. Это ко мне он приходит. Верно, Элф?

— Угу, — промычал Тоуни.

— Это хорошо, — сказал Вексфорд. — После тяжелой дневной работы мужчине необходимо женское общество.

— И горячая еда тоже. Он ведь весь исхудал, бедняжка, куда я не заставила его сюда приходить. Ведь любишь рожки с кремом, а, Элф?

— Угу.

— В котором часу примерно, — осведомился Вексфорд, — вы покидаете дом миссис Ловелл, чтобы вернуться к себе?

— Рано, — закивала хозяйка, выходя еще цыганистей, чем обычно. — Элф всегда уезжает без пятнадцати одиннадцать. —

Она вздохнула, и Вексфорд понял, что столь ранние прощания в прошлом являлись у них яблоком раздора. И тут с поразившей его пронизательностью она спросила: — Вы небось хотите узнать, не видел ли он что-нибудь в ту ночь, когда эту, из поместья, убили?

— Именно. Меня интересует, не обратил ли мистер Тоуни случайно внимания на дом мистера Виллерса — вы ведь знаете, о ком я говорю? — когда ехал отсюда в Кластервилл?

— Насчет внимания ничего не знаю, но он пытался достучаться до них, верно, Элф?

— Угу.

Вексфорд, насторожившись, ждал продолжения.

— Ну же, Элф, расскажи. Джентльмен задал тебе вопрос. — Тоуни в ответ мелко задрожал всем телом. — Он тогда был просто вне себя от всего этого, — сказала миссис Ловелл. — Даже разговорился — по его меркам, конечно. Ну же, Элф, давай.

И Тоуни заговорил.

— Без толку, — вымолвил он. — Их не было, и дом был закрыт на ключ.

— Позвольте, я попытаюсь все свести воедино. Значит, мистер Тоуни ехал на велосипеде, когда мимо пронеслась машина, задела его и почти сбила на землю. — Восхищенный взгляд миссис Ловелл подсказал Вексфорду, что угадано правильно. — И он запомнил номер машины, намереваясь сообщить его в полицию, чтобы водителя наказали.

— Не запомнил он никакого номера. — Рука миссис Ловелл нырнула в бумажный пакет за последним рожком с кремом. — Он и так знал, кто это. Та иностранка с поместья.

— И мистер Тоуни, значит, постучал в дверь к Виллерсам, потому что хотел воспользоваться телефоном? — Вексфорду не хватало воображения, чтобы представить Тоуни объясняющимся, извиняющимся, говорящим по телефону, извиняющимся еще раз.

— Окна в доме были как есть темные, — с чувством произнесла миссис Ловелл — ни дать ни взять цыганка, пугающая ночью рассказами детей у костра. — Элф стучал-стучал, но никто не вышел, верно?

— Угу, — сказал Тоуни.

— В котором часу это было?

— Элф уехал отсюда в пол-одиннадцатого. Он все стучал и стучал, и как раз пробило одиннадцать, да, Элф? Часы на Кластервиллской церкви. Ну же, Элф, скажи ему, ты же был там.

Тоуни глотнул чаю, наверно, чтобы смочить редко используемые голосовые связки.

— Я колотил, но никто не вышел. — Тут он сильно закашлялся, и Вексфорд отвел глаза. — И я сказал себе: его нет и ее тоже нет.

— Молодец, Элф, — поощряюще улыбнулась миссис Ловелл.

— Мог бы и раньше додуматься. Ворота гаража были распахнуты.

— И не было обеих машин! Поэтому Элф бросил это дело, а утром поостыл немного, да, Элф, и подумал, чего беспокоиться, если кости целы? Но учти, я еще скажу этой иностранной сучке, что я о ней думаю, дай только увижу ее в деревне.

Бедная Кэти. Вексфорд подумал, не стоит ли наедине осторожно и мягко предупредить ее об опасности. Нет. Лучше забыть об этом, оставаться привязанным к мачте, пока сирена песнями привлекает других.

В сентябре даже самые ухоженные сады кажутся дикими, вольными, вырвавшимися из-под хозяйской опеки. Этот был — как необитаемый остров в море полей, кусок стерильной, лишенной выражения земли, где немедленно подрезали любой своевольный побег, любой вольнодумный росток. Трава была бурая, скошенная под корень, и ничего, что давало бы тень.

Дэнис и Джорджина Виллерсы сидели в неудобных, дешевых шезлонгах на металлической раме и с деревянными, из экономии, маленькими подлокотниками. Прежде чем оповестить о своем присутствии, Вексфорд понаблюдал за ними. Дэнис, утверждавший, что никогда не читает газет, как раз читал газету и не обращал никакого внимания на жену. А жена, не занятая ни книгой, ни рукоделием, глядела на него с той истовостью, с какой впадают в экран фанатичные поклонники кино.

Вексфорд кашлянул, и Джорджина, как ужаленная, вскочила на ноги. Виллерс поднял глаза и со свойственной ему ледяной брезгливостью произнес:

— Держи себя в руках. Не будь дурой.

Вексфорд приблизился и через плечо Виллерса взглянул на газету, что тот читает. Это оказалась занимающая с половину газетной страницы рецензия на последнюю опубликованную им книгу.

— Мистер Виллерс, — без обиняков начал Вексфорд, — почему вы сказали мне, что в ночь на среду прямоком вернулись из поместья домой и сразу легли спать? В одиннадцать дом был пуст. Почему вы не сказали, что выезжали еще раз?

— Забыл, — спокойно произнес Виллерс.

— Забыли?! Я ведь спрашивал вас совершенно однозначно?

— И тем не менее — забыл. — На холодном лице Виллерса не отразилось ни страха, ни смущения. Этот человек обладал странной силой, недюжинным самообладанием. Казалось, что пробить его невозможно. Откуда же тогда это смутное ощущение, что он сломлен, сломлен давно и непоправимо, и что сила его никогда не была по-настоящему прочной?

— Хорошо, сэр. Предположим, забыли. Отлично. А куда вы поехали, вы тоже забыли?

— Я поехал туда, куда и сказал, что поеду. В школьную библиотеку, просмотреть справочник.

— Какой именно?

— Вы уверены, что вам станет легче, если я отвечу? — с холодным презрением осведомился Виллерс, пожав плечами. — Извольте: я хотел установить степень родства между Джорджем Гордоном и Уильямом Вордсвортами.

К своему унижению, Вексфорд не мог не признать, что от этого ответа ему и впрямь легче не стало. Он повернулся к Джорджине Виллерс, сгорбившейся в своем шезлонге. Ее руки покрывала гусиная кожа, на верхней губе блестели капельки пота. На этот раз на ней совсем не было бижутерии. Неужели теперь, когда появилась возможность украсить себя настоящими драгоценностями, дешевые подделки перестали приносить ей радость? Или она узнала от Найтингейла, в каких презрительных выражениях оставлен ей этот дар?

— Мистер Виллерс ездил в библиотеку в вашем сопровождении? — Она слабо потрясла головой. — Если бы это было так, вряд ли вам понадобились бы две машины. Однако вы выезжали. Куда?

— Я просто... просто ездила по улицам! — Она сорвалась на визг.

— Могу я узнать, зачем?

Ответил за нее Виллерс.

— Моя жена, — сказал он угрюмо, — рассердилась, что я уехал. Поэтому она сделала то, что часто делает в подобных случаях, то есть вывела свою машину и поехала прогуляться по окрестностям. — Он желчно улыбнулся. — Остудить свой гнев.

— Звучит неубедительно, — медленно произнес Вексфорд. Он окинул голый сад взглядом. — Я думаю, более откровенно мы могли бы поговорить в полицейском участке.

Джорджина издала вопль и бросилась к мужу. Вексфорд думал, что тот приструнит ее, однако Виллерс принял жену в объятия с нежностью почти любовной. Стоя, он гладил ее сухие, жесткие волосы.

— Как вам угодно, — равнодушно сказал он.

— Нет, нет, нет! — рыдала Джорджина в плечо мужа. — Ты должен сказать ему, скажи!

Опять солжет, подумал Вексфорд.

— Моя жена хочет, чтобы я сказал вам, что вы настоящий болван, главный инспектор, — произнес Виллерс, потрепал Джорджину по голове, как треплют собаку, и отстранил от себя. — Позвольте дать вам совет. В следующий раз, когда вам вздумается обвинять кого-либо в убийстве по мотивам материальной заинтересованности, убедитесь сначала в ценности того, что он приобретет вследствие преступления. Я — опытный

лжец, — сказал он почти любезно, — но сейчас я не лгу. Все драгоценности моей жены — подделки. Я буду крайне удивлен, если они все скопом потянут больше, чем на пятьдесят фунтов. Ищите где-нибудь в другом месте, мистер Вексфорд. Вы не хуже меня знаете, что дутое обвинение против моей жены не имеет под собой ничего, кроме мотива. И где этот мотив теперь?

Унесен солнцем, подумал Вексфорд, глядя, как светило скачивается за затянутые туманом поля. Внезапно он понял, что на этот раз Виллерс не лжет.

Глава 13

Вексфорда впустил в дом сам Квентин Найтингейл. Кэти поблизости не оказалось, но Вексфорд чувствовал ее недавнее присутствие в строгом кабинете хозяина. Вот тут она стояла, обнимая Квентина, целовала его — и убежала, услышав дверной звонок.

Что касается Квентина, он выглядел отрешенным, словно влюбленный, вспоминающий блаженное былое, нетерпеливо ждущий скорого свидания. Новость, принесенная Вексфордом, вернула его в неприятное настоящее.

— Все драгоценности Элизабет покупал ей я сам, — заявил он. — На большую часть их у меня сохранились чеки. Если угодно, могу показать.

— Позже. Сначала мне хотелось бы еще раз взглянуть на камни.

Квентин снял Стубса, открыл сейф и принялся перекладывать драгоценности из футляров себе в горсть. Браслеты и кольца яркими струйками потекли у него меж пальцев.

В сверкающей кучке камней Квентин нашел обручальное кольцо своей покойной жены и отошел с ним к окну, но сумерки сгустились, и он вернулся к столу и зажег настольную лампу.

— Мои очки лежат как раз у вашего локтя, — сказал он Вексфорду. — Не сочтите за труд...

Вексфорд подал ему очки.

— Это подделка, — голос Квентина дрогнул. — Это не то кольцо, которое я подарил Элизабет в день нашего обручения.

— Почему вы в этом уверены?

— Не потому, что разбираюсь в камнях. Мне придется найти эксперта, чтобы с уверенностью судить об остальных вещах. Здесь есть кто-нибудь в окрестностях или нужно обращаться к лондонским специалистам?

— Найдем кого-нибудь здесь. Но вы не сказали мне, почему убеждены, что это — фальшивое.

— Когда я купил его, — с горечью сказал Квентин, — я попросил выгравировать на внутренней стороне несколько слов. — Взяв у него кольцо, Вексфорд понял, что он не собирается говорить, что это за слова. — Внутри нет гравировки.

— Действительно.

Квентин сел и быстрым, почти произвольным движением отпихнул от себя огнистую кучку камней. Бриллиантовое — бриллиантовое ли? — кольцо блестящей змейкой упало на ковер к ногам Вексфорда.

— Я думаю, — произнес Квентин, — это все копии. Добротные копии, не так ли? Все добротные, кроме одной. Она велела скопировать и камни, и платиновую оправу, но не позаботилась попросить их скопировать и слова тоже, потому что слова для нее не значили ничего. Как же я был ей безразличен...

Могло ли стать, что именно это безразличие, в котором он убедился так окончательно и неопровержимо, заставило Квентина принять роковое решение? Могло ли стать, что именно оно побудило его сделать следующий, определенно безрассудный и опрометчивый шаг? Позже, когда дело было уже закрыто, Вексфорд часто задавал себе этот вопрос. Но наутро другого дня, вернувшись в поместье от ювелира, он не думал об этом, и новость застигла его врасплох.

Кэти провела его в гостиную, и он на ходу уже принялся было разворачивать коричневую бумагу, в которую были завернуты фугляры, когда заметил, что Квентин не один. Рядом с ним, держа его руки в своих, у стеклянной двери в сад стоял Дэнис Виллерс. Вексфорд уловил последние фразы, по всей видимости, поздравительной речи.

— ...как бы то ни было, мои самые добрые пожелания, Квентин. Я чрезвычайно рад за тебя. — Тут Виллерс заметил Вексфорда, отпустил руки зятя и сделал надменное лицо.

— Могу я узнать, что за повод для поздравлений, сэр?

Виллерс пожал плечами и повернулся спиной, но Квентин, вспыхнув, протянул руки к Кэти, и девушка подбежала к нему.

— Возможно, главный инспектор, вы сочтете меня неблагодарным, если я вам откроюсь. Ситуация уязвимая, и вы можете трактовать ее не в мою пользу. — Виллерс иронически хмыкнул. — Я бы хотел, чтобы это пока оставалось секретом. Мы с Кэти собираемся пожениться.

Вексфорд положил свой сверток на стол.

— В самом деле? — проговорил он. Они стояли рядом, как отец с дочерью. Наблюдалось даже легкое внешнее сходство, неудивительное для двух образцовых представителей северо-европейского типа. — В таком случае, — сказал Вексфорд, в очередной раз молчаливо прося прощения у Бердена, чьи представления о жизни, в конце концов, оказались уж не так архаичны, — в таком случае примите и мои поздравления.

— Естественно, мы подождем шесть месяцев... Конечно, лучше бы это был год, но...

— Но я не жду целый год, Квентин. Только полгода, наверное. Это нечестно, если ты заставляешь меня целый год ждать

мою новую квартиру в Лондоне, и мою новую быструю спортивную машину, и мою поездку вокруг света в мой медовый месяц.

Так значит, она все-таки хищница, с грустью подумал Вексфорд. Значит, он ошибался. Похоже, в эти дни он только и делает, что ошибается.

— А теперь я бы хотел переговорить с вами с глазу на глаз, сэр.

— Да, конечно.

Виллерс рывком открыл стеклянную дверь и вышел в сад. Ослепительно улыбнувшись через плечо, за ним последовала Кэти.

— Все драгоценности, — начал Вексфорд, — поддельные. Я возил их к старому ювелиру на Куин-стрит. Он помогал мне раньше и абсолютно надежен. Если он говорит, подделка, значит, подделка. Видимо, она продала все, что вы ей дарили, предварительно заказывая точные копии.

— Но зачем, главный инспектор? Я давал ей столько денег, сколько она в состоянии была истратить. Если ей нужно было больше, стоило только сказать мне об этом! И она это знала.

— И что, вы дали бы ей тридцать тысяч фунтов?

— Я не миллионер, мистер Вексфорд, — вздохнул Квентин, прикусив губу. — Драгоценности принадлежали ей, она была вольна делать с ними все, что захочет. Она предпочла их продать. Пожалуй, не стоит даже выяснять, почему. — Он умоляюще посмотрел на Вексфорда. — Я бы хотел забыть эту историю.

— Все не так просто, как вам кажется. — Вексфорд сел, вынудив хозяина сесть тоже. — Ваша жена продала свои драгоценности, потому что нуждалась в деньгах. И теперь моя очередь спрашивать, для чего. Для чего, мистер Найтингейл, вашей жене нужны были деньги, и что она с ними делала? Мы знаем, что тратила. Ее счет пуст. Куда же ушли фунты?

Квентин с несчастным видом пожал плечами.

— Знаете, она была очень щедрая. Может быть, на благотворительность?

— Тридцать тысяч фунтов? И зачем бы тогда ей скрывать это от вас? Нет, мистер Найтингейл. Я думаю, что ее шантажировали.

Квентин наклонился к нему в замешательстве.

— Но это невозможно! Люди подвергаются шантажу, только когда совершают что-то противозаконное. Моя жена была... — не находя слов, он беспомощно обвел рукой комнату.

— Это не обязательно преступление против закона, — спокойно сказал Вексфорд. — Бывают и преступления против морали.

Квентин обдумал эту мысль, и его лицо прояснилось.

— Вы хотите сказать, что она могла мне изменить, и кто-то узнал об этом?

— Что-нибудь в этом роде, сэр.

— Нет, мистер Вексфорд, вы идете по ложному следу. Я не из таких мужей. Что бы ни сделала моя жена, я бы простил ее, и она это знала. Мы обсудили этот вопрос вскоре после того, как поженились, как это обычно бывает между новобрачными. Элизабет спросила, что я думаю по этому поводу, — понимаете, это был чисто теоретический вопрос, заданный, чтобы лучше узнать меня. Мы были тогда... мы были тогда очень влюблены друг в друга.

— И что же вы ответили?

— Что если она когда-нибудь придет ко мне и скажет, что... что у нее был кто-то еще, я никогда не упрекну ее и, уж конечно, не разведусь с ней. Если она сама придет ко мне и расскажет. Я сказал, что прощение — неперемнная составляющая любви, и что в несчастье она более всех будет нуждаться во мне.

— Бывают такие провинности, — мягко перебил его Вексфорд, — которые невозможно простить. Вы интеллигентный, добропорядочный человек, но плохо знаете жизнь. Сомневаюсь, хорошо ли вы знаете самого себя. Вы имеете представление о том, что доставляет вам удовольствие, но осознаете ли вы, что вызывает у вас отвращение?

— Ничто из того, что могла бы сделать Элизабет, — упрямо ответил Квентин.

— Возможно, но она все-таки могла опасаться, что это знание оттолкнет вас, и до такой степени, что готова была заплатить тридцать тысяч, лишь бы вы не узнали.

— Вы так думаете? — беспомощно спросил Квентин. — Но кто же из ее знакомых мог требовать с нее деньги?

— Я надеялся, что вы сумеете ответить на этот вопрос. Может быть, кто-то из слуг?

— Миссис Кэнтрип, которая предана нам уже пятнадцать лет? Старый Уилл, который сама почтительность? Шон, боготворивший землю, по которой она ступала? Сами судите, как это все нелепо. И вообще, почему это должна быть прислуга?

— Было бы еще менее вероятно, если бы вы взялись перечислять друзей, не так ли? Прислуга, живущая в доме, имеет доступ к личным документам, может увидеть что-то нежелательное, найти какие-то фотографии.

— Свидетельства неверности? Но я же сказал вам, она знала, что я пойму. Я простил бы измену, как бы больно мне это не было.

— До того, как завести прислугу на пансионе, — сказал Вексфорд, — у вас была в услужении супружеская пара. Как, бишь, их звали?

— Тухи, — ответил Квентин.

Беленький коттедж был выдраен от подвала до чердака. Когда Вексфорд приехал, миссис Кэнтрип прервала обязательную

субботнюю уборку и села, подхватив на руки рыжего кота. В комнате сильно пахло смесью нафталина и полироля.

— Тухи, сэр? — переспросила она. — Мистер Найтингейл уволил его за непочтительность. Никогда не умел вести себя, как подобает, и никогда не выполнял задание на день, уж это я знала, как никто. Вечно болтался, где не надо, вынюхивал, высматривал — ну, вы понимаете, что я имею в виду.

— Значит, за это его и уволили?

Кот соскользнул на пол и принялся точить когти о ножку стола.

— Прекрати, Рыжик, — сказала ему миссис Кэнтрип. — Ну, сэр, всему же есть предел, и это суцая правда. За пару недель до того, как его уволили, он так надерзил мадам, что дольше терпеть было нельзя, а ведь мадам всегда была такая мягкая и совсем не умела за себя постоять. Мадам застала его, когда он угощался виски мистера Найтингейла, и когда она попеняла ему за это, он сказал: “Да ведь у вас его хоть залейся”, нет, вы когда-нибудь слыхивали что-то подобное?

— А его жена?

— Ну, она была не так уж плоха. Под каблуком у него, по правде сказать. Ко мне она всегда хорошо относилась, два года подряд присылала открытки на Рождество.

— Значит, вы знаете их адрес? — перебил ее Вексфорд.

— Как можно, я ни разу не ответила ей, сэр, — миссис Кэнтрип порозовела от негодования. — Это не те люди, с которыми хотелось бы водить знакомство. Но я заметила, что первая была из Ньюкасла.

— Они вновь поступили в услужение?

— Этого не могу сказать, сэр. Тухи вечно заносился, говорил, что ему надоела такая жизнь, что хочет открыть скобяную лавку, но миссис Тухи шепнула мне, когда он не слышал, что это просто воздушные замки. Откуда бы им взять капитал, а, сэр? Ни пенни ведь за душой, и это суцая правда.

Глава 14

Вексфорд проводил жену до церкви, покинув ее у ворот храма. Лишенный религиозного чувства, он сопровождал иногда миссис Вексфорд на утреннюю службу, чтобы доставить ей удовольствие, но сегодня долг звал его так же повелительно, как ее, но не колокольным звоном, а молчаливо манящим пальцем.

Берден, уже при деле, сидел у телефона, организуя поиски Тухи.

— Родился в Дублине около пятидесяти лет назад, — говорил он в трубку, — волосы темные, бородавка в левом углу рта, если еще не срезал. Судим за валютные махинации — попался, когда работал на должности управляющего отелем в 1954 году в Манчестере. В настоящее время может проживать

либо в вашем Ньюкасле, либо в Ньюкасл-андер-Лайме. Держите нас в курсе. — Он положил трубку и криво улыбнулся начальнику.

— Ты выполнил свое домашнее задание, — похвалил Вексфорд, когда Берден подал ему фотографию только что описанного индивида. — Я ведь, кажется, велел тебе вечером отдыхать и закончить покрасочные работы?

— Я и закончил. И не ночью делал свое домашнее задание, а встал утречком на заре и уже имел беседу с миссис Кэнтрип.

— Она что-нибудь знает о том, как деньги передавались Тухи?

Берден закрыл окно. Его не радовал звон колоколов.

— Для нее это было полной неожиданностью. Я думаю, настоящему до нее не дошло. Чтобы ее ангелоподобную миссис Найтингейл да шантажировали?

— Она никогда не слыхивала ни о чем подобном, и это суцкая правда? — усмехнулся Вексфорд.

— Да, в этом духе. Она уверена, что поблизости Тухи нет, потому что если бы так, его жена непременно навестила бы ее.

Вексфорд пожал плечами. Берден прочно занял надежное крутящееся кресло, и ничего не оставалось, как удовольствоваться одним из тех, что похлипче. Неприязненно посмотрев на инспектора, он спросил:

— А почему это он должен оказаться поблизости?

— Потому что, может, это его миссис Найтингейл повстречала в лесу.

— Вообще-то, убивают обычно шантажистов, а не жертв шантажа.

— А что, если она сказала, что у нее кончились деньги, а он разъярился и убил ее? Мы же решили, что убийство непредумышленное, правда? Ну, наконец-то эти колокола отзвонили. — Он снова открыл окно и поднял жалюзи так, что солнце брызнуло прямо в глаза Вексфорду. Тот сердито отодвинулся вместе с креслом. — Или же Шон Ловелл мог увидеть их вместе и горяча...

— Значит, теперь ты сам начал подозревать Ловелла?

— Держу пари, миссис Найтингейл сказала Шону, что оставит ему все свои деньги, не уточнив, сколько их у нее. Он мог решить, что много, больше, чем оказалось на самом деле, и поторопить события.

— Брось, Майк, если и убил, то либо из корысти, либо из ревности. Два мотива сразу — это перебор. — Вексфорд поднялся. — Ну ладно, пойду-ка я угощу Лайонела Мэриотта. Пропустим по стаканчику в "Оливе".

Берден снова взялся за телефонную трубку.

— Очень мило, — подчеркнуто проговорил он. — Жаль, что я так занят, что не могу к вам присоединиться.

Вексфорд стоял, опершись на перила Кинсбругского моста в ожидании, когда откроется “Олива и голубка”.

— И о чем же вы задумались? — осведомился Мэриотт, хлопав его по плечу.

— О том, что старею, Лайонел.

— Да вы тех же лет, что и я!

— Да нет, пожалуй, моложе, — мягко поправил Вексфорд. — Мне только что пришло в голову, что в этом деле замешано множество лиц, не подходящих друг другу по возрасту. Отсюда — мысль, что сам-то я старше почти их всех. — Он посмотрел в тихое сассекское небо, чистое, яркое. — Старик и сухая погода, — произнес он. — Старик и сухой счет.

— Ну, в “Оливе” сухо не будет, — отозвался Мэриотт. — Пошли, Геронтиус, промочим горло.

Хорошим деньком посетители “Оливы” могли насладиться своим стаканчиком в саду под открытым небом. Это был пыльный маленький сад, не слишком ухоженный, но Вексфорд с Мэриоттом, подобно большинству англичан, полагали своим долгом, если ясно, сидеть снаружи, ибо солнечные дни — редкость и длятся недолго.

— Но я уже рассказал вам все, что знаю, Редж, — сказал Мэриотт. — Больше нечего.

— И это вы мне говорите такое?!

— Увы, да, если, конечно, вы не хотите, чтобы я расцвел канву своими собственными идеями.

Вексфорд вынул из своего стакана сухой лист, сердито посмотрел на дерево, с которого тот свалился, и вдруг спросил:

— Как вы думаете, может, этот Виллерс — гомосексуалист?

— О, Господи, нет. Я бы так не сказал.

— И все-таки, по вашим словам, между женитьбами у него не было никаких приятельниц.

— Да у него вроде не было и приятелей тоже.

— М-м. А Квентин Найтингейл?

— Квентин — наверняка нет. Я сильно подозреваю, что он соблазняет эту маленькую голландку. Просто-таки свихнулся на ней, если хотите знать. Согласен, что Дэнис к обеим своим женам относился прохладно, но Квен, когда женился на Элизабет, был от нее без ума, и сейчас он явно снова влюблен.

Вексфорд не собирался предавать доверие Найтингейла даже кивком головы.

— А что, если Элизабет знала, что ее брат — голубой, — сказал Вексфорд, — и ненавидела его за это, однако была готова на значительные жертвы, лишь бы эта новость не распространилась?

— Не вижу, кому бы вздумалось убивать ее за это.

Допивая стакан, Вексфорд решил ни намеком не наводить Мэриотта на мысль о шантаже и вымогательстве.

— Нет, скорее всего, ее кто-то увидел в лесу с женщиной, и тот, кто увидел, тот и убил. — И прибавил задумчиво: — “Моя певчая птичка, единственный настоящий соловей в Майфлите”.

Голосом человека, жаждущего быть полезным, Мэриотт спросил:

— А может, Квен — это его отец? Уилл Палмер вечно твердит, что у Шона никогда не было отца. Как насчет этого?

— Что вы сейчас читаете? — оборвал его Вексфорд. — Миссис Генри Вуд? “Свадьбу Фигаро”?

— Простите. Просто пришло в голову. Идея.

— И неважная. Наверно, вы хороший учитель литературы, Лайонел, но как детектив никуда не годитесь. — Вексфорд скорбно улыбнулся. — Даже хуже меня, — прибавил он, поднимаясь с мыслью, что пора пойти посмотреть, что удалось узнать Бердену, пока он тут прохлаждался.

Мэриотт остался сидеть, но когда Вексфорд уже шел по мосту, настиг его.

— Знаете, — сказал он, запыхавшись, — я кое-что вспомнил. Элизабет имела обыкновение посылать чертовски много посылок. Маленькие такие, обернутые в коричневую бумагу. Частенько, бывая в доме днем, я видел такой пакетик на столике в холле, и на нем, в ожидании почтальона, обязательно лежало письмо-другое. Пригодится?

— Не знаю, но все равно — спасибо.

— На здоровье, дорогой мой, — Мэриотт повернулся, чтобы уйти, поглядел через плечо и прибавил как-то тоскливо: — Не бросайте меня, Редж, теперь, когда вы выжали меня досуха.

— Даже полицейским нужны друзья, — ответил Вексфорд и направился к Хай-стрит.

Берден сидел за письменным столом и ел сэндвич.

— Убирайся отсюда, — сказал Вексфорд. — Крошишь на мой бювар.

— Вы сами всегда на него крошите.

— Возможно, но это мой бювар и, кстати, мой кабинет.

— Простите, сэр, — добродетельно произнес Берден. — Я думал, вы у нас теперь завсегда тут паба.

Вексфорд раздраженно фыркнул, сдул крошки с бювара и с достоинством занял свое место.

— Новости есть?

— Пока нет. В Ньюкаслах его не нашли. Я запросил Дублин.

— В одном ты ошибаешься, Майк. Тухи не встречался с миссис Найтингейл в лесу. Она посылала ему деньги пакетами. Не знаю, по какому адресу, но можно спросить Кэти.

Берден сжал губы в тонкую линию.

— Ну, поскольку ты уже пообедал, — сказал Вексфорд, — давай теперь туда.

Берден застонал.

— Может, не надо? — голосом своего сына тоненько попросил он.

— Смеешься, что ли? — загремел Вексфорд. — Спятил? Не съест же она тебя!

— Я и не боюсь, что она меня съест, — отозвался Берден, смял пакет из-под сэндвичей, бросил его в корзинку и вышел, одарив на прощанье шефа притворно-смятенным взглядом.

Вексфорду ничего не оставалось, как ждать. Он послал Брайента в буфет за чем-нибудь перекусить, и когда перекусил, почувствовал вдруг, что ужасно хочет спать. Чтобы не заснуть, он решил что-нибудь почитать, а поскольку в кабинете у него ничего, кроме полицейских рапортов, которые он знал наизусть, не было, .. то вспомнил про книгу, которую дал ему Виллерс, и принялся за нее. Одолевал три абзаца, задремал и, как ужаленный, подскочил от резкого телефонного звонка.

— Поищите по скобяным лавкам, — устало сказал он в трубку. — Особенно по тем, которые за последние четыре года сменили хозяев. Имя он мог поменять. — И вдохновенно прибавил: — Я бы посоветовал обратить внимание на такие примеры вывески, как “Соловей” или “Дары поместья”.

Вернулся к первой странице “Влюбленного Вордсворта”, на которой было изображено фамильное древо поэта. Там, среди прочих, отчетливым черным шрифтом значилось имя “Джордж Гордон Вордсворт”. Это был, как стало ясно Вексфорду, родной внук поэта. И Виллерс пытался внушить ему, что именно эти сведения, только что опубликованные в его собственной книге, понадобились ему в роковую ночь, и что именно за ними он отправился в школьную библиотеку! Определенно, недооценка противника была слабостью этого человека...

Берден вернулся, когда пробило восемь часов.

— Ну, Майк, никто бы не смог упрекнуть тебя в торопливости.

— Их с Найтингейлом не было дома. Пикник в лесу, кажется. Я ждал, пока они не вернулись.

— Ну, и вспомнила она адрес на конверте?

— Говорит, что отсылала только пакеты, которые миссис Найтингейл адресовала ее матери в Голландию. Лишь один раз, в прошлый вторник, то есть в тот день, когда миссис Найтингейл убили, она отправила два, один матери, а второй еще куда-то, но она даже не взглянула на адрес.

Вексфорд пожал плечами.

— Что ж, Майк, попробовать все равно стоило. Попытка не пытка. Извини, что тебе пришлось так провести воскресенье. Или все-таки пытка, а?

— Найтингейл все время был в комнате.

— Ты сказал это так, словно он медсестра в кабинете врача. Ладно, теперь я сам поеду, поброжу вокруг Майфлита и, воз-

можно, еще раз поговорю с миссис Кэнтрип. Иди-ка домой. Если что, тебе позвонят.

Поиск может занять несколько дней, даже несколько недель, но в конце концов Тухи непременно найдут. И тогда, думал Вексфорд, проезжая мимо Королевской школы, тогда он заговорит. Будет сидеть в кабинете Вексфорда, смотреть в окно на бледно-голубое небо — так же, как до него сидели и смотрели сотни других бессовестных мошенников, но, в отличие от них, у него не будет причины держать язык за зубами. Большой срок ожидает его независимо от того, заговорит он или будет хранить молчание. Может быть, он заговорит даже с охотой, чтобы отомстить женщине и ее семье за то, что денег с них больше не получить.

И что же он скажет? Что любовь Виллерса к зятю относится к чувствам, не одобряемым ограниченным большинством? Что у Элизабет было полно любовников, по возрасту годящихся в сыновья? Или что много лет назад Виллерс и Элизабет были соучастниками какой-то преступной тайны?

Может быть, именно здесь кроется разгадка? Тухи должен знать, так ли это.

Вперед, в Майфлит. Колокола Кластервиллской церкви звонили к вечерне, и как только звук их затих за спиной Вексфорда, он услышал впереди колокола Майфлита, восемь колоколов, бронзовым трезвоном тревожащих вечерний воздух.

К калитке миссис Кэнтрип была прикреплена бумажка: "Ушла в церковь. Вернусь в 7.30". Просто приглашение для грабителей, подумал Вексфорд, нахмурился в раздумьи и не смог припомнить, когда в Майфлите за последние десять лет хоть кого-то ограбили. Под кронами майфлитских деревьев скрывались более солидные преступления. Он повернулся, чтобы уйти, и рыжий кот, подкрававшийся из-за клумбы, потерял о его ноги.

Вдыхая запах сосновых лап, весь день гревшихся на солнце, Вексфорд вошел в лес. Он выбрал ту тропинку, по которой шла Элизабет в ту последнюю ночь, и она вывела его на поляну, где Элизабет встретилась... с Тухи?

Если ее собеседником был Тухи, и за ними наблюдал Шон, не разобравшийся, для чего они встретились, то каким путем являлся сюда Тухи? Черной лесистой дорогой из Помфрита? Или тропкой, обтекающей сады Майфлита и выходящей, наконец, — куда? Вексфорд решил выяснить это.

Церковные колокола смолкли, и наступила глубокая тишина. Он шел между стройными сосновыми стволами, изредка взглядывая в бледно-серебряное небо, или озирался по сторонам, всматриваясь в лес, такой темный и до высоты человеческого роста такой стерильный, что ни одна птица не пела здесь,

и из всего живущего на свете лишь стайками танцевала лесная мошкара.

Именно из-за комарья Вексфорд обрадовался, когда сосны налево раздвинулись, и он обнаружил, что приближается к садовым заборам. Где-то впереди послышалась музыка, слащаво-приторная мелодия в танцевальном ритме, и это напомнило Вексфорду вкрадчивые эротические соблазны, наплывающие на него из динамика Кэтинога транзистора. Едва он подумал, как приятна и ненавязчива эта музыка в мирный сентябрьский вечер, она вдруг смолкла и через мгновение сменилась отвратительной какофонией, бездарным детищем саксофонов, электроорганов, ударных и электрогитар, терзаемых одновременно.

Вексфорд подошел к забору и поверх него поглядел на квадратный участок земли, поросший сорняком и заваленный мусором. Это был задний сад Ловеллов. Из открытого окна кухни к сараю, откуда неслась какофония, был протянут электрический провод. Вексфорд отступил немного, прикрыв уши руками, потом руки опустил.

Из сарая слышался голос. Тон и тембр не узнать было невозможно, над выговором хорошо поработали. Средне-атлантический акцент, решил Вексфорд.

Он прислушался с возрастающим любопытством.

Обращаясь к воображаемой аудитории, Шон Ловелл гладким профессиональным говорком кратко охарактеризовал только что прослушанное произведение, а затем с форсированным энтузиазмом объявил следующую запись. На этот раз прозвучал опус, исполнявшийся группой большего состава и оглушивший Вексфорда еще болезненней предыдущего.

Наконец шум прекратился. Шон заговорил снова, и когда Вексфорд вполне оценил значение этой речи, его обожгла жалость. Наверно, подумалось ему, немного есть опытов столь же печальных, как подслушать человека, когда тот, наедине со своими мечтами, убажывает свое убогое, смешное тщеславие.

— А теперь, — говорил бестелесный голос, — а теперь то, чего вы все так долго ждали! Да, вы проделали длинный путь, и я обещаю вам: вы не уйдете разочарованными! Вот он, парни и куклы, смотрите, вот он! Ну-ка, давайте дружно похлопаем нашему обожаемому Шону Ловеллу!

Тут он начал петь, без аккомпанемента, и Вексфорд тихо ушел — очень, очень тихо для такого крупного человека, очень осторожно, так, что под его ногами не шуршала игла, устилавшая тропку.

Теперь он знал, чем занимался Шон Ловелл той ночью, что он делает каждую ночь и будет делать еще много ночей в будущем, пока его не поймает какая-нибудь девчонка и не покажет ему, что мечты умирают и что жизнь возделывает только сады богачей.

Глава 15

Вексфорд так утомился, что заснул, едва коснувшись подушки. Подобно большинству людей, вступающих в ту пору жизни, когда средний возраст уже на исходе, но старость еще не началась, ему становилось все трудней хорошо выспаться за ночь. Много лет назад, в молодости, он завел очень разумную привычку на ночь выбрасывать из головы все заботы, которые тревожили его днем, и обращаться мыслью либо к домашним делам, либо к приятным воспоминаниям. Но его подсознание не всегда подчинялось приказам, и зачастую во сне он решал свои служебные проблемы.

Так было и этой ночью. Ему снилось, что он гуляет вдоль реки, как часто делывал наяву, и вдруг видит, что вверх по течению рыбачит с удочкой мальчик — худой, светловолосый, с четкими чертами англосаксонского лица.

Вексфорд подошел ближе, держась в тени деревьев, по какой-то неясной ему причине стараясь остаться незамеченным. У реки было тепло, славно. Мягкий вечер пришел на смену жаркому долгому дню.

Наконец, он услышал чей-то зов и увидел, как по склону холма сбегает девочка. Светлые, почти желтые волосы и строеные лица подсказывали, что это сестра мальчика, чуть постарше его, лет пятнадцать. Она пришла звать его домой, и они принялись ссориться, потому что ему хотелось еще порыбачить.

Вексфорд знал, что ему придется следовать за ними через луга. Они бежали впереди, волосы девочки развевались. Вдруг над ними с грохотом промчался самолет, тяжелыми черными перьями роняя бомбы.

Кое-что от дома осталось, нагие стены с дырами окон, замыкающие собой дымящуюся груды камня, балок и прочего, из чего строится людское жилье. Из-под нее доносились крики заживо погребенных. Дети не испугались, потому что это был кошмар, в котором нормальные человеческие чувства звучат как бы вполголоса. Он бесстрастно наблюдал, как девочка ощупью шла в черный ад, и мальчик за ней по пятам. Тут и он увидел длинную белую руку, тянущуюся из груды щебня, услышал голос, зовущий на помощь, молящий о милосердии. Дети принялись руками разгребать щебень, откидывать камни, и он подошел ближе, чтобы помочь им. Но вдруг он понял, что они не убирают мусор, не раскапывают кричащие лица, а забрасывают, накидывают сверху все больше и больше, а сами хохочут, как демоны, торопясь закончить то, что начала бомба, — и проснулся от собственного крика, велящего им остановиться.

Придя в себя, он увидел, что сидит в постели, а крик вырывается из груди полузадушенным всхрипом. Жена безмятежно спала рядом. Он протер глаза кулаками и посмотрел на светя-

щиеся стрелки своих наручных часов. Было пять минут третьего.

По опыту он знал, что раз уж проснулся в такой час, ни за что не заснет снова, и всегда в таких случаях спускался в гостиную, усаживался в кресло и брал что-нибудь почитать. Сон все еще тревожил его, такой реальный, навязчивый. Он потянулся за халатом, надел его, пошел к лестнице. Утром он запустит механизм расследования — что на самом деле произошло в тот день, когда разбомбило дом Виллерсов. А теперь надо взяться за хорошую книгу...

Он натолкнулся взглядом на “Влюбленного Вордсворта”, книгу Виллерса, забытую на кофейном столике. Четырехчасовой сон освежил его, он чувствовал себя отдохнувшим и более восприимчивым. Жаль, впрочем, что книга о Вордсворте. Довольно тусклый поэт, на его вкус. Сплошное общение с природой и романтические прогулки. Скучновато немного. Вот если бы книга была о лорде Байроне, например, — совсем другое дело. Это был действительно интересный характер, легендарная личность — головокружительные романы, трагический брак, скандальная влюбленность в сводную сестру, эту Августу Ли, из-за которой и разрушилась его семейная жизнь. Но нет, эта не о Байроне. Эта о Вордсворте. Что ж, он примется за нее, даже если ему покажется скучно. По крайней мере, получит хоть какое-то представление о том, в чем таится очарование этого представителя Озерной школы для Виллерса, который написал о нем Бог знает сколько книг.

Вексфорд приступил к чтению и на этот раз втянулся легко, без усилия, некоторое время спустя пожалев даже, что так мало читал самого Вордсворта. Выяснилось, что он не имел представления о любопытных подробностях биографии поэта — у того, оказалось, был роман с француженкой, он участвовал в революции и едва не потерял голову. Книга была сделана крепко. Виллерс писал увлекательно.

В шесть он заварил себе крепкого чаю и продолжил чтение, полностью погрузившись в книгу. Окна постепенно светлели, и медленно, вместе с рассветом, прогоняющим черные тени, на разум Вексфорда снизошла ясность. Он дочитал последнюю главу и захлопнул книгу, со вздохом обратившись к себе:

— Старый, невежественный болван! — Затем потер затекшие руки и громко прибавил: — Если б это был Байрон! Господи, если б Байрон! Я разгадал бы загадку давным-давно.

— Утро первого понедельника семестра хуже, чем первый день семестра, — мрачным голосом вещал Джон Берден, приканчивая свой третий гренок с мармеладом. — Вещи принимают серьезный оборот! — И ткнул в сестру липким пальцем: — Ну, что, тошнит? В ванную не пора?

— Вот еще! Сегодня меня не будет тошнить, ты, чучело!

— Это почему же? Сегодня куда страшней, чем в первый день, гораздо, гораздо страшней! Спорю, тебя будет жутко тошнить каждый день, когда ты пойдешь в среднюю школу. Если, конечно, тебя туда примут. Я думаю, тебя будет так тошнить, что ты просто не сдашь экзамены.

— Сдам! Еще как сдам!

— Нет, не сдашь!

— Оба — прекратите немедленно, — велел Берден. — Иногда я думаю, что в участке куда спокойней. — Он встал из-за стола, намереваясь именно туда и направиться. — Вы, по-моему, самые противоестественные брат и сестра в Сассексе.

Джон, по его виду, был даже доволен, что попал в такую уникальную категорию.

— Не подвезешь меня, пап, а? Сегодня черед Старой Римской Виллы вести нас на молитву, и если я опоздаю, будет кошмарная вонь.

— Не говори “кошмарная вонь”, — рассеянно сказал Берден. — Ну, пошли. У меня сегодня тяжелый день.

День поисков иголки в стоге сена, погони за хищником. Он вошел в здание участка и в холле наткнулся на сержанта Мартина.

— По Тухи что-нибудь появилось?

— Нет, сэр, насколько мне известно, но мистер Вексфорд что-то учуял. Он сказал, что хочет вас видеть, как только вы явитесь.

Берден пошел к лифту.

Главный инспектор восседал за столом, нетерпеливо постукивая пальцами по бювару. Под глазами у него были круги. Неважно выглядит, подумал Берден. Тем не менее в каждом движении Вексфорда чувствовалось что-то триумфальное, во взгляде светилась победа, будто он что-то решил, но до поры держит под спудом.

— Запаздываешь, — сердито сказал он. — Мне пришлось самому идти подписывать ордер.

— Какой ордер? Вы что, нашли Тухи?

— К черту Тухи. — Вексфорд вскочил с места и сорвал плащ с вешалки. — Разве ты убогим разумом не постиг, что это охота за убийцей? Мы едем в Кластервилл на арест.

Берден послушно пошел за ним из кабинета. Обычно Вексфорд лифт не жаловал, поскольку однажды вечером застрял, два часа проторчав между этажами, и с тех пор по возможности старался его избегать. Но сегодня он ворвался в кабину и, не дрогнув, нажал на кнопку.

— К Виллерсам? — поинтересовался Берден, и когда Вексфорд кивнул, сообщил: — Ну, сегодня вы его не застанете. Он ведет школу на молитву.

— Вот незадача, — фыркнул Вексфорд. Лифт тихонько подпрыгнул, приземлившись, двери раздвинулись и исчезли в па-

зах. — Мы возьмем с собой служащую полицейского участка, Майк.

— Да? А когда вы надумаете рассказать мне, кого мы арестуем и на каком основании?

— В машине, — сказал Вексфорд. — По дороге.

— И как же вас озарило?

Вексфорд победно улыбнулся и возобновил доверительные отношения.

— У меня была бессонница ночью, — сообщил он, пока они ждали служащую полиции. — Никак не мог уснуть и поэтому читал книгу. Я старый невежественный полицейский, Майк. Я мало читаю. Эту следовало прочесть, как только сам автор мне ее подарил.

— Вот не думал, что это детектив, — наивно сказал Берден.

— Да не будь таким идиотом! — вскипел Вексфорд. — Я и не говорю, что в книге описывается план убийства. Да и не было там никакого плана.

— Конечно. Оно непредумышленное.

— Да, тут ты оказался прав. И не только тут, но во множестве других умозаключений, — признал Вексфорд и во внезапном порыве доверия прибавил: — Я даже больше тебе скажу, Майк. Я уж начал было думать, что старею, что я отстал.

— Ну что вы, сэр! — чистосердечно сказал Берден. — Вот чепуха-то!

— Конечно, чепуха, — рявкнул Вексфорд. — Потому что у меня есть еще мой нюх, моя интуиция. Ну, нечего стоять тут весь день. Нам еще надо арестовать кой-кого.

Кто-то, видно, другой стоял на подиуме и отдавал мальчикам приказ возвысить сердца и голоса, потому что Дэнис Виллерс оказался дома.

— Я взял выходной, — сказал он Вексфорду. — Плохо себя чувствую.

— У вас и вправду больной вид, мистер Виллерс, — мрачно сказал Вексфорд и, поймав взгляд хозяина, прибавил: — У вас всегда больной вид.

— Разве? Впрочем, пожалуй, вы правы.

— Кажется, причина нашего визита не вызывает у вас любопытства.

Виллерс вскинул голову.

— Не вызывает. Я знаю, зачем вы приехали.

— Мне хотелось бы видеть вашу жену.

— И это я тоже понял. Как, по-вашему, мог бы я расценить появление здесь дамы в полицейской форме? Как попытку разбавить мужскую компанию? Вы недооцениваете своего оппонента, мистер Вексфорд.

— И вы всегда недооценивали своих.

Виллерс улыбнулся так, словно ему больно шевелить губами.

— Да, мы оба не отличились прозорливостью. — Он подошел к двери в спальню. — Джорджина!

Она вышла поникшая, с опущенной головой. Вексфорд лишь однажды видел, чтобы кто-нибудь так выходил за порог, и тогда это был мужчина, который два дня держал своих детей взаперти, под прицелом. Когда, наконец, его уговорили бросить ружье и сдаться, он вышел и, пройдя мимо ждущей нагове полиции, рухнул в объятия жены.

Джорджина рухнула в объятия мужа.

Он крепко прижал ее к себе, глядя по голове. Вексфорд слышал, как она что-то бормочет ему, просит ее не бросать. Украшений на ней не было, только два кольца: обручальное и венчальное.

Это было так трогательно, что Вексфорд никак не мог произнести формулу обвинения. Внезапно Джорджина подняла голову и посмотрела на них через плечо мужа. Лицо ее было залито слезами.

— Да, я убила Элизабет, — сказала она хрипло. — Фонарь лежал на земле. Я подняла его и убила ее. Я рада, что сделала это. — Дэнис Виллерс, все еще обнимая ее, вздрогнул всем телом. — Узнала бы раньше, раньше бы и убила. Я убила ее, как только узнала.

Взяв себя в руки, Вексфорд очень спокойно произнес текст обвинения.

— Мне все равно, что вы там напишете, — сказала она. — Я сделала это, потому что хотела сохранить себе мужа. Он мой, он принадлежит мне. У меня никого никогда не было. У нее было все, а у меня — только он.

Виллерс слушал ее с тихим, застылым лицом.

— Можно мне с ней поехать?

Вексфорд никогда бы не подумал, что он может просить так смиренно.

— Конечно, можно, — разрешил он.

Служащая полиции повела Джорджину к автомобилю, приобняв рукой за плечи. Она делала это, чтобы та не споткнулась, но со стороны казалось, что она обнимает ее из доброты, из сестринского участия. Берден следовал за ними мелкими скованными шагами, словно на похоронах.

Виллерс посмотрел на главного инспектора, и Вексфорд ответил ему прямым взглядом.

— Она мало что может рассказать вам, — сказал Виллерс. — Я один знаю все.

— Да, мистер Виллерс, ваши показания нам необходимы.

— Я тут кое-что написал. Одни люди выговариваются, другие замыкаются в себе, а писатели пишут. Я писал это ночами. Я потерял сон. Совсем не сплю.

Конверт был прислонен к вазе на столике в холле. Вексфорд взял его и увидел, что он на его имя и что приклеена марка.

— Если бы вы не приехали сегодня, я бы отправил его по почте. Я больше не мог выносить ожидания. Теперь, когда он у вас, я, может быть, хотя бы смогу заснуть.

— Тогда поехали? — спросил Вексфорд.

Машину вел Берден. Виллерс сидел рядом с ним. Все молчали. Когда они въехали в Кингсмаркхэм, Вексфорд раскрыл конверт и коротко глянул на первую из покрытых машинописью страниц. Тут они свернули во двор перед полицейским участком.

Он выбрался из машины и открыл ближнюю к нему переднюю дверь. Но Виллерс не шевельнулся. Прикоснувшись к его плечу, Вексфорд увидел, что Виллерс крепко спит.

“Вниманию главного инспектора Вексфорда.

Не думаю, что принадлежу к вашим любимым писателям, поэтому постараюсь изложить свои показания как можно короче. Я пишу их ночью, когда моя жена спит. Да, она в состоянии спать и спит сном праведника, сном мстителя.

Теперь, когда разгорается рассвет, и я на многое смотрю в его холодном, бесстрастном свете, я вспоминаю все грубости, которые намеренно говорил вам, и вашу благожелательную терпимость, вашу проницательность — и понимаю, что ошибался. “Ты, лучший из философов, един зрячий среди слепых!”

Вордсворт сказал это, мистер Вексфорд, Вордсворт, который, как вы теперь знаете, тоже любил свою сестру, но, будучи верноподанным морали и долга (суровых отпрысков гласа Господня), он оставил ее. Уж теперь вы не спросите, что привлекло меня к Вордсворту, в чем кроется наша близость. Ибо, хотя Дороти появляется в моей книге всего лишь как интерлюдия между Аннет и Мэри, вы заметите параллель, вы поймете, почему в молодости, когда человек ищет, чему посвятить жизнь, я полюбил этого поэта. Но, разумеется, это только одна из причин. Я считаю, что как поэт Вордсворт уступает лишь Мильтону, и вслед за Кольриджем могу повторить: “Вордсворт — величайший из людей, единственный, чье превосходство я ощущаю во все времена и в любом виде деятельности”.

Я мог бы, конечно, предпочесть лорда Байрона, но мне претила тривиальность, очевидность такого выбора. Кроме того, не хотелось тратить свой дар на поэта, которого я находил поверхностным, напыщенным, эдакой задиристой, нынешним языком говоря, поп-звездой, — и потому только, что он, по всей вероятности, совершил инцест с Августой Ли. Но Байрон — может быть, потому, что сейчас его знают не столько по стихам, сколько по этому факту его биографии, — имеет поразительное

на меня воздействие. Довольно одного упоминания его имени, одной какой-нибудь цитаты, чтобы я пришел в состояние прямо-таки отчаянное: нервы не выдерживают. Можно сказать, что на Байрона у меня аллергия.

Но я забыл, что обещал быть кратким.

Когда мы были детьми, я не любил сестру. Мы вечно ссорились, и разлука не принесла нам огорчения. Мы были рады избавиться друг от друга и встретились, только когда я был на последнем году обучения в Оксфорде.

Это произошло на дне рождения моего университетского приятеля. Ему исполнился двадцать один год. Его отец представил меня своей секретарше, девушке по имени Элизабет Лэнгэм. Мы стали встречаться, и скоро наши отношения достигли своей вершины.

Я говорил вам, что умею лгать, но сейчас, утверждая, что не имел ни малейшего представления о том, кто она на самом деле, сейчас я не лгу. Прошло девять лет с тех пор, как нас разлучили. Мы изменились. Я попросил ее выйти за меня замуж, и тогда ей пришлось открыться. В течение двух месяцев я был любовником собственной сестры.

Годами она следила за моими успехами, из чувства зависти, страдая от несправедливости, совершенной по отношению к ней при нашем разводе. Убежав в Лондон с человеком по имени Лэнгэм, который оплатил ее обучение на курсах секретарш, она устроилась работать к отцу моего приятеля, зная, что его сын учится со мной в Оксфорде. Она пошла на эту вечеринку, чтобы посмотреть на меня, она покинула ее со мной под руку, строя полуосмысленные планы мести. Но потом ситуация вышла из-под контроля. Несмотря ни на что, она влюбилась в меня. Беспокоило ли это Элизабет? Не думаю. Задолго до этого она переступила границы общепринятой морали, так что теперь воспринимала наши отношения как нечто упоительно дерзкое и оскорбительное для общества.

Мы расстались. Она уехала в Америку со своим шефом, я отправился доучиваться в Оксфорд. Не стану распространяться о своих чувствах. Вы сами человек впечатлительный и, видимо, многое можете себе представить.

Я женился, как только получил степень. Не по любви — я никогда не любил никого, кроме Элизабет, но из чувства самосохранения, из желания быть, как все. Когда мне исполнился двадцать один год, содержание, которое выплачивал мне мой дядя, прекратилось, поэтому, зная, что на стихи и книги о стихах не проживешь, я прошел конкурс на должность преподавателя Королевской школы.

Рисковал ли я, возвращаясь в Кингсмаркхэм? Элизабет говорила, что ненавидит этот город. Я решил, что отыскал единственное место в мире, которого моя сестра постарается избежать.

Именно Лайонел Мэриотт, записной любитель совать свой нос в чужие дела, сообщил мне, что Элизабет тоже здесь. Я безумно боялся встречи с ней. Я жаждал ее видеть. Мы встретились. Она представила меня своему мужу, сыну миллионера, который проводил отпуск в Америке, когда она там работала. Он купил поместье, чтобы сделать ей сюрприз, полагая, что ей приятно будет вернуться в родные места.

Мы сидели за столом: она, ее муж, моя жена и я. Мы вели светскую беседу. Как только выдался случай, мы свиделись наедине, и это, мистер Вексфорд, было второе начало.

Наша любовь была бы немислима, если б не бесхитрое попустительство Квентина Найтингейла. Невзлюби он меня, нам с Элизабет было бы трудно встречаться, и поскольку жить рядом с ней и не видеть ее было выше моих сил, пришлось бы сменить работу и уехать отсюда. Сейчас я от всего сердца жалею, что этого не произошло.

Женщины выносливее нас. Они не так щепетильны, не так подвержены мукам большой совести. Я думаю, Элизабет любила Квентина, когда согласилась выйти за него замуж, и предполагала быть ему преданной, верной женой. Но как только я вновь появился в ее жизни, немедля забыла свои благие намерения и принялась пользоваться Квентином, как ширмой. Она хотела, имея меня в любовниках, сохранить свое положение, состояние и репутацию. Она хотела всего самого лучшего, и немедленно, и она это получила. Но сваливать всю вину на нее бессмысленно. Я виноват не меньше. Разница между нами заключалась в том, что у меня была совесть, а у нее — нет.

Она обрабатывала Квентина тонко, ухищренно. Она сказала ему, — подав дело так, будто источником сведений является моя жена Джун, — что я сложный человек с неуравновешенной психикой, и что, подружившись со мной, он проявит великодушие и доброту. И Квентин, с характерным для него благородством, предложил мне единолично пользоваться комнатой в Старом доме.

Мы решили, что все приглашения в поместье должны исходить от Квентина, а мы с Элизабет станем вести себя так, чтобы в обществе создалось впечатление, будто мы друг друга, мягко говоря, недолюбливаем. Зачем? Она сказала, что если на людях мы будем демонстрировать даже нормальные семейные отношения, то скоро себя выдадим, и все поймут, что нас связывает более глубокое чувство, чем это позволительно сестре и брату. Я не верю, что это было ее настоящим мотивом. Скорее всего, она любила интригу ради самой интриги, и то, как наши отношения разыгрывались на публике, придавало — в глазах Элизабет — пущей пикантности и нашим подлинным чувствам.

Но не назовете ли вы меня отвратительнейшим из людей, если я скажу, что любил и Квентина также? Или ваш опыт

уже научил вас, что именно тех, кого предаем, обманываем и бесчестим, именно их мы любим сильнее всего? Поскольку в попытках скрыть от них наше предательство мы научаемся защищать их и от прочих печалей, а добрые слова, предназначенные лишить их зрения, становятся нашей привычкой и потребностью. Да, мистер Вексфорд, я любил Квентина, и Элизабет, которая не позволяла мне иметь друзей, чтобы я не вздумал им довериться, эту дружбу мне разрешила, не понимая, что из всех живущих на свете именно перед Квентином мне хотелось покаяться, только его прощение имеет для меня цену.

Теперь мне пора перейти к Тухи.

Он следил за Элизабет, когда она приходила ко мне в Старый дом, и однажды увидел, как мы спустились по лестнице и обнялись внизу, там, где хранятся яблоки. Это было не братское объятие, и Тухи, через окно, сфотографировал нас. Я заплатил ему. Когда он выдоил меня дочиста, Элизабет пришлось распродать свои драгоценности, заказывая предварительно копии.

Вы ведь еще не нашли Тухи, верно? Позвольте мне помочь вам. Кроме стремления, насколько это возможно, избавить от страданий Джорджину, у меня есть только одно желание, а именно, увидеть Тухи таким же несчастным, какими он сделал нас с Элизабет. Вы найдете его адрес на счетах от портного, которые лежат в письменном столе в спальне Элизабет. Тания Тай — это имя или, вернее, псевдоним женщины, с которой он живет в роскошной квартире над мастерской по Брутон-стрит. Это было просто и неглупо придумано. Когда Тухи нуждался в деньгах, он посылал Элизабет счет от имени Тани Тай, и сумма, которую он от нее требовал, составляла сумму на счете, помноженную на десять. Например, если счет был на сто пятьдесят, Элизабет следовало выслать ему тысячу пятьсот фунтов. Она отправляла деньги в коричневых бумажных пакетах. Последний Кэти отнесла на почту в день смерти Элизабет. Чтобы сообщить, что деньги получены, он посылал ей расписку.

Ни пуха, ни пера, мистер Вексфорд.

Я полагаю, Мэриотт просветил вас относительно всех внешних подробностей моей жизни. Вы уже знаете, что я всегда проводил отпуска с Найтингейлами и что два года назад, из-за болезни Квентина, нам с Элизабет пришлось поехать вдвоем. Мэриотт твердит, что, вернувшись из Дубровника, мы выглядели больными и измученными, но ему и в голову не приходит объяснить это не тем, что мы непрерывно ссорились, а тем, что мы были нестерпимо счастливы вместе.

Я хотел, чтобы она оставила Квентина и уехала со мной. Она отказалась. Если бы мы стали жить одним домом много лет назад, никто бы не заподозрил, что мы брат и сестра. Теперь это знали все и каждый, и скандал был бы неопишуемый, — так она

мне сказала. Но я слишком хорошо ее знал: *soror mea sponsor**. Я знал, что деньги и положение значат для нее не меньше, чем я. Она привыкла к этим двум миркам своего существования, и если б не ужас перед Тухи, можно было бы сказать, что она вполне счастлива.

Я же дошел до предела. Мне было тридцать шесть, всю свою жизнь я работал, но у меня не было ничего. Все плоды трудов ушли на то, чтобы содержать в роскоши любовника модистки с Брутон-стрит. У меня не было ни детей, ни жены, ни друзей, и жил я в трехкомнатной квартирке. Конечно, у меня была Элизабет, но надолго ли? Близилось время, когда она, вступив в средний возраст, угомонится и пожертвует меня своему первому, более безопасному, миру.

Я решился на полный разрыв и стал отказываться от приглашений Квентина, несмотря на все его уговоры. Я думал, что смогу работать. Ничего подобного. Я лежал, вечер за вечером, на кровати, размышлял, бездельничал, даже подумывал о самоубийстве. Это была черная ночь души, сравнимая с душевным потрясением, которое пережил Вордсворт, когда был вынужден покинуть Францию и Аннет.

Я охладел к Элизабет. Если я по кому и скучал, то по Квентину. Наконец, я отправился в поместье сообщить, что не поеду с ними в Рим. Я смотрел на Элизабет и не чувствовал — ничего. В тот момент мне казалось непостижимым, что на любовь к ней я истратил лучшее время своей жизни.

Я поехал в Испанию. Не в романтическую, магическую Испанию Мадрида и Толедо, а в изнемогающую от зноя черную дыру, в которую обращена Коста-Брава. К тому же на моем попечении была группа школьников. Кажется, я решил, что лучше постоянно испытывать гнев, раздражение и убийственную скуку, чем не чувствовать совсем ничего.

Джорджина жила в том же отеле. Во мне не осталось ничего привлекательного, мистер Вексфорд, и я выгляжу старше своих лет. Собеседник я никудышный, потому что всю свою душу выговорил сестре. Давным-давно я утратил навык легкой болтовни с девушками. Мне больше подходит сидеть с книгой в монашеской келье, чем выделывать антраша и острить в салоне. Но Джорджина, бедняжка, в меня влюбилась. Эта любовь в нашем отеле была просто притчей во языцех.

У меня было все, и, богато одаренный, я растратил все, что имел. У нее не было ничего. Младшая дочь в большой и бедной семье, она рассказала, что никогда не имела ничего, что могла бы назвать своим собственным. Ни один мужчина никогда не хотел ее, ни один не приглашал куда-нибудь больше двух раз подряд. Она была некрасивая, робкая, скучная.

Бедная, незадачливая, но моя.

* То, что она мне сестра, поручкой этому (лат.)

И мы поженились. Я привез Джорджину в поместье, пред разочарованные глаза Квентина. Но Элизабет не выказала разочарования. Она царила в своем белом бархате, своих поддельных драгоценностях. Я смотрел на нее, смотрел на бедную Джорджину и спрашивал себя, снова влюбляясь в собственную сестру, что же я наделал?

Это было третье, последнее начало...

Я хотел остановиться. Я хотел этих детей. Если уж не шесть, так хоть сколько-нибудь. Но я не слушал сурового гласа Господня, не слушал даже визгливого, скандального голоса жены, требующей, в компенсацию за долгие годы одиночества, чтобы я был ей настоящим мужем. Я слушал только свою сестру.

Так мы подходим ко дню смерти Элизабет.

Нет, конечно, вы не поверили мне, когда я сказал, что хотел заехать в школьную библиотеку просмотреть справочник. Этому мог поверить только человек, подобно Джорджине, неискушенный в литературе. В школьной библиотеке о Вордсворте только и есть, что мои собственные книги, да еще полное собрание сочинений под редакцией Сэлинкура и Дэрбишира, а эти книги стоят и в моем собственном кабинете. Я поехал, чтобы в лесу встретиться с Элизабет.

Мы провели вместе вечер, но этого было недостаточно. Школьные каникулы подходили к концу, и тогда... Партия в бридж раз в неделю? Литературные дискуссии с Квентином в молчаливом присутствии Элизабет? Это было невыносимо. Мы страстно хотели видеться. Мы назначили встречу в лесу на одиннадцать вечера.

Я упомянул выше, что Джорджина верила моим отговоркам, но будь это так, Элизабет осталась бы жить. Дело в том, что Джорджина начала во мне сомневаться, а для женщины столь требовательной сомнение означает действие.

Мы поехали в поместье и играли там в бридж. Перед тем, как нам уйти, Элизабет подарила Джорджине шелковую косынку. Она всегда дарила ей что-нибудь из своих вещей. Наверно, это ее забавляло. Когда моя жена появлялась в чем-то дареном, всякий мог видеть, что оно идет ей меньше, чем Элизабет, и та ожидала, что и я подмечаю это так же, как все, и делаю очередное сравнение в ее пользу.

Я отвез Джорджину домой и снова уехал, чтобы встретиться с Элизабет. Она пришла на поляну ровно в одиннадцать. Мы сидели на стволе дерева, курили, разговаривали. Элизабет захватила с собой фонарь из чулана, потому что луна к тому времени скрылась, и стало темно.

Через двадцать минут она сказала, что пора расходиться. Джорджина после бриджа была слегка взвинчена, и это обеспокоило Элизабет. Она сказала, что задерживаться в лесу значит искушать Провидение.

Обычно, когда мы расставались после таких свиданий, я стоял у машины и ждал, чтобы она благополучно перешла дорогу и скрылась под защиту стен поместья. Поэтому мы, обняв друг друга за плечи, пошли к машине. В этот момент мы заметили свет фар другого автомобиля, медленно едущего по дороге, как бы шаря лучами фар по кромке леса. Он проехал, и мы о нем тут же забыли.

Уже возле моей машины Элизабет вспомнила, что оставила фонарь на поляне. Нужно вернуться, чтобы кто-нибудь его не нашел и не понял, что она была там, сказала Элизабет. Я хотел пойти с ней, но она отказалась. Сама ходит. Что, в конце концов, с ней может случиться? В самом-то деле?

Я обнял ее и поцеловал — так же, как обнимал и целовал в тот день, когда нас выследил Тухи. Потом я уехал домой. Джорджины дома не оказалось, не было и ее машины. Она явилась к полуночи, дрожа в тонкой блузке, потому что сожгла свой свитер на костре Палмера, и в руке ее был залитый кровью, обернутый в газету фонарь Элизабет.

Она поехала за мной, мистер Вексфорд, и увидела, как я целую свою сестру, и слышала наш разговор, поэтому, когда Элизабет вернулась за фонарем, Джорджина ждала ее на поляне. Что случилось потом, я знаю только со слов Джорджины. Она была так потрясена тем, что увидела, что равновесие ее разума, как пишут судебные следователи, нарушилось. Она попробовала высказать свои чувства Элизабет, но речь ее была так несвязна, она почти билась в истерике! И тогда Элизабет рассмеялась. И что же, по мнению Джорджины, она может с этим поделать? — спросила Элизабет. — Согласно законам природы, мы не можем быть любовниками вечно. Джорджине следует просто терпеливо ждать, и в один прекрасный день я вернусь к ней. Не станет же она рисковать скандалом, который непременно поднимется, если она будет устраивать сцены и всем об этом рассказывать?

И Элизабет нагнулась за фонарем, который, как она думала, закатился под ствол, на котором мы сидели. Фонаря там не оказалось. Он был в руке Джорджины, и когда перед ней оказался затылок Элизабет, она размахнулась и ударила мою сестру. Потом еще и еще, пока Элизабет не умерла.

Джорджина была в только что подаренной косынке. Она стянула ее с шеи, вытерла руки, перешла дорогу и засунула ее в дупло, а потом сожгла свой свитер на костре Палмера.

Пожалуй, это все. Почти все. Когда Джорджина приехала домой и рассказала мне, что сделала, я во всем ей признался. Я рассказал ей и о шантаже, и о фальшивых драгоценностях.

Я знаю, о чем вы хотите меня спросить. Почему я, любовник и ближайший друг своей сестры, не выдал немедленно свою жену? У вас наверняка есть ответ наготове: дескать, я не хотел, чтобы о наших отношениях стало известно. Но это не вполне

так. Я окаменел от ужаса, от горя, но все-таки даже тогда я хотел спасти свою жизнь. Теперь, думал я, теперь, когда Элизабет не стало, я все еще могу устроить свой дом, жить мирно и счастливо и больше не лгать.

Человек — странное создание, мистер Вексфорд. Он так вознесся над своими собратьями-животными, что теория Дарвина кажется ему фантастической, чудовищной клеветой. И все-таки он делит с животными свой самый сильный инстинкт — самосохранения. Весь мир может лежать в руинах, но человек все-таки ищет местечко побезопасней, и мчится к нему, и вжимается в камень в надежде, что, какая бы бомба ни грянула, еще не поздно, еще все можно устроить.

В этот момент я ненавидел Джорджину. Я был способен ударить ее, забить до смерти. Но я сказал себе, что случившееся — моя вина. Моих рук дело. Еще с тех пор, как, много лет назад, пошел на ту вечеринку. Поэтому, вместо того, чтобы ударить, я обнял ее и услышал запах крови Элизабет в ее волосах, у нее под ногтями.

Я сам отмыл фонарь и выбросил мокрые батарейки. Я приготовил Джорджине ванну и велел вымыть волосы. Юбку и блузку, в которых она была, я сжег в кухонном бойлере.

Я никак не мог понять, почему вы подозреваете Джорджину, ведь у нее не было никакого явного мотива к убийству. Вот почему я впал в такую истерику, когда вы привезли нам новость о завещании. Арестовать и приговорить мою жену — заслуженно, но на совершенно неверном основании! Вот где была ирония положения!

Она очень нервничала и не умела отражать ваши атаки. Наедине она говорила, что хотела бы во всем признаться, потому что вы все поймете, как любой здравомыслящий человек. Я попросил ее не делать этого. А сам начал набрасывать черновики этого заявления.

Вот теперь уже все.

Я уверен, вы будете добры к Джорджине, и уверен, что во время процесса все потребители новостей в стране будут сопереживать ей душой и сердцем, так же — что значительно более существенно, — как и судья с присяжными. Ее посадят в тюрьму на два или три года, а потом она опять выйдет замуж, родит детей, которых ей так хочется, и будет жить нормальной, спокойной жизнью, которую заслуживает. Джун вышла замуж давным-давно. Скоро и Квентин сделает маленькую голландку владелицей поместья, и если она будет неверна ему, то обыкновенной, естественной неверностью, каковую мой добрый зять вынесет, я надеюсь, терпимо, не слишком мучаясь. Что касается Элизабет, то она умерла в зените любви, в момент триумфа, и как раз вовремя, чтобы избежать горького бремени старости.

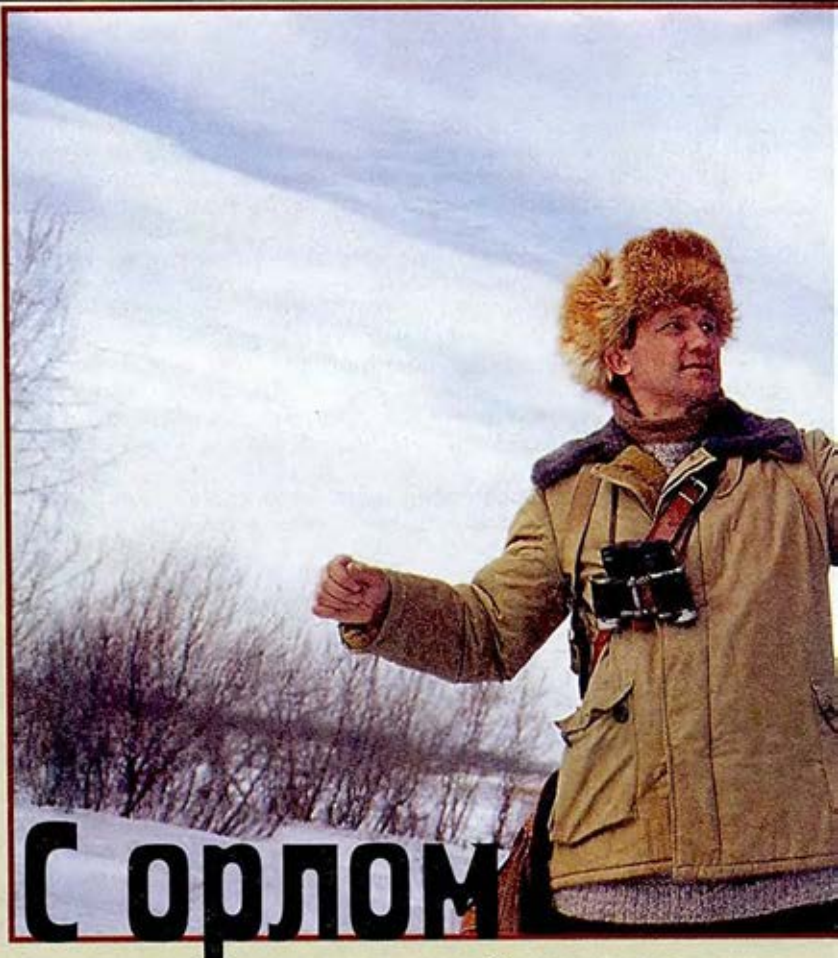
В самом деле, можно бы повторить за Уайльдом, что добродетельный кончил хорошо, а порочный плохо, потому что в

этом вся соль замысла. Возможно, это следует сделать и солью факта. Иначе говоря, у меня есть свое убежище. Что буду делать, пока не знаю, но вряд ли после процесса в стране найдется директор школы, который подпустит меня к преподаванию.

Честно говоря, мне это безразлично. Думаю, что вынесу любой скандал, не слишком расстраиваясь, и если люди от меня отвернутся, я обойдусь без людей. Единственный человек, без которого я не мог жить, ушел навсегда, — вот оно, то невыносимое, что я должен перенести. Никогда больше я не поцелую ее в темном лесу или полумраке Старого дома, никогда не увижу в белом бархате, не услышу ее имени, произнесенного с восхищением. Она мертва, и эта смерть для меня — непоправимая, страшная утрата.

Ваш инспектор спрашивал меня, чего я хочу. С тех пор не случилось ничего, что заставило бы меня изменить свой ответ. Я хочу умереть.” ■

Перевод с английского **Эвелины МЕЛЕНЕВСКОЙ.**

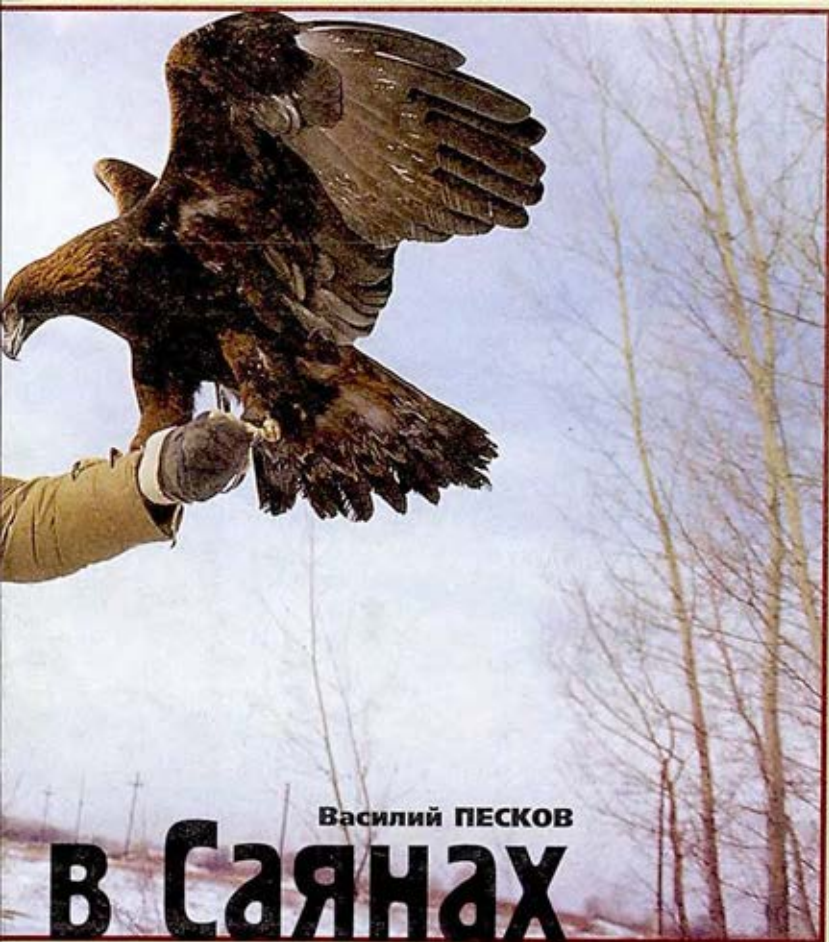

Лето орел провел в городском зоопарке. Сидел в клетке с другими орлами. Из проходящих в Абананский зоопарк посетителей мало кто знал, что скучавший в неволе орел не только может так вот доверчиво сидеть на руке человека, но и, взмыв в небо, вернуться, стоит только позвать: "Алтай! Алтай!".

А человек живет в Шушенском (в том самом сибирском Шушенском!), в музыкальной школе учит детишек играть на баяне. Это его профессия. А орел — страсть, с орлом они вместе охо-

тятся. С высоты птица высмотрит жертву — носулю, зайца, лису — и бросится на нее, как это делают все орлы, живущие на свободе. Человек иногда успевает помочь орлу на земле, но чаще финал у охоты такой: орел победителем сидит на добыче, а охотник, подбежав, дает ему — "заморить червяка" — кусочек мяса. Возбужденной охотой птице покрывают голову кожаным колпачком, и орел, "ослепнув", становится тихим, покорным.

Разыскивая охотника в Шушенском, я спросил, где живет

Василий ПЕСКОВ

В Саянах

фото автора

Юрий Носков. "Это который с орлом?" — прохожие стали, перебивая друг друга, объяснять мне дорогу к дому знаменитого человека.

Юрий меня ожидал. Вместе прошли мы на край поселка, к сарайчику, где привезенная из города птица готовилась к охоте — худела после малоподвижного летнего пансиона.

Уже появился у нее клекот — готовность к делам, которые начинаются в октябре и продолжаются до конца февраля. Для боевых полетов она пока что тяжелова. Но осенние краски, осенний

холод возбуждают охотников — человека и птицу. "Еще дней десять, и мы начнем..." — сказал Юрий.

Охота с птицами — забава древняя. Тешились ею степные ханы и пастухи, российские князья и цари держали на службе умелых "сокольничих" и много обученных птиц. Процветала охота и в европейских странах, в странах арабских. Ружье упразднило хлопотливое дело, но оно кое-где возродилось не как добычливая охота, а как развлечение любящих природу людей.

Научить работе на человека можно любую хищную птицу, даже пустельгу, промышляющую мышей. Учат же соколов, ястребов, коршунов и орлов. Энтузиасты к охоте на зайцев приучают полярных сов.

Способ приобщения птицы к охоте не очень сложен, но требует времени и терпения. Вот как идет обучение, к примеру, орлов. Пойманной птице надевают на голову закрывающий глаза колпачок и сажают ее на веревку. Лишенного ориентации пленника постоянно день за днем (желательно и ночью) беспокоят — дергают за веревку, "выматывают нервы", объяснил мне этот процесс охотник-казах. При этом птицу еще и не кормят. В нужный момент человек снимает с головы орла колпачок и дает птице кусочек мяса. Еда, покой, возможность видеть, казалась бы, уже утерянный мир воспринимаются птицей как большое благодеяние. И "благодетель" — рядом. Его образ запечатлевается птицей, и это уже ступенька к покорной службе и привязанности к человеку. Теперь терпеливо день за днем надо приучать орла пользоваться свободой, однако от человека не улетать, а охотиться с ним, отдавая добычу. В процессе обучения орла охоте множество тонких моментов. Чтобы приучить птицу садиться на руку, некоторые охотники приносят орла в помещение, заполненное водой. Притулиться тут негде — волей-неволей приходится сесть на руку. И постепенно это станет привычкой — орел охотно будет сидеть на руке.

Поймать добычу и уступить ее человеку... Этому тоже учат. Сдернув с головы орла колпачок, пе-

ред ним на веревке быстро проволокут "вабило" — чучело лисы. Инстинкт охотника заставляет орла устремиться за этой добычей. Ему не сразу дают ее изловить, а когда он это все-таки сделает, добычу немедленно отнимут, дав при этом знакомый кусочек мяса.

И наступает момент, когда уже не "вабило", а живую лису увидит пущенный с руки крылатый ловец. Он быстро ее настигнет. Но вовремя на лошади не подскачет ее хозяин, и гордая птица покорно отдаст добычу, едва увидев желанное угощенье.

Союз двух охотников — птицы и человека — бывает долгим ("старимся вместе" — сказал мне охотник-казах), если орла берегут и видят в нем не только обращенного в рабство ловца. Но ловчей птице даруется только лишь миг свободы. Дичь выпугивает охотник, и только тогда с орла снимается колпачок. Добычу немедленно возьмут, а орлу для спокойствия снова глаза прикроют. Долго свободно летать ему не позволят. Долгий полет может сделать орла свободным. Интересам человека-охотника это не отвечает. Но Юрий Носков добился иного партнерства. Его орел летает свободно, ищет добычу, охотно, без при-

нуждения ее отдаст. Вкушая свободу почти такую же, какую имел бы, будучи дичью птицей, от человека он все же не улетает.

Свой метод Юрий называет "вольным стилем охоты". Повезло ли человеку с орлом, с особым его характером — вопрос открытый. Но ясно, что воспитание птицы было процессом творческим, было в нем отступление от вековых штампов. И вот результат: обретая свободу, птица остается привязанной к человеку. В чем секрет? "Да секретов вроде бы нет. Птица ко мне привязана, потому что чувствует и мою привязанность к ней. Возможно, играет роль для этой самки-орла впечатление в раннем возрасте моего облика как полового партнера. Орлов она в нужное время не ви-

дела, и для нее я — "орел", во всяком случае, она ревнует меня к жене и ко всякому, кто онанется близко. "Кусочек мяса" в дрессировке применялся, конечно, но, освеживая пойманную лисицу, зайца или косулю, я даю тут же на месте орлу поесть вдоволь еще теплой добычи. И это очень сильный стимул в охоте. Кроме того, иногда добыча бывает для ловца трудноватой. Не просто, например, одолеть косулю, вес которой почти в десять раз превышает вес птицы. Но Алтай смело ее берет и держит, ожидая подмоги. Это тоже важный момент. Правда, охочусь я не на лошади, и часто трудно бывает подоспеть вовремя. Орел управляется с живностью сам. Меня он встречает без злобы, добычу немедля отдаст и

очень спокойно ожидает момента попировать."

На охоту Юрий Носков частенько едет в автобусе, подальше от мест населенных. Охота с "таким" орлом возможна в принципе только там, где еще сохранилась природа диная. Иначе орел с таким же азартом, как ловит лисиц и зайцев, может поймать собаку, курицу, кошку. Такие случаи были, и потому человек с птицей едет подальше от этих соблазнов.

Пустив орла, охотник наблюдает его полет, точнее сказать, оба охотника наблюдают друг друга. И, если Юрий хочет, чтобы орел вернулся, громко зовет: "Алтай! Алтай!" И орел возвращается.

Иногда охота требует долгих поисков. "Зрение у орла великолепное. Мне нужен двадцатикратный бинокль, а он все видит и так." Круг за кругом делает птица. Бывает, заметив добычу, плавно снижается, а бывает — падает камнем. По приемам охоты человек уже чувствует, на какого зверя положен глаз, и ведет себя соответственно.

Легче всего даются Алтаю лисы. "Лисицы стремятся от орла в заросли или в лес. Но, охотясь с Алтаем, я убедился: орлы, как ястребы, могут быть "слаломистами" — виляя между деревьев, охотятся и в лесу." А на открытом месте лисицы опытные делают скидки в стороны, и птица, еще не знающая этих приемов и летящая вниз с большой скоростью, может врезаться в землю. А у лис и козульт существует взаимовыручка. В традиционной охоте с орлом, когда человек рядом с птицей, никто на выручку не появится, а туда, где орел схватится с лисицей один на один, может подоспеть

лисовин, и двух противников одолеть орлу трудно — "сибирские наши лисы крупны, и зубы у них не слабей, чем у волка". Бросаются на выручку друг друга и козули. Одна скачет с сцепившимся в нее орлом, как норовистая лошадь, другая старается сбить орла ударом передних ног. "Моя помощь в этих случаях очень важна. И, если Алтай видит неравенство сил, он летит в мою сторону, как бы приглашая поспешить к месту будущей схватки. В такие моменты сердце мое ликует — мы понимаем друг друга!"

"На глазах у меня однажды прямо в воздухе взял Алтай взлетевшего из леска филина. Филин был опытный и резко рванул вверх, "соскользнув" с линии атаки орла. Но Алтай мастерски, почти как сокол, перевернулся и ударил на повороте филина снизу. Я не дал Алтаю прикончить добычу — отпустил филина, но тут же, поощряя его успех, как следует накормил."

Случается ли орлу потерять-ся? Да, увлекшись охотой, птица частенько теряет партнера из виду. Зов "Алтай! Алтай!" помогает ей сориентироваться. "Однажды орел опустился ко мне в плотном тумане. В двух шагах ничего не было видно, а он опустился прямо около моих ног. Но бывает, звать приходится долго, а птицы все нет и нет."

Был случай, Юрий искал Алтай неделю. А однажды следы его потерялись на целых два месяца. "Я, утратив надежду найти, дал объявление в газету. И вдруг из Ермаковского (сорок километров от Шушенского) сообщают: "На околице орел задрал собаку. Может быть, это ваш?" Через час я уже был на месте. Да, это был Алтай! Зову, а любимец как будто меня позабыл — не летит. Тогда я напомнил ему один из приемов нашей общей охоты, и он сразу же бросил-

ся в нужное место и тут же меня признал — сел на руку."

Человеку-охотнику — сорок шесть, орлу — двадцать. Оба в расцвете сил и очень друг к другу привязаны. "Ное-что вместе мы добываем. Но охотничьи трофеи для меня — дело второстепенное. Главное — быть с природой с глазу на глаз, чувствовать ее дыхание, узнавать ее тайны. Алтай в обретении этой радости очень мне помогает."

Юрий Носков участвовал в соревнованиях "сокольников" в Казахстане, Венгрии, Польше, Соединенных Штатах. С Алтаем они неизменно были на высоте, недосягаемой для других. "Никто никогда не видел ничего подобного, никто даже думать не мог о такой гармонии человека и птицы", — пишет один комментатор. Ни капли преувеличения в

словах этих нет.

"Я даже не представляю, как мог бы жить без орла... С грустью думаю: когда-нибудь может он потерять-ся и

не найтись. Одно утешает: в природе он не погибнет, добудет пищу и постоит за себя. Лишь бы чей-нибудь глупый выстрел не оборвал эту дорогую для меня жизнь."

— Алтай! Алтай!..

Отпущенная в небо "размятсся" птица, круто спикировав, опускается на руку своего друга.

И вот, наконец, желанный сезон охоты.

Зимнее утро. Дым из труб в деревеньке, мимо которой едем, поднимается вверх столбом. Подножье гор и всякая жизнь в низинах скрыты морозной дымкой. Надо дожидаться часа, когда солнце прочистит воздух, когда взгляду сверху откроется все, что прячется по таежным распадкам и по предгорьям.

Орел хорошо понимает, что трясина в машине скоро кончится, что хозяин его, пристегнув к лапам два звонких бубенчика и сдернув с головы закрывающий глаза клобучок, отпустит на волю — лети, смотри! Это орла волнует. Уловив в его поведении нужный момент, хозяин просит шофера немедленно остановиться. В открытую дверцу автомобиля, как из брандспойта, вылетает струя помета — сработало "реле", облегчающее вес летуна.

Мы поднимаемся на один из предгорных холмов оглядеться. Сюда, к опушкам тайги, сходятся мышковать лисы. И нам бы надо одну прищучить. Но так, чтобы птица-охотник взяла ее на виду, чтобы с холма мы могли бы снимать охоту на пленку.

И вот мы на месте. Глушим мотор и начинаем биноклем ощупывать золоченую светом опушку тайги...

Лиса! Мы ее хорошо видим. Она уже увлечена мышкованьем.

Место для съемки — лучше не надо: залитый светом простор у края тайги. Но важно, чтобы мышатница не успела шмыгнуть в кусты.

Все, объективы наведены. Знак Юрию — снять с орла клобучок... Алтай увидел лису мгновенно и мгновенно взлетел. Звуки бубенчиков у нас за спиной, а по снегу, по склону вниз — громадная тень орла. Редкие взмахи крыльев, но сближение с жертвой стремительно. Лиса опасность не видит. Но лучше, если увидит. Юрий издает нужный пронзительный звук. Лиса обернулась и сразу же оценила меру опасности. Убегать поздно. Навстречу налетчику надо встать на дыбы. Успеваю сделать один только снимок, внизу на снегу — сплошное "голова-ноги, голова-ноги". Мельнают в воздухе лисий хвост, развороты крыла. Мчимся к месту борьбы и видим Алтая уже в позе гордого победителя, уже норовит и клювом добычу тронуть. Юрий бросает рядом с принятой к снегу лисицей кусочки мяса. Орел как будто этого только и ждал. Хватает пощечку и безропотно уступает напарнику по охоте живую добычу.

Лиса слегка помята, но это лишь прибавляет ей отчаянной смелости вцепиться в чью-нибудь руку. С трудом заталкиваем зверя в мешок. Мешок шевелится, даже подпрыгивает. Алтай косит глаз на него и вот-вот бросится укоротить.

Атака орла была столь стремительна, что есть сомнение: все ли на пленке запечатлелось? Решаем, как принято у "киношников", сделать "дубль". Теперь пленной лисице отводится роль артистки. Роль драматическая, но есть у

мышатницы шансы обрести вновь свободу, надо только не оплошать и юркнуть в кусты.

Все происходит, как в первый раз, только лисицу в нужное место выпустили из мешка... Кто проворнее — зверь или птица? Птица, конечно! Лиса сломя голову мчится к кустам, но орел ее настигает. Такая охота для него не трудна. Лисица — хакасская, малорослая. Горная так бы легко не сдалась. У той зубы не хуже волчьих, отвага, пожалуй что, выше. А этой придется пожить в зоопарке...

Сидим под солнышком на холме. Орлу музыкант Юрий Носков из нотного юпитра соорудил походный легкий намест. Беседуя об орле, мы видим птицу, во всей красе снаряженной для новых полетов. Бубенцы у орла на ногах для того, чтобы по звуку можно было определить, где он скрылся в лесу. Но это только вблизи. На расстояниях дальних бубенцы не услышать. Как поддерживают связь два охотника — человек и орел? Есть у них свой понятный им обоим язык и правила поведения. Главное — не терять друг друга из виду. Орлу это просто, с великолепным зрением с высоты он видит даже мышонка, а в поведении человека улавливает малейшие оттенки. "Я побежал, и орел уже знает, в каком направлении надо лететь. Протянул руку к сумке — он сейчас же приблизится посмотреть, не хочу ли я дать ему мяса. Таким способом я заставляю Алтая держаться поближе. Рука в сторону — сигнал сесть. Много значат в горной тайге и звуки. Меня по голосу Алтай найдет ночью. Я по иллекоту птицы определяю: Алтай атакует. Опреде-

ляю даже, кого атакует, определяю по звуку — он промахнулся. Я знаю, когда Алтай нужна подмога, и в этом случае бегу так, что снег кажется мне горячим. Бывает, Алтай, видя превосходство противника в силе, нападать на него не решается. И он об этом мне просигналил полетом — я хорошо понимаю, в каком направлении надо бежать. Мое дело — оправдать доверие птицы."

Кто для Алтая опасен? Кого он чаще всего атакует? Может показаться нелепым, но очень опасны для орла зайцы — вертлявые и видят нападение сзади. В самый последний момент заяц прыгает вверх, а тяжелая птица врезается в снег, и это еще полбеды — страдает лишь гордость, на камнях же можно расстаться с жизнью. Эту опасность Алтай хорошо понимает и желание изловить зайца у него возникает лишь изредка.

Лисицу он берет смело. Но есть опасность и тут. Здоровый, с крепкими нервами лисовин смело встретит атаку орла, надеясь на зубы и на прыжки в стороны, составляющие орла потерять скорость или "ударить мимо" — врезаться в снег. Кроме того, лисовину на помощь может прийти подруга, а с двоими сражаться трудно. "Меру опасности Алтай хорошо чувствует. И, будучи отчаянно смелым, без моей явной близости на рожон не полезет."

Неожиданностью для Юрия Носкова была готовность Алтая атаковать носулю. Защититься носуля может только стремительным бегом и отчасти копытцами. Но очень уж разные у носули с орлом весовые категории. Алтай весит пять килограммов, а иная но-

суля — почти в десять раз больше. С когтистой ношей носуля падает, стараясь птицу подмять, или устремляется в заросли, надеясь, что ветки соьют орла со спины. На помощь косуле может прийти другая. Встав на дыбы, она наносит птице удары передними ножнами. Несколько косуль, обороняясь от орла, сбиваются в кучу. И все же Алтай на носулю нападает почти всегда, особенно если видит близость напарника-человека.

"Уверенно атакует орел глухарей, тетеревов, сурнов. Однажды снял с дерева белку. Был случай, во время серьезной охоты неожиданно вдруг отвлекся — нырнул с высоты в лес. Вижу, кого-то поймал. Ного же? Мышну! Подкинул вверх и подхватил клювом — у орлов тоже есть "семечки"."

Главное оружие у орла — ногти. И среди них — коготь задний. На большой скорости, при большом весе птицы этот коготь действует, как кинжал. Орлу лишиться когтей, все равно, что четвероногому хищнику потерять зубы. Правда, ногти у орла при линьке возобновляются, но до линьки надо еще дожить. "Мне приходилось наблюдать погибших птиц с лапами-нультяшками, без когтей. Можно представить, наново было жить безоружному орлу. Поддержать могла его только падаль."

Алтаю когти Юрий постоянно ножничком заостряет. Алтай при этом нисколько не протестует, словно бы понимает важность этого "педикюра". На обломанный коготь Алтаю надевается, крепится лентой металлический протез — "до настоящего далеко, но все-таки помогает". Есть

еще и чехольчики, смягчающие боль в лапах при укусах той же лисицы...

Вопрос существенный: в брачную пору (у орлов она бурная, с парением и акробатикой) встречалась ли беркутица (Алтай — это самна) с орлами вольными, дикими? Встречалась. Кружились птицы в парном полете высоко над тайгой, а позвали "Алтай!", и орлица немедленно стала снижаться. Партнер увлеченно летел за нею, но резко взмыл вверх, когда увидел: орлица садится на руку человека.

С виду беркут громоздок, неповоротлив. Его стихия — пространство свободное. Но опыт охоты с Алтаем показывает: в лесу, даже в частом лесу, где, как рыба в воде, себя чувствует ястреб, беркут тоже летает уверенно. Широкий размах крыльев этому, конечно, препятствует, но на внушительной скорости орел может "встать на ребро" (одно крыло к небу, другое — к земле) и, подобно заправскому слаломисту, лавирует меж деревьев, соединяя в себе отвагу и решительность сокола, вертность ястреба и силу орла.

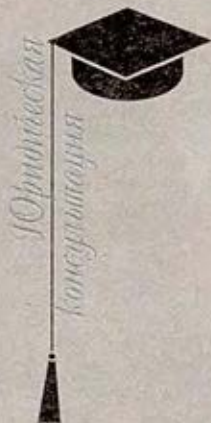
В способности Алтая охотиться даже на увертливых голубей мы убедились, возвращаясь с предгорья в Шушенское. Возле одной деревеньки, оглядевшись, нет ли собак или кошек, Юрий попросил спугнуть голубей, сидевших у зерносклада. Голуби снялись, полетели в сторону нашей машины. И тут Юрий выпустил беркутицу. Вся стая птиц шарахнулась к деревеньке, а один голубок замешнался, приотстал. Его-то и выбрал Алтай для атаки. Странное было зрелище. Назалось; тяжелый, чер-

ный бомбардировщик атакует маленький самолетик. Первый раз Алтай чуть-чуть промахнулся, второй раз — чуть-чуть, а в третий, сделав тяжеловесный, но ловкий кульбит, орел голубя сцапал и сразу спустился на поле. Пока мы бежали, от голубя на снегу осталось лишь несколько сизых перьев.

Важно сказать в заключении: речь тут идет о птице незауряд-

ной. (Среди животных тоже есть дурачки и есть гении.) Незауряден и партнер у Алтая — человек-воспитатель и попечитель. Шушенский музыкант Юрий Алексеевич Носнов — превосходный тонкий натуралист, с характером цельного, трезвомыслящего, увлеченного человека-энтузиаста. У таких людей все всегда получается, и получается хорошо. ■

Болезнь — не прогул

☒ *“Недавно простудилась и два дня не ходила на работу. Однако к врачу не обращалась и, следовательно, бюллетеня не получила. А когда вышла на работу, меня уволили за прогул. Разве это справедливо?”*

Галина Рожнова, Ленинградская обл.

Теоретически даже трехчасовое отсутствие на рабочем месте (в течение одного рабочего дня) может считаться прогулом и послужить основанием для увольнения по п. 4 ст. 33 КЗоТ РФ. Однако, чтобы сделать это, администрация обязана тщательно и всесторонне проверить причины невыхода человека на работу и получить от него объяснение. Если выяснится, что это произошло по бо-

лезни, то отсутствие, как в вашем случае, больничного листа еще не может служить основанием для увольнения. Дело в том, что, согласно ст. 20 Основ законодательства РФ об охране здоровья граждан, каждый работник в случае болезни имеет право на три дня неоплачиваемого отпуска в течение года. Он предоставляется по личному заявлению и не требует подтверждения каким-либо медицинским документом.

Врач, видимо, ошибся

☒ *“На работе почувствовала себя настолько плохо, что вынуждена была пойти в фабричный здравпункт. Там измерили давление, сказали, что оно очень высокое, и направили в районную поликлинику: в здравпункте у нас только*

медсестра, и бюллетеней она не выдает. Но поскольку был уже конец дня, к тому же — пятница, в поликлинику я обратилась лишь в понедельник: думала за выходные отлежаться дома. Однако врач установил гипертонический криз и выписал бюллетень, правда не с пятницы, а с понедельника. Получается, что в пятницу я прогуляла?"

А. Михневич, Краснодар

Как следует из предыдущего примера, прогула у вас, конечно же, не будет. К тому же, врач районной поликлиники, видимо, ошибся, посчитав ваш случай подпадающим под общее правило, установленное Инструкцией Минздрава и Фонда социального страхования РФ от 19.10.94 г. Согласно этому документу, бюллетень выдается в день установления временной нетрудоспособности, и врач не вправе включать в него предыдущие перед обращением к нему дни. Однако в этой же инструкции предусмотрены исключения, и ваш случай относится как раз к их разряду: гражданам, направленным здравпунктом в лечебно-профилактическое учреждение и признанным нетрудоспособными, бюллетень выдается с момента обращения в здравпункт. Следовательно, поликлиника должна внести исправление в выданный вам листок о временной нетрудоспособности.

Формально начальник не прав

☒ "В этом году — так уж случилось — я много болел. В ре-

зультате начальник предложил мне уйти по собственному желанию, иначе, мол, меня уволят по КЗоТу, как проболевшего более четырех месяцев. Законно ли это?"

Николай Михнев, Рязанская обл.

П. 5 ст. 33 КЗоТ РФ действительно дает администрации основание для расторжения трудового договора (контракта) с работником в случае его длительной болезни. Однако основание еще не означает автоматического увольнения. Необходимо, во-первых, чтобы болезнь (а, следовательно, и невыход на работу) продолжалась более четырех месяцев подряд: суммирование отдельных периодов нетрудоспособности не допускается. Во-вторых, даже в этом случае увольнение конкретного работника должно быть обусловлено производственной необходимостью: если ее нет, то место работы (должность) может быть сохранено за человеком и на более длительный срок. Так что формально начальник не прав: оснований для вашего увольнения по КЗоТу у него нет, и, если это все-таки произойдет, вы можете его опротестовать, подав заявление в комиссию по трудовым спорам или в суд.

Владимир Михайлов,
консультант "Смены"
по юридическим вопросам

О НЕСТРЕЛЯЮЩЕМ "ВИНЧЕСТЕРЕ" И БЕСХВОСТОЙ "МЫШИ"

Идя навстречу вашим пожеланиям, уважаемые читатели, мы открываем рубрику **"Мой компьютер"**. Разумеется, материалы ее не будут претендовать на то, чтобы заменить выпускающиеся во множестве специальные пособия. Задача гораздо скромнее: помочь далеким от электроники начинающим пользователям сориентироваться в сложном для них мире. Вести новый раздел мы попросили главного редактора журнала "Компьютер и мы" **Андрея Борзенко**, автора многих популярных книг, адресованных пользователям ПК. По итогам ежегодных опросов он входит в первую десятку компьютерных журналистов России. Обращаем ваше внимание, что Андрей Евгеньевич готов со страници "Смены" ответить на любые вопросы, касающиеся ваших взаимоотношений с персональным компьютером. Ждем писем!

Андрей БОРЗЕНКО

И так, наслушавшись о потрясающих возможностях персонального компьютера, вы решили стать его обладателем. Но что это за машина, представляете смутно. Возможно, вы отправитесь в магазин за этой покупкой до того, как возьмете в руки самоучитель, поэтому постараюсь хотя бы кратко познакомить вас с будущим электронным помощником.

В составе персонального компьютера (ПК) можно выделить: системный блок, монитор, устройство ввода информации (клавиатура и мышь). Немаловажное значение имеет форма корпуса системного блока: чем больше его размеры, тем больше в него помещается различных дополнительных устройств. Одни из корпусов

размещаются на письменном столе, а другие, в виде небольших башенок, удобнее расположить на полу или тумбочке.

Важнейший элемент системного блока — системная (материнская) плата, которая вместе с корпусом образует как бы скелет компьютера. На ней находится "мозг" ПК — микропроцессор. Внутренние элементы современных микропроцессо-

ров могут работать на частотах свыше 400 мегагерц и выполняют в секунду миллионы простых операций.

На материнской плате расположены пластмассовые держатели с позолоченными контактами — разъемы расширения. Если системная плата не содержит схем для подключения внешних устройств, например, монитора, то может понадобиться специальная плата (плата графического адаптера), которая и вставляется в один из разъемов расширения.

Компьютер не может функционировать без памяти. Одна из них называется оперативной и способна накапливать и временно хранить любую записываемую в нее информацию. Название "оперативная" связано с тем, что инфор-

мация из этого типа памяти очень быстро может быть востребована процессором. Кстати, для современных процессоров часто используется сверхоперативная память, иначе называемая кэш-памятью. Она работает гораздо быстрее оперативной. Помимо скорости работы память характеризуется также своей емкостью, мерой которой является, например, количество мегабайт. При отключении или нарушении нормального режима электропитания оперативная память "забывает" все, что в ней хранилось. Для долговременного хранения информации используются иные запоминающие устройства, имеющие к тому же более высокую емкость. Обычно это накопители с магнитными носителями информации.

В любом ПК применяются приводы, то есть механизмы для записи и чтения флоппи-дисков (дискет). Сам такой диск (сменный носитель) напоминает гибкую круглую грампластинку, заключенную в твердый корпус. В отличие от грампластинки, на которой раз и навсегда записана одна и та же мелодия, содержимое дискеты можно легко изменить, то есть перезаписать или стереть. Кстати, на одном флоппи-диске можно хранить несколько сотен страниц машинописного текста. Обычно в ПК используется привод для дискет размером 3,5 дюйма и емкостью 1,44 мегабайта. К компьютеру, как правило, могут подключаться два привода для флоппи-дисков, чтобы в

них не запутаться, один называется А, другой — В. Говорят также, что это их логические имена. "Старшим" является, конечно, А.

Помимо приводов флоппи-дисков в современном персональном компьютере может располагаться один или несколько приводов жестких магнитных дисков с воинственным названием "винчестер". К слову сказать, ничего общего с популярной американской винтовкой он не имеет, если не считать, что первый таной диск имел "оружейное" обозначение 30/30. Жесткий винчестерский диск помещен в герметичный корпус и может хранить информации в тысячи раз больше, чем один сменный флоппи-диск, обычно несколько гигабайт. Жесткий диск, установленный в компьютер первым, всегда имеет логическое имя С. Если таких устройств два, то второе из них носит имя D. К современному компьютеру можно, как правило, подключить до 4 накопителей, каждый из которых будет иметь свое собственное имя, например С, D, E и F.

Приводы жестких и флоппи-дисков устанавливаются в специальные крепления — монтажные отсеки, которые имеются в корпусах системных блоков. В этом случае накопители называются встраиваемыми. Чем больше корпус системного блока, тем больше встраиваемых приводов в нем можно разместить.

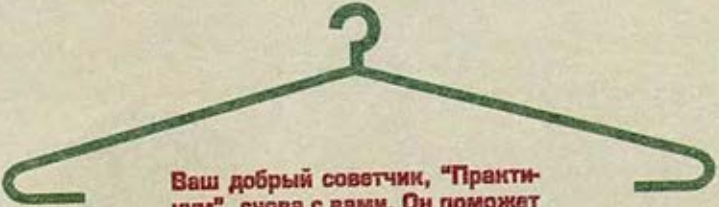
Кроме винчестеров в ПК используются устройства для чтения информации с оптических носителей, например, компакт-диски. На

один CD-ROM, имеющий емкость около 600 мегабайт, можно вместить несколько десятков тысяч страниц текста, большое количество графических изображений, мультимедиа и полноформатное видео. По надежности хранения информации оптические носители обычно превосходят магнитные (хотя бы потому, что их нельзя размагнитить и тем самым испортить хранимую на них информацию). Заметим, что информация на носителях хранится не абстрактно, а организована в виде специальных наборов (некоторой совокупности данных) — файлов.

Традиционное устройство ввода информации в компьютер — клавиатура, подключаемая к системной плате. С современными программами практически невозможно работать без так называемых манипуляторных устройств, одно из которых — компьютерная мышь. Существуют породы "бесхвостых" мышей, у которых информация компьютеру передается не по кабелю, а в радио- или инфракрасном диапазоне волн.

Для получения копии изображения с экрана на бумаге или распечатки введенного ранее текста к компьютеру подключается дополнительное устройство — принтер. Принтеры могут выводить не только текстовую, но и графическую информацию, а в большинстве случаев и цветные изображения.

Как бы ни был современен компьютер — он мертв без программного обеспечения. Но об этом — в следующем номере. ■

Ваш добрый советчик, "Практикум", снова с вами. Он поможет вернуть золотое сияние даже антикварному медному кофейнику, а старому коврику — пристойный вид. Пригодятся и советы "Домашнего доктора", если при уборке квартиры вы вдруг неосторожно пораните палец или занозите ладонь.

Как вернуть вторую молодость буфету?

Трещины на мебели можно замазать тщательно растертым пчелиным воском.

Чтобы дверцы и ящики буфета легче открывались, надо протереть их края намыленной тряпочкой.

Царапины на мебели из дуба, ореха, красного дерева можно закрасить щеткой, смоченной слабым раствором йода.

Пожелтевшие от времени плетеные стулья, кресла, сумочки и шляпки из соломы хорошо чистятся соленой водой.

Медные предметы можно почистить солью, смоченной уксусом.

А вот рамы и статуэтки из гипса хорошо чистятся мякишем черного хлеба.

Анварели и фотографии нужно помещать под стекло — так они лучше сохраняются, не желтеют.

Разрезанная пополам картофелина очистит картину, написанную маслом, снимет пятна краски на

дверях, возвратит потемневшим изделиям из меди первоначальный цвет и блеск.

Если края и углы ковра закрутились, нужно хорошенько ковер рас-

править, подстелить под него клеенку, положить сверху мокрую тряпку, затем постелить уне поверх клеенку, положить на нее какой-нибудь груз. Через 2-3 дня ковер разгладится.

Зеркало не следует вешать в тех местах, куда попадают прямые солнечные лучи, — от них, как и под воздействием теплового излучения (например, от стоящей неподалеку плиты), оно быстро тускнеет.

Танье нельзя вешать картины на стенах, освещаемых солнцем: краски выгорают, теряют свою сочность и свежесть.

Домашний доктор

Мой дом — моя крепость. Но и внутри этой крепости могут подстерегать неприятности в виде вы-

лезшего из-под плинтуса гвоздя, лопнувшего прямо у вас в руках тонкого бокала, да просто — множества разнообразных опасных выступов, начиная с дверных косяков и заканчивая краем кухонной раковины. Бытовые травмы случаются часто, тем более, их трудно избежать в наших тесных, уставленных мебелью "малогабаритках". Что делать, если соскочивший нож порезал ладонь или под ногтем оназалась заноза? Есть много старых народных средств, узнать про которые будет совсем нелишним.

При растяжении мышц знахари часто использовали кашицу из мелко накрошенного репчатого лука, смешанного с сахарным песком: покрывали толстым слоем этой смеси тряпочку или полотенце и накладывали на больное место.

Чтобы извлечь занозу, нужно густо обмазать любой смолой (на дачном участке древесную смолу можно найти на стволах фруктовых деревьев) или дегтем кусочек ткани и наложить его на весь участок кожной поверхности вокруг занозы. Через 15-20 минут кончик занозы выйдет наружу настолько, что его уже можно будет подцепить пинцетом.

При порезе нужно промыть рану и приложить компресс из настойки спирта и листьев крапивы. Настойку, однажды ее приготовив, надо всегда иметь в домашней аптечке. А изготовить ее довольно просто: до верха набить бутылку листьями свежесорванной крапивы и затем залить спиртом, хорошо закупорить бутылку и настаивать смесь в течение недели.

При сильном, глубоком порезе помогает такая домашняя мазь: взять столовую ложку нозьего или овечьего жира и половину ложки

соли, добавить столовую ложку измельченного репчатого лука; все это поместить в крепкую посуду и растереть до кашицеобразной консистенции. Некоторое количество этой мази (примерно с грецкий орех) заложить внутрь или снаружи раны, затем на 24 часа наложить повязку.

При ожогах и ссадинах пре-красно помогают унять боль свежие листья подорожника, молодого лопуха или свеклы, которые прикладывают на поврежденный участок кожи, — облегчение наступает уже через 10-15 минут.

А что делать, если рана глубокая, рваная? Мелко-мелко нарезать те же листья лопуха, подорожника, стебли одуванчика, залить горячей водой и, когда смесь немного остынет, приложить на рану. Через 2-3 минуты можно почувствовать озноб. Это не страшно: озноб вскоре пройдет.

При гнойных ранах верхние слои повязки 2-3 раза в день пропитывают морковным соком. На другой день повязка меняется.

Хорошее кровоостанавливающее средство: 6-7 листьев березы поместить в стакан и залить горячей водой. Смоченный в составе ватный тампон прикладывают к ране.

При синяках помогает корневище свеклы: нужно срезать "хвостики" снизу у корнеплода и, поместив в станок, залить их 40-процентным спиртовым раствором, пропитать ватный тампон и прикладывать к синяку эту примочку.

Если вы порезались, разбив стекло, и мелкие его осколки попада-

ли в рану, — приложите к пораженному месту кусочек сырой очищенной свеклы: свекловичный сок, в котором содержится очень много свинца, железа, "вытянет" осколки из раны наверх. ■

Практикум вели:

Елена ЕВДОКИМОВА,
Евгений ПРОМОХОВ

"МОЯ РОДОСЛОВНАЯ"

В февральском номере журнала за прошлый год были объявлены условия конкурса "Моя родословная". На предложение редакции рассказать об истории семьи, рода, сделать достояние домашнего архива всеобщим достоянием откликнулись десятки читателей "Смены". Пришла пора подвести итоги. Внимательно прочитав присланные на конкурс письма, жюри отмечает его победителей.

Итак, **первый приз — телевизор** — отправлен в Санкт-Петербург. Его обладателем стал **Константин ОЗЕРОВ**.

Второй приз — магнитола — получит **Игорь ПИНЯЕВ** из Москвы.

Третьи призы — фотоаппараты — получают **Людмила ГОЛОБОКОВА** из г. Бийска Алтайского края и **Нина ЕВСЕЕВА** из Екатеринбурга.

Поощрительными премиями — годовыми подписками на журнал "Смена" — отмечены **Александр ТРОФИМОВ** из поселка Ачит Свердловской области, **Александр ЩУКИН** из

г. Нытва Пермской области и **Валентина ВОЙЧАЛЬ** из г. Мисаса.

Жюри также благодарит за интересные письма: И. Алебастрова, г. Иваново; О.Ю. Бенсон, п. Пено Тверской обл.; О.С. Большанову, с. Б. Маресево, Мордовия; Н.И. Бородастова, Ставрополь; Н.Д. Горожанкину, с. Октябрьское Липецкой обл.; Э.А. Елисееву, г. Нирс Кировской обл.; В.М. Елкина, г. Коломна Московской обл.; В.Г. Кайду, Пермь; В.В. Карнышева, г. Кондопога; Н.В. Кулякину, г. Любань Ленинградской обл.; Н.А. Кучму, Липецк; Р.В. Лифшиц, Нижний Новгород; Н.М. Микляеву, п/о Мосеево Вологодской обл.; А.Л. Мусихина, Нижний Новгород; М.И. Окунева, с. Окунево Кировской обл.; А.С. Соколова, г. Люберцы Московской обл.; Т.В. Тунгусову, п. Опарино Кировской обл.; Н.Я. Юхнину, Сыктывкар.

Более подробно с конкурсными работами мы познакомим вас, уважаемые читатели, в следующем номере журнала. ■

Шахматная эпиграмма

Под редакцией международного гроссмейстера **Виктора ЧЕПИЖНОГО**
VII международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр

1. П. ЛЕБЕДЕВ
 Бобруйск, Беларусь

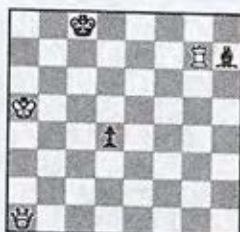
2

2. Н. ЛЕБЕДИНЕЦ
 Миргород, Украина

2

3. В. ЧЕРНЫХ
 Воронеж

2

4. С. РАДЧЕНКО
 Ростов-на-Дону

2

5. В. МЕЛЬНИЧЕНКО
 г. Котовск, Украина

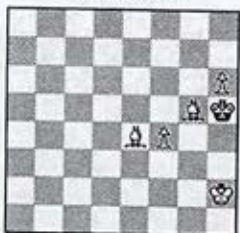
2

6. Р. ФЕДОРОВИЧ
 г. Сомбор, Украина

2

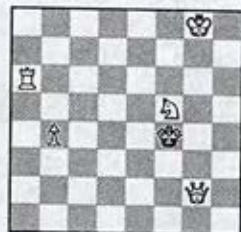
7. А. ГРИГОРЯН
 Ереван, Армения

б) п. h6-g6

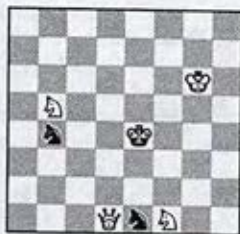
3

8. М. МАРАНДЮН
 г. Новоселица, Украина

3

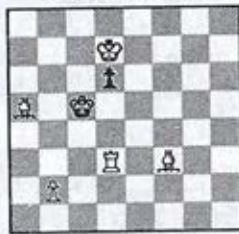
9. В. ГРЕБЕШКОВ
 п. Середка Псковской обл.

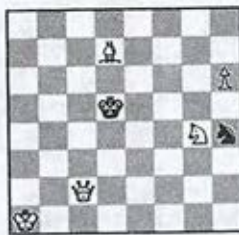
3

10. Г. ЕГОРОВ*Тула*

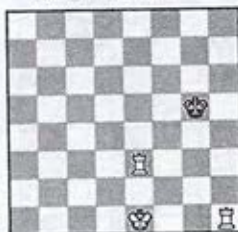
3

11. А. ЧЕРНЕНКО*ст. Подгорная
Ставропольского кр.*

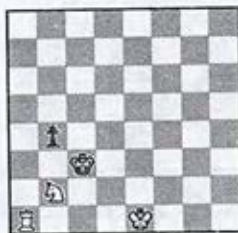
3

12. Е. МАРКОВ*Саратов*

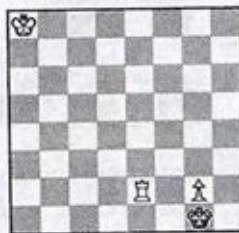
3

13. В. ВОИНОВ*Кустанай, Казахстан*

4

14. И. СОРОКА*Львов, Украина*

6

15. С. ТИЩЕНКО*с. Приазовское, Украина*

8

Журнал "Смена" объявляет **VIII международный конкурс составления шахматных задач-миниатюр на 1999 год по трем разделам:** двухходовки, трехходовки и многоходовки. В каждом разделе установлены денежные призы: первый приз — 250, второй приз — 200, третий приз — 150, специальный приз — 100 рублей.

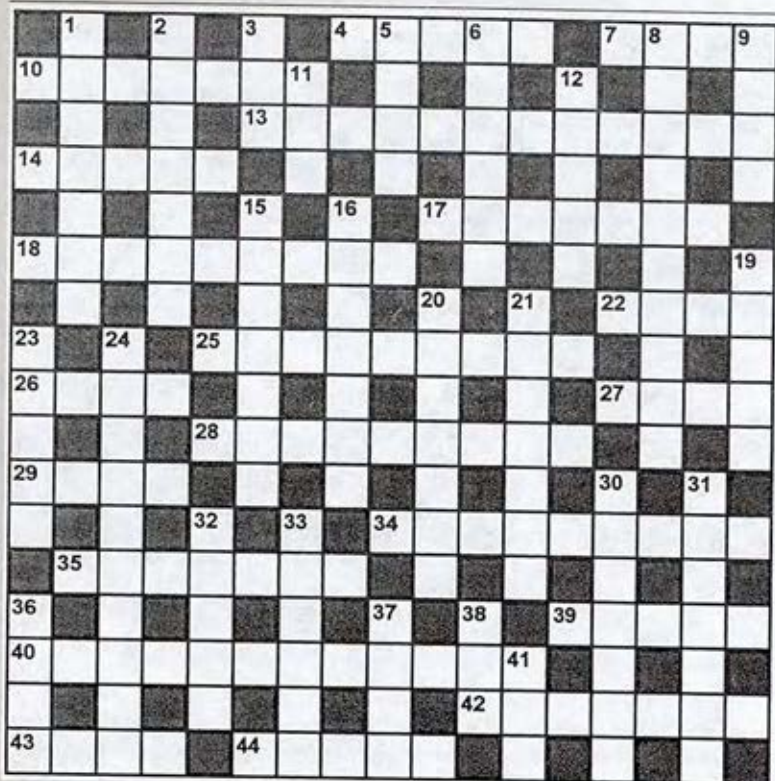
Оригинальные, нигде ранее не публиковавшиеся задачи, изображенные на диаграммах в двух экземплярах, с полным решением следует посылать по адресу: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14, редакция журнала "Смена". Последний срок — 15 августа 1999 года. Судья конкурса — международный арбитр по шахматной композиции Виктор Челипный.

На конверте следует делать пометку "Конкурс составления шахматных задач". Все присланные композиции примут участие в конкурсе. Лучшие миниатюры бу-

дут опубликованы в журнале. Присланные задачи не рецензируются. Итоги конкурса будут подведены во второй половине 2000 года и опубликованы на страницах "Смены".

Приглашаем наших читателей принять участие в **конкурсе решения шахматных задач**, напечатанных в журнале "Смена". Фамилии наиболее активных решателей будут публиковаться. После завершения конкурса решатели, приславшие правильные ответы на задания, будут награждены почетными грамотами и ценными призами.

Решения задач следует посылать на открытках с пометкой "Конкурс решения шахматных задач" по редакционному адресу в течение двух месяцев после выхода журнала. На открытке следует указывать фамилию, имя, отчество и домашний адрес. В наших конкурсах могут принять участие все желающие!

ЭРУДИТ

По горизонтали. 4. Гвоздевой инструмент. 7. Хладнокровный мастер крепких объятий. 10. Музыкальное произведение, самые популярные образцы которого написаны Д. Конконе и Г. Панофкой. 13. Должность А. Гитлера в фашистской Германии. 14. Сотая часть ирландского фунта (валюта). 17. Фамилия живописцев и архитекторов — крепостных графов Шереметевых. 18. Русский поэт, которого называли "воином песни", "одиноким лицедеем". 22. Голландский хирург XVII века, первый в мире яхтсмен. 25. Название, под которым описан магнит в старинном французском романе "О розе". 26. Сатирик, однажды заявивший: "Блоху можно научить почти всему, что умеет делать американский конгрессмен". 27. Французский художник и графин эпохи рококо, гравировавший рисунки Ф. Буше, А. Ватто и многих других. 28. Неумолимая исполнительница яacobинских приговоров. 29. Список людей в Древней Руси, который потом называли ревизской сказкой. 34. Пушной зверь, грабущий на деревьях птичьи гнезда. 35. Американский астроном, чьим именем названо движение полюсов Земли. 39. Судно, на которое шумеры

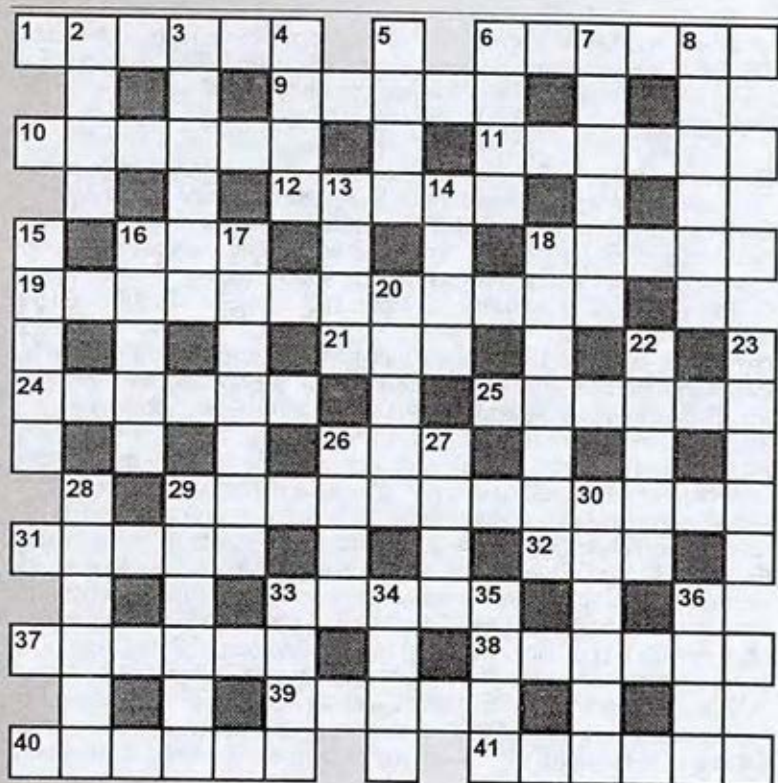
первыми поставили парус. 40. Самый богатый дичью штат США. 42. Первый в мире вид общественного транспорта. 43. Столб, застрявший в жерле вулкана. 44. Античное сооружение с водяными и солнечными часами.

По вертикали. 1. Закон, вносимый на рассмотрение парламента. 2. Любимая до сердечного трепета. 3. Князь, чей поход с Аскольдом на Византию в итоге занес на Русь первые семена христианства. 5. Сидишь тихо — не накличешь ... (поговорка). 6. Дед, которого М. Шолохов заставил в юности откусывать под водой крючки у чужих удочек. 8. "Муха-журавль" у англичан. 9. Приемная дочь Раневской в "Вишневом саде" А. Чехова. 11. Неизвестный брат инкса и игрека. 12. Демон, падший на женщин. 15. Самый измененный из ахейцев в Древней Греции. 16. Адмирал, одним из первых убитый в Варфоломеевскую ночь. 19. В систематине животных — тип, в систематине растений — ... 20. Момент, поджидающий шахматиста, не "быстрого разумом". 21. Хранилище паспорта у Маяковского. 23. Венгерский физик, сильно "притянутый" гравитацией. 24. Объект в повести А. Куприна "Суламифь", окропленный кровью голубя. 30. "Практически всего лишь журнал регистрации преступлений, глупостей и несчастий человечества" (Э. Гиббон). 31. Бытовое название во времена А. Островского человека, не способного или не желающего платить долги (так драматург первоначально назвал комедию "Свои люди — сочтемся"). 32. Возможен в коре земной и мозговой и не сулит ничего хорошего. 33. Чародейка, накой почувствовала себя Анастасия Вертинская, снимаясь в фильме "Мастер и Маргарита". 36. Мебельная облицовка. 37. Греческий Пан, перебравшийся в Рим. 38. Советский циркач, первым совместивший иллюзион и клоунаду. 41. Самый употребительный размер в русской поэзии. ■

ОТВЕТЫ НА "ЗРУДИТ", НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11-12

По горизонтали. 3. Уголь. 9. Ярвет. 10. Напуста. 11. Мерри. 13. Всполох. 14. Ассамблея. 18. Жаринов. 19. Театр. 20. Руно. 21. Вор. 23. Ахеец. 26. Швеция. 27. Садизм. 28. Джинн. 30. Рей. 32. Орел. 33. Колет. 34. Феокрит. 38. Балбешник. 40. Зрелище. 41. Ерема. 42. Пластун. 43. Тямпа. 44. Осляк.

По вертикали. 1. Юрист. 2. Чехов. 4. Грех. 5. Лира. 6. Палач. 7. Тумблер. 8. Стретта. 11. Монах. 12. "Исповедники". 15. "Нисхождение". 16. Хрюша. 17. Ангел. 19. Топаз. 22. ...жилет. 24. Дидро. 25. Шмель. 29. Норабль. 30. Регбист. 31. Цитра. 35. Ушкуй. 36. Эплай. 37. ...ощупь. 39. Нрус. 40. Змея...

КРОССВОРД

По горизонтали. 1. Сумка охотника для дичи. 6. Волосы на лице небритого мужчины. 9. Писатель, во время написания книги о Пантагрюэле бывший знаменитым в качестве врача. 10. Хуже мемы. 11. Древнее изобретение, донатившееся до наших дней. 12. Летний сорт яблок. 16. Голос, которого навсегда лишен настрат. 18. Помещик-самодур в "Грозе", осуждаемый даже Набанихой. 19. Автор романа "Что делать?". 21. Есть на заводе и фабрике, а бывает отдельным производством. 24. Столица с первым в мире метрополитеном. 25. Учреждение на Руси, ведавшее общественными, сословными или административными делами. 26. Поэт-лирик, автор палиндрома "А роза упала на лапу Азора". 29. Предпочтение собственного образа жизни всем остальным. 31. Князь, первый герой русской литературы. 32. Однозатанный "небоскреж" на Кавказе. 33. Запруда из льдин на реке во время ледохода (на Лене весной однажды ставшая катастрофической). 37. Большой брат американского медведя барибала. 38. Народное собрание в Спарте.

39. Некрасовский поборник заячьей "скорой помощи". 40. Богослов в повести Н. Гоголя "Вий". 41. Президент арабской страны.

По вертикали. 2. Несчастье Квазимодо из романа В. Гюго "Собор Парижской Богоматери". 3. Малые литавры большой древности. 4. Украшение мужчины, как считают герои вестернов. 5. Древнегреческий грош. 6. Самая деликатесная часть селедки для русских дворян. 7. Химический элемент, название которого с греческого можно перевести как "выскачка". 8. Лекарство из трав. 13. Город в Липецкой области со своей пляской. 14. Нидерландский художник, чьи картины были в моде при королевских дворах, где воспринимались как курьез. 15. "Медогонка". 16. Сатира, потерявшая чувство юмора. 17. В стихотворении "Нивы сжаты, рощи голы" С. Есенина "от воды туман и ...". 18. Знаменитая фреска Рафаэля. 20. Головной убор жениха и невесты в церковном обряде. 22. Представитель народа в Шри-Ланке, часть которого стала на путь экстремизма. 23. Подземное огненное море, источник лавы. 26. Заведомая уступка сильного игрока слабому. 27. Источник чувственных радостей человека. 28. Царь древней Нумидии, побежденный полководцем Марием и казненный в Риме. 29. Процесс, чье следствие — рытвины и овраги. 30. Фламандский художник, которого называют истинным "человеком барокко". 33. Снежное время. 34. Маршальский предмет в солдатском ранце. 35. Антриса, жена Всеволода Мейерхольда, зверски убитая чекистами Сталина. 36. Домин, гудящий круглый год. ■

Составил **Г. Березкин**,
Пермь

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 11-12

По горизонтали. 1. Метод. 6. Талия. 9. ...нрав.... 10. "Юлия". 11. Ралли. 13. Гессе. 14. Щинолотка. 15. Зорге. 18. Червь. 21. Эсквайр. 25. Пронин. 26. Ертаул. 27. Царство. 28. Хозе. 29. Сушь. 31. Лимонит. 33. Шельма. 34. Арника. 35. Динамит. 39. "Баярд". 42. Фотон. 45. Занудство. 46. Лоция. 47. Рупор. 48. Диск. 49. Сноб. 50. Крысы. 51. Серов.

По вертикали. 1. Мороз. 2. Талер. 3. Днище. 4. ...барнас. 5. Злотый. 6. Тягач. 7. Люстр. 8. Ягель. 12. Улов. 16. Охра. 17. Гондольер. 19. Евтушенко. 20. Врун. 21. Энцелад. 22. Карамян. 23. Автоним. 24. Реостат. 30. Жена. 32. Окно. 36. Иннесс. 37. "Аида". 38. Истина.

НАСКОЛЬКО ВЫ ТЕРПИМЫ К БЛИЖНИМ

Нервирует ли вас чужое поведение, выходящее за рамки ваших представлений? Или же вы спокойно и с пониманием относитесь к тому, что все люди в этом мире разные и каждый человек имеет полное право быть на вас не похожим?

1. В кругу близких вам людей много владельцев собак. Что вы об этом думаете?

- A Я люблю собак.
- B Все прекрасно, пока дело не доходит до загрязненных дорожек.
- C У них гораздо больше хлопот.

2. Машина с сидящим за рулем мужчиной прямо перед вашим носом занимает единственное свободное место на автостоянке. Что вы предпримете?

- A Начну вслух сокрушаться и буду настаивать на своем праве.
- B Отправлюсь на поиски другой парковки.
- C Постараюсь чем-нибудь "насолить" водителю.

3. Официант невежлив по отношению к вам. Получит ли он от вас чаевые?

- A Да, ведь, возможно, у него просто не задался день.
- B Нет, ни копейки.
- C Меньше обычного.

4. Какие вы предпочитаете смотреть кинофильмы?

- A Захватывающие триллеры.
- B О любви.
- C Комедии.

5. Знакомые, вечно жалующиеся на нехватку денег, приобретают автомобиль. Возмутит ли вас это?

- A Это безответственно.
- B Немного.
- C Если они не просят денег в долг, мне это безразлично.

6. После вечеринки в вашем доме вы не можете обнаружить дорогую вазу. Какова будет ваша реакция?

- A Попрошу присутствовавших вернуть вазу.
- B Не стану ничего предпринимать.
- C Никогда и никого из этих гостей больше не приглашу.

7. Ваши дети со своими друзьями устроили в комнате беспорядок. Как вы себя поведете?

- A Вместе наведем порядок.
- B Отругав, отправлю друзей домой.
- C Сохраню выдержку.

Ключ к психотесту

	1	2	3	4	5	6	7
A	3	2	3	3	1	2	2
B	2	3	1	1	3	3	1
C	1	1	2	2	2	1	3

Суммируйте баллы своих ответов:

7-11 Ваша толерантность (терпимость) весьма ограничена - нередко вы пренебрегаете чужим мнением. Это чревато тем, что вы можете действовать на нервы вашим друзьям и знакомым.

12-16 По натуре вы вполне толерантны и умеете уважать чужое мнение. Но это не значит, что вы безгранично терпимы. И предел этому наступает тогда, когда эгоизм других заставляет вас чувствовать себя крайне ущемленным.

17-21 Когда все остальные уже давно потеряли всякое терпение, вы все еще продолжаете хранить спокойствие. Однако и чрезмерное терпение может стоить вам чьих-то симпатий. Поэтому чуть больше активности вам бы не помешало. Не бойтесь отстаивать свои взгляды на определенные предметы.

Подготовила **Елена Евдокимова**.

Елена Пономаренко

Елены Пономаренко нет грустных картин. И темных, тусклых, туманных тоже нет. Напротив, картины пестры и нарядны, словно написаны они в яркие и солнечные летние дни.

Лена родилась во Львове, причудливом старинном городе, в архитектуре которого перемешаны и стили, и эпохи. Отец, художник, привил девочке любовь к рисованию, но особенно ей нравилось лепить из глины всевозможные фигурки, вазы, матрешки. Приехав в Москву, Лена поступила на скульптурное отделение Центральной художественной школы, а потом в Суриковский институт и тоже на скульптурное отделение. После его окончания занималась в творческой мастерской Академии художеств у В.Е. Цигалы, где увлеклась росписью по дереву и керамикой. Но постепенно главное место в творчестве Лены заняла живопись, а в самой живописи — Москва.

Не только нынешняя, но и давно ушедшая. Воссоздать ее образ помогали старые фотографии столицы, журналы начала века, мемуары. Так родились серии городских пейзажей, причем образ Москвы в них не конкретно-документальный, а романтический и немного ироничный.

Городские пейзажи Лены сверкают золотыми крестами церквей, вычурными вывесками контор и магазинов, конными экипажами и прочей российской пестротой. Почти как у Пушкина, помните: "Мельнают мимо будки, бабы, мальчишки, лавки, фонари, дворцы, сады, монастыри, бухарцы, сани, огороды, купцы, лачужки, мушкетеры, бульвары, башни, казаки, аптеки, магазины, моды, балконы, львы на воротах и стаи галок на крестах". Москва Лены Пономаренко — старая, ушедшая, с ее особым укладом, бытом и нравами, написанная с любовью и грустным юмором. Здесь — носильщики снеди, продавцы воздушных шаров, уличные музыканты, конькобежцы, кустодиевские ярмарки и праздники. Лубок, народный примитив, но в интерпретации профессионала с щедрой талантливой душой.

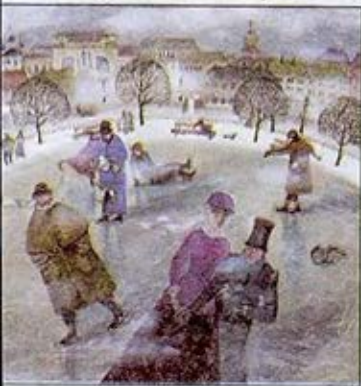
Особенно хороша у Лены русская зима, снег, пышный и искристый, в котором вязнут охотники и охотничья такса с именем Бартоломей.

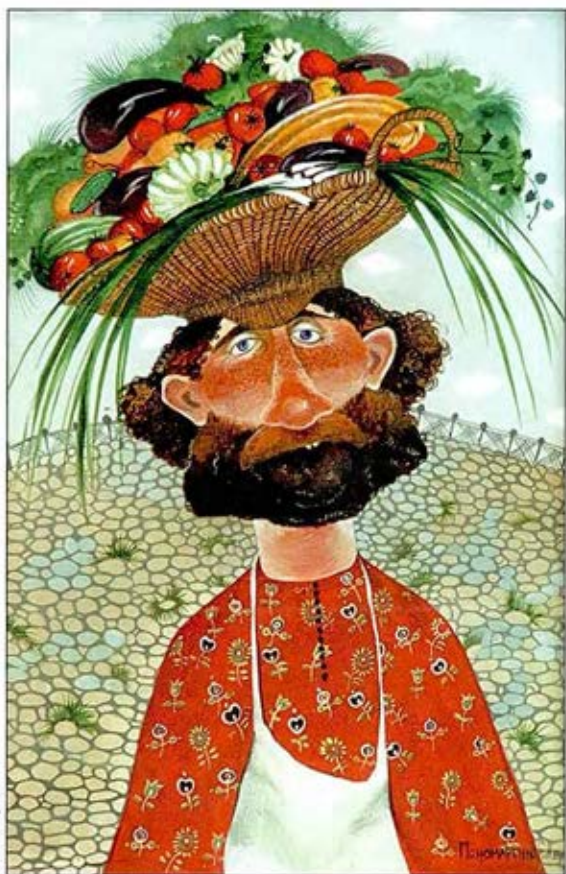
На полотнах Лены — особая барочная декоративность, мелкие детали, из которых и складывается совершенство мира. А сам мир художница изображает в виде сферического пространства, символом его служит яйцо, обладающее природной сглаженной формой.

"Я люблю, — говорит художница, — чтобы важные вещи не навязывались, а показывались как бы незаметно, а сложное говорилось простым, доступным языком, глобальные мысли выражались привычными, понятными образами".

Людмила КАНДАЛОВА

Рождественские наникулы.

Зеленщик.

Масленица.

Игорь Николаев

